

К Л А С С И К А З Е М Л И К У З Н Е Ц К О Й

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КУЗБАССА

ТОМ III

Книга вторая

Проза

К Е М Е Р О В О
2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К 47

Руководитель проекта Б. В. Бурмистров

Редколлегия:

Б. В. Бурмистров, С. А. Донбай, Д. В. Мурзин, А. В. Правда,
Г. И. Карпова (общая редакция), Т. А. Горохова, И. А. Фролова, Е. И. Тюшина,
В. А. Галактионов, М. Н. Долгов, А. А. Королев, С. Л. Старовойтова,
Е. Д. Трухан

Составители:

Б. В. Бурмистров, Г. И. Карпова, Т. А. Горохова

Авторы литературно-критических статей и биографий:

А. Г. Акимбетова, М. П. Анохин, И. В. Ащеулова, В. Г. Ингольд,
Т. Н. Киреева, Н. В. Налегач, Л. А. Никонова, В. А. Плющев, В. Б. Попок,
С. Л. Старовойтова, Е. И. Тюшина, Ю. Б. Юдин, В. В. Яковлева

Иллюстрации О. Г. Чибисовой

Классика земли Кузнецкой: в 3 томах. Т. 3. Современная литература Кузбасса,
К 47 кн. 2 / [руководитель проекта: Б. В. Бурмистров ; редколлегия: С. А. Донбай,
Д. В. Мурзин, А. В. Правда и др. ; составители: Б. В. Бурмистров, Г. И. Карпова,
Т. А. Горохова]. – Кемерово : ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2023. –
536 с. : ил. – ISBN 978-5-6049073-9-9. – Текст : непосредственный.

Во второй книге третьего тома 3-томного собрания поэзии и прозы кузбасских авторов представлены лучшие образцы современной прозы. Книга предлагает читателю интересные и значимые произведения 20 прозаиков, автобиографии и биографии, статьи о творчестве наших самых известных писателей-современников, работающих в различных жанрах – от литературной сказки до рассказа, повести и романа. Издание предназначено как для широкого круга читателей, так и для историков и литературоведов.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-6045440-4-4

ISBN 978-5-6049073-9-9 (Т. 3, кн. 2)

© ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2023

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

В 2020–2022 годах Кемеровское областное отделение Союза писателей России и Кузбасский центр искусств выпустили четыре книги из серии «Классика земли Кузнецкой». Художественную литературу края представили 72 поэта и 24 прозаика, чьи произведения стали заметным явлением в литературе Сибири и России. Завершающая, пятая книга серии, которую вы держите в руках, дает современные произведения 20 прозаиков Кузбасса, работающих в различных жанрах – от литературной сказки до рассказа, повести и романа.

Композиция второй книги третьего тома (он называется «Современная литература Кузбасса») двухчастна. Это обусловлено разным объемом представленных материалов об отдельных авторах. В первой части объемные подборки произведений девяти кузбасских прозаиков дополнены критическими статьями о творческом пути писателей, лауреатов всероссийских и областных литературных премий; после подробной биографии следует библиографическое описание авторских книг. Подборки второй части меньше по размеру, и они сопровождаются только биографической справкой.

В создании исследовательских материалов о творчестве талантливых кузбасских прозаиков приняли участие ученые-филологи из Кемерова и Новокузнецка: кандидат филологических наук, доцент ИРОКа Ирина Владимировна Ащеулова (*Ю. Лавряшина*); доктор филологических наук, профессор КемГУ Наталья Валерьевна Налегач (*В. Лаврина*); кандидат филологических наук, доцент Кузбасского гуманитарно-педагогического института КемГУ Валентина Геннадьевна Ингольд (*Л. Арбачакова*); а также учителя русского языка и литературы, исследователи-краеведы Светлана Леонтьевна Старовойтова из гимназии № 25 г. Кемерово (*С. Подгорнов*) и Вера Васильевна Яковлева из средней школы № 34 г. Тайги (*Л. Яковлева*).

Свой взгляд на творчество собратьев по перу представили профессиональные писатели Екатерина Ивановна Тюшина (*Т. Ильдимиро-*

ва), Любовь Алексеевна Никонова (Д. Хоботнев), Михаил Петрович Анохин (Д. Хоботнев), Валерий Андреевич Плющев (Л. Яковлева), а также журналист и литературный критик Юрий Борисович Юдин (А. Королев).

В составлении ряда обновленных и уточненных биографий большую помощь оказали ближайшие родственники и друзья писателей: библиотекари-краеведы Татьяна Николаевна Киреева из Новокузнецка (Д. Хоботнев), Анфиса Григорьевна Акимбетова из Прокопьевска (М. Анохин); заместитель директора по научной работе Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, член Союза писателей Елена Дмитриевна Трухан (В. Неунывахин, Н. Ничик).

В отборе произведений участвовали как сами авторы, так и члены редакционной коллегии. Главными экспертами здесь были: Борис Васильевич Бурмистров, председатель Союза писателей Кузбасса; Галина Ивановна Карпова, кандидат филологических наук, исследователь региональной литературы; Татьяна Александровна Горохова, литературный критик, краевед. Особо хочется отметить профессиональную работу по отбору и подготовке текстов для второй книги третьего тома «Классики земли Кузнецкой» Ирины Александровны Фроловой, члена Союза писателей, заслуженного учителя России; Василия Александровича Галактионова, редактора альманаха «Кузнецкая крепость»; Максима Николаевича Долгова, литсотрудника Кузбасского центра искусств.

Большинство современных прозаиков родились и выросли в Кемеровской области, учились и трудились на Кузнецкой земле. Неудивительно, что места, где происходят описываемые события, легко узнаваемы. Проза реалистична и правдива, порой насыщена глубоко личными переживаниями, прочувствованными размышлениями героев об ответственности за совершенные поступки, о разрыве между совестью и законом, о рождении личности, значимости семейных ценностей и родного дома. И пусть порой сюжет повествования не слишком

затейлив, но каждый автор так или иначе затрагивает вопрос о гуманности и чистоте человеческой души, что особенно нашло отражение в русских и шорских авторских сказках, которые включены в книгу.

Издание представляет читателю прозаиков, способных слышать и улавливать движение времени, в котором живут их герои, а потом выразительно и точно, иронично и интеллектуально тонко изобразить в своих рассказах, повестях и романах все оттенки запечатленного времени, сохраняя при этом духовную связь с предыдущими поколениями. Жизнь сибиряков конца двадцатого – начала двадцать первого века, людей самых разных профессий (шахтер, конюх, слесарь, военнослужащий, строитель, художник, священник), отразила русскую картину мира с ее вековыми традиционными духовно-нравственными ценностями, которые крепко прижились на сибирской земле.

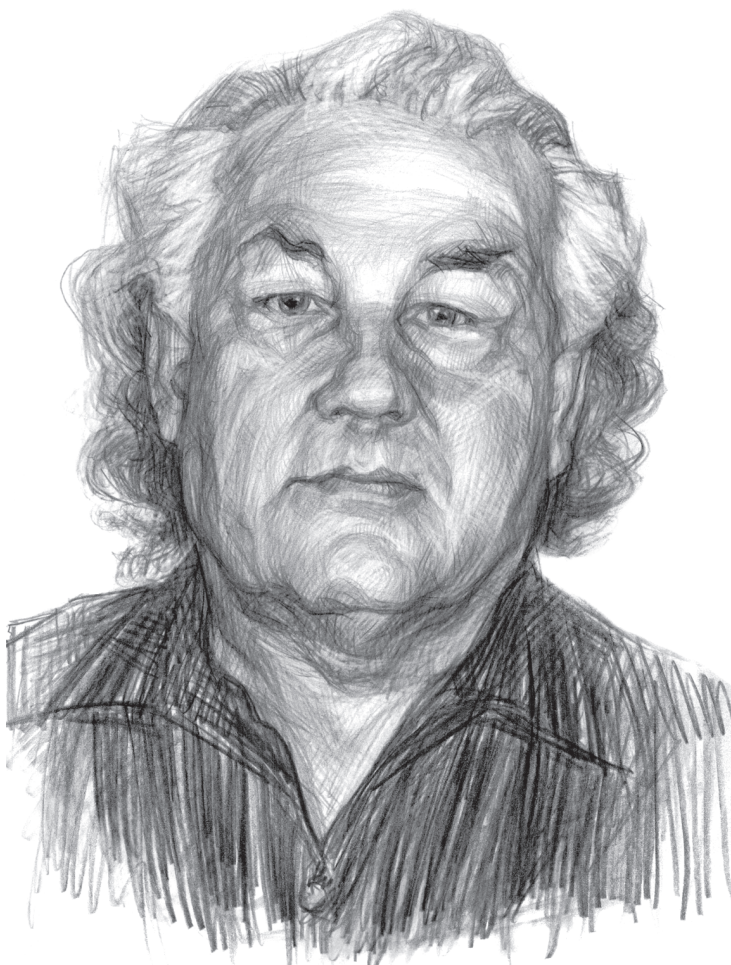
Художественные произведения, отобранные для заключительной книги «Классики земли Кузнецкой», могут быть рекомендованы для семейного чтения, а также для работы педагогов и воспитателей при проведении внеклассных мероприятий и подготовке уроков по предмету «родная русская литература». В современной социально-психологической прозе затронуты темы труда, служения Отечеству, семьи и межличностных отношений и многие другие. Взаимоотношения воспитанников и педагогов в детском доме послевоенных лет в повести Л. Яковлевой, жизнь и гибель деревенского парня на острове Даманском в повести В. Арнаутова, афганские будни сапера, описанные Ю. Тотышем, – все это будет поучительно для молодых читателей двадцать первого века.

Наши прозаики продолжают разработку тем, начатых русскими писателями-классиками. Исследование темы захолустья в произведениях Салтыкова-Щедрина, Горького талантливо продолжил Дмитрий Хоботнев, в рассказах которого образ захолустья в душе человеческой гораздо важнее пространственного образа «архитектурной дыры». В иронической прозе Сергея Подгорнова, представляющей жизнь ма-

ленького кузбасского городка, видны традиции Гоголя, Лескова, Замятина.

Жизнь продолжается, рождаются новые талантливые произведения, отражающие события и судьбы людские. Приходят новые поколения литераторов, потому как нескончаемы движения мысли и колебания души. Несмотря на бурное развитие современных технологий, будут новые бумажные книги, будут у них и новые читатели. Читайте, любите книгу! Это поможет оставаться людьми в этом мире, все больше и больше заполняемом искусственным интеллектом. Ведь книга – это живое слово...

ЧАСТЬ I

Михаил Петрович Анохин

29 сентября 1944 г., с. Калары, Кемеровская обл. –

31 марта 2022 г., Прокопьевск.

Прозаик, публицист, поэт. Член Союза писателей России с 2010 года.

НЕ СОЧИНЯЕТСЯ ПРАВДА

– Деда, а ты в плену был? – спросил вихрастый парнишка, усаживаясь на скамейку рядом с дедом.

Скамейка была особая, стояла она в палисаднике, а на зиму дед Матвей уносил ее в сараюшку. Сам дед и смастерил ту скамейку из ивовых прутьев. Она пружинила, когда на нее садились, и, как говорил дед, «принимала форму моего зада».

– Чего тебе? – переспросил дед, заклеивая языком сигарету «Прима».

– Ты всегда так: «чего тебе», – недовольно сказал внук, – а мне Марья Ивановна поручила написать рассказ ко Дню Победы. – Внучек гордо посмотрел на деда и добавил: – Марья Ивановна говорит, что у меня способности...

– Ну, коли способности, тогда конечно... – Дед повертел сигаретку и, видимо, оставшись довольным результатами своего труда, вытащил из штанов коробку спичек, прикурил. – Тогда конечно... – дед пыхнул дымом, – а почему непременно про плен?

– Потому что все воевали, а ты в плену был. Про всех – все писали, а про плен никто не писал.

– Значит, ты хочешь отличиться?

– Я уже и так отличаюсь, – заметил внук, – потому что Марья Ивановна только мне задание дала написать рассказ, а другим – сочинение.

– Про плен, значит... – Дед Матвей задумался и опять переспросил: – Значит, про плен?..

– Ты рассказывай, дедушка, а то все переспрашиваешь да переспрашиваешь.

– Так ведь у меня два плена было, вот и думаю, про какой рассказать.

– Два плена не бывает, – уверенно заявил внук.

– А вот и бывает. В первом плену я сидел в Бухенвальде, а во втором пленении сидел на Колыме.

– Колыма в Магадане – это мы по географии проходили, и там нельзя быть в плену, потому что там наша Родина.

– Вот как, Родина, значит. – Дед посмотрел на внука иронически.

– Ты надо мной не подшучивай, словно сам не знаешь, что Родина везде! Где Советский Союз – там и Родина.

Дед хмыкнул и полез в другой карман, где у него лежал портсигар.

– Ты опять будешь курить и думать, – недовольно заметил внук.

– Курить и думать, – словно эхо откликнулся дед и повторил: – Курить и думать.

– Ты рассказывай побыстрей, а то мне скоро будет некогда.

– Ну да, побыстрей... уж куда как быстро. Только что и успел доехать до Москвы, как взяли и быстренько запечатали в столыпинский вагон. А потом, через десять лет, бумагу прислали, что перепутали меня с одним уголовником, потому как фамилия моя Мамонов, и имя-отчество Матвей Спиридонович, и год рождения совпадали с тем вором-рецидивистом, да и комплекция была схожа. Вот так я и попал на десять лет во второй плен, и был он горше первого.

– Нет, это неинтересно. – Внук был явно разочарован. – Тут героизма никакого нет, а мне нужно, чтобы героизм было.

– Ну, так я тебе и говорю, что из меня никудышный рассказчик, тем более про плен.

– Я тогда придумаю, что ты сбежал из немецкого плена и убил по дороге трех фашистов.

– Вот-вот, так и придумай, – согласился дед. – Нынче все горазды на придумки.

Он опять полез в карман и вытащил портсигар.

– А бабушка говорит, чтобы ты поменьше курил, – заметил внук строгим голосом, подражая бабушке.

– Ну, так ей легко, она на Колыме бросила, когда меня расконвоировали и мы с ней поженились.

Дед закурил сигарету и пыхнул дымом в густую листву черемушника.

– А как это – законвоируют? – поинтересовался внук.

– Как? – Дед замялся. – Обыкновенно... Солдат, значит, с винтовкой, а ты руки за спину: не оглядываться, вправо-влево ни полшага... вот так.

– И все время так? – удивился внук.

– Нет, когда спишь, то руки можешь положить как хочешь.

Дед бросил недокуренную сигарету в граненый стакан.

– Что-то ты сегодня, Коляня, вопросы задаешь несуразные. Вот лучше погляди, как пчелки трудятся, мед на зиму запасают.

Он осторожно, за крылышки снял пчелку с черемухового бутона.

– Божья тварь, можно сказать, насекомое, а какую великую силу разума имеет.

Дед подбросил пчелу в воздух, и она, недовольно загудев, уселась опять на черемуховый бутон.

– Жалят они больно, – заметил внук, провожая глазами пчелу.

– А ты как думал? Вот твой отец, небось, будет дом защищать, если воры придут, али не будет?

– Еще как будет! – воскликнул внук.

– Вот и для пчелы человек что тот же вор, потому и жалит.

– А вот и неправда! Вот и неправда! Тебя они не жалят!

– Ну, то меня... – Дед враз поскучнел. – Меня они знают... Ты вот что: к маме иди, и она подскажет тебе, что и как сочинить. Из меня, вишь, плохой сочинитель. Я и грамоту всю уже подзабыл.

– Сказки так ты сочиняешь... – Внук поднялся с дедовой скамейки. – А по правде так не хочешь сочинять.

– Правда – она того... не сочиняется как-то... – буркнул дед уже в спину своему внуку. – Вишь ты, сочинитель... сочинят...

МОЙ ДРУГ ГЕНКА ЛЮТИКОВ*

– Это я теперь понял, когда в сотый раз по сопатке получил, что никого не нужно защищать, – говорил Генка Лютиков. – Да, да! Никого! От этого всем только хуже. Посылают пострадать за народ, за общее дело, а когда из этих страданий ничего нельзя на хлеб намазать, то берут этого страдальца за шиворот и топят, как кутенка, в проруби. «Не мог, – говорят, – воли нашей, нашего хотения исполнить, а теперь кто его знает, может, за твои-то “страдания” придется нам всем отвечать. Так мы прежде того с тебя и спросим».

Таким откровением Генка поделился со мной буквально через год после потрясших СССР шахтерских забастовок. Он оказался ненужным ни народу, ни властям, а в 1989 году был на таком гребне народной стихии, что очень даже походил на Емельку Пугачева.

Обитателей кабинетов горкома партии и других кабинетов рангом поменьше имя Лютикова вводило в дрожь, а сам он стал телезвездой местного разлива. Да что там местного! Центральное телевидение полчаса на всю страну вещало бредовые и благородные идеи Лютикова. Да, да! Они и на самом деле были благородны, как любые идеи идеалистов-романтиков, но, как это всегда было и, наверное, будет всегда, доброго из них ничего не получилось.

Документы засвидетельствовали факты этой части биографии Лютикова. Запечатлели на всю оставшуюся жизнь в истории государства под названием СССР. Но я не хочу расчесывать и посыпать солью еще не зажившие раны, так что описание полугода бурной общественной жизни Генки я оставляю до лучших времен, когда осядет пена жизни и мы увидим дно, от которого только и можно оттолкнуться в поисках положительного героя. При ближайшем рассмотрении Генка Лютиков далеко не дотягивал до положительного героя. Даже до «героя нашего времени» – и то вряд ли, потому как ничего героического в своей

* Печатается в сокращении.

жизни не совершил. Сказано в одной древней книге: «Величается ли секира пред тем, кто рубит ею? Пила гордится ли пред тем, кто двигает ее? Как будто жезл восстает против того, кто поднимает его; как будто палка поднимается на того, кто не дерево!»

Почему и с какой такой стати Генка Лютиков оказался и пилой, и секирой шахтерского бунта? Откуда и как появился Генка на небосклоне нашей провинциальной, землекопо-шахтерской, почти кротовой жизни – это для многих загадка и по сей день. А след Лютиков оставил яркий, значительный и неоднозначный, по крайней мере в моей личной судьбе. Что же касается до других... то он был и остался «экзотическим фруктом Востока»: одни без ума от него, других тошнило и рвало от одного его вида и «запаха».

Работал Генка в дорожном управлении (ДУ) на автогрейдере и, по отзывам его знавших, был неплохим специалистом. Истины ради следует сказать, что объявился он там по договору с этим ДУ, которое предоставило ему двухкомнатную благоустроенную квартиру. Из чего следовало, что на прежнем месте жительства Лютиков квартиры не имел.

Роста Лютиков был около метра восьмидесяти, плотный, чуть сутуловатый. С лицом евразийского типа: такие лица часто встречаются в Сибири. Густая шевелюра курчавых волос рано стала седеть. Какой-нибудь продвинутый психолог сказал бы по этому поводу, что у Лютикова слабые нервы, что люди пугливые и робкие рано седеют, и сел бы в лужу с таким провидением.

На работе Генку называли по имени известной американской коммунистки Анджелы Дэвис. Курносый нос был слегка поврежден, видимо, то были следы кулачных разборок молодости. Глаза маленькие, спрятанные под набухшими от плохой работы почек веками. Руки сильные, хотя пренебрегал элементарной гимнастикой. Ладони большие и всегда горячие, даже в стужу. А полностью его имя-отчество было Лютиков Геннадий Михайлович.

«Написать правдиво историю своей жизни или искреннюю исповедь, то есть рассказать о себе не то, что нужно обществу, а то, что действительно с тобой было, значит добровольно выставить себя – при жизни или после смерти, это почти все равно, – к позорному столбу», – сказал Генка словами любимого философа, когда я пожаловался на то, что у меня в очерках о конкретных людях всегда присутствует изрядная доля вымысла.

Но Генка этим авторитетом не ограничился, да и был бы он Лютиковым, если бы одним авторитетом исчерпал свою эрудицию?

– Сократ жаловался на Платона: «Много наврал на меня этот юноша». Так что не переживай. Вот умру, тоже много чего наплетешь на меня, но я, как и Сократ, в обиде на тебя не буду.

Кто не знает Генку, услышав подобное заявление, подумал бы, что у этого мужика самомнение раздуто до невообразимых пределов, но я-то знал, что не только Сократ и Шеллинг были его собеседниками, но и неведомые мне философы тоже входили в круг его интересов. Кстати, «собеседник» – его словечко, его определение непрерывного, до самой его смерти, образовательного процесса.

– Они все мои собеседники, – говорил Лютиков, упоминая этих философов.

Теперь-то я знаю из своего скромного опыта писательства, что любая правда о человеке – уже позорный столб, поскольку мы гораздо судить других по гамбургскому счету, но себя судим по совсем иным счетам и чаще всего «применительно к подлости» и «исходя из обстоятельств». По крайней мере, так происходило и происходит со мной.

* * *

Генка Лютиков появился на свет в поселке Кондоба, что под Таштаголом, в вагоне пассажирского поезда, загнанного в тупик и приспособленного под роддом. Это было первое поколение детей от отцов, вер-

нувшихся с войны. Детей, в генах которых отложилось все пережитое их отцами. Матери Генки было всего семнадцать лет.

– Лидка, – сказала акушерка, – дай закурить.

Руки ее были в крови, и она губами ухватила зажженную беломорину, поднесенную санитаркой. При этих словах она жадно и глубоко затянулась, пыхнула дымом в раскрытое окно вагона и кивнула головой в сторону только что родившегося малыша, не подававшего признаков жизни.

– Это второй за сегодня и тоже не жилец.

Фронтотичка, она с неприязнью смотрела на роженицу.

«Мы там воевали, а они здесь тешились» – эта мысль все время подспудно сидела в ней.

И вдруг малыш пискнул, а потом заорал, словно не соглашаясь с только что вынесенным ему приговором.

– Ого! – Санитарка Лидка кинулась к новорожденному. – Марья Алексеевна, товарищ капитан, не согласен он! Не согласен!

И это «не согласен», по всей видимости, означало, что новорожденный не согласен с мыслями Марьи Алексеевны, капитана запаса медицинской службы.

– Ну, не согласен так не согласен, пусть живет, – буркнула Марья Алексеевна и ловко щелкнула докуренной папиросой, отправляя ее с большого пальца в окно вагона.

Слова санитарки стали пророческими. Генка с малолетства стал ни с чем не согласным, даже с самим собой.

В шесть лет полюбилось ему слово «возможно» и чем-то пленило его детскую душу. Откуда и у кого он подобрал это слово, неизвестно, но с той поры озадачивал Генка этим словом взрослых, даже шокировал.

В первом классе учитель Борис Ефимович, вызывая мальчика к доске и показывая ему букву «б», спрашивал:

– Гена, скажи нам, какая это буква?

Гена, шмыгнув вечно простуженным носом, отвечал:

– Возможно, это буква «б».

И Борис Ефимович только разводил руками в удивлении.

Это «возможно» сводило с ума не только школьных учителей, но и родителей Генки.

– Генка, – кричала мать, – это ты слизал сметану в крынке?

– Возможно, – невозмутимо отвечал Генка, налаживаясь исчезнуть из дома.

– Я тебе дам «возможно»! Я тебе дам!

Полотенце в руках матери скручивалось в жгут, а задница Генкина, привычная к порке, покорно оттопыривалась, понимая, что покорность снимает половину материнского гнева. Мать шлепала полотенцем и приговаривала: «Это тебе за “возможно”, а это тебе за издевку над матерью».

Генка и не думал издеваться, просто проклятое слово «возможно» раньше других срывалось с языка, а его обратно не вернешь. Частенько мать упрекала сына: «Ты мне этого слова не говори, ты сознайся, если что сделал, или же скажи, что не делал. Понятно?» Но язык произносил: «Воз... Да, мама, конечно, понял».

Генка в который раз давал себе зарок никогда не говорить «проклятущего» слова. Борис Ефимович пытался объяснить мальчику значение этого слова и как правильно употреблять его, но и тут «возможно» выскакивало прежде, чем Генка осознал, что к чему.

* * *

В тот 1946 год, в ту весну, когда Генка появился на свет, ранним утром во двор Лютиковых вошли двое мужчин в малиновых лампасах и увели отца неизвестно куда. Вскоре гвардии лейтенанта осудили на десять лет лагерей. По причине своего младенческого возраста Генка не заметил этого факта своей биографии, а мать редко и скупно говорила

на тему его безотцовщины. Но вот какая странность: Генка с младенчества не переносил оттенки красного цвета и особенно – малинового.

Вот и рассуждай после этого, что тут «генетически», а что с «мо-
локом матери». Уже давно милиционеры не носили брюк с малиновы-
ми лампасами, а ненависть Генки к ним продолжала жить.

Помню, он говорил: «Я лучше встречусь на узкой дорожке с бе-
шеным псом, чем с милиционером». И при этом нужно было видеть
выражение его лица: словно ему нашатырного спирта дали понюхать.
Все говорило в нем: «Фу, гадость какая! Непереносимая гадость!»

Помнил же Генка только теплые, пахнущие молоком материнские
груды, а запах отца – этого Генка не помнил. Когда через десять лет в
их дом пришел мужчина и сказал ему: «Я твой отец», – Генка насто-
роженно смотрел, силясь вспомнить все, что мать ему рассказывала об
отце. Тогда он своим «возможно» привел отца в изумление.

– Возможно... – сказал Генка и тут же наострился дать деру.

– Я тебе дам «возможно»!

Мать взъерилась и по привычке замахнулась на Генку тем, что было
под рукой, на этот раз березовым веником, а Генка отлично знал разли-
цу между веником и полотенцем и потому, вертко крутнувшись, выска-
чил в сенцы и по крутой лестнице слетел во двор.

– Вот и возьми с него, – говорила мать, ластясь к отцу. – Надо же,
вылепил! Выходит, это ты-то, «возможно», его отец?

– Он еще не понимает, что говорит, – успокоил отец жену.

Учение Генке давалось из рук вон тяжело и в особенности плохо –
русский язык. Генка писал так, как слышал, как произносил слова сам, и
потому все диктанты, изложения, сочинения оценивались жирной еди-
ницей.

Язык у Генки был, что называется, без костей, и придумывал он
свои ребяческие небывальщины мастерски, так реалистично и ярко,
что через некоторое время сам же свято верил в них. И еще в Генке
жила неестественная для детей жалость к живому. Однажды он до

истерики рыдал, увидев на дороге раздавленную лягушку, хотя этого добра вокруг было больше, чем надо. Генка не рвал цветы и не тащил охапками в дом букеты черемухи.

Такое поведение сына беспокоило отца, и он пытался внушить ему, что в жизни нужно быть не слюнтяем, не жалостливой размазней, а человеком решительным, волевым. Постепенно усилиями общества и стараниями родителей из Лютикова вытравили жалость, и, как всегда бывает в таких случаях, она ушла, а на смену ей пришла жесткость, граничащая с жестокостью.

Но до того как в Генкином характере зазвучали металлические нотки, был в его жизни особый период, связанный с тем, что после возвращения из мест заключения отца в доме Лютиковых поселился дед Григорий. И с этой поры, с лета 1956 года, все в доме изменилось.

* * *

Разгоряченный игрой в лапту, Генка влетел в избу. У него от холода свело ступни ног, потому что вокруг дома еще лежал снег, осевший под весенним солнцем, но от этого не ставший теплее. Траверс железнодорожного полотна оттаивал раньше, и потому деревенские пацаны ранней весной собирались там, лишь только сходил снег и показывалась прошлогодняя увядшая трава, сквозь которую уже пробивались зеленые побеги новой. Когда становилось невмочь, то выбегали на само полотно и отогревали ноги на головках рельсов. К полудню рельсы нагревались от солнца.

Вся семья сидела за столом. Во главе – дед, позади него в углу на треугольной полочке возвышалась икона. Лик Христа проступал из тьмы и сурово смотрел на мальчонку. По правую руку деда сидел отец Генки, а мать управлялась с чугунками у зева русской печки. Отец месяц как вернулся из заключения.

Генка плюхнулся на свое место, напротив деда, и тут же дедова ложка ударила по столешнице. Это была особая ложка, привезенная им из

австрийского плена еще в Первую мировую войну. Звук был резким и неожиданным, даже Генкин отец вздрогнул и посмотрел недоуменно. Дед Григорий месяц тому назад приехал с двумя деревянными, с коваными уголками, сундуками. В них было все, что осталось от зажиточного некогда семейства Григория, его трех сыновей и четырех дочерей. Коллективизация подгрела двух старших, и они сгинули в приобских болотах, остался младший – Михаил да еще дочь, которую вместе с зятем те же немилостивые ветры истории загнали в Таджикистан.

Все это рассказал ему дед в перерывах научения молитвенному слову и Христову Евангелию. Генка видел, что в одном, меньшем сундуке хранится дедова одежда: рубашки, кальсоны – словом, неинтересное, а вот во втором, под тяжелым шерстяным одеялом, лежали книги в черных и серых обложках с тисненными крестами, отливающими лунным светом. Было там еще что-то, но дед как приехал, так никого к своим сундукам не подпускал, закрывая их на висячий замок. Когда деда дома не было, Генка пытался его открыть, но был застигнут отцом и отделался легкой поркой. Отец сказал, что если бы за таким занятием его застал дед, то быть ему нещадно поротому. Однако по-настоящему его еще не пороли, а он знал, как это «по-настоящему» порют. Видывал на спинах и на задницах своих друзей следы такого воспитания...

После удара ложкой по столу последовал окрик деда:

– А лоб кто крестить будет?

Генка вскочил и, как научил его дед, перекрестился трижды на икону. Кстати, икона была вынута дедом все из того же сундука уже в первый день его приезда.

– Живете как басурмане, ровно не крещены, – ворчал дед. – Ты-то, Михаил, ровно не в христианской семье рощен? Как это можно в доме без образа Божьего жить? Совсем осатанели.

С той поры началась у Генки новая жизнь. Дед требовал соблюдения ежедневных норм православной жизни: краткая утренняя молитва перед завтраком, в обед и вечером, отходя ко сну. И еще он стал обучать

мальчонку чтению по-церковнославянски. Это была сущая пытка, но, заканчивая первый класс, Генка уже разбирался в «титлах» и «фите».

На этот раз дед ничего не сказал. Он протянул свою узловатую, ширококостную руку к чугунку и взял из него жаром пышущую картофелину в полопавшейся кожуре. Следом к чугунку потянулись руки других. Сигнал к обеду был подан.

Генка, как ни голоден был, смотрел в рот деду: его удивляло, как он вместе с едой не съест свои усы и бороду, поскольку усы и борода были так густы, что скрывали собой губы, а дед ел так, что не открывал рта больше, чем требовалось. Ел он медленно, чинно, не спеша, не выказывая своего удовольствия или неудовольствия едой, и всем приходилось примеряться к неспешному ритму, поскольку встать из-за стола раньше деда не позволялось. Это тяготило не только Генку, но и его отца, но власть деда была сильнее их совместного недовольства.

Только после трапезы, после того как повернется спиной к столу и лицом к иконе и прочтет благодарственную молитву, дед скажет:

– Невестка, ты хлеб-то нынче недоковасила, пресный хлебец-то получился.

Или еще что-нибудь, по его мнению, важное и нужное касательно пищи. Чуть больше года прожил дед в семье младшего сына, собрал свои сундуки и уехал ближе к солнцу, в Таджикистан. Там и помер в семидесятых годах, не дожив до ста лет полдесятка. Уехал, как он сказал, «от греха подальше». Потому что не по разумению его воспитывают детей, да и сын «отпал» от православной веры, и ему стало в тягость жить с ним под одним кровом.

Сильнее всего в душу мальчонки запали дедовы рассказы о Боге, о страданиях крестных, об адских мучениях грешников. Пылкое воображение ребенка, распаленное дедовскими рассказами, лишало сна и в долгие зимние ночи заставляло рыдать от осознания своей безграничной греховности, а особенно от прилипшего к нему неотвязного «возможно».

После того как дед уехал, обычай утренних, обеденных и вечерних молитв исчез из обихода, хотя за спиной отца висела все та же икона, оставленная дедом в подарок.

В третьем классе, движимый любопытством, Генка снял икону и стал осторожно отгибать резной металл оклада, пока не распотрошил его весь. В тот раз он узнал, что такое настоящая порка. Отец пришел в неопишемую ярость, и прибежавшая на истошные вопли сына мать едва отняла Генку. Губы его посинели, и глаза смотрели бессмысленно. Три дня Генка лежал пластом, душа не желала возвращаться из заоблачного полета в его тело. Отец не вставал с колен перед разоренной иконой и призывал на свою голову все мыслимые кары, а мать шептала сыну на ухо: «Не уходи, родной, не уходи!»

* * *

Генка к пятнадцати годам так и не осилил семилетней школы, и отец принял решение отдать его в строительное училище.

– Пусть профессию приобретет. Вон Захар-то Демин какие шкафы делает! Выучится на столяра, всегда с куском хлеба будет.

Однако и тут ничего путного из Генки не вышло. С горем пополам сделал экзаменационную работу – прикроватную тумбочку в масштабе 1:2, получил зачет, но зато все остальные экзамены сдал на отлично. Любая теория, в отличие от практики, давалась ему легко.

Именно к этому времени у Лютикова появилась уникальная способность запоминать текст. Достаточно было прочитать ему книгу, и он мог почти дословно пересказать десятки страниц текста. Правда, эта способность не давала ему особого преимущества в точных науках, и потому в вечерней школе он едва вытягивал по математике на тройку, а по русскому языку все так же не мог подняться выше двойки. И странно было, что, выполняя работу над ошибками, он точно называл правило, по которому следовало писать. Правила вспоминал хорошо,

когда ему указывали на ошибки в тексте, но пользоваться ими не умел, что-то в его голове стопорилось.

Чтобы закончить тему образования Лютикова, скажу, что среднюю школу он осилил в возрасте 27 лет, уже будучи женатым. И самым удивительным было то, что Лютиков сдал экзамены по математике и геометрии на твердые «пять», а что касается сочинения, педсовет собирался дважды, поскольку оно в смысле «раскрытия образа» тянуло на пятерку, хотя «идеологически было неверным», а вот по русскому языку не вытягивало и на двойку. Выдали Лютикову аттестат позже других, да и то благодаря настойчивости директора школы, не раз ходившего в гороно. Впрочем, аттестатом Генка так и не воспользовался: ни к чему он был автогрейдеристу.

* * *

Как у всякого гражданина СССР мужского пола, у Генки Лютикова за плечами была трехлетняя служба в армии. И началась она не так, как рассказывали разные умные книжки, призванные воспитать в подрастающем поколении советских людей патриотизм.

– Подъем! – словно кипятком обварило Генку.

Он прыгнул с кровати и сбил с ног старослужащего. В казарме дембеля и второгодки спали на нижних кроватях, а «салаги», как Лютиков, занимали верхние спальные места. Лютиков только что вернулся из учебки, всего три дня прошло, как принял присягу. Старослужащий, ефрейтор Тулькин, ткнул кулаком салагу в бок и злобно прошипел: «Зубы выбью!»

И тут кровь бросилась в голову Лютикова, как это бывало с ним и раньше. В казарме завертелся вихрь тел. Лютиков был силен, но не обладал верткостью и надлежащей реакцией и потому стремился подмять под себя противника. Это ему удалось без труда. Когда на помощь ефрейтору пришли товарищи, то Генка уцепил за бок наиболее ретиво-

го и уложил рядом с Тулькиным. Он не столько их бил, сколько по-медвежьи «ломал». Поверженные выли на всю казарму, а Лютиков словно не чувствовал обрушившегося на него града ударов. Взять и оттащить Лютикова оказалось непростым делом, поскольку, сопротивляясь, он хватал пальцами как клещами всех, кто подвернется. В пальцах его была воистину дьявольская сила. «Кузнечными клещами» прозвали их сверстники. Даже лошади не выдерживали Генкиной хватки и начинали жалобно ржать, когда он ухватывал их за бок.

Генку таки одолели: кому-то в голову пришла спасительная мысль накинуть на него одеяло. Потом навалились скопом, скрутили... и всех пострадавших отправили не на гауптвахту, а в лазарет. Генке сломали два ребра. У тех, кого он ломал и хватал своими пальцами, оказались вывернутыми суставы рук: у одного в плече, а у другого в локте. А на боках и спинах тех, кого «похватал» Генка, долгое время цвели кровоподтеки, словно кузнечными клещами прошлись по ним.

Воинская часть стратегических бомбардировщиков была образцовой, и потому дело замяли. Генку перевели в другую роту, проработали, но он так и не осознал своего проступка и упрямо твердил, что это не он начал. Слава о мертвой хватке быстро распространилась по части, и Генка, для развлечения, гнул подковы и раздавливал принесенные из медчасти рессорные динамометры, но завязывать узлом стальные пруты не мог: вся сила Генки была только в его кисти, но не в руках. Тут он не мог похвастаться ничем особенным.

Однажды в душевной беседе с политруком Лютиков сказал: «Не нужно меня трогать. Я сам себя боюсь, если тронут. Кровь в головушибает, ничего не соображаю». Его не трогали, и Генка три года от звонка и до звонка исправно выводил свой автогрейдер и чистил от снега взлетку, подъездные пути к многочисленным складам с авиабомбами и другие транспортные магистрали в приморском городе Хороль. Закончил он службу в сержантском звании.

Поскольку не все знали, что у Лютикова «кровь в головушибает», то в его жизни было несколько случаев, когда только чудо спасало Ген-

ку от тюрьмы. Однажды в головушибануло оттого, что он увидел, как трое подростков нещадно бьют мужика. Лютиков вступился, получил в глаз и вовсе озверел. Мужик удрал, как только почувствовал свободу, а Лютикова вечером из дому забрала милиция. Был суд «за нанесение подросткам увечий средней тяжести», но судья, вопреки требованию прокурора, заартачилась и признала, что в этих условиях, когда трое на одного, была вынужденная самооборона, и вообще дело должным образом не расследовано, и что это уже не первый случай, когда в суд предъявляют «сырые дела». Личный конфликт судьи и конкретного прокурора стал тем счастливым случаем, который избавил Лютикова от лагеря.

Когда Лютикову было уже за шестьдесят, он мне говорил:

– Ты меня не знаешь, я в молодости был жестоким: дурная кровь в головушибала. Удивительно, как Господь меня берег, а зачем берег – не пойму. Останавливал меня на какой-то тонюсенькой грани от преступления. Сгнил бы давным-давно в лагерях, если бы не Его Промысел.

Осталась-таки в нем дедова закваска, хотя и краткое время бродила она в душе мальчонки.

– К верующим не пристал и от атеистов-безбожников отстал, – говорил о себе Лютиков. – Понимаешь ли ты, друг мой, что во все нужно вначале поверить, а с этим у меня плохо. И авторитетов для меня нет, и ничего такого доказанного нет, разве что «дважды два равно четырем» убеждает меня непреложно и повелительно. Да еще азбучные истины, как надпись на трансформаторной будке: «Не лезь, убьет!» Вот и получается, что я промежуточный человек, между религиями и атеизмом, то есть тоже религией, нахожусь. Может быть, я самый неверующий человек из всех! Я и своему разуму не доверяю, подозреваю, что он у меня с гнильцой, то есть завсегда готовый принять сказку за правду.

* * *

Познакомился я с Лютиковым таким образом. Я работал журналистом в городской газете и в потоке корреспонденции обнаружил письмо-статью Лютикова. Оно поразило меня (но не редактора!) оригинальностью суждений и широтой взглядов. В то время (1984 год) такая раскованность мышления была в диковинку, особенно в нашем провинциальном городишке. С этой поры и пошли в редакцию «показания» Лютикова. В этих сочинениях «В никуда и никому» (так он их озаглавливал) Генка всегда указывал свой номер телефона. Я позвонил чудику и договорился о встрече.

Согласиться же с тем, что «никуда и никому», я не мог, поскольку тот посылал свои письма и в центральные газеты, а ответы из редакций аккуратно складывал в папки. Что еще раз говорит: Лютиков не был равнодушен к происходящему. А гражданская позиция не была востребована как тогда, так и нынче. Точнее, она и тогда и нынче подразумевает безграничное доверие к власти и такое же безграничное обожание ее. У Лютикова с этим обожанием было как раз непросто, можно сказать, что совсем плохо.

Так вот, редактор не понял Лютикова, что и неудивительно. Когда я основательно «наехал» на редактора, то получил, как и предполагал, хороший «втык в заднее место, чтобы не чесалось». Так образно и незамысловато выражался мой шеф относительно несвоевременных и подозрительных идей. Но этот втык я получил позже, когда настаивал на публикации опуса Лютикова относительно афганской войны.

А вначале, как положено долготерпеливому отцу, мой редактор объяснял принцип партийности газеты:

– Газета партийная, значит, должна быть «никакой», а если печатать твоего доморощенного Сенеку, то газета станет «какая-то», чего нам никто не позволит. Принцип диалектического материализма в журналистике знаешь? Забыл или не знал? Повторяю: любое произве-

дение от заметки до романа должно неназойливо восхвалять заказчика в форме, доступной его разумению. Все, иди.

Через десятилетия я услышал уже от другого редактора, теперь уже частной газеты, очень похожее высказывание:

– Газета частная и в этом смысле она «никакая», а ты мне талдычишь об объективности и приносишь материалы заведомо негодные, в которых есть «твоя позиция». За твою позицию мой хозяин деньги платить не будет, нужна его, и только его позиция! Не маленький, тебя ли учить?

Вернемся в прошлое. Пришел я к редактору со статьей Лютикова об Афганистане. Напомню, что на дворе была весна 1984 года, и с полос центральных газет не сходили имена провинций, где доблестные воины Советской армии героически исполняли свой интернациональный долг. В лучшем случае нам разрешалось перепечатывать эти статьи, но больше нажимали на местную тематику, опять же специфического характера: где, кто встал на трудовую вахту, кто перевыполнил, посеял и убрал. Редакционный план определяли памятные даты и выступления партийного начальства, приуроченные к этим датам.

Модный нынче мотивировочный повод всегда был налицо, только у газеты лица своего не было. Так и жили – обезличенные, но с полным набором «мотивов». Так и нынче живем.

И вот я заявляюсь со статьей «нашего постоянного читателя» к редактору. Со статьей, в которой этот самый читатель вопреки всем постановлениям партии и правительства доказывает, что мы «обязательно бесславно уйдем из Афгана». А после нашего ухода в Афгане разгорится межплеменная война, и при этом ссылается на источники империалистические, цитирует какого-то отставного британского генерала Чарльза Уильяма Гекерторна, жившего в прошлом веке.

Самое любопытное, редактор материал Лютикова прочитал самостоятельно, это он делал чрезвычайно редко – берег зрение. Прочитал и велел выбросить его куда подальше. Однако же рукопись Лютикова не

отдал, заныкал. Афган был при власти большевиков, теперь уже при иной формации – либеральной, запылял Северный Кавказ – тогда все от мала до велика узнали, что такое ваххабиты. Многие за это знание голову сложили. Тогда я вспомнил о той статье Лютикова про Афган. Особенно запомнилась мне цитата того самого британского генерала. Теперь все можно в интернете найти, но где в советские времена раздобыл Генка эту книгу – остается для меня тайной. Так вот интернет и освежил мою память.

Вот что писал генерал:

«Около 1740 года появился в Недже магометанский реформатор, по имени Абдул Вагаб, и завоевал большую часть Аравии от турок. Он умер в 1787 году, основав секту, известную под названием *вагабиты*; она завладела Меккою и Мединою и почти вытеснила турок из земли Пророка. В 1818 году власть этих свирепых реформаторов стала слабеть в Аравии, однако они появились в Индии с новым предводителем, Саидом-Ахмадом, который прежде был безбожным ратником в грабительских шайках Амира-Хана, первого нувваба в Тонке. В 1816 году он отправился в Дели изучать законы, и его пылкое воображение жадно поглотил новый предмет. Он погрузился в размышление, которое перешло в эпилептические экстазы, и ему стали являться видения.

Через три года он удалился из Дели как новый пророк и направился к Патне и Калькутте, окруженный восторженною толпой народа, впитавшего его слова и с энтузиазмом внемлющего божественному учению – убивать неверных и гнать из Индии чужеземные войска. В 1823 году он отправился через Бомбей в Рогилькенд и, собрав там войско из правочерных, прошел страну Пяти Рек и опустилсч, как громовая туча, на горы к северу от Пешевара. С той поры стан мятежничков, основанный таким образом, постоянно снабжалсч из главного центра в Патне толпами фанатичков и деньгами, собранными с правочерных. Двадцать кровавых кампаний против этой мятежнической рати мы предприняли и даже при помощи окрестных афганских племен не мог-

ли вытеснить эту рать с занятой позиции, и она остается там как предупреждение для всякого, кто вторгнется в пределы Афганистана».

Лютиков редко что писал без того, чтобы не сделать какой-нибудь прогноз, и почему-то всегда этот прогноз шел вразрез с прогнозами партийного и государственного руководства, хотя всегда сбывался.

Когда толпы журналистов встречали войска генерала Громова и ставили ему – справедливо – в заслугу, что вывел без потерь воинскую группировку, Генка сказал:

– Ну, теперь, когда общий враг исчез, начнут крошить друг друга. Это у них в крови, особенно у пуштунских племен. И в Библии подмечено, что скотовод будет брать дань с земледельца. – По обыкновению своему, Лютиков принялся обдумывать сказанное, а потом глубокомысленно заявил: – Все дело в богах. Да, все дело в представлении народа о божествах. В родоплеменных образованиях не существует индивидуальных богов, там Бог – родовой. Жизнь отдельного человека – ничто, благополучие рода – все. Бог современной цивилизации – Бог каждого. Как там: «...кто не бросит отца и мать ради Меня...» Для родоплеменных образований такое – невозможное дело! И вот к таким племенам с резко сниженным инстинктом самосохранения попадает современное оружие... Душевно-духовно они еще в колыбели, а им подсовывают оружие старости, дряхлости, ожирения... Детям не дают в руки колющие, режущие, взрывающиеся, обжигающие предметы, если, конечно, не желают намеренно их гибели... Да и себе, – закончил Лютиков. – Ведь дом могут поджечь умышленно или нечаянно, из любопытства ножом пырнуть. Нет ничего страшнее взрослого ребенка.

* * *

Когда произошла черномыльская катастрофа, он только скептически хмыкал, комментируя официальные версии, и нес, как мне казалось, окопавшись насчет грозных разрядов, которые «бьют не с небес в землю, а из земли в небо».

– Сатана отстреливается от Господа, – говорил Лютиков и, по своему обыкновению, тут же начинал опровергать собственную мысль, поскольку, «видишь ли, любая подлинная истина содержит в самой себе свое полное и окончательное отрицание».

Я этого категорически не понимал, называя такой способ мышления тихой шизофренией, но на мои замечания по поводу состояния его ума Лютиков только смеялся.

– Шизофрения – вернейший признак гениальности! Так что не льсти мне, не надо, дружище, лести! Ну, не нравится тебе Сатана – назови это явление плазмой, порожденным тектоническим разломом, физикой и химией недр. Между прочим, Эмпедокл считал...

И Лютиков принялся мне объяснять представление Эмпедокла о появлении на земле рода людского, когда «божественная пневма (душа) упала на Землю и проникла в ее центр, а потом “проросла” в образе человека». Закончил же Лютиков свой экскурс следующим:

– Человек боится называть вещи своими именами и потому придумал наукообразную форму описания явлений. И это бы еще ничего, сошло бы как практическое руководство, но ведь он пытается объяснить наблюдаемое! И вот когда силится объяснять, то придумывает, по сути дела, все ту же религию, но без Бога.

Помнится, я ушел в тот раз от Лютикова поздно вечером, и, как всегда бывало после разговоров с ним, перо журналиста вываливалось из моих рук, точнее говоря, выводило из обычного информационного повода, из обычной газетной статейки в неприемлемые для общественного темперамента обобщения и длинные экскурсии в историю вопроса. Раз от разу мне все труднее и труднее было отделяться от лютиковского влияния, и как-то редактор заметил мне, что я начал терять профессионализм. Вот так, тридцать лет был профессионализм, а теперь его стал терять?! Сейчас, перечитывая подшивки газет и читая свои прежние материалы, испытываю чувство стыда и раздражение на самого себя. И почему-то все чаще встает совсем уже лютиковский

вопрос: с чем я приду к Господу? Уж не с этим ли «информационным поводом», который так любил редактор?

– Ты бы это, того... поменьше обобщал, – выговаривал он мне в очередной раз. – Факты – они, знаешь, сами за себя говорят, а ты ударился в философию фактов.

Нужно было понимать это так: философствовать может только тот, у кого крыша поехала. Нормальный человек не философствует. А разве я не то же самое думал до встречи с Лютиковым? Разве меня не раздражала на первых порах его манера разговора? Еще как! Но вот странность: не только раздражала, но и притягивала к себе!

Как-то раз я сказал Лютикову:

– Ты как лишай на ноге: все время хочется расчесывать это место. Ты зудишь – и сладостно, больно «расчесывать» тебя.

– Вот как? – Он удивленно посмотрел на меня, а потом помрачнел, замкнулся.

Я пожалел о своей несдержанности. Но Генка на меня не обиделся, он, похоже, не мог обижаться надолго и всерьез.

– Какой я лишай? Я заноза! А занозу всегда пытаются вытащить, но я и человек, и потому мне больно. Очень больно! Я не могу встроиться в течение жизни, и меня все время вышвыривает из нее. Вычесывают... Как блох.

Мотив «лишнего человека» еще не раз всплывет и ошарашит меня своим личным трагизмом на фоне, казалось бы, вовсе не трагичного всеобщего бытия. Конечно, шла война в Афганистане, «черные тюльпаны» заносило ветром и в наш городок, но... но... А что «но»? В том-то и дело, что на этот вопрос я нашел для себя ответ только после смерти моего друга Генки Лютикова!

Мы все и я, в частности, не подпускали к себе трагизм бытия, отгораживались от него, а если он самочинно проникал в нас, то душили его в себе обычным для русского человека способом – водкой. Душили по той же самой причине, по которой неприлично было философ-

ствовать. Как неприлично говорить в праздничное застолье о смерти. Все хотели быть оптимистами. Хотелось смеха, шуток, женщин, вина и легкого, искрометного разговора обо всем и ни о чем! Хотелось необременительных для совести вопросов, практичных, как утренний чай с бутербродом. Одним словом, хотелось жить, а тут этот странный человек Лютиков. Послушаешь его – получается, жить как все живут – вроде как быть в постоянном хмельном угаре и себя как человека не осознавать. Заноза? Так ведь и на самом деле заноза!

* * *

Лютиков не говорил – он «мыслил» и тем сильно отличался от всех, кого довелось мне знать и до, и после него. А мыслил он совершенно оригинально, просто бесподобно по своей свободе. К примеру, сказал я как-то раз, что у его соседа по лестничной клетке кот необычной породы, словно кто по морде лопатой ему заехал, и тут же получил от Лютикова целую лекцию. Сначала о домашних кошках, потом вообще о кошачьих, с многочисленными отступлениями в «случаи» и в особенности повадок, с ремарками в сторону, с экскурсами в область религиозно-мистических учений, где кошки играют непоследнюю роль, и опять с ремарками и отступлениями. Так я узнал, что крысы и кошки сыграли решающую роль в эволюции человека.

– Между прочим, – говорил Генка, – если бы не кошки, то еще неизвестно, был бы на Земле человек, поскольку в экологическую нишу человека вполне вписываются крысы. Это социально организованные животные, необычайно умные, а агрессии у них ничуть не меньше, чем у человека. Кстати, и психические расстройства у них типично человеческие. Ни одно сообщество крыс не выдерживает рок-музыку, особенно «металл». Нервный стресс. Падает рождаемость от сексуального бессилия. По-моему, более тонкая психическая организация крыс вынудила их уступить пальму первенства на Земле предку человека.

Дальше последовал краткий экскурс в крысиную иерархию, в ее социальные связи. Он поведал мне о том, как крысы-матери бережно и даже трепетно выхаживают свое потомство, «не в пример некоторым особям человеческого рода».

И вдруг ни с того ни с сего спросил:

– Ты знаешь, что такое вага?

Я немного растерялся:

– Вага – рычаг такой... Обычно толстая жердина... Ну да, еще ее называют – ослоп.

– А теперь приставку к слову «вага» сделай – «от». Что получится? – Генка прищурился, словно прицеливался в мой лоб из мелкашки.

Чувствуя какой-то подвох, я робко произнес:

– Получается «отвага».

И тут Лютиков прочел мне целую лекцию по этимологии слова «отвага».

– В древности оружия не было, а люди дрались вот такими толстыми жердями, которые в некоторых диалектах назывались ослопами. Увернуться от такого оружия и самому нанести удар – нужна была ловкость и смелость. А увертывались от чего? От ваги! Понял теперь, откуда корень этого слова?!

Что мне оставалось делать? Я мотнул головой, словно лошадь. А что вы хотите? Меня так же одолели Генкины мысли, как ее – назойливые мухи. Разговаривать с Генкой – это вам не на лавочке болтать с пенсионерами. Тут эрудиция нужна.

– Понимаешь, – говорил Лютиков, – слово является символом смысла, а не самим смыслом. Смысл выразить символом полностью невозможно. Все смыслы во тьме лежат. Вот почему мы так трудно, так сложно договариваемся, даже по очевидным вещам! И уже полная трагедия происходит, когда нет одинакового толкования слов. А это одно и то же, что мы внутри себя в мыслях своих внутренних не понимаем друг друга!

Он прервался и поймал мои глаза в прицел своих глаз. Захотел, ударил ладонями по своим коленям:

– Да, да! Именно так! Мы мыслим исключительно словами! То есть мыслим символами понятий! Я всегда удивлялся точным переводам с иностранных языков! Ну ладно, по-немецки бабушка – «большая мать», куда еще ни шло. Но перчатки – «ручные ботинки», это, прости меня, наводит на мысль, что истинный смысл «ботинок» на немецком языке, скорее всего, не «обувь», а «одежда». Одежда для ног, для головы и так далее... Это всё простые понятия, а если вступить в область морали и нравственности? Если в душу человеческую заглянуть? Тут себя-то не понимаешь, а как поймешь того же пуштунa? Как поймешь абхаза, алеута? Не поймешь. Соседа не понимаешь, а ведь с ним на одном языке, казалось бы, мыслим, но весь фокус в том, что у него за словом одни понятия, а у меня пусть чуть-чуть, но иные! Русский язык вообще расплывчат, туманен, двусмыслен. «Люблю» все говорят, но всяк любит по-своему! Вот, к примеру, матерок в русском языке. В нем нет смысла – это эмоция, выраженная в словах, а любой иностранец, даже знающий русский язык, понимает матерок буквально. Сколько на почве этого бытовых ссор – не сосчитать!

К лютиковскому «мышлению» нужно было привыкнуть, как привык к нему я, но и меня пронимали до печенок его уходы, отступления и комментарии самого себя. Вот почему так трудно перевести его устную речь в письменную, соблюсти логику, связность. У Лютикова было постоянное желание все объять, и это «объятие» он начинал частенько от Сотворения мира и до наших дней. Его всегда как бы распирали изнутри бог весть откуда почерпнутые знания, самым неожиданным образом объединенные Генкиным мышлением в причинно-следственные связи. Эти знания распирали его, толпились возле языка, отталкивали друг друга, выкрикивали через голову других знаний, перебивали. На все про все у него были свои причины.

– Истина не очевидна, – говорил Генка, потягивая крепкий чай, – а, напротив, скрыта. На поверхности лежит примитивное: «Щелкни ко-

былу по носу – она махнет хвостом». Увидеть связь явлений, кажущихся далекими друг от друга, – вот метод истинно мыслящего человека! Вот колбаса стала не мясом, а травой пахнуть, отчего бы это?

– Ну и отчего?

– А оттого, что у директора мясокомбината совести нет!

Тут уж я не выдержал Генкиной алогичности и дал волю своему сарказму:

– А совести у него нет, потому что он Пушкина не читал?!

– Вот именно! И Достоевского не читал, и Библию не читал! И твоя ирония совершенно не к месту! Когда из общества, как из проколотого воздушного шарика, улетучивается мораль и нравственность, то вся его материальная ткань начинает расползаться по швам! Тогда колбаса начинает пахнуть травой, а от ботинок отстают подошвы! Тогда ржавая, мертвая вода течет из крана и дети ни в грош не ставят своих родителей! Это же элементарно, друг мой!

Жаль, что не обозвал меня Ватсоном, с него бы это стало.

* * *

<...> Даже я, хорошо знавший Лютикова, не верил ему, хотя и удивлялся его предсказаниям. Удивлялся после, а не до того! До того я как раз сомневался. Мы узнаём, что был пророк, только тогда, когда он уходит, а пророчества его сбываются. Но даже тогда не посыпая голы пеплом.

Его тетради с их вольным полетом мысли, так раздражающим ум, привыкший к строгости и скупому рационализму мышления, перегруженные вроде бы ненужными, случайными отступлениями, все-таки притягивают к себе, завораживают. Читая их, я вижу, как Лютиков внезапно прерывает свой обычно страстный монолог и уходит в себя, замыкается на три-четыре минуты и возвращается вновь, с очередным отступлением от темы разговора.

Как выделить из этого потока сознания самое главное? Я не знаю. Думаю, и сам Лютиков этого не знал. Мы должны были знать. Мы! Однако же не знаем и не хотим, не умеем знать. Потому будет нас бить и бить молот Божий, пока не вколотит в оставшихся конечные истины.

На этом я уже хотел поставить точку и расслабился, открыл уши миру внешнему, и тут по радио этот внешний мир вломился в мое сознание жарким спором о ядерных отходах. Я вспомнил о недописанной статье на эту тему и моих обязательствах перед редакцией. И опять во мне зазвучал голос Генки.

– Это же смехота! Отходы?! Кому отходы, а для кого доходы! Запомни, дружище, и не повторяй глупостей: все, что синтезировано природой, даже трансурановые элементы – отходами не являются! Есть вещества синтетические, не имеющие к органике отношения, но и они не отходы чего-то, а вещества чуждые природе! Улови разницу! Опасно и вредно все без исключения, даже гречневая каша...

Он, по своему обыкновению, не окончил фразы и замолчал, чутко прислушиваясь к чему-то, ему ведомому.

Прошла минута, другая, и Лютиков как ни в чем не бывало продолжал:

– Любопытный обычай описан, кажется, у Афанасия Никитина в его «Хождении за три моря». В Индии, чтобы узнать, правду говорит или врет человек, его заставляли съесть определенное количество рисового зерна. Считалось, что у лгуна нарушается слюноотделение и он не может съесть рис. А? Каков «детектор лжи»? Вот я и говорю: этим, кто с трибун да с экранов об отходах чушь несет, прежде надо дать рис пожевать... – Он опять погрузился в себя. – Правда, если говорит набитый дурак, то он говорит искренне, так что, будь уверен, сжует рис и не подавится! Такого и рисовым детектором не прошибешь, не уличишь.

Сколько раз я буду вспоминать Генку Лютикова? Теперь уже до конца дней своих. Я начал замечать, что и сам стал походить на него. На меня, как раньше на Лютикова, люди стали поглядывать косо, вре-

менами перешептываясь за моей спиной, что стал я говорить темно, бессистемно, общо, и все чаще и чаще мои статьи стали заворачивать с резолюциями: «Говори по делу», «Подсуши!», «Сократи!», «Полно отступлений!», «Опять ты Плиния и Сенеку цитируешь!».

Похоже, что заразился я Генкой и Генкина душа шепчет в мою душу «несвоевременные мысли». Точнее сказать, сейчас время такое подошло – бессмысленное, а я просто выпал из него. Генка-то раньше меня это понял. То есть понял, что выпал из общего течения времени.

– Знаешь, дорогой мой друг, на чем я себя все чаще и чаще ловлю? – спрашивал меня Генка незадолго до своей смерти. – Да и не силюсь ответить, не угадаешь. Это я с риторического вопроса начал, чтобы была причина-зацепка. В чем причина того, что я всю свою жизнь прожил с чувством ожидания чего-то прекрасного, значительного, что вот-вот должно случиться со мной, что случится непременно и в скором времени? Я сейчас оглядываюсь назад и вижу, что если что-то было в моей жизни прекрасного и значительного, то все это в прошлом. И ты не угадаешь: какая наибольшая для меня радость была? Так вот отвечаю. А такая радость: когда почтальон приносил мне очередной номер журнала. От этих прежних журналов осталась только пустая оболочка. Середки вкусной нет в них. Поразительно, наука вперед идет семимильными шагами, а рядом с ней ноздря в ноздю шпарит откровенное дерьмо в глянцевой обертке! А ты – «отходы»... Вот они, отходы помраченного разума, а это пострашнее радионуклидов!

1999

Василий Попок

ГОРОД ГРЕМЯЩИХ ТРАМВАЕВ*

«Если в доме теряются ножницы» (2008) – это первая книга прозы прокопьевского литератора. Но не первая по счету. В самом начале были стихи: они вышли отдельной книжкой давным-давно, где-то в 1970-х годах. Автор тогда жил в Бийске и ходил в городской литературный кружок. Тогдашний отбор кандидатов на публикацию был строг, и любая книга становилась событием в литературной жизни. Однако бывший бийчанин (а по рождению он наш – из села Калары, что под Таштаголом) Михаил Анохин – личность, больше известная Кузбассу не в качестве литератора. В 1989–1990-х годах он был одним из вождей забастовочного движения шахтеров, потрясшего страну. Хотя и не шахтер, по профессии он строитель. А если заглянуть глубже в биографию, то матрос тралового флота, геологический рабочий, да много чего перепробовал.

Но про забастовки. Главным содержанием тех забастовок, если глянуть трезво и беспартийно из сегодняшнего времени, был бунт против засилья номенклатуры, за правду и справедливость. Однако энергия бунта была перенаправлена в иное русло – номенклатура обернула народную социальную самодеятельность в свою пользу, совершив «капиталистическую революцию» и придя в 1990-х годах к олигархической форме «демократии» и ельцинизму. Приватизация соцсобственности, обнуление вкладов в сберегательных кассах, либерализация экономики, раздел страны, невыплата зарплат и пенсий, расстрел политических противников в 1993 году, «рельсовые войны» 1995–1998-х годов, дефолт и галопирующая инфляция – такое ни одному, даже самому рьяному забастовщику-экстремисту и в голову не могло прийти.

* Рецензия на книгу.

Как бы там ни было, а новое время настало. Кто-то из лидеров рабочего движения ушел в тень, кто-то занялся профсоюзной деятельностью, кто-то стал штрейкбрехером, и его встроили в новую политическую систему. А самых резвых – во власть или в правопартийную деятельность.

Об уровне социальной справедливости 1989 или 1990 года, которым были недовольны забастовщики, теперь можно рассуждать лишь в жанре социальной фантастики. Нынешний управленец и нынешний работяга, бывший «гегемон», находятся в отношениях белого плантатора и черного раба, и, по-видимому, надо ждать новых, настоящих, а не «бархатных» бунтов, которые образумят пока еще непуганого отечественного «работодателя». И естественно, новых вождей.

На этом вульгарно-социологическую часть текста завершаю. А нужна была она, чтобы уяснить: зря Анохина попрекают за 1989 год, путая шахтерские забастовки с последующим развалом страны. Он страну не разваливал, это точно.

После поражения рабочего движения Михаил Анохин ушел в философию и литературу. Время от времени выступал в периодической печати – дома и в газете «Край». Выступает и сейчас – в литературном приложении газеты «Кузбасс» – «Круг чтения». Ведет программу «Русское слово» на кабельном канале ТВ Прокопьевска. Написал книгу «Записки забастовщика». Она, к сожалению, не опубликована, а могла бы прояснить многое из недавнего прошлого. И углубленно занимается прозой. В большинстве своем прозаические работы Анохина пока остаются в рукописях. Напечатано лишь несколько рассказов и сокращенный вариант одной из повестей в журнале «Огни Кузбасса». То есть предлагаемая вашему вниманию книга – первое полноценное издание прозы Михаила Анохина.

Должно сказать, что Анохин не стилист в общепринятом смысле слова, не из школы Тургенева или Бунина, он не стремится отделать фразу, отшлифовать ее до блеска. Он мыслитель. Если позволите сравне-

ние с великими, то его духовная родня – Достоевский и Толстой. Иногда слово Анохина не поспевает за смыслом и возникает некоторое косноязычие. Впрочем, вполне извинительное в свете иных достоинств текста.

Рассказы Анохина многоплановы и сложно организованы. Написанное возможно понимать буквально, но не только. Подумаешь над прочитанным – обнаружишь подтекст. А поразмыслишь – возникнет новый, пожалуй, наиболее интересный смысловой этаж художественного произведения. Замечу тематическое и жанровое разнообразие произведений, включенных в книгу. Тут и классический рассказ (можно, однако, назвать это маленькой повестью) «Билет в Фатерлянд» – упрощенно говоря, о современном Акакии Акакиевиче Башмачкине, тихонько существовавшем в одном из «присутственных мест» и потерпевшем в результате «четвертой революции» карьерное и человеческое фиаско. «Свет в конце тоннеля», привидевшийся было ему, использовать не успел – человека подмяла под себя грубая жизнь.

Дальше – стилизация под «житийную» литературу. Вещь так и называется – «Житие странника»: о человеке, взыскиющем святости, не то бродяге, не то бомже, которого активно отвергает власть, светская и духовная, и не вполне понимает даже ближайший соратник, практически ученик. Блестящий абсурдистский рассказ, давший название книге, – «Если в доме теряются ножницы», его в двух словах не охарактеризуешь, следует читать.

А это бытовой детектив с фрейдистским анализом «Прокурорская сага». И мрачная социальная фантастика в духе Джорджа Оруэлла «Ковчег».

И нечто, одновременно напоминающее Платонова и Шукшина, однако содержательно совершенно оригинальное: «Смерть матери», «Трое». А также «ностальжи» из детства «Васятка», только без прищущей такого рода «средним» произведениям сентиментальности. И просто-таки агностический философский трактат, замаскированный под художественную прозу, – «Как будто».

Не лишены рассказы, повторюсь, словесных недостатков, есть композиционные огрехи (например, «Прокурорская сага», где явно лишний рассказчик-журналист), но в целом книга ощущается как работа зрелого мастера слова. И добавлю важное. Все рассказы созданы на живом, современном материале. Ситуации, даже самые, на первый взгляд, фантастические («Ковчег», «Житие странника»), абсолютно узнаваемы. Характеры прописаны, иногда до мельчайших деталей («Кafka из Таштагола»), физиономии персонажей яркие и запоминающиеся.

Большинство произведений Анохина помечены конкретным адресом. Это сибирский город Прокопьевск. Его серый снег. Его «тупорылые» трамваи. Его шахты, проглатывающие людей поутру и возвращающие (а зачастую не возвращающие) ввечеру, после основной смены.

Писатель Анохин создает (возможно, приспособливает под себя, под свое видение) личное литературное пространство. Как Гоголь – Петербург, Фолкнер – округ Йокнапатофа, Солоухин – владимирские проселки. Только у него это литературное пространство наполнено тревогой и ощущением неблагополучия. Видите ли, если в доме постоянно теряются ножницы, дом накануне беды...

Возвращаясь к началу данной заметки, скажу, что во многом книга Анохина – это художественная фиксация разочарований бывшего советского человека, надеявшегося в период перестройки и последующих реформ на изменения к лучшему в общественной и приватной жизни. Подчеркну при этом: слез по прошлому нет. Бывшая власть (а Анохин – человек немолодой, помнит смерть Сталина и время правления последующих социалистических начальников), бывший уклад жизни ощущались среднестатистическим гражданином СССР чужими. Но нынешние – еще более чужими.

Осмелюсь назвать Михаила Анохина стопроцентно состоявшимся прозаиком. Жаль, что книги такого уровня встречаются в кузбасской (да и российской) прозе не столь часто, как хочется.

Анфиса Акимбетова

БИОГРАФИЯ МИХАИЛА АНОХИНА

Михаил Петрович Анохин, поэт, прозаик, публицист, родился 29 сентября 1944 года в селе Калары Таштагольского района Кемеровской области. С 1958 года жил в Бийске, откуда был призван в ряды Советской армии. Служил в городе Хороль Приморского края в войсках стратегической авиации (командир машины аэродромно-эксплуатационной роты). После службы работал в военизированной части командиром отделения пожарного расчета. Трудился в организациях города Бийска: автогрейдеристом, рабочим в геолого-разведочной партии, грузчиком на Бийском мясокомбинате, грузчиком в мебельном магазине, слесарем по ремонту башенных кранов.

В 1971 году окончил в Бийске вечернюю общеобразовательную среднюю школу. В 1976 году участвовал в первых Шукшинских чтениях в Сростках. В 1979 году заочно окончил литературные курсы при Союзе писателей Алтайского края. Тогда же в Барнауле вышла книга стихов «Первая ступень». Рецензентами книги стали москвич Алексей Марков и красноярская поэтесса Аида Федорова.

Работал по оргнабору рабочим на судах тралового флота Камчатки. С 1984 года жил в Прокопьевске, работал на стройках города, специалистом по дорожной и строительной технике в Прокопьевском домостроительном комбинате.

Михаил Петрович Анохин был человеком думающим и неравнодушным. У него всегда имелся самобытный взгляд на события, происходящие в нашей жизни. В 1989 году участвовал в забастовочном движении шахтеров, после чего написал документальную повесть «Записки забастовщика». С 1990 по 1992 год – депутат горсовета, председатель комиссии по правам человека. Затем работал ведущим инженером НПО «Прокопьевскгидроуголь», с 1996 по 1999 год – за-

ведущим информационно-аналитическим центром Прокопьевского теркома «Росуглепрофа», также был заведующим информационно-аналитическим отделом газеты «Весь Прокопьевск» (1995–1999). С 2002 года сотрудничал с областной газетой «Край», с 2005 года – с областной газетой «Кузбасс» (печатался в приложении «Круг чтения»). Произведения Михаила Анохина публиковались в журналах «Наш современник», «Звезда», «Нева», «Сибирские огни», «Алтай», «Огни над Бией», «Огни Кузбасса».

Повесть «Только память» стала лауреатом премии журнала «Огни Кузбасса» как лучшая проза 2005 года. В декабре 2008-го автор был рекомендован Кемеровской областной писательской организацией для вступления в Союз писателей России, а с июня 2010 года стал членом СПР.

Михаил Анохин – лауреат журнала «Огни над Бией» 2013 года, победитель литературного конкурса «Энергия творчества» (2013). В мае 2014 года за книгу публицистики «Пережитое» был удостоен специального диплома Берлинского фонда «Литературное наследие» в номинации «За художественное мастерство и высокую гражданскую позицию». Организатором Международного литературного конкурса «Лучшая книга 2014 года» стала Берлинская библиотека современной литературы при Берлинском литературном институте им. А. П. Чехова.

Ушел из жизни Михаил Анохин 31 марта 2022 года. Похоронен в Прокопьевске.

Книги Михаила Петровича Анохина:

- Первая ступень : стихи.* – Барнаул : Алтайское кн. изд-во, 1979. – 48 с. : ил.
Если в доме теряются ножницы : повести и рассказы / вступ. ст. В. Попка. – Прокопьевск : [б. и.], 2008. – 308 с.
Пережитое : публицистика. – Прокопьевск : [б. и.], 2009. – 715 с.
Страницы памяти : избранное. – Прокопьевск : [б. и.], 2010. – 304 с.

Только память : повести. – Кемерово : Офсет, 2012. – 531 с.

Сказки для взрослых. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 64 с.

Аритмия : публицистика. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 58 с.

Из пропасти духа : публицистика. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 66 с.

Лбом об стену : публицистика. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 64 с.

Ветка маттенсаи : Приключения благородного варвара из Киммерии : повесть. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 62 с.

Размышления Боязливого. Русская сатира : рассказы. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 71 с.

Смерть матери : рассказы. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 58 с.

Эстетика зла : публицистика. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 62 с.

Стихи последних лет. – Прокопьевск : [б. и.], 2014. – 26 с.

Жажда немоты. Изборник. Стихи 2011–2015 годов. – Прокопьевск : [б. и.], 2015. – 80 с.

Мерцающая аритмия : сборник рассказов / вступ. ст. В. Соколова. – Кемерово : Технопринт, 2017. – 404 с.

Любовь Никитовна Арбачакова

1 мая 1963 г., д. Анзас, Кемеровская обл.

Прозаик, поэт, переводчик, художник.

Член Союза писателей России с 1997 года.

АЛТЫН КУШ

Раньше нынешнего поколения, позже прежнего поколения это было. Среди высоких гор жили три брата. Старший и средний братья были богатыми, младший – бедным. Мало ли, много ли прожили, младший брат Алтын Куш решил сходить к среднему, чтобы попросить в долг еды на охоту. Придя к нему, двери открыв, поприветствовал, порог переступив, раскланялся.

Брат спросил:

– Зачем пришел?

– Ээе, чтоб на охоту пойти, пришел еды попросить.

Средний брат закричал на него:

– Чем тебе еду давать, лучше собаке отдам! Какой из тебя охотник, даже мышке из носа кровь непустишь!

Че, Алтын Куш опечалился, решил к старшему брату сходить. Когда пришел – раскланялся-поприветствовал; старший брат, узнав о цели визита, тоже его оскорбил и прогнал.

Огорченный Алтын Куш домой ни с чем вернулся. Через неделю все же на охоту собрался. Взял с собой двухструнный комус – наследство от их деда, сказителя знаменитого. В тайгу он пошел вслед за братьями, которые ушли на охоту три дня назад...

В лесу много снега было, многометровый снег выпал. На свистящую гору поднявшись, на гладкий хребет спустившись, увидел: два брата в избушке-одаг живут.

Алтын Куш, к своим двум братьям дойдя, сказал:

– Че, братья, давайте вместе на охоту ходить!

Тогда средний брат, рассердившись, сказал:

– Ты хочешь жить придя на готовое – иди в другое место!

Так закричав, тот брат хотел его кюрчек-лопаткой ударить, но старший брат остановил:

– В тайге не ругаются, не дерутся, иначе рассердим хозяина этих гор, зверей-птиц не добудем.

Тогда Алтын Куш ушел подальше в тайгу. Там увидев раскидистый кедр, решил построить себе одаг из веток ели и пихты. Целый день провозился с постройкой! Наготовил к вечеру сучьев, сделал на земле небольшое кострище, взял комус и стал кайларить сказание богатырское. Пел, пел, как уснул – сам не заметил.

Утром встав, на охоту стал собираться, вдруг слышит: снаружи чьи-то шаги. Вышел, осмотрелся по сторонам – никого. Вдруг неведомо откуда слетелись рябчики, летают-пересвистываются. Схватил он лук-стрелы, настрелял птиц, на костре пожарил, наелся. А вечером снова решил покайларить: пел, пел – не заметил, как и уснул.

Утром проснулся, собрался на охоту; вдруг снаружи шум послышался, вышел – никого! Уже хотел в избышку-одаг войти, видит: много пушистых соболей по ветвям кедра, пихты прыгает. Он тут же поставил капканы, силки. На другой день попало в них несметное число зверьков с блестящей темной шерсткой.

Так он пробыл в тайге около трех месяцев; много наловил разной дичи, соболей-птиц. Счастливый, с большой добычей встал на лыжи и собрался домой, только видит: от одага свежий след проложен. Он удивился – чьи следы? – и покати по этой дороге. Шел, шел, большая красивая скала попалась. След вел внутрь этой скалы. Стало ему интересно: что там? Подойдя ближе, заметил он дверь, в нее палкой стучать стал. Че, правда, дверь открылась, он вошел. Войдя, увидел старика со старухой, они седые уже.

Это были хозяева гор, они сказали:

– От тебя нехорошо пахнет!

Алтын Куш отвечает:

– Эзе, когда в тайге жил, вещи, видно, дымом, хвоей пропахли!

Старушка неведомо откуда принесла ему прекрасную одежду, обувь. Алтын Куш переоделся и превратился в прекрасного юношу. Старик со старухой стали вкусной едой его угощать. Парень, пока ел, стал жилище осматривать. Видит, из другой комнаты лучистый свет струится.

Сердце его екнуло, он спросил:

– Что это светится?

Вдруг оттуда выходит красивая девушка, лучи ее глаз все вокруг освещают. Алтын Куш тут же в нее влюбился, решил посватать ее. Че, рассказали старик со старухой, что она их дочь единственная. Оказывается, и она полюбила его, с тех пор как услышала его красивые песни... В благодарность за это она отправляла ему тех птиц-зверей, которых он добыл. Имя этой девушки было Алтын Кёёк. На радостях они здесь же справили свадьбу.

После той-праздника парень сказал:

Хоть невысокая, своя гора у меня есть,
Хоть неглубокая, своя река у меня есть!
Поедем в наш чурт!

Отец с матерью вышли их проводить, на прощанье вручили они своему зятю тяжелый туес с драгоценностями – их свадебный подарок.

Отец подпрыгнул-встряхнулся и светло-серым конем обернулся:

– Садитесь на меня, я отвезу вас домой!

На этого коня сев, Алтын Куш с женой-красавицей к своей земле-реке вернулся; коня назад они отпустили. С тех пор, разбогатев, на зависть братьям зажил он со своей женой счастливо-богато.

(«Под небом Анзасса», 2021)

КАКПЫРЫН-СТАРИК

Раньше-прежде одинокий Какпырын-старик был. Он у истока широкой реки жил, которую переплывал на лодке из бересты. Однажды старик приготовил вкусную кашу, а сам порыбачить спустился к речке. Вернувшись в одаг, открыл крышку казана и заметил, что каши мало

осталось. «Кто съел мою кашу?» – так сказав, он стал вокруг оглядываться; никого не найдя, поел, лег и уснул.

Утром встал, снова сварил вкусную кашу, сам отправился на речку. Вернулся – еды нет. Так дважды повторилось! Теперь задумался: «Почему так получается? Ведь сколько жил, никого из людей не видел. Попробую подкараулить того, кто мою кашу съедает!»

Какпырын снова сварил кашу, сам будто бы отправился к речке, а другой тропинкой назад вернулся. Вернувшись, стал смотреть сквозь небольшое отверстие в стене. Видит, там необыкновенно красивая девушка: глаза лучистые, по спине косички струятся. Подумал про себя: «Это, видно, хозяйка реки или горы!»

Старик, спрятавшись, решил узнать, в какую сторону пойдет эта девушка – к горе или к реке. Ждал, ждал – девушка вышла и пошла в сторону горы. Он подумал: «Это дочь хозяйки горы!»

Вдруг красавица заплакала:

Беда! Загулялась в лесу,
Тяжелые горные двери
До весны закрылись!
Снежной зимы не переживу...

Ему стало жалко девушку, он вышел из своего укрытия, завел в свою избушку, стал спрашивать: «Кто ты, откуда родом?»

Она рассказала, что живет недалеко, в горе Шаныш-таг... Там у них красиво, нет зимы, нет солнца-луны, все освещение от изумрудных камней. Их гора осенью закрывается, а весной открывается... Однажды девушка гуляла со своими подругами вдоль этой реки, увидела прекрасного юношу-рыбака и влюбилась в него. Парень переплыл реку на берестяной лодке и поднялся в свой одаг. Через несколько дней она зашла в его жилище и не смогла отказаться от вкусной каши из казана.

Только так она сказала – старый рыбак подпрыгнул-встряхнулся и превратился в статного юношу. Оказывается, злая хозяйка реки пре-

вратила его в старика, за то что выудил он из реки ее золотой гребень. И было ему суждено век вековать, пока в него не влюбится какая-нибудь девушка. Он тоже полюбил ее, и стали они счастливо жить вместе.

(«Современная литература народов России», 2017)

ОХОТНИК МЕРГЕН

Давным-давно это было – задолго до нашего поколения, позже прежнего поколения. В глубине глухой тайги молодой охотник Мерген жил. Всю свою жизнь зверя-птицу добывая жил.

Однажды отправился он на охоту, далеко от своего дома ушел. Шел, шел, видит: горит могучий кедр, а на его пушистых ветвях красивая змея извивается-мечется, не может из огня выбраться. Не мешкая, охотник Мерген протянул змее ветку, она уцепилась и спаслась! Увидев, что змея жива-невредима, решил он дальше отправиться.

Вдруг слышит свистящий шепот – это змея заговорила голосом человека:

– Спасибо тебе, охотник Мерген! Выручил меня из беды! Садись на меня, я отвезу тебя к своим родителям, они отблагодарят тебя!

Не хотел садиться Мерген, но змея не отпускает. Тогда юноша сел на змею и от страха закрыл глаза. Только он сел – змея со своего места так рванулась, что в ушах у него зазвенело. Если сказать, что бежит – топота ног не слышно. Если сказать, что летит – шума крыльев не слышно.

Так долго-недолго бежали-летели, змея сказала:

– Открой глаза, Мерген, мы уже на месте.

Мерген открыл глаза, видит: стоит прекрасная девушка, а змеи нет. Вокруг такие места, что ни во сне, ни в мечтах не увидишь! Недалеко от них гора Кюбес возвышается, три двери имеющая. Когда они по-

дошли, средняя дверь горы открылась, девушка и Мерген вошли. Оказывается, внутри этой горы жили родители девушки.

Увидев свою дочь, они от счастья заплакали:

– Абог, Кюн Кёк-дочь! С тех пор как ушла, уже три года прошло. Мы думали, что ты погибла.

– Че, отец-мать, я едва не сгорела в огне, но меня спас этот юноша!

Отец с матерью не знали, чем отблагодарить Мергена. Как родного сына его полюбили. Из еды лучшим его кормили.

Мало ли, много ли жили, как-то девушка говорит:

– Че, Мерген, давай вместе с друзьями на праздник-той ходим. Ты посмотришь наши края, посостязаясь с местными алыпам-богатырями, а то ведь скучно тебе!

– Пойдем! – ответил он.

Собрались, ушли. Там было так весело, что словами не сказать! Веселились-веселились – как пролетело время, не заметили. Краснея, наступил вечер, солнце село.

Кюн Кёк, подойдя к Мергену, сказала:

– Нам пора назад возвращаться!

За руки взявшись, домой отправились.

По дороге она спросила:

– Че, Мерген, как ты думаешь, сколько мы здесь пробыли?

– Почему спрашиваешь? Утром пришли, вечером возвращаемся!

– Нет, друг, не один день мы здесь, а ровно год были.

Услышав такое, Мерген удивился:

– Пай, дочь хана, как это год пролетел? Мне в свой чурт пора возвращаться!

Задумался Мерген, затем видит: он в прекрасной ханской одежде и девушка стала краше прежнего.

Красавица ему говорит:

– Ты стал настоящим алыпом, можешь теперь домой возвращаться!

Когда Мерген засобирался в свой чурт, старик со старухой сказали:

– Погоди, Мерген, ты нашу единственную дочь спас, мы без подарка тебя не отпустим!

– Пай, великие люди, какой мне от вас подарок нужен? – сказал. – Отдайте мне вашу дочь в жены!

Обрадовались старики, тут же свадьбу-той устроили! Осыпали их золотом-серебром и отправили в землю Мергена. Там они счастливо-богато зажили.

(«Современная литература народов России», 2017)

НЕБЕСНАЯ ДЕВА КЮМЮШ КАС

Давным-давно жила одна девушка. Она была так красива, что красотой затмевала само солнце! Ее звали Кюмюш Кас. С детства девушка росла рядом с детьми двух ханов: одного звали Кёк Олак, а другого Алтын Ок. Два парня с ранних лет полюбили Кюмюш Кас и, чтобы привлечь ее внимание, вечно устраивали какие-нибудь состязания: то стреляли из луков, то устраивали скачки на конях. Подростая девушка не сразу заметила, как они прекрасны, мужественны, честны – настоящие богатыри-алыпы!

Однажды два ее преданных друга пришли к ней, оба были молчаливы и грустны. Увидев их, красавица заволновалась: «Что с вами, что случилось?»

Но в этот вечер они ничего не сказали ей. После их ухода Кюмюш Кас вдруг поняла, как эти юноши дороги ей и любимы! Ночь была бессонной, утомительной. Наутро, проснувшись, она тут же побежала к ним, но их уже не было дома: друзья ушли на охоту.

Тогда девушка со всех ног бросилась на берег реки и, упав на колени, стала просить свою тетю Алтын Кас спуститься с небес, так как у нее большая просьба к ней. Алтын Кас была женой творца-чайачы!

Кюмюш Кас стояла так долго, что заныли коленки. Через некоторое время она увидела большую белую птицу, которая так стремительно летела вниз, что казалось, вот-вот разобьется. Когда птица подлетала к девушке, Кюмюш Кас узнала в ней свою тетю. И действительно, часто дыша, Алтын Кас подошла к племяннице и обняла ее. Они проговорили с ней до вечера. О чем говорили – неизвестно, только девушка вернулась домой с опухшими глазами.

На следующий день два ее преданных друга пригласили Кюмюш Кас на конную прогулку. Они по-прежнему были печальны. Когда выехали в чистое поле, два алыпа как прищепили своих коней – будто золотые стрелы пролетели!

Девушка остановилась в растерянности, до нее донеслись слова:

– Чей конь первым придет, за хозяина того коня замуж пойдешь, Кюмюш Кас!

Девушка хоть и догадывалась, что между парнями что-то происходит, все же была удивлена и напугана! Спрыгнув с коня, она села ждать. Все это время Кюмюш Кас думала о том, кто же ей больше нравится, но никого так и не выбрала.

Через час появились взмыленные лошади. Увидев своих друзей, девушка встала, так и не зная, кого из них ей поддержать. Кони ноздря в ноздю подскакали к ней; парни были чуть-чуть раздражены, но у них горели глаза. Сойдя с коней, упали перед ней на колени: «Кюмюш Кас, мы оба тебя безумно любим, кого выберешь, тому и станешь женой!»

Но девушка еще не сделала своего выбора: она любила их одинаково! Ничего не сказав, утирая слезы, красавица повернулась и пошла от них прочь. Вдруг она услышала звон клинков: два друга схватились в смертельном поединке.

Три дня и три ночи сражались богатыри – никто не побеждал! Девушка все время стояла рядом, пытаясь их разнять, но юноши будто бы превратились в глухонемых. Так они сражались-сражались, пока не выбились из сил и разом не свалились от усталости! Когда они еще лежа-

ли, девушка заметила, что над Алтын Ок закружился золотой ястреб, а над Кёк Олак – синий коршун.

Вдруг эти птицы стремительно рванулись навстречу друг другу и стали так драться, что их перья полетели в разные стороны. Внезапно девушка услышала страшные крики в небе, затем все стихло. Красавица увидела, что птицы вперемешку с желто-синими перьями летят вниз головой. Летели-летели... и, бездыханные, упали! Тут же послышался стон ребят, Кюмюш Кас устремилась к друзьям: к одному подбежала – тот уже недвижно лежал, подбежала к другому – он лишь тихо прошептал: «Мы искренне любили тебя, жаль, что так вышло, прости нас!»

Обезумевшая от горя девушка, вскочив, так плакала, ударяя себя ладонями по бокам, что руки ее постепенно стали превращаться в белоснежные крылья... Она вспорхнула в образе серебристо-лучистой гусыни и полетела в синь небес. Там небесную деву уже ждала ее тетушка – Алтын Кас.

(«Современная литература народов России», 2017)

ЧЕЛЬБЕГЕН И МАШМОРУК

Давным-давно в глухой тайге жил одинокий парень по имени Машморук. Питался он тем, что добывал на охоте и на рыбалке. Однажды он взял сети, спустился к горной речке и только собрался забросить их, как из-за кустов выскочило лохматое чудовище – людоед Чельбеген. Схватив Машморука, он сунул его в мешок, взвалил на спину и отправился в свой чурт. Нес, нес парня, устал, сел отдохнуть, уснул.

Пока людоед спал, Машморук выбрался из мешка, натолкал туда бересты и убежал. Только он ушел, проснулся Чельбеген, взвалил на себя набитый мешок и пошел дальше.

Шел, шел, приближаясь к избушке, запел:

Ийра-ийра, ийра-ра,
Машморуку сидит в мешке!
В большом казане его сварим –
Вкусным будет наш обед!

Три сына Чельбегена услышали песню отца, обрадовались, запрыгали-забегали! Их отец, войдя в избу, развязал мешок – а там одна береста!

Рассердился он:

– Сбежал Машморуку! Никуда не денется, поймаю!

На другой день Чельбеген снова отправился к той быстрой речке, дождался Машморука, схватил его, бросил в мешок и отправился к детям. Шел, шел с тяжелым мешком, устал, сел отдохнуть и уснул. Машморуку вышел из мешка, а туда еловых ветвей натолкал. Чельбеген проснулся, взял мешок, пошел. Шел, шел, приближаясь к дому, снова ту же песню спел.

Дети, увидев отца с мешком, радуются, прыгают! Чельбеген вошел в избу, развязал мешок – там еловые ветви! Что делать? Ночевали голодными.

На следующий день опять пошел Чельбеген в сторону речки. Увидев там Машморука, закричал:

– Какой ты хитрый! Сейчас схвачу, уже не сбежишь!

Схватил его, затолкал в мешок, взвалил на спину и пошел. В этот раз Чельбеген решил нигде не останавливаться, чтобы не уснуть. Так и донес мешок с добычей.

Приближаясь к дому, запел:

Ийра-ийра, ийра-ра,
Машморуку сидит в мешке!
В большом казане его сварим –
Будет вкусным наш обед!

Дети, увидев отца, обрадовались.

– Принес Машморука папа! – сказали.

Чельбеген вошел в избу, бросил мешок в угол, приготовил казан, а сам отправился в лес за дровами.

Только людоед ушел, находчивый Машморок говорит его детям:

– Малыши, хотите, научу рыбу ловить?

Они хором крикнули:

– Хотим!

– Тогда выпустите меня!

Дети обрадовались! Подбежали, мешок развязали, выпустили его. Довольный Машморок взял сети и с малышами спустился к речке. Вместе они поймали много-много разных рыб: налимов, щук, хариусов. Вернувшись в избушку, только успели их сварить – вернулся голодный отец Чельбеген. Видит, Машморок и его дети поют веселую песню. Увидев отца, малыши подбежали к нему, усадили за стол и угостили вкусной рыбой. Они похвастались, что Машморок научил их ловить рыбу и теперь они не будут голодать. Сытый и довольный Чельбеген отпустил пленника домой.

С той поры, как рассказывали, Чельбеген перестал охотиться на людей.

(«Современная литература народов России», 2017)

ДЕВОЧКА И ЧЕЛЬБЕГЕН

Жили муж с женой, и была у них малышка дочь по имени Айа.

Однажды Айа сказала:

– Мама, можно я за клюквой схожу?

Мама не отпускала.

– Заблудишься, доченька! – говорила.

– Нет, не заблужусь! – сказала девочка и убежала со своими подружками.

Шли, шли – к большому болоту пришли. Разбежались в разные стороны и стали собирать клюкву. Айа собирала, собирала и не заметила, как вечер наступил. Оглянулась, а подружек нет! Испугалась она, стала бегать искать их. Искала, искала и наткнулась на берестяную избушку.

Вошла в избушку, а там лежит людоед Чельбеген и говорит:

– О, вкусный обед сегодня у меня будет! Я съем тебя, съем!

Испугалась девочка, просит:

– Не ешь меня, не ешь! Тебе, бездетному, доченькой стану!

Обрадовался Чельбеген.

– Че, тогда побаюкай! Колыбельную мне спой, – сказал.

Айа стала качать колыбель, убаюкивать песней Чельбегена, а когда он уснул, выбежала из избушки.

К ней подбежал зайчик:

– Скорей садись на мою спину, доставлю тебя к твоему отцу с матерью!

Он наклонил голову, девочка ухватилась за его ушки и взобралась к нему на спину. Как побежал заяц, только лапы стучат! Однако не так далеко убежали: Чельбеген догнал их.

Догнав, он зайчика съел, а девочку не тронул, в свою избу привел, сказал:

– Покачай-побаюкай!

Девочка весь день качала-убаюкивала Чельбегена, он и уснул. Опять Айа на улицу выбежала.

К ней лосиха спешит:

– Скорей садись на мою спину, доставлю тебя к твоему отцу с матерью!

Лосиха нагнула голову, девочка ухватилась за ее рога и взобралась к ней на спину. О, так помчали они, что в ушах засвистело! Довольно далеко убежали, но Чельбеген все-таки догнал их!

Догнав, лосиху съел и девочку хотел съесть, а она стала просить-умолять:

– Не ешь меня, больше не убегу!

Людоед не стал ее есть, привел в избушку, снова заставил качать-баюкать.

Усыпив Чельбегена, девочка выскочила, к ней бычок прибежал:

– Скорей садись на мою спину, доставлю тебя к твоему отцу с матерью!

Наклонился, девочка взобралась на его спину, и он побежал. О, Чельбеген, проснувшись, тут же погнался за ними!

Когда стал их догонять, Айа колыбельную запела:

Паю-пай, Чельбеген,
На мягкой травушке
Крепким сном усни!

У Чельбегена веки стали смыкаться, он зевнул, повалился на траву и уснул. Так убаюкав его, далеко они убежали. Чельбеген же, очнувшись, опять за ними погнался. И снова Айа стала петь колыбельную, Чельбеген прямо на бегу засыпал и уснул крепким сном. Тем временем далеко они от него убежали... Вот так бычок доставил Айу к ее отцу с матерью! Родители девочки обрадовались, бычка угостили солью и молотым талганом!

(«Современная литература народов России», 2017)

МОЛОДОЙ ОХОТНИК АНЧЫ

Охотник Анчы лежал в одаге уже третий день. Он не знал, что с ним происходит. В лесу он был второй месяц, но ничего подобного с ним не случалось. Три дня назад, после появления в его одаге женщины и разговора с ней, он вдруг заболел.

Анчы вспомнил свою любимую, на которой должен был этой весной жениться. Ее отец запросил огромный калым за свою дочь. Поэтому Анчы отправился с братьями в тайгу. Братья на неделю ушли охотиться дальше, а он остался здесь, недалеко от теплого одага.

В первый день после их ухода все было хорошо: Анчы добыл двух соболей и двадцать белок, а вечером, поужинав, лег спать. Засыпая, он, словно во сне, увидел, как к нему подошла женщина и сказала, что хочет выйти за него замуж. Он ответил, что любит другую.

Тогда она пригрозила:

– Отныне ни одного зверя ты не поймаешь!

Анчы не поверил и пошел охотиться, но безуспешно. К тому же было ветрено, морозно, он, видно, простыл. И теперь лежал больной. А та женщина не отступала, приходила каждый вечер. Анчы рассказывали старые охотники о хозяйках гор, но тогда он не верил их байкам. Теперь же, когда с ним такое приключилось, он вспомнил о том, что они говорили. Дескать, Таг Ээзи, Хозяйку горы, можно отвадить только так – выстрелить в нее, вставив в заряд новую иглу.

Следуя их совету, Анчы решил избавиться от этой Хозяйки горы и стал ждать ее. Болезнь не отступала, ему становилось все хуже. На седьмой день, услышав долгожданный стук, он взвел курок. Когда скрипнула дверь – выстрелил не дожидаясь.

Братья очень испугались, когда прозвучал выстрел. К счастью, заряд пролетел мимо, не задев никого. Войдя в одаг, увидели брата в горячке. Через день они доставили его на санях в сельский медпункт, где ему сделали укол и отправили в больницу.

Весной братья помогли Анчы уплатить калым за невесту и он смог жениться на своей возлюбленной.

(«Под небом Анзасса», 2021)

Валентина Ингольд

ДУША РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Не помню, когда мы познакомились с Любовью Никитовной Арбакаковой. Учились на одном факультете, правда, на разных отделениях. За многие годы нашего общения мой дом украсили ее картины – живопись и графика, в книжном шкафу стоят подаренные ею книги, плоды размышлений и трудов: делиться радостью и красотой для Любови Никитовны естественно и привычно. Она дарила свои работы и факультету русского языка и литературы. Придешь на занятия, увидишь летнюю черемуху – значит, всё на своих местах!

Осталась в памяти моя первая поездка к ней в поселок Усинский в конце 1990-х гг. Хозяйка включила записи шаманских обрядов, под которые я уснула посреди белого дня. Все в доме Любови Никитовны было сказочным: картина, над которой она тогда работала, обстановка, красивое стеганое одеяло. А потом меня и мою семью радушно принимали в Междуреченске, Таштаголе, Усть-Кабырзе. И всегда это был дом, пронизанный светом! Неслучайно так много света и в ее живописи, и в ее стихах. Многоцветье тайги выплеснулось на ее картины цветущими полянами кандыков и купами черемухи, осенним желтым листом и жаром клюквы. Свет и любовь! Любовь к родному краю, своему народу, к близким, к слову.

Получив высокое имя – Любовь,
Я всю себя отдала любви.
Только это высокое званье несу!
И на имя Любовь,
Как на привычное,
Я теперь отзываюсь...

Любовь к родному языку и фольклору нашла отражение в стихах и прозе Любови Арбачаковой. Образы, созданные ею, словно продолжение яви и снов Горной Шории: богатыри-алыпы, девушки-красавицы, смелые охотники, хозяйки гор и вод – словом, в ее произведениях оживает духовная культура шорского народа. Автор не скрывает, что берет за основу фольклорные сюжеты, свободно совмещая реальное и фантастическое. События многих прозаических произведений Арбачаковой отнесены к условному сказочному времени: «Раньше нынешнего поколения, позже прежнего поколения это было» («Алтын Куш»), «Давным-давно это было – задолго до нашего поколения, позже прежнего поколения» («Охотник Мерген») или еще проще – «давным-давно». Рассказы о жизни шорцев, полные комизма, своими сюжетными ситуациями и персонажами напоминают анекдоты и бытовые сказки. Таков хитрый Чой Чук из «Историй бабушки Лиды-Акушак» или шорцы, впервые приехавшие в Сталинск и попадающие в силу незнания русского языка («Кроме русского выражения: “Это мы так сделали! Кроме нас, никому!” – ни слова по-русски не знали») в нелепое положение («Под небом Анзасса», 2021).

Время, течение жизни находят отражение в стиле произведений со сказочным сюжетом, который, безусловно, восходит к фольклорной традиции: длительность передается повторами («долго-недолго бежали-летели», «раскланялся-поприветствовал», «пел-пел», «сражались-сражались», «качала-убаюкивала» и др., особым видом становятся такие, как «земля-река», «птицы-звери», «соболи-птицы», «лук-стрелы», «солнце-луна», «отец-мать», «золото-серебро», что свойственно архаическому мышлению), синтаксическим параллелизмом («Если сказать, что бежит – топота ног не слышно. Если сказать, что летит – шума крыльев не слышно»). Особенными повторами следует считать двуязычные: «была женой творца-чайачы», «богатыри-алыпы», «избушка-одаг», «хотел его кюрчек-лопаткой ударить», «той-праздник», «свадьбу-той устроили», которые, возможно, отражают речевую практику шорцев-сказителей.

Узнаваема в этих произведениях и сюжетно-композиционная организация сказок. Так, время определяется в зачине, в тайгу отправля-

ются три брата («Алтын Куш»), трижды приходит к рыбаку красавица («Какпырын-старик»), трижды ловит Чельбеген Машморука («Чельбеген и Машморук»). Неповторимость произведениям придает обращение автора к подробностям шорского быта, тесно связанного с тайгой. Герои охотятся, ловят рыбу, плавают на берестяных лодках, собирают ягоду и кедровый орех. Так, Машморук, подобно культурному герою, учит детей людоеда Чельбегена ловле рыбы: «Машморук взял сети и с малышами спустился к речке. Вместе они поймали много-много разных рыб: налимов, щук, хариусов. <...> Увидев отца, малыши... угостили вкусной рыбой. Они похвастались, что Машморук научил их ловить рыбу и теперь они не будут голодать» («Чельбеген и Машморук»).

Героем становится охотник и сказитель Алтын Куш, потешивший своей игрой и пением Алтын Кёёк – дочь хозяев гор, которая награждает его рябчиками, пушистыми соболями: «...она полюбила его, с тех пор как услышала его красивые песни... В благодарность за это она отправляла ему тех птиц-зверей, которых он добыл». Узнаваема типичная для волшебной сказки ситуация: герой получает в жены красавицу другого царства («Алтын Куш»). В произведении «Молодой охотник Анчы» герой, как это происходит в мифологических рассказах, избавляется от существа иного мира. Один и тот же мир – мир хозяев гор и рек – может быть враждебен человеку, а может сулить любовь и счастье. И это объяснение предлагает традиционная культура шорцев: мир един, все сущее связано. Так, в сказке возможно перевоплощение, границы мира духов и людей становятся проницаемыми: «Отец подпрыгнул-встряхнулся и светло-серым конем обернулся» («Алтын Куш»); «Только так она сказала – старый рыбак подпрыгнул-встряхнулся и превратился в статного юношу. Оказывается, злая хозяйка реки превратила его в старика, за то что выудил он из реки ее золотой гребень» («Какпырын-старик»); «Мерген открыл глаза, видит: стоит прекрасная девушка, а змеи нет» («Охотник Мерген»). С другой стороны, это может объяснить художественное мышление самого автора. В поэзии Любви Арбачаковой представлено единство всего существующего. Мир наполнен жизнью: духи, люди, животные – все

существует как единое и нерасторжимое целое. Поэтическое воплощение этого представления требует особой формы, которую дает традиционная песня, – психологического параллелизма: «Отцветающая черемуха / Пусть расцветает вновь и вновь! / Угасающая любовь моя / Пусть возгорается вновь и вновь!»

В стихотворении «О бессмертное солнце...» живых и ушедших в мир иной связывают солнечные лучи:

О бессмертное солнце,
Твои лучи ласкают меня,
И братьев моих, и сестер.
Твои лучи согревали
Маму и папу,
Дедов и бабушек –
Всех моих предков.

Другими словами, единство обусловлено тем, что все сущее причастно солнцу, которое дарит жизнь – бессмертие: «Пусть брренное мое тело в земле останется – / Душа же солнцу достанется!» («Луны и солнца вечные пленники...»). Так поэтически реализуется архаическое представление, нашедшее воплощение в мировоззрении многих народов: люди равны, ибо все они дети матери-земли.

Лирическая героиня Арбачаковой живет в одном ритме с солнцем и луной, небом и землей, горами и цветущими полянами, совмещая, соединяя противоположности, точнее, утверждая их близость и свою срединность: «Я как земля – / Между высоким небом / И нижним миром...»

Совершенно особое место в творчестве Любови Арбачаковой занимает тема детства и тема памяти.

Каким же объединяюще-сладостным
Был запах дымившей трубки
У старой соседки-шаманки
В нашем далеком детстве!

Об этой шаманке Любовь Никитовна подробно говорит в своей автобиографии «Мое незабываемое детство»: «...одевалась она не как все: платье на ней было национальное, зеленое, длинное, с геометрическим орнаментом понизу, а на шее много-много разноцветных бус из мелкого и крупного бисера. Еще я помню ее длинные сережки ручной работы – с мелкими бусинами и монетами. Она садилась, набивала трубку и, попыхивая ею, общалась с родителями».

Поэтесса создает суггестивные образы-воспоминания:

Миг –
И встают передо мной
Зеленые горы детства,
Эхом разносится смех,
И бабочек трепетная пестрота
Из-под ног разлетается в небо.

Горы, смех, бабочки, небо – все это замечательно точный образ счастья, пережитого в детстве, радости, дарованной самим небом, что вызывает сильное эмоциональное переживание читателя. «Бабочек трепетная пестрота» – это сама жизнь, воплощение радости, которая дарит надежду и может принести исцеление («Душа кровоточит / В черной полосе... / Спасет ли меня в этот раз / Пестрых бабочек быстрый полет?»), но так скоротечна («Кружится бабочка, / Не ведая, что прекрасна, / Что жизнь ее только миг!»).

Лирическая героиня Любови Арбачаковой не просто хранит воспоминания, но и осмысливает произошедшее, замечая, как меняется она сама и мир, как запечатлевается ход времени.

Я ошибалась, мечтая,
Что будет жизнь – бесконечной.
Душа еще молода,
Но сквозь улыбку глаз
Морщинки, лучась, проступают.

Время в поэзии Арбачаковой – это история семьи, рода, этноса, жизнь души. Прошлое не исчезает, оно не только в сказаниях и песнях – оно продолжается в живых: «Стертое фото разглядываю / Времен дедушки-бабушки. / По коротким пальцам ее / Руки свои я узнаю...» Героиня связана с живыми так же прочно, как и с ушедшими: «Мои самые близкие / Давно девять рек переплыли. / Наша встреча не за горами – / И все на свои круги вернется?» Поэзия Любви Арбачаковой – это искренний монолог души, то почти исповедь, то сомнения или открытия, но всегда вечное движение. И подчас наблюдения воплощаются в удивительных «мимолетных впечатлениях», как назвала поэтесса свой цикл лирических миниатюр: «Дожила я до возраста, / Когда поцелуй страстный / Соседей юных в саду / Не всколыхнул моего сердца...» Почти древнегреческая мелика!

Простота и лаконичность многих стихотворений Арбачаковой – это выражение художественного совершенства – обусловлены связью ее поэтического мышления с шорской духовной культурой, фольклорной традицией, которая сообщает автору неповторимость творческую и человеческую, дает силу ее душе-птице оторваться от земли и устремиться к небу.

Прислушайся к шуму ветра,
Пению птиц, биению сердца –
И полетишь ввысь, в небеса!

Любовь Арбачакова

АВТОБИОГРАФИЯ

Родилась я в шорском селе Анзас (Онзас пажы) Таштагольского района Кемеровской области. В 1970–1978 годах училась в Чилису-Анзасской школе-интернате № 32, в 1978–1980 годах продолжила учебу в Спасской школе № 13 (Таштагол), где получила среднее образование.

После школы поступила в Бийский лесхозтехникум. По специальности «мастер леса» я проработала один год, а затем стала работать художником декоративной росписи подносов на Кемеровской фабрике художественных промыслов «Весна».

В 1994 году окончила Новокузнецкий пединститут (факультет русского языка и литературы), в 1995-м поступила в аспирантуру Института филологии СО РАН (Новосибирск). В 1998 году защитила диссертацию по теме «Текстология шорского героического эпоса» (на примере материалов Н. П. Дыренковой и А. И. Чудоякова). Кандидат филологических наук, с 2000 года старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук. В область моих научных интересов входит изучение фольклора шорцев, сбор и фиксация современного материала, публикация и пропаганда произведений духовной культуры шорского народа.

Я автор более 60 научных публикаций, в т. ч. монографии «Текстология шорского героического эпоса», тома «Фольклор шорцев», вошедшего в известную академическую серию «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», книг «Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева», «Шаманы Горной Шории», «Алып Кускун» и др. В 2018 году в Казахстане было опубликовано шорское героическое сказание «Ак Кан» в моей записи в книге «Современная эпическая традиция шорцев»; в том же году два героических сказания («Кёк Торчук», «Чепе Салгын, имеющий неказистого рыжего коня»), записанные мной от В. Е. Таннагашева, были переведены на английский язык и опубликованы в США в книге «Shor Shamanic Epic Folktales».

В свободное время я пишу рассказы и стихи на шорском и русском языках. С 1997 года являюсь членом Союза писателей России. С 2001 года опубликовано четыре сборника стихов и книга рассказов, навеянных родным фольклором: «Тернии души» (Новокузнецк, 2001), «Колыбель любви» (Новокузнецк, 2004), «Песни шориянки» (Новокуз-

нецк-Новосибирск, 2011), «Затерялась я во Вселенной...» (Кемерово, 2019), «Под небом Анзасса» (Кемерово, 2021).

Некоторые мои русские стихи были переведены на турецкий, немецкий, английский, азербайджанский, белорусский и другие языки. В 2019 году в Бишкеке опубликован сборник моих стихов на русском и киргизском языках (перевод Аиды Эгебердиевой). В 2021 году автобиографический рассказ «В далеких горах Анзасса» («Ciel de printemps a Anzass») был переведен на французский и опубликован в книге «Blanches de Sibirie et doubles croches» (автор Philippe B.Tristan).

Также я сама занимаюсь переводческой деятельностью, она связана с моим участием в различных проектах. Например, стихи А. С. Пушкина были переведены на шорский язык по просьбе сотрудников таштагольской городской библиотеки к юбилею поэта. Сонеты Янки Купалы я перевела на шорский по личной просьбе А. Н. Карлюкевича, который с 2022 года является председателем Союза писателей Беларуси (22 сонета опубликовано в книге «Санеты», 2019). В свою очередь были переведены мои русские стихи на белорусский язык известным поэтом Николаем Метлицким и опубликованы в журнале «Маладосць». В 2017 году я перевела на шорский сказку Л. Кэрролла «Приключения Алисы в Стране чудес». В 2022-м вышли книги с моими переводами библейских историй: «Иона теп пророктың номы / Книга пророка Ионы» (Москва), «Библиядаң алған чооқтар / Библейские истории» (Новосибирск).

С 2005 года являюсь членом Союза художников России; мои персональные выставки прошли во многих городах Кемеровской области (Кемерово, Новокузнецк, Прокопьевск, Таштагол, Мыски, Междуреченск, Осинники), а также в Новосибирске, Абакане, Москве (ЦДХ), в Германии (Куксхафен). В 2006 году я стажировалась на X Международной творческой лаборатории стран-участниц ТЮРКСОЙ (Анкара, Турция), в 2015-м принимала участие в Международном симпозиуме «Шелковый путь» (Елабуга), участвовала в совместных выставках в Турции, Китае.

В 2002 и 2003 годах принимала участие в Сибирской ярмарке «Свежее искусство Сибири», где получила малую золотую медаль в номинации «Живопись». В 2003 году стала лауреатом Кузбасской премии им. Н. И. Бачинина за произведения живописи. Мои работы хранятся в Музее изобразительных искусств Кузбасса (Кемерово), в Омском областном музее изобразительных искусств им. М. А. Врубеля, Новокузнецком художественном музее, Хакасском республиканском краеведческом музее (Абакан), Музее этнографии и природы Горной Шории (Таштагол), а также в частных коллекциях в России, США, Англии, Германии, Франции, Киргизии и других странах.

Книги Любови Никитовны Арбачаковой:

Онзас черим (Тернии души) : стихотворения. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2001. – 153 с.

Колыбель любви : стихи и проза. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2004. – 102 с.

Шаманы Горной Шории : этнографические очерки и тексты камланий / А. Арбачаков, Л. Арбачакова. – Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 2004. – 143 с.

Песни шориянки : стихотворения. – Новокузнецк : [б. и.] ; Новосибирск : Офсет, 2011. – 82 с.

Шорские героические сказания : Кара Кан, Кара Сабак / составитель, переводчик, автор иллюстраций Л. Арбачакова. – Москва : Институт перевода Библии, 2014. – 280 с.

Современная литература народов России. Детская литература : антология / ил. Л. Арбачаковой и др. – Москва : Объединенное гуманитарное изд-во, 2017. – 605 с.

Затерялась я во Вселенной... : стихи / авторы статей А. С. Сазыкин, А. Г. Ибрагимов ; ил. Л. Н. Арбачаковой. – Кемерово : Технопринт, 2019. – 168 с.

Под небом Анзасса : рассказы, навеянные родным фольклором. – Кемерово : Полимерная упаковка, 2021. – 88 с.

Татьяна Ильдимирова
(Татьяна Никоноровна Гаврилова)

28 июня 1981 г., Кемерово.

Прозаик. Член Союза писателей России с 2008 года.

Я ЗДЕСЬ!

Рассказ

Надя лежит в темноте, завернувшись в старый колючий плед, и ждет, когда все в доме уснут. Сбитые колени прижаты к груди. По комнате гуляют сквозняки: Надя не чувствует их, но слышит. Плоская подушка шершаво пахнет сухой травой.

Наде не впервой прикидываться спящей. Однажды она прочитала, что треть жизни человек проводит во сне, подсчитала лично – убедилась, и настолько ей стало жалко этих впустую заспанных часов, что с той поры Надя засыпает последней, в самом позднем часу, когда сон оказывается сильнее и голова делается каменной. Она не спит, даже если ее угрозами и наказаниями загоняют в постель. Тогда она лежит в кровати с открытыми глазами и принципиально борется за свое время.

Сама бабушка ложится рано, но засыпает поздно: у нее бессонница. Она и рада бы заснуть, но не получается; по утрам глаза у нее еще спящие, лицо опухшее, а на щеках красные следы от подушки. Но встает она спозаранку, совершив над собой героическое усилие: никто другой не приготовит для семьи нормальный завтрак. И девочек она будит рано даже на каникулах: нечего лениться, у детей должен быть режим. Как только по утрам бабушка заходит в комнату с обычным своим «вставай, просыпайся, рабочий народ», у Нади все нутро вопит протестом, но спорить с бабушкой она еще не научилась. Только про себя. А вслух никак.

Сквозь стенку Надя слышит, как бабушка ворочается в кровати, постанывает и покрхтывает, словно ее матрас и одеяло набиты камнями.

Иногда бабушка кашляет всем своим телом и никак не может перестать. Иногда начинает тяжело дышать и шептать на выдохе: «Господи боже мой! Господи боже мой!» – хотя она не ходит в церковь и не носит крестик. Кровать ее громко скрипит, и пол скрипит тоже, и тапоч-

ки шаркают – это означает, что бабушка встает и бесполезно кружит по комнате в темноте. Наде хочется заткнуть пальцами уши и заснуть, слушая только гул в ушах, подобный шуму моря в большой ракушке.

На соседнем матрасе – сестра Рита. Во сне ей всегда жарко, она сбросила с себя одеяло и разбросалась, раскинула по простыне загорелые руки и ноги. Надя приподнимается и рассматривает ее лицо – спит ли? У Риты отросшая челка, длинные ресницы, красные обгорелые щеки со свежей царапиной на левой скуле и приоткрытый рот, будто Рита уснула на полуслове. Спящая Рита вся лохматая и похожа на дурочку – надо запомнить и при случае ей об этом сказать.

Наде хочется потрогать ее сережки. Рите недавно исполнилось девять, в подарок на день рождения ей прокололи уши пистолетом. Обещали, что будет не больно, но Рита плакала, второе ухо долго не давала, и мама в награду за смелость повела ее одну в кафе-мороженое «Холодок». «Чтобы быть красивой, надо страдать», – гордо повторяла тогда Рита и едва ли не каждую минуту легонько прикасалась пальцами к серебряным капелькам в замученных ушах.

Этой ночью мама в городе, там у нее личная жизнь. Случайно сегодня услышали: она отпрашивалась у бабушки, как девчонка, только что не плакала. Надя с Ритой так же ноют, когда им хочется погулять еще хотя бы пять минут. Бабушка сказала: «Куда хочешь, туда и иди!» – и больше ни слова до вечера, и мама, против обыкновения издерганная и злая, сомневалась, бестолково бродила по даче, но потом на последнем автобусе уехала в город. Девочки проводили ее до остановки и после того, как автобус скрылся за поворотом, назад не спешили, грызли семечки, сидя под остановочным навесом, и смотрели, как сварливая тетя Даша гонит домой нашкодивших сыновей, угрожая им крапивным стеблем.

Без мамы на даче становится пусто и скучно. Девочки обожают маму, особенно когда бабушки нет рядом: тогда она не старается вести себя правильно. Настоящая мама веселая, смешливая, прыгает со ска-

калкой и в резиночку, зная все фигуры. По вечерам она часто включает иностранную музыку и вместе с дочками танцует и быстрые, и медленные танцы. Она разрешает Рите брать ее косметику, учит ее краситься и обеих девочек водит на маникюр, потому что с детства надо привыкать думать о красе ногтей. Ее не любят в школе: она всегда и во всем встает на защиту дочек, и, если нужно, спорит с учительницей и даже с завучем, и разрешает не слушаться, если учительница не права. В юности мама пятнадцать раз прыгала с парашютом! Кажется, она боится одну только бабушку.

И Рита, и Надя тоже бабушку сторонятся, остерегаются: та незлая, но им чужая. Хотя мама ей дочка, но какая-то отдельная. Из-за взрослых ссор иногда они не говорят с бабушкой месяцами. Им сложно уяснить, как нужно вести себя с бабушкой, чтобы ненароком не угодить под горячую руку, о чем говорить можно, а какие слова могут стать поводом для большого скандала или затяжного молчания. Кстати, ни в коем случае не следует вслух называть ее бабушкой. Она еще молодая, у нее есть имя и отчество – Тамара Ивановна. В таких мелочах проявляется уважение к человеку.

Бабушка – натура вспыльчивая, быстро загорается, остывает не сразу. Каждому новому занятию она предается неумоно. В последние годы она увлеклась политикой. Ее любимое занятие в свободное время – сидеть перед телевизором и спорить с политиками. Их она зовет Алкаш, Дурак, Хрюша, Рыжая Морда и Наш (все, кроме Нашего, разворовали страну и скоро ответят за это перед народом). Она на них прямо-таки кричит, а когда передача прерывается рекламой, то еще сильнее закипает и продолжает кричать уже на рекламу – это как красная тряпка для быка. В такие минуты к ней лучше не подходить. Из-за политики бабушка часто ругается с мамой, которой это вообще неинтересно, и заканчивается все тем, что мама одна сидит на кухне, прикрывшись книжкой, и потихоньку ладошкой утирает слезы. Когда бабушка в особом ударе, она идет к подъезду (если в городе) или к мага-

зину (на даче) спорить с соседками и перед ними ретиво митингует, размахивая руками, как дирижер. При виде ее соседки стараются улизнуть.

Прежнее бабушкино увлечение было куда безобиднее – общественная жизнь на работе, а до этого, в юности – лыжные гонки: выступала за город. Надя не может представить бабушку на лыжне, и ей показались ненастоящими все вымпелы и медали, которые та показывала ей однажды, а особенно выцветшие грамоты.

У девочек на даче своя комната, где они ночуют на матрасах, брошенных прямо на пол. Неделю назад они играли в конец света, спасались как могли, прыгали с кровати на стул и дальше, на стол – с камня на камень, убегая от огненной лавы, заливающей пол, – и, разбесившись, разломали старую кровать. Дно проломилось, Надя рухнула прямо в лаву, едва спаслась, схватившись за Ритину руку, ушибла коленку и несколько дней ходила прихрамывая. Первые два дня спать на матрасах было интересно, как приключение, а потом просто жестко. Матрасы пыльные, как их ни выбивай, и утром просыпаешься с сухим вкусом во рту и с недышащим носом. Зато удобно (вместо сна или просто разобидевшись на человечество) воображать себя сироткой, рабыней на плантациях или юной принцессой в изгнании, ожидающей богатого благодетеля.

В комнате уютно, как в библиотеке. Прошлым летом из бабушкиной квартиры, в которую удалось наконец достать новую стенку, на дачу привезли три старые этажерки с книгами, журналами, газетами, тетрадами, ксерокопиями в папках на завязках – похоже, бабушка за всю жизнь не смогла выбросить ничего из того, где есть буквы. Мамины школьные прописи и институтские конспекты, тетради с рецептами (записанными от руки и вырезанными из газет), выкройки, перечерченные под копирку, неизвестные рукописи в картонных папках, инструкции от давным-давно погибшей техники – все плотно утрамбовано на полках. Потянешь за корешок – на тебя падает десяток книжек.

Когда удастся улизнуть от сельскохозяйственных работ, Надя вынимает стопку книг, сдувает пыль, садится по-турецки рядом со шкафом и шелестит страницами. Много скучного – всякая математика вперемешку с Карлом Марксом, но попадаются и книжки, которые можно читать взахлеб. Например, такой писатель – Вересаев. Он писал о том, как работал врачом, местами страшно, местами противно, но интересно – не оторваться. В некоторых книгах можно найти забытые следы прошлого: из одной выпали три старые тысячерублевые купюры с портретом Ленина, из другой – выцветшее фото неизвестных людей за новогодним столом на фоне богатого настенного ковра. И еще одно фото, черно-белое, где бабушка двадцатилетняя, со светлыми кудельками на голове и с задором в глазах, как у героини советского кино, а на оборотной стороне надпись чернилами: «Петру от Тамары для интереса». Почерк очень красивый, как образцы в прописях. Видно, что старалась. Надя так не умеет.

Занавесок нет, в окно смотрит летняя ночь. Темнота в комнате синяя, домашняя, нестрашная, но в углах она клубится и чернеет, как будто там таится что-то невидимое днем. Вот, например, в самом дальнем углу стоит узкий шкаф, в котором живет привидение. Так говорила Рита, и Надя уверена, что сочинила, но вот в чем дело: все волшебство, выдуманное Ритой, незаметно превращается в правду. Если в тишине приложить ухо к дверце шкафа, то можно услышать, как там внутри кто-то глубоко и сонно дышит. Однажды дверцы шкафа сами открылись и оттуда у всех на глазах сам собой выпал, разлетевшись по комнате, целый ворох старых простыней и полотенец. Надя несколько дней боялась ночевать в комнате с этим шкафом и ложилась так, чтобы даже нечаянно на него не посмотреть.

Над Ритиным матрасом стена разукрашена розовыми наклейками с Барби, Синди и Кеном, а выше висит портрет мужчины, сделанный карандашом на простом альбомном листе, – это певец Высоцкий, которого мама очень любит и часто ставит его пластинки: на даче есть

проигрыватель. Нарисовала его сама мама, когда ей было семнадцать лет. Надя плакала, когда узнала, что на самом деле Высоцкий давно умер, и мама тогда сказала, что когда-нибудь вместе с Надей поедет к нему на Ваганьковское кладбище в Москве.

Надя плотнее заворачивается в плед и прячет лицо в подушку: зудит комар. Непонятно, где он летает: кажется, что над самым ухом, совсем рядом, вот он приземляется ей на висок – Надя шлепает ладонью – комар затихает. Но нет – снова поет, как издевается, и Надя с головой заползает под плед. Ей душно, колко и неудобно, она боится уснуть и все пропустить, и тогда она садится на матрасе, подложив подушку под спину, и слушает звуки дома. Рита сопит заложенным носом и дергает во сне ногой, бабушка третий раз за ночь пьет на кухне воду, настенные часы из поеденного жуками дерева с неживой кукушкой внутри тикают неритмично, как больное сердце, и ежеминутно врут о времени. Где-то в комнате комар, даже и не один, под полом мыши, в шкафу привидение, а снаружи уже всю ночь и дом обступили чужие тени, они ступают по крыше – или это птицы, или призраки, или ветер? – и заглядывают в окно; скрипя кривыми ставнями, ветер скользит по стеклу и дышит в него, глубоко выдыхая.

Не спать, не спать. Ни в коем случае не спать, повторяет себе Надя. Она старается думать о приятном. Мысленно перечисляет все книжки, которые всегда ищет на полках библиотеки (Надя из тех, кто может с прежним удовольствием перечитывать полюбившуюся книгу в двадцатый раз), составляет список стран, куда когда-нибудь обязательно поедет, и список песен, которые она хочет записать на кассету. Она вздрагивает от внезапно нахлынувшего сна, будто поскользнувшись, саму себя ловит за шкирку, быстро-быстро моргает и думает: ночью будет дождь. Это очень плохо. Если пойдет дождь, она может не разглядеть их за тучами.

Дожди могут зарядить до самой осени, затопить последние теплые дни, и тогда до слез жалко остатков лета. Каждый август начинается с

того, что при первых симптомах непогоды думаешь: неужели в этом году больше не искупаться в речке? Бежишь к реке и бродишь босиком у самого берега, вода кажется теплой, но глубже заходить не надо: Ильин день прошел, Илья написал в речку, окунаются только самые отважные. Все меньше машин приезжает на берег с музыкой и шашлыками, детьми и собаками; на речке остаются одни сутулые неподвижные рыбаки. В августе главная радость – арбузы и дыни на уличных лотках, обожраться бы хоть раз в жизни, но мама не разрешает есть много, в них нитраты. С веселыми полосатыми арбузами стремительно заканчивается лето, за ним идет сентябрь. Заранее надоевшая школа. Лужи. Серые пасмурные утра. Из носа вечно течет. Промозглый ветер, выворачивающий зонт. День за днем, день за днем отрываешь листки календаря на кухне, читаешь за завтраком народные приметы и несмешные анекдоты на обороте каждого из дней – и вот уже бредешь на уроки в темноте, как слепая лошадь, увязая в бурой лиственной слякоти. Ноги до задницы забрызганы грязью. Забудешь дома сменку – дежурные не пропустят в холл, что хочешь, то и делай. Все время хочется спать.

Надя на цыпочках подходит к окну: стекло сухое. Дождя пока нет. Показалось из-за мутной синевы.

Ветер свистит, в окно бьется, прижмешь ладонь к оконной раме – обдувает руку. Окна давно не мыли (бабушка стала забывчива и близорука), и потому, если присмотреться, стекло все в мелкую крапинку, как февральский снег. С форточки свисает липкая лента, западня для мошкар, усеянная мертвыми точками.

С подоконника смотрят на нее игрушки. Две растрепанные куклы, Анжелика и Марианна. Глаза у обеих голубые, густо подведены шариковой ручкой, веки раскрашены синими фломастерами, чтобы глаза казались больше, а ногти на пухлых пальчиках покрыты настоящим розовым лаком для ногтей. У Марианны криво подстрижены волосы под каре: Рита когда-то мечтала стать парикмахером. Характером они

совсем разные: Анжелика – легкомысленная красавица и двоечница, Марианна – отличница и никогда не хулиганит, но все равно они лучшие подруги. За мальчиков: медведь, утенок, одноглазый заяц (второй его глаз оторвался и упал в щель в полу). Надя с ними почти не играет, но каждый раз берет их с собой. Не для того они здесь, чтобы с ними играли, а чтобы они вместе с Надей и Ритой побывали на даче, на речке, в лесу.

Раньше был еще Кузя, серый друг, то ли волчонок, то ли пес, патлатый, в свалявшейся шерсти, в потасканных шортах, сшитых мамой из лоскутков, с тысячу раз подшитыми ушами и задорными глазами. Надя любила его беспричинно и безмерно, во всех ее играх он был пакостником, лодырем и двоечником, она хотела оставить его себе навсегда и каждую ночь спала с ним под боком, будто с еще одной подушкой. Он так смотрел на нее, словно у них была с Надей одна на двоих тайна. На Риту он никогда так не смотрел, да та и не любила с ним играть: Рита всегда только кукол любила.

В прошлом году с Кузей на даче приключилась большая беда. На день все уехали в город, на обратном пути девочки с мамой зашли в магазин и очутились в очереди. В общем, бабушка вернулась первой и обнаружила в доме незваного гостя. На Надиной кровати мертвецки пьяным сном спал худой заросший мужик, на пузе, в крепком объятии зажав бедного, забытого, все равно что мертвого Кузю. За год история о том, как бабушка кричала во всю ивановскую «вор, вор!» и как бегом гнала его со двора, размахивая пустым ведром и метко швыряясь в его спину зелеными помидорами и картошкой, превратилась в семейную байку. Наде сказали, что вор утащил Кузю с собой, и она сделала вид, что не слышала разговора взрослых: от Кузи избавилась бабушка. Чесотка или туберкулез, не надо в доме этой грязи.

«Сама она чесотка», – думала Надя, заливаясь горячими слезами и крепко сжатым кулаком отталкивая мамину руку.

Чтобы выйти во двор, нужно сначала по самому скрипучему полу пройти через маленькую комнату, в которой спит бабушка, затем через кухню, не включая свет, в темный предбанник – все зовут так прихожую, заваленную старой одеждой, непонятно какой утварью, садовым инвентарем и дарами природы, собранными в тазы и ведра. Потом ногами нашарить первые попавшиеся шлёпки, на плечи набросить любую куртку, какая под руку попадется, сбросить с двери цепочку и двумя руками потянуть тугую щеколду. Если бабушка проснется – я в туалет! – и это будет провал, потому что бабушка непременно выйдет на крыльцо вслед за Надей и, накинув пальто на беспомощную ночную сорочку, будет ждать ее возвращения из дощатой кабинки, чтобы перестраховаться и закрыть дверь как следует.

Прежде чем выйти из детской, Надя прислушивается. Тишина. Ей кажется, что она не спит уже очень-очень долго, не меньше половины ночи. Наверное, скоро рассветет, всколыхнется во дворе серый туман. Мелькает испуг: все напрасно, все пропустила. Стараясь не дышать, Надя подходит к спящей Рите, опускается на пол рядом с ней и всматривается в часики на Ритиной руке. Рита – у нее, в отличие от Нади, папа был не реже раза в месяц – гордилась недавно подаренными часами больше, чем сережками, никому их в руки не давала и снимала только для купания. Часы электронные, на сиреновом браслете, цифры в темноте едва различимы: оказывается, всего 23:45. Ночь на даче гуще, чем в городе.

В прошлый раз – говорила Рита – они прилетали около полуночи. Значит, пора.

Надя крадется к двери. Стоит ей повернуться к Рите спиной, как она понимает: Рита тоже не спит, а украдкой смотрит ей вслед. Надя чувствует на спине насмешливый взгляд сестры: под лопатками немедленно начинает чесаться.

Наде стыдно, страшно, хочется вернуться и лечь спать, будто так и собиралась.

«Я иду в туалет, – думает Надя, – туда и обратно».

«Имею я право в туалет выйти?» – мысленно спорит она с Ритой.

«Туда и обратно, – говорит сама себе Надя, – посмотрю на небо и вернусь. Я тоже хочу их увидеть, Рита видела, Антон видел, и я хочу».

«Я напишу потом письмо в газету, – продолжает Надя, – обо всем, что видела. Там будет мое имя, и каждый, кто откроет газету, узнает, что это я. И учителя прочитают, и вообще все-все, и даже папа. Еще там будет моя фотография».

Все дрожит внутри, как в ночь перед днем рождения. Покалывает в пальцах, мурашки бегут по плечам, в ушах шумит, во рту кисло. Даже если и захочешь – не заснешь до самого утра, пока неожиданно не поймешь, что на самом-то деле спала и уже проснулась.

Надя глубоко вдыхает, бесшумно пробегает на цыпочках мимо спящей бабушки, не глядя и не дыша в ее сторону, выскакивает в предбанник, натягивает мамину осеннюю куртку с капюшоном и свои спортивные брюки, босиком шагает в шлепанцы и – наружу. Щеколда поддается ей легко. Дверь почти не скрипит.

Ночь сразу обхватывает ноги холодными ладонями.

Надя стоит посреди двора, поджав на ногах мокрые окоченевшие пальцы. Она панически боится идти в туалет: на нем висит старый скворечник, в котором вместо птиц устроили гнездо шершни. Бабушка отказывается извести шершней, потому что они живые твари. По крайней мере, до осени. Ее саму пока не трогали, и Наде с мамой тоже повезло, а вот Риту ужалили целых два раза, очень больно, а главное, ни за что: она просто шла мимо. Надя старается в дощатый домик лишний раз не ходить, она терпит, пока совсем не припрет, и тогда, набравшись мужества, стремглав бежит к туалету, с головой укутавшись в длинную куртку. Но когда ее точно никто не видит, Надя не геройствует, а позорно присаживается под кустом смородины подальше от гнезда.

Ночью живые твари спят, скворечник выглядит безобидно, но мало ли что.

Сегодня вечером бабушка забыла занести в дом старые матрасы, на которых девочки валяются под березой, когда есть время бездельничать. Трава сырая. Матрасы до ниточки пропитались влажным ночным холодом и запахом болота. Надя присаживается на край полосатого матраса, натянув куртку на попу, и растирает замерзшие ступни. Сложно сдержаться и не отодрать кожу с пузыристых мозолей.

От земли пахнет землей, от травы – травой, от ночи – ночью, Надя маленькая и живая, ночь огромная и повсюду. Влажный ветер путает волосы, задувает их на лицо; наверное, завтра все-таки начнутся дожди, небо именно такое темно-взбитое, клочковатое, какое бывает перед дождливым днем. Надя обхватывает себя за плечи, замирает, запрокинув голову, и вслушивается в ночную тишину, которая на самом деле не тишина, а шепот тысяч голосов. От каждого листочка, от каждой травинки – свой шепот.

Скоро. Скоро они прилетят, думает Надя.

Рита и Антон, любимый двоюродный брат, в ночь с субботы на воскресенье засиделись во дворе, а утром рассказали Наде, что видели НЛО. Рита та еще фантазерка, но Антон никогда не врет, он отличник и серьезный человек, будущий большой начальник или депутат Государственной Думы. Рита с Антоном наперебой рассказывали, как прямо над огородом возник сияющий шар размером с баскетбольный мяч, как он остановился вон там, над грядкой с кабачками, повисел минут пять и исчез, будто и не было его никогда. Как назло, у Антона не было с собой фотоаппарата, сокрушался он и снова, и снова говорил о том, какой свет исходил от шара – даже сравнить ни с чем нельзя, не бывает такого света на Земле, и о том, что надо обязательно караулить снова: а вдруг приземлится? Но страшно: снизу не понять, какого размера шар, может быть, он больше дома! Может быть, он приземлится и раздавит половину садов?

«Почему, почему вы не позвали меня?» – кричала обиженная Надя.

Антон ответил: «Да мы же ни с места сдвинуться, ни кричать не могли. Меня вот заморозило как будто. До сих пор ног ниже коленок почти не чувствую».

«А как же ты ходишь?»

«По памяти, наверное». Он сделал шаг и упал, как подкошенный, на траву.

Рассказы Риты и Антона были похожи на истории, привезенные из лагеря дворовой подругой Варей: все в лагере знали, что неподалеку, над озером, по ночам вспыхивает неземной свет и виден парящий в небе золотистый шар. Он словно и не висит, и не летит, а существует в воздухе, говорила Варя, которая шара сама не видела, потому что ночью идти к озеру забоялась. Рассказывали, что вскоре после того, как появляется шар, происходят всякие странные вещи, например, посреди обычного летнего дождика по округе рассыпается крупный град, или во всем лагере пропадает свет, или в радиорубке посреди ночи сама собой включается пластинка с бодрой песней (хотя внутри никого нет). Или вот однажды дети, которые в тихий час сбегали к озеру, до самой ночи плутали в лесу, потому что всем известная, не одним поколением пионеров протоптанная тропинка вдруг пропала. Вышли они к деревне совсем в другой стороне от лагеря. А один мальчик вообще из лагеря исчез. Вроде бы он заболел коклюшем, и родители увезли его в город, но наверняка это сказали просто, чтобы никто не боялся.

Вдруг они вернутся сегодня? А вдруг именно она, Надя, станет первым человеком, который увидит пришельцев? Наверное, они похожи на людей, только очень высокие, прозрачные и с легким свечением по краям. У них большие голубые глаза, думает Надя, и крылья есть, обязательно должны быть крылья, но едва заметные, не как у птиц или насекомых. Наверное, они умеют читать мысли и заглядывать в будущее. Наверное, у них есть лекарства от всех болезней. А вдруг они и мертвых воскрешают?

Мне бы хоть краем глаза посмотреть, думает Надя. Даже на секундочку. Хотя бы шар, хотя бы след от шара в небе. Чтобы больше не хваталась Рита. Чтобы не считала она себя особенной.

Надя ложится на сырой матрас на спину, руки за головой, и смотрит вверх. Звезд не видно; небо фиолетовое, густое, как чернила. Облака рваные, плывут пунктиром. Все вокруг шепчет, шелестит, шуршит. Тихо, прохладно и очень нежно. Хочется, чтобы никогда не заканчивалось лето.

Надя привыкла к холоду. Ей так хорошо, словно ее качают невидимые руки. Она вглядывается в небо, замирает, и ждет, и ждет, всем телом вытягиваясь в струну нетерпения. Ей щекотно в животе и кажется, что совсем скоро с ней должно случиться что-нибудь совершенно невероятное.

Надя не спит. Надя ждет.

– Я здесь! – шепчет Надя в августовское ночное небо. – Где вы? Смотрите, я здесь!

(«Замри!», 2021)

ЗАМРИ!

Рассказ

Автобус ждали долго. У Оли замерзли ноги в валенках, пальцы рук и губы, хотя они с отцом на одном месте не стояли, ходили туда-сюда и даже прыгали, как на физкультуре: ноги врозь и снова вместе, повторить десять раз. Все остальные тоже топтались по тротуару, сутулые, словно пингвины, и выдыхали в синий воздух сивый пар.

Голова была тяжелой, и по-прежнему болело все лицо, как если давить на крылья носа что есть силы холодными руками. Боль была ту-

гой и навязчивой. Дышать носом удавалось с трудом: нос заложен, а ртом, под двумя слоями шерстяного шарфа, дышать очень мокро, и рот был полон какого-то пуха. Везде хлюпали сопли: и в горле, и в носу, и, кажется, в ушах. Волосы, выглядывающие из-под шапки, покрылись инеем. Оля посмотрела на отца: у него были седые брови, ресницы, волосы в носу. Она на него сердилась: неужели он ничего не сделает, чтобы было не так холодно?

Но ведь все просто, думала Оля, мы ведь можем никуда не ехать, мы еще даже не сели в автобус. Вернемся домой, в тепло, и все будет хорошо. Я стану дышать над паром, пить травяной чай, объедаться медом и лимонами. Хоть килограмм лимонов принеси, я все съем, могу и без сахара. Я буду принимать лекарства, капать в нос горькие капли. Неужели обязательно лечиться в больнице? Что это за болезнь такая дурацкая – гайморит? Обычный насморк, да, сильный, но не опасный и не заразный. Если без этого совсем никак, Варина мама умеет делать уколы, я потерплю. Скоро вернется мама, и она-то точно знает, как нужно лечиться. Ты же сам говорил, что ждать осталось всего несколько дней.

Оля повернулась к отцу спиной, к дому лицом, чтобы ветер хлестал в спину. На отца смотреть она не хотела, ни слова ему больше она не скажет. Он все еще мог передумать: «Ладно, пойдем домой», но вместо этого молчал, глядя на дорогу. Он явно был рад избавиться от Оли на те дни, недели, месяцы, которые ей предстояло провести в больнице, рад – и не иначе, раз он до сих пор не предложил вернуться домой.

Сколько ей лежать, она не знала. Подруга Ленка с воспалением легких пробыла в больнице целый месяц, а учительница рассказала классу, что у нее заражение крови – грызла ногти – и что теперь врачи пытаются спасти ей жизнь. Это было в первом классе, когда Оля еще удивлялась тому, как взрослые беззастенчиво и бездарно врут.

Автобуса все не было, дорога пустовала. Воздух был накуренным, стеклянным, колким. Ветер сыпал в лица мелкую снежную труху. Со

всех сторон светились медовые окна теплых квартир, и казалось невероятным, что есть люди, которым сегодня никуда не нужно идти.

После недолгой оттепели пришла вторая волна морозов, школьники снова радовались отмене уроков. Родители шли на работу, а Оля, человек с ключом, вместо школы бежала на горку. Не сидеть же дома, в конце концов, из-за каких-то холодов! В ближнем парке построили отличную высокую горку с ровным ледяным скатом, и с утра до вечера с нее катались дети всех окрестных дворов: кто на пакетах, кто на ногах, кто на крышке от унитаза. Оля любила на ногах: страшно, но весело. Что странно, на горке мороз не ощущался, но потом, по пути домой, Оля не чувствовала ног, а на лицо словно была надета тонкая ледяная маска. Дома она отогревала руки сначала в холодной воде и только затем в горячей. Главное, успеть просушить обувь и рукавицы до возвращения родителей с работы и вылить в унитаз тарелку супа так, чтобы в сливном отверстии не плавали пятна жира.

Оля заболела, однако, не из-за горки, а после того, как перед всем классом Анна Ивановна разодрала на кусочки Олину тетрадь с криво начерченными полями. Ошибок, между прочим, не было ни одной. Перед тем как порвать тетрадь, Анна Ивановна прошла между рядами и каждому в классе показала, как можно провести такие кривые линии, а Оля невыносимо долго стояла на своем месте с лицом горячим, красным и тяжелым и понимала, что этот урок не закончится никогда. После уроков ее рвало прямо в школьном дворе, едва успела зайти за трансформаторную будку. Она шла домой и думала: мне обязательно нужно простудиться, да так, чтобы точно не ходить в школу, Боженька, пожалуйста, пожалуйста, пусть я заболею! – и к вечеру у нее поднялась температура.

На следующий день после визита врача отец ненадолго уехал на работу, а Оля сидела в кровати и играла в пуговицы. Читать она не могла, буквы, всплывая, делали голову тяжелой и горячей, как будто на заты-

лок Оле положили камень. Телевизор был болтлив, бестолков, мелькал лишними людьми, пустыми словами и чересчур громкой рекламой.

А с пуговицами делалось спокойно. Пуговиц было много – целая шкастатка и еще мешочек. И блестящие, как леденцы, и крохотные перламутровые жемчужинки – для маминой блузки, и настоящие милитейские пуговицы со звездами, оставшиеся от дедовских шинелей, и даже звездочки, которые когда-то было нужно пришивать ему на погоны. Дед ушел на пенсию задолго до рождения Оли, но шинели, а их за годы службы накопилось изрядно, по привычке надевал часто: не любил гражданскую одежду.

Пуговицы были Олиными друзьями во время каждой из болезней, лучшими, чем все остальные игрушки, вместе взятые. С ними можно было играть целый день, придумать миллион разных историй и рассказывать их про себя. Оля, рассыпав все богатство на кровати, выбрала из пуговиц те, которые станут девочками-странницами, и передвигала их по одеялу, по спинке кровати, по собственным ногам, подбрасывала в воздух и в своей фантазии вместе с пуговицами совершила кругосветное путешествие.

Вечером смотрели фильм про мальчика и дельфина: Оля – лежа в пледе на диване, растянувшись во всю его длину, а отец – не в кресле, а рядом, сидя прямо на полу, на паласе, так что Оля при желании могла бы положить руку ему на голову. Ей стало жалко его за то, что она заболела, что не доела выбранное им пирожное, только по краям обкусала: Оля терпеть не могла белковый хрусткий крем.

Фильм был чудесный, но Оля уже смотрела его в кино. Кассета же оказалась старой, переписанной на десятый раз, голос переводчика был гнусавым, словно у него никогда не проходил насморк. Как на диване ни повернись – все неудобно, голова болела, руки и ноги никак не могли согреться, и Оле на самом деле одного хотелось – на ручки к маме.

Мама была в Юрге с больной бабушкой и никак не могла вернуться раньше. Оля знала, что бабушка последние годы никого не узнавала и

уже не вставала. До Юрги было больше сотни километров, покрытых высокими сугробами, и несколько ночей подряд Оля посреди ночи подскакивала в постели от кошмарного сна: города навсегда разлучены снегом, не проехать никак, весна никогда не наступит, снег не растает, а наоборот: будет падать, и падать, и падать, пока не заметет весь мир, деревья – по макушки, дома – выше крыш. Что станет с человечеством, Оля не думала, потому что первая же мысль, которая пронзала ее в этом сне, была: мама!

Автобус пришел старый, скрипучий, как из родительской молодости. Внутри резко пахло резиной, бензином и людьми. Пассажиров оказалось мало: маршрут автобуса от одной городской окраины до другой шел по самой кромке города, через промзоны. Смотреть в окно было неинтересно: мимо дороги тянулись или пустыри, или одинаковые серые коробки, цистерны, трубы, или заброшенные стройки. Мальчишки со двора постоянно отправлялись в путешествия по таким местам и возвращались грязные, иногда покалеченные. Девочки же редко выходили без старших за пределы двух дворов, школы, ближнего парка, гастронома и магазина галантереи. Оля так вообще бояласьстроек, а еще сильнее – вида дымящих заводских труб на другом берегу реки.

Впрочем, однажды Оля уехала одна на тот берег. Ей хотелось посмотреть другие районы города, где она никогда не бывала. После школы она села в автобус, едущий в далекий Кировский, и поехала до конечной: по знакомым улицам, по мосту через хмурую осеннюю реку и дальше, в неизвестную Оле часть города. Мимо проплывали приземистые деревенские дома, и было непонятно, это еще город или уже нет. Автобус ехал и ехал неизвестно куда, останавливался редко, потом пошли гаражи, гаражи, гаражи, какие-то базы, склады, автосервисы, и такой тоской тянуло от городских окраин, что Оля не выдержала и сошла на первой попавшейся остановке. Она перешла на другую сто-

рону дороги и долго ждала автобус в город, но его все не было и не было. Оля шла домой пешком, оглядываясь – не идет ли автобус; все вокруг серело грязью и сумерками, даже свет фонарей был сумрачным и грязным. Потом вдруг закончились фонари – и рухнула вниз такая темнота, что стало ясно: скоро ночь, мама меня убьет. И не успела Оля испугаться, как она увидела трамвайные рельсы, а за ними – счастье! – ярко освещенный трамвай.

Дома пахло валерьянкой, мама трясла Олю за капюшон куртки и кричала на нее, задыхаясь. Кричала она не «где ты была?», а «с кем ты была?», будто сама Оля не могла вернуться поздно, а раз уж шлялась где попало, значит, не одна, значит, попала под дурное влияние и недалеко тот час, когда она начнет курить или прогуливать школу. «Одна!» – «Нет, ты была не одна!» Отец не задавал лишних вопросов: пришла домой, живая, здоровая – все хорошо, поэтому Оле было совестно только перед ним. Она хотела было рассказать ему всю правду, но боялась показаться дурой.

В автобусе стояла тишина. Пассажиры ехали молча, каждый в своих мыслях. Их лица были рыхлыми и подернутыми сном. Только один мужчина читал книгу – Оля случайно заглянула – самоучитель английского языка.

Оля сидела у окна, затаятого морозом, и прижимала попеременно пальцы к стеклу, оттаивая маленькие оконца и заглядывая в них: снаружи все было по-прежнему белым, серым и чужим. Остановки казались ей одинаковыми. Оля никогда не бывала в той больнице и не знала, сколько еще ехать до нее.

Отец приобнял ее за плечи. Спине стало неудобно, как в слишком тесном платье, и сразу захотелось чесаться.

– Ну ты чего опять киснешь? – беспомощно сказал отец. – Ты знаешь что, ты представь себе, будто в лагерь едешь. Там других детей много, будут у тебя подружки. Вот я в твоём возрасте лежал в больнице

со сломанной ногой, и так весело было, такая компания замечательная. Мы и в карты играли, и даже в футбол, прямо в палате.

– И как же вы играли в футбол с переломанными ногами? На костылях?

– На костылях, да... На костыль опираешься, здоровой ногой мяч пинаешь. Окно однажды разбили... Визгу было! Хорошо еще, что летом.

Кожа на спинке впереди стоящего кресла была распоротая, из ссадины торчал грязно-желтый поролон. Оля зачем-то принялась записать его обратно и поняла, что руки ее дрожат. Она изо всех сил старалась не моргать, чтобы не заплакать, и спину выпрямить, и поднять подбородок вверх.

– Да, конечно, все нормально будет, – сказала она и хотела спросить, когда приедет мама.

Она уже спрашивала об этом и вчера вечером, и сегодня утром, и еще много раз до этого дня, но заново задать тот же самый вопрос было необходимо.

Мама беспокоилась, мама звонила Оле с отцом каждый день и давала кучу советов.

Оля рассказывала ей по телефону всякую ерунду:

– Мы у Вари играли в «морская фигура, на месте замри». Все замерли, и я тоже замерла, стою не двигаюсь. Варя подходит и говорит: «У тебя живот шевелится, ты проиграла!» – «Ничего он не шевелится!» – «Шевелится, я вижу!» – «Так я же дышу!» – «Ты не должна дышать, по правилам не положено!»

Мама неузнаваемо смеялась в трубку.

– Что вы едите? – снова и снова спрашивала она, как будто это было важно.

– Папа суп сварил, очень вкусный, с клецками, – врала Оля.

Суп был просто отвратительным, и отец ел его сам, а для Оли приносил еду из ближайшей кулинарии. Те котлеты и жареные куры казались Оле намного вкуснее домашней еды.

Больница представлялась Оле испытанием. «Ты просто представь себе, что ты герой», – говорили ей. Герои должны преодолевать все трудности, на то они и герои. Герои не должны плакать, даже когда больно, страшно и хочется домой.

Оля не хотела быть героем. Может быть, когда-нибудь в жизни она и станет героем, но это случится не скоро, а пока она маленькая девочка и хочет к маме.

– А ты мне «Денди» купишь? – спросила она у отца.

– Это надо у мамы просить.

– Ты сам знаешь, что она скажет. «Нечего страдать ерундой!» Я, честное слово, не буду много играть, только чуть-чуть вечером, и все. Всем девочкам уже купили! Ну пожалуйста! Просто возьми и купи. Я могу вам уроки показывать, перед тем как играть.

– Посмотрим.

– Я же ей до сих пор не рассказала, как мы с тобой в игровые автоматы играли, помнишь? Ты просил ей не говорить, и я не рассказала.

Была в мае такая история, для отца стыдная, когда они с Олей, отправившись без ведома мамы в городской сад и в зал игровых автоматов, прогуляли остаток отцовской зарплаты. Оле надоело раньше, чем отцу. Он рубился в настольный футбол с каждым из пацанов, ошивавшихся там, а потом Оля никак не могла увести его от автомата «Воздушный бой»: «Я сейчас, сейчас!» – и сыграл не меньше двадцати партий.

Автобус медленно и неповоротливо пробирался по заметенной дороге, скрипел, кряхтел и все сильнее вонял бензином. Вдоль обочины тянулись серо-зеленые вереницы хилых молодых елок. Светало. И небо и земля были одинакового цвета грязного снега.

На остановках в автобус толпились замерзшие закутанные люди, неясно откуда взявшиеся. Они садились на свободные места и сразу впадали в полудрему.

– Тебе-то самому нос когда-нибудь прокалывали? – спросила Оля отца.

– Нет, – ответил он.

– Тогда чего ты говоришь, что это не больно?

– Если вдруг и больно, то совсем чуть-чуть, – сказал отец невпопад.

– Нет, зачем ты говоришь, что не больно, хотя сам ни разу этого не делал? Почему вы всегда так говорите? Это ведь нечестно, это ведь неправильно! Зачем так?

Дверь автобуса со скрипом отворилась, запуская очередную партию сонных людей и ледяного, до рези в глазах, воздуха.

– Не грызи ногти, Оля. Руки грязные.

– У тебя на все один ответ! Или не грызи ногти, или не сутулься!

– А ты не грызи ногти и не ходи как старая бабка, и тогда я перестану так говорить.

Оля громко втянула носом сопли и слезы и нарочно согнулась в три погибели.

– Поправишься – поедем на лошадках кататься, – сказал отец.

– Я не хочу с тобой ни на каких лошадках.

– Оля, не на пони – настоящие лошадки в конном клубе. Научишься сама ездить в седле и управлять лошадью, хочешь?

– Сказала же: не хочу!

– Ну, тогда мы с мамой вдвоем поедем.

«Конечно, – подумала Оля, глядя в глазок, протертый в заиндевевшем окне. – Я-то вам вообще не нужна». Хотела сказать, но не сказала. Она уже и поговорить-то хотела с отцом о чем-то хорошем, не больничном, но другие слова ей не давались, голос был осипшим, злым, и обидеть отца ей тоже хотелось – так, чтобы он понял, что нельзя оставлять родную дочь в больнице.

Она боялась не столько боли, сколько неизвестности: еще ни разу в жизни она не лежала в больнице. Еще боялась, что на нее будут кричать. Оля не умела терпеть боль, даже во время самых простых процедур у нее, как в мультиках, моментально во все стороны брызгали слезы, и медсестры начинали ее бранить и стыдить. Оля просто не могла, когда

на нее кричат, и сварливых теток она боялась до остекленения. Если на нее кричали, она в ответ заходила в плаче.

– Вот и все, приехали! – сказал отец. – Это здесь.

– Давай не пойдем, – умоляюще прошептала Оля. – Ну пожалуйста...

– Как так? Холодно же, пойдем скорее внутрь.

– Нет, нет! Постоим тут еще немного, хорошо? Еще пять минут!

Если повернуться спиной к серому облупившемуся корпусу, то легко можно представить себе, будто стоишь не у больницы, а, например, около дома отдыха, где нет ничего кафельного, стального, острого, звенящего, где нет стен, крашенных в болезненно-синий, где нет постельного белья, которое пропахло лекарствами так, что лицом к наволочке прикасаться неприятно, и таких же вафельных полотенец, где нет чужих теток с наглухо закрытыми лицами и страшных, незнакомых звуков из каждого кабинета.

Оля обеими руками схватила отца за локоть, прижалась лбом к его груди, вдохнула и выдохнула, вдохнула и выдохнула.

– Ты чего, пуговка?

Она не помнила, чтобы он когда-нибудь так ее называл. Может быть, только в самом раннем детстве, когда отцовским голосом с ней разговаривал плюшевый одноухий заяц по имени Морковкин, найденный около помойки.

Краем глаза Оля смотрела на снежное небо, на сугробы, на высокие суровые ели и твердила про себя: «Море волнуется – три! Морская фигура, на месте замри!»

Ей показалось, что время остановилось, снежинки застыли в воздухе и что никого больше нет, кроме них двоих, в коротком промежутке между выдохом и вдохом.

(«Замри!», 2021)

СТО СОРОК УДАРОВ В МИНУТУ

(главы из повести*)

Глава четвертая. Семь недель

В понедельник началась новая четверть. Дима должен был вернуться вчера, но он так и не позвонил, не ответил ни на одно из сообщений, не был в Сети. Даша спала беспокойно, несколько раз просыпалась среди ночи и проверяла, не пришло ли новое сообщение, а потом никак не могла согреться и снова заснуть. Тоскливо ныло внутри живота, и холодно было и в груди, и губам, и пальцам ног, и шее у кромки волос. Даже подумать было нельзя, что через несколько часов снова придется идти в школу, отсиживать уроки, отвечать, если спросят, стоять у доски перед классом, смеяться с девчонками на подоконнике в холле, у автомата с шоколадками, есть в столовой пирожки с картошкой и печенкой и вообще вести себя так, будто она нормальная, как раньше. Хотелось запищать как мышь и целиком уместиться в теплой душной щели между кроватью и стеной.

Все вокруг стало немного другим, словно сдвинулось на волосок. Словно кто-то вернулся в прошлое и раздавил там бабочку, как в рассказе Брэдли. Даша представила, как выходит утром на кухню, а там вместо ее мамы пьет кофе другая женщина. Такая, что внешне выглядит как мама, а внутри – другая, незнакомая. В конце концов, если Даша перестала быть собой, то и все остальные тоже должны измениться.

В щель под дверь сочился свет. Даша заглянула на кухню: мама с телефоном в руке сидела на своем обычном месте и пила кофе из своего обычного тазика – огромной кружки, которую больше никому не разрешалось брать.

– Ты чего не спишь? – спросила мама.

* Полностью повесть опубликована в книге «За горизонтом» (Москва : КомпасГид, 2023).

– В школу пора вставать.

– Сейчас пять утра, попей воды и иди поспи еще.

– Ага. – Даша прислонилась к двери.

– Что-то случилось? Или просто голова болит?

– Да так... Вообще-то, он не звонит, не пишет, сообщения не читает, временно недоступен. Я весь день ждала, а он... Я уже так больше не могу! – выдохнула Даша и закашлялась.

– Когда он должен был приехать?

– Вчера рано утром.

– Так ведь вчера все самолеты сели в соседних городах из-за тумана, моя коллега вообще приземлилась в Барнауле. Не переживай, найдется твой Дима, скоро позвонит, не надо себя накручивать из-за ерунды. Ты ему, главное, не пиши сто пятьдесят тысяч эсэмэс, а то вообразит, что ты без него умираешь. Пусть думает, что тебе все равно.

Мама спокойно пила кофе, будто ничего не происходило. Она даже не подняла глаз от телефона, будто лента в фейсбуке была важнее и интереснее Даши. Даже лайки ставила! И улыбалась тому, что там прочитала!

– Он бы написал, это совсем на него не похоже, он мне всегда пишет! Он телефон выключил, никогда такого раньше не было! Да что я тебе все это рассказываю! У тебя на все один ответ: «Не переживай, не накручивай!» Как будто я могу так просто взять и все свои чувства отключить! Я не робот, у меня есть причина переживать, настоящая причина, не детский сад! Мне не может быть все равно! А ты никогда не понимаешь, ничего не понимаешь!

– Ну да, конечно, ты права, ты одна у нас такая умная и тонкая. Будто мы с папой не любили никогда.

– Наверное, не любили, – из-за двери хрипло ответила Даша. – Иначе бы понимали.

Она снова достала телефон из-под подушки, одно за другим направила: «Ты меня игноришь?» и «Раз тебе не надо, то и мне это все боль-

ше не надо» – и выключила телефон, совсем.

Когда родители уехали на работу, она решительно достала из потайного кармана рюкзака три теста на беременность. И через пятнадцать минут сидела на полу в ванной, скорчившись и глядя неверящими глазами на шесть четких красных полосок – по две на каждом тесте.

* * *

Дома Даша попросила отца:

– Пап, давай заведем собаку.

Они ужинали вдвоем, мама была на работе, и надо же было о чем-то говорить. К тому же Даша мечтала о собаке всю свою жизнь и время от времени на всякий случай закидывала удочку.

– Как там в школе? – спросил папа.

– Все нормально. – Даша скорчила рожу. – По истории пятерка.

– Понял, отстал.

Он стал считать ладонью крошки со стола. Даша чистила апельсин и думала, о чем бы еще поговорить.

– Мама поздно придет? – спросила она.

– Да, она собиралась вечером в тренажерку.

– Расскажи: как вы познакомились? – наливая себе заварки, неожиданно спросила Даша, хотя прекрасно знала мамину версию.

– Ты же знаешь. У нее был двоюродный брат, мой одноклассник, я часто бывал у него дома, и твоя мама тоже. Он учил ее играть на гитаре, ее подружки пытались собрать что-то вроде группы. Вот так все и получилось. Она была тогда такая хрупкая девочка с огромными глазами. Хотя почему была, она до сих пор такая и есть. К ней было страшно подойти, но я ее провожал, чтобы она не ходила одна по вечерам. У нас в районе было опасно, мне много раз приходилось драться. Нос ломали, ребро, три сотрясения. Девчонкам тем более не надо было ходить в одиночестве.

– Сколько вам было лет?

– Кажется, пятнадцать или около того. Потом мы какое-то время не встречались. Я ей признался, и вот смотрю в ее глаза и вижу такой дикий страх и даже, знаешь, жалость ко мне, и тогда я развернулся и ушел, больше не хотел ее напрягать. Не стал даже слушать, что она скажет, избавил ее от этого. И себя заодно избавил от унижения. Если бы я тогда ее выслушал, я бы, наверное, больше не смог к ней подойти.

– Мама считала, что ты был странный. Она мне говорила. А через десять лет...

– Да, через десять лет. Ее брат разбился на мотоцикле, я жил в Томске, но приехал на похороны. Смотрю: она. А она не смотрит, меня не замечает, ходит как в тумане. Это понятно, она очень любила брата. Через несколько дней я ей позвонил, а потом еще и еще. Так и звонил, наверное, полгода. Мы общались только по телефону. Я дня не мог провести без того, чтобы ей не позвонить, кучу денег выговаривал. Мы даже фильмы смотрели по телефону – она у себя, я у себя – и обсуждали по ходу действия.

Он подлил себе чаю и продолжил:

– Я только ради нее сюда вернулся. Это редкий случай, когда с девушкой можно разговаривать как с другом, когда она не считает, что я должен за ней бегать и ей постоянно угождать. Есть, знаешь ли, такая противная порода девиц, которые мнят себя королевами, а она никогда такой не была.

– Вы жили в разных городах, и тебе никогда не хотелось дружить с какой-нибудь другой девушкой? Которая была бы ближе?

– Не знаю. – Он задумался. – Вроде бы нет.

– Ты же говоришь так не из-за того, что я могу рассказать маме? То есть это возможно, да? Когда только один человек нужен?

– Даш, это же у всех по-разному. Кому-то только одного человека достаточно, а все остальное недопустимо. Кому-то – нет. У каждого свои ценности, свои моральные принципы.

– А как понять, у кого какие?

– Смотреть на поступки, наверное, словам не верить. Сказать можно что угодно.

– Обычно говорят: надо слушать свое сердце.

– Лично мое мнение: разум важнее сердца. Можно долго заблуждаться, игнорировать очевидное, а можно присмотреться с холодной головой и понять, что это же неспроста.

– А я не согласна!

– Посмотрим, что ты скажешь через десять лет.

– Вот мне кажется, что через десять лет я по-прежнему буду с Димой, – сказала Даша, разглядывая ногти.

Ей захотелось включить телефон и написать ему, что любит и волнуется и чтобы он не читал те сообщения, которые она отправила раньше.

– Дашка ты Дашка. Какая же ты Дашка!

– Ты мне не веришь, а так оно и будет!

– Что ж, мне интересно будет на это посмотреть.

– Почему он тебе не нравится?

– Да не в этом дело. Нормальный он, бывают и хуже. Быть вместе, Дашунь, это труд. Люди в шестнадцать лет еще не умеют строить отношения. Вы еще незрелые, импульсивные, нелогичные, сами не знаете, чего вам надо, придумываете себе идеалы и пытаетесь натянуть сову на глобус, ждете непонятно чего, раните друг друга с дури в самые болезненные места, не умеете идти навстречу, где-то уступить, где-то подстроиться. Прощать не умеете. Ответственность друг за друга нести не умеете. Я так долго могу продолжать. Это не вина ваша, а беда. Нужно время, опыт, нужно не раз удариться головой, чтобы повзрослеть. Есть люди, которые и в сорок лет еще подростки.

– Не все такие, – заспорила Даша. – Ты самого главного не понимаешь! Когда правда любовь, отношения не надо строить. Все получается само собой. Потому что ты рождаешься именно для этой любви, пото-

му что в ней смысл всего... И нельзя тогда разлюбить, никогда в жизни нельзя! Я не знаю, как с тобой об этом говорить!

– Дашунь, про любовь можно говорить, когда с человеком прожил самое меньшее десять лет, а лучше двадцать.

Он отпил из чашки и хотел продолжить, но Даша его перебила:

– Перестань так на меня смотреть!

Отец всегда начинал улыбаться, когда Даша говорила о серьезных вещах. Смотрел на нее, опустив подбородок и иногда пряча улыбку, как будто она не замечала.

– Дашка ты Дашка.

– Ну чего еще? – Даша начала складывать посуду в машинку.

– Ты даже тарелки не можешь правильно загрузить, а рассуждаешь, как философ.

– Да какая разница, как их ставить? Если не нравится, делай сам.

Отец нахмурился:

– Ты все же загрузи как полагается. Раз начала делать, надо сделать хорошо.

Любой разговор с родителями заканчивался посудой, уроками, беспорядком на столе, слишком ярким макияжем, зависанием в телефоне или чем-то подобным, но неизменно обидным. Дашу будто пытались поставить на место: вот вроде ты такая умная, а посудомойку загрузить не можешь. Выходило так, словно посуда важнее, чем мысли, которыми в кои-то веки хочет поделиться Даша. Хотя кто бы говорил: вон носки в углу валяются четырьмя вывернутыми комочками. Мама придет – не оценит. С тренировки она всегда возвращается злая и говорит, что от спорта из нее выделяются не эндорфины, а раздражение.

Даша сказала, что много задали, и ушла в свою комнату, хотя сама мысль о том, что надо делать уроки, была дикой и неуместной. В горле сильно першило, глаза резало, будто в них попал песок. Телефон валялся в столе мертвым кирпичиком. Надо было срочно делать что-то,

чтобы все снова стало как раньше: выяснить, позвонить, записаться. Хотя бы записаться, можно в ту клинику, куда мама всегда водит Дашу к терапевту и лору, там есть и гинеколог, Даша видела кабинет. Надо поговорить с врачом, просто поговорить. Наверное, врачом окажется женщина, которая будет строго смотреть из-под очков, и стыдить Дашу, хотя никогда не была на ее месте, и думать про нее разное. Можно сначала глянуть на сайте, вдруг у них есть молодые женщины-врачи.

Даша положила руки на живот: там было тихо и почти пусто. Несколько лишних клеток, которые оказались в ее теле в неподходящее время, и все. Почти как опухоль. Даше было жалко, очень себя жалко. Она включила музыку на ютубе, легла лицом в акуду из «Икеи» и резко, до вкуса крови во рту прикусила щеки.

В дверь кто-то постучал. Даша сделала музыку тише и снова легла.

– К тебе пришли, – сказал отец из-за двери.

– Пусть подождут! – крикнула она.

К Даше никто и никогда не приходил без предупреждения. Она включила музыку, спешно поменяла домашнюю майку на чистую и как попало собрала волосы в хвост.

– Можно я зайду? – услышала Даша и хотела ответить, что нельзя, но Дима уже вошел в комнату и сел на край кровати.

– Наконец-то я тебя вижу, – улыбаясь, сказал он.

Даша выпрямила спину и отвернулась:

– У меня сейчас нет времени с тобой разговаривать.

Она очень старалась, чтобы ее голос был равнодушным.

– А когда появится?

– Я не знаю. Может быть, никогда.

– Тогда я пошел домой?

– Иди.

– Точно?

– Я же тебе все сказала.

Димка на самом деле пошел к двери, не оглядываясь. Он не стал с нею спорить, он так легко встал и пошел. Даша снова прикусила щеки,

но этого было мало, она укусила себя за ладонь так сильно, что на глазах выступили слезы. Кажется, она всхлипнула, потому что Димка подлетел к ней и обхватил за талию, а потом осторожно взял ее лицо в руки, погладил виски, веки, щеки. Даша боялась открыть глаза.

...А потом они пошли гулять, но стало еще холоднее, чем днем. Приходилось все время поворачиваться к ветру спиной, иначе мелкий снег хлестал в лицо. К тому же Димка был без шапки, а капюшон слетал с головы. Они сделали кружок по парку и все же отправились на фуд-корт.

Дима заказал большую пиццу, две колы. Даша кое-как съела один кусок без бортика. Ей совершенно не хотелось есть. И колы больше не хотелось, даже смотреть на нее было противно.

– Ну и, в общем, я теперь точно знаю, что уеду, – сообщил Дима. – Не летом, так через год. Ни в каком другом месте я учиться не хочу и не буду. День и ночь буду готовиться, лишь бы все получилось.

Даша слотнула ком в горле.

– Это же, наверное, очень дорого, – сказала она.

– Я только на бюджет пойду, конечно. Иначе не вариант. Я нашел адрес общежития для студентов, поехал туда и смотрел, как они стоят на крыльце, как к метро идут, и представлял, что я с ними, что все мои друзья там, да нет для меня больше никакой жизни! В жюри был один профессор, он как раз там преподает. Он подсел ко мне за стол в столовой в перерыве, сам подсел, ко мне, и вопросы задавал! Как будто ему правда интересно! Там такая лаборатория, такая! Кира теперь тоже туда хочет, правда, ее-то родители решили отправить в Канаду. Но она говорит, что будет выбирать сама.

– А я, Дим? Как же я? – спросила Даша.

– Что – ты? Ты приедешь через год, поступишь куда захочешь, тоже будешь учиться, подрабатывать.

– Ты-то все решил. Ты любишь химию. Мама вообще в десять лет решила, что хочет быть адвокатом. А я до сих пор не могу решить, куда

пойти. Мне ничего не нравится так сильно, чтобы мечтать об этом. И как тогда выбрать?

– Мы что-нибудь придумаем, – сказал он, словно все было проще простого. – Не оставаться же здесь.

Даша больше не могла смотреть в его счастливое лицо. Она скомкала салфетку:

– Пойдем тогда? Тебе реферат писать. Мне тоже уроки делать.

Они снова вышли в холод. Даша взяла Димку под руку, но он шел быстро и она за ним не поспевала.

– Ты что? – остановился Димка. – Все это будет почти через год. Зачем тебе сейчас-то переживать?

– Затем, – сказала Даша слишком тихо.

Он не расслышал и ускорил шаг.

Во дворе она уткнулась лбом в его куртку:

– Ты меня до подъезда не провожай, давай тут попрощаемся.

– Так что случилось-то, Дашкин? Ты весь вечер как чужая.

– Ничего не случилось.

– Ты на меня злишься? Я же объяснил.

– Нет, не злюсь.

– Точно?

– Точно, – глядя в сторону, сказала Даша. – Только я беременная.

Не собиралась она говорить здесь и сейчас, само вырвалось. И сразу зажмурилась, чтобы не смотреть на него. Даже не сообразила убежать.

– Ты... Даша... Ну ничего себе.

Димка схватил ее в охапку и сжал так сильно, что ей стало больно, вдавил ее лицом куда-то себе в подмышку. У него тряслись руки.

– Давно знаешь? – спросил он, и голос его, как и руки, дрожал.

– Нет.

– Не может быть ошибка?

– Нет.

– Это когда мы в сентябре на даче, да? Когда мы решили, что пронесет?

Даша кивнула. Он продолжал прижимать ее так же сильно, и пальцы продолжали трястись, и в горле будто что-то клокотало.

– Я не знаю, как так получилось, – зачем-то сказала Даша.

– Ты кому-нибудь уже рассказывала?

– Нет, только тебе, – прошептала Даша. – Я могу, в принципе, аборт сделать, ты только сходи со мной, я очень боюсь идти туда одна, я маме ни за что на свете не скажу.

Димка встряхнул ее за плечи:

– Ты с ума сошла такое говорить!

Она мотнула головой и пошла от него. Идти было сложно, словно к ногам привязали кирпичи. Даша дошла до детской площадки и села на спинку скамейки, Дима догнал ее и сел с ней рядом. Ей показалось, что он вот-вот заплачет.

– Ребенок, – произнес он. – Значит, ребенок. Да?

У него снова затряслись руки. Даша сжалась в комочек и тоже вся дрожала, пряча лицо в ладонях. Он погладил ее по спине.

– Ребенок, – повторил Дима и выдохнул. – Это же надо. Ты не бойся, главное. Не нервничай, тебе же нельзя. Я с тобой буду. Я никуда от тебя не денусь.

Глава пятая. Восемь недель

...Даша закрыла глаза, закусила щеки и медленно считала до ста. Датчик полз по ее животу. Врач смотрела в экран и молчала. И мама тоже молчала. Плотность молчания в кабинете была такая, что Даше стало очень, очень страшно.

– Плод двадцать миллиметров, – наконец сказала врач.

– Это мало? – встрепелась мама.

– Это как надо. Он у вас сейчас размером с фасолинку. Мамочка, посмотрите тоже.

Даша не сразу поняла, что обращаются к ней. Она взглянула на монитор. В черном пространстве расплывались мутные пятна, ни одно из которых не было похоже на ребенка.

– Где он? Куда смотреть?

– Вот же, вот он. Как фасолинка или виноградинка.

– Он живой? – спросила Даша.

– Конечно. Посмотрите, он шевелится. Сейчас мы послушаем сердечко.

Дашино собственное сердце забилося так, что едва не выскочило из горла. Она снова закрыла глаза. Быстро-быстро стучало второе сердечко в ее теле. Непроизвольно выступили слезы. С ней происходило что-то, чему не было названия. Она словно падала с большой скоростью в безвоздушном пространстве.

– Ничего, что так быстро бьется? – спросила мама.

– Ничего. Все как положено: сто сорок ударов в минуту. Пока я никаких отклонений не вижу, через месяц надо прийти в следующий раз. Вам врач все расскажет: что, когда, какие анализы.

* * *

Даша хотела позвонить Димке и рассказать ему про двадцать миллиметров и сто сорок ударов в минуту, но не знала, как теперь с ним разговаривать. Она сняла перчатки, приложила руки к щекам и не узнала своего лица.

– Отвези меня к Димке, – попросила она маму.

– Я думаю, он в школе.

И правда, он был на уроках, но они подъехали как раз к перемене. Димка стоял на крыльце без куртки и с кем-то разговаривал по телефону.

– Даш, привет, – растерялся он и посмотрел по сторонам. – Ты что здесь...

Даша налетела и с размаха хлестнула его по лицу. В первый раз в жизни она ударила человека по мягкой теплой щеке.

– Ты зачем ей рассказал?! – закричала Даша, захлебнувшись рыданием.

Ей было все равно, что все на них смотрят.

– А как я мог ей не сказать?

– Я же попросила не говорить! Я же попросила тебя, как ты мог меня не послушать? Ты знаешь, что было? Что из-за тебя было? Что она моим родителям сказала?

– Она должна знать...

– То есть ты специально ей сказал? Сам начал этот разговор, сам меня сдал... Сдал меня, как будто так и надо! Да если бы я не захотела, и ты бы ничего не узнал! Ты должен был поступить как мужчина, а ты побежал к своей мамочке жаловаться на меня!

Он больше не пытался возражать. Стоял, краснея всем лицом, и смотрел себе под ноги.

– Я не думала, что ты такой, – задыхаясь, сказала Даша и побежала от него прочь.

Она надеялась, что он догонит ее, поймает, схватит в охапку и попросит прощения, и она простит, она расскажет про сердцебиение, они вечером вместе придут к ее родителям. Она забежала в первый попавшийся магазин и посмотрела в окно – Димки не было. Наверное, он вернулся в школу как ни в чем не бывало.

В кармане звякнул телефон. «Прости, я тебя люблю», – прочитала Даша. У него даже не хватило смелости сказать это самому.

Глава шестая

В дверь позвонили. Даша сжалась у себя на диване и решила не открывать. Позвонили еще раз, потом беспокойно завибрировал телефон. Даша подошла к двери и посмотрела в глазок. На лестничной площадке стоял ее папа и ждал. Только этого еще не хватало. Даша насухо вытерла глаза, изобразила радость и открыла ему. У него было пальто, которого Даша раньше не видела, и, кажется, очки тоже новые.

– Привет, – сказал папа таким тоном, будто они виделись каждый день. – Я шел из школы и решил к вам заглянуть. Вы никуда не собираетесь? Гулять?

Он дал шанс вежливо его проводить.

– Нет, – ответила Даша.

– Я бы выпил чаю, – сказал папа и пошел мыть руки. – Какое полотенце, Даш?

– Зеленое, – крикнула она из кухни и включила чайник.

Ей очень хотелось, чтобы ему все понравилось, и она достала листового чай, и сахарницу, и печенье, и пирожки, которые вчера испекла Тамара Ивановна, и две одинаковые чашки.

– Сонечка спит? Скоро проснется?

– Скоро, наверное, она никогда надолго не засыпает.

– Это она в тебя пошла, ты до года, по-моему, вообще никогда не спала.

– Не помню такого.

– Зато я прекрасно помню. Я один раз заснул на работе. Пришел, сел в кресло в углу учительской, а проснулся от звонка на перемену. Звонка на урок, что примечательно, я не услышал, и никто из добрых коллег меня не разбудил. Мало того, завуч провела урок за меня, можешь себе такое представить?

– А когда стало легче? – спросила Даша.

– Даже и не знаю, как тебе сказать. Лучше съем еще один пирожок. Ты научилась готовить?

– Это Тамара Ивановна, но я кое-что теперь умею. Так все-таки – когда мне будет легче?

– Мне, Дашка, до сих пор легче не стало.

– Я серьезно!

– А я тоже серьезно. В чем-то будет легче, а в чем-то сложнее. Например, я и знать не знал, что ты можешь так меня удивить. Но я вообще-то о другом хотел спросить. Дмитрий тебя не обижает?

– Нет.

– Правда?

– Правда.

Он посмотрел на Дашу внимательно, словно проверял, можно ли ей верить, и продолжил:

– Если что, ты мне скажи, я с него три шкуры спущу и чучело сделаю для краеведческого музея. Чтобы другим неповадно было. Следующий вопрос. Он тебе помогает?

– Нет.

– А по дому что-нибудь делает? Полы помыть, посуду...

– Редко, почти никогда. Все делает Тамара Ивановна, ну и я тоже, если успеваю.

– Воспитала матушка сыночка... – вздохнул отец.

– Она говорит, он должен учиться, а все остальное не так важно. И он правда очень много занимается.

– Ладно, хотя бы с Сонечкой он водится?

– Только если вместе со мной, потому что он ее, по-моему, боится, – честно ответила Даша.

– Хорошо устроился твой Дима, сел матери на шею, ножки свесил, еще и тебя в дом привел. Ты ему говори, когда нужна помощь. Он сам никогда не предложит, имей в виду. Вот прямо ртом и говори, русским литературным языком. Иногда можно и нелитературным, если обнаглеет, поняла?

Даша кивнула.

– А иначе нельзя, иначе ты себя загоняешь. Раз уж ты решила сюда переехать, я должен быть уверен, что тебе здесь помогают. Иначе иди домой. Хочешь домой?

Даша едва удержалась, чтобы не кивнуть. Она хотела домой больше всего на свете. Но только если всем вместе. Наверное.

Отец продолжал пить остывший чай, молча. Даша мыла посуду и думала, что бы сказать еще. Она очень давно не говорила с ним, в последнее время – только через маму, и он с ней тоже через маму, даже когда они были в одной комнате.

– Ты подожди, Соня скоро проснется, – сказала Даша.

– Да я пока и не собираюсь уходить. Наоборот. Дашка, угадай, в какой руке.

– В правой, – сказала она, убирая чашки в шкаф.

– Угадала. – Он протянул ей пяти тысячную купюру: – Потрать на себя. Только не на то, что нужно, а на то, что давно хочется. Платье купи себе новое, помаду, не знаю, что-то из ваших женских штучек. Только чтобы на себя обязательно.

– Это от мамы?

– Это от меня. Мама не знает, что я к тебе пошел. В общем, Дашка, корми ребенка, бери деньги и иди их профукай в свое удовольствие. Два часа тебе на все про все. С Сонечкой я побуду.

– Она не останется с тобой, – предупредила Даша. – Она будет все время орать.

– Вряд ли она будет орать громче, чем пятый «Б» на перемене.

Даша не сомневалась, что Соня умеет кричать куда громче, но не стала этого говорить. Тем более что Соня уже начала беспокойно ерзать, подхныкивать и подквакивать. Даша вытащила дочку из кровати, прижала ее к себе.

– Прости меня, – пробормотала Даша.

Соня смотрела на нее серьезно, словно понимала и знала намного больше, чем Даша, чем папа, чем любой другой взрослый.

Даша кормила Соню, прислушиваясь, что там делает папа, и боялась, что он передумает.

Папа взял Сонечку на руки и кивнул Даше: иди. Даша торопливо оделась, даже ресницы красить не стала, и выскочила из дому.

...Когда они договорились вместе навестить в субботу бабушку и папа ушел, Даша легла на диван и прижала к себе Соню. Крепко-крепко. Потом подняла дочку на вытянутых руках, снова прижала ее к себе и ткнулась носом в теплый животик. И фыркнула, и поцеловала. Соня заулыбалась, взвизгнула. Даша почувствовала, как по телу разливается теплота, а для обиды на Димку, наоборот, почти не осталось места. Обида съежилась, скукожилась, и больше не было солоно в горле, даже когда вернулся Димка и стал рассказывать о том, как он был занят.

Даша слушала его и ощущала, будто папа стоит за спиной, держа руку у нее на плече. Она вдохнула побольше воздуха и заговорила спокойно, не швыряясь вещами и не срываясь на плач. Дима обнял ее, вместе с Соней, а Даша все говорила и говорила, не стараясь подобрать верные слова. Он ей ничего не отвечал, не спорил, только обнимал и гладил по спине, и это было, кажется, именно то, чего она от него ждала.

Даша отстранилась и сказала:

– Я поживу у родителей на выходных. Сможешь от меня отдохнуть.

Она ждала, что Димка начнет с ней спорить, но он промолчал, и она стала собирать сумку с Сониными вещами. Она собрала все быстро, словно ее подгоняли, и зашла к Димке на кухню. Он со спящей Соней на руках читал, причем не телефон, а настоящую толстую книгу.

– Завтра у бабушки день рождения, – сказала Даша, – и вообще.

– Передай ей мои поздравления, – откликнулся Димка, не отрывая глаз от книги.

– Я приеду в воскресенье вечером.

Он должен был пообещать, что будет скучать, но вместо этого произнес:

– Я понял.

* * *

Она не навещала бабу Валю с июня и еще не показывала ей Сонечку. Летом баба Валя долго лежала в больнице, потом вместе с Шурой уезжала в санаторий, а потом Даше просто было не до этого. И поэтому при виде бабы Вали Даша, как и в прошлый раз, удивилась, какая она стала маленькая. Меньше нее. Как будто она росла в обратную сторону. В остальном она выглядела обычно: Шура закрашивала ей седину и убирала волосы в аккуратный пучок, а затемненные очки скрывали большие глаза. Но когда Даша обняла бабу Валю, ей показалось, что она обнимает ребенка.

– Дашенька, – сказала баба Валя.

– Да, я приехала. С днем рождения, ба!

– А где же Сонечка?

– Она у папы на руках.

– Дай же мне ее сюда, – попросила баба Валя.

Даша проводила ее к дивану, принесла Соню и положила ее бабе Вале на колени. Бабушка кончиками пальцев бережно провела по Сонечкиным щечкам, носику, подержала ее за ручки и пересчитала пальчики. Соня не плакала, смотрела с любопытством.

– Да ты ж моя крошечка, моя красавица.

– Вот такая она у нас получилась, – с гордостью сказала Даша.

– А твой муж? Где он? Он приехал с тобой?

– Нет, он не смог. Мы в другой раз приедем вместе.

Бабушка еще раз погладила Соню по щечке.

– Дашенька, да ведь она же копия ты, верно?

– Да, все говорят, что она похожа на меня.

– Какая девочка чудесная, как я рада. Ты молодец, Дашенька, такое чудо мне подарила. Иди сюда, присядь рядышком.

Даша присела на краешек дивана и тоже погладила Соню по щечке.

– Какого цвета у нее глаза? – спросила баба Валя.

– Серые, это в Диму.

– Сероглазочка ты, значит... Подожди, Даша, не успеешь и глазом моргнуть, как вырастет вот такущая высоченная девица, будет вас учить жизни. А где Шурочка? Позовите Шуру, она должна посидеть с нами, она ведь тоже наша.

...Она и баба Валя с Сонечкой по-прежнему сидели на диване, отдельно от остальных.

Даша тихо заговорила:

– На самом деле мы еще не поженились, и я не знаю, как там будет дальше. Мы пробуем жить вместе, но мне чаще плохо, чем хорошо. Я не понимаю, почему он так с нами, и я его вроде и не люблю больше, хотя очень хочу любить. Все не так, как я себе представляла, совсем-совсем не так.

Баба Валя погладила ее по руке:

– Если ему не нужны такие замечательные девочки, то и он вам не нужен.

Это было последнее, что Даша ожидала от нее услышать.

Даша съела три ложки салата, бутерброд, сделала глоток морса и встала из-за стола. Она набросила куртку и вышла на балкон. Ей хотелось побыть одной. Бабушкин балкон был не застеклен и не захламлен ненужными вещами. На нем стояла только тумбочка да облезлый стул, на который и присела Даша. К дому льнула береза, забрасывала ветви на балкон, касалась соседнего окна. Папа каждый раз собирался их подрезать, но баба Валя не разрешала.

Даша, прикрыв глаза, замерла. Сентябрьское солнце проникало под веки и гладило ее по лицу. Даше было одновременно очень тепло и очень грустно. И еще она чувствовала себя беззащитной.

Издалека донесся шум поезда, бесконечно долгий перестук, похожий на музыку, – это был длинный поезд. Даше казалось, что она сидит в поезде, который отошел от перрона и теперь набирает скорость, что в купе ее ждут родители и баба Валя, а Димка, проводив ее, остался на перроне и смотрит поезду вслед.

2020

Екатерина Тюшина

О КРАТКИХ МГНОВЕНИЯХ СЧАСТЬЯ ТАТЬЯНЫ ИЛЬДИМИРОВОЙ

Произведения кузбасского писателя Татьяны Ильдимировой можно отнести к лирико-психологической реалистической прозе. Как отмечает сама писательница, все события в жизни героев вымышленные, но палитра всевозможных чувств – реальна и прочувствована ею лично.

Родилась она в 1981 году в городе Кемерово. С раннего детства увлекалась чтением. С 7 лет книжки делала сама. Брала тетрадь в клеточку, разрезала ее горизонтально – получались две маленькие книжечки. В таких блокнотах писала сказки в духе странствий.

Отец Никонор Гаврилов был юристом, занимался уголовным правом, много лет работал в следственных органах, преподавал. Любимой книжкой Татьяны стал Уголовный кодекс. В Уголовном кодексе она находила интересные для себя статьи. Татьяна любила играть с куклами в суд. Она была судьей, а куклы – подсудимыми. Судьей была строгой, оправдательных приговоров не выносила. В 2002 году окончила юридический факультет Кемеровского государственного университета.

Литературные пристрастия Татьяны могут показаться несовременными. Это русская классика – Достоевский, Бунин, Чехов, Куприн. Она любит творчество Марины Цветаевой, как поэзию, так и прозу, а из современных произведений ей нравится роман Татьяны Толстой «Кысь». Обожает японскую прозу и поэзию: Акутагава, Мураками, Басё, Кавабата. Уважает творчество художника Рене Магритта, режиссеров Дэвида Линча и Кшиштофа Кесьлёвского. Любимый город – Санкт-Петербург.

Первый свой рассказ принесла в литературную студию «Мастерская “Аз”», которой руководил Александр Ибрагимов. Поэт подсказал начинающему автору, что надо меньше придумывать и больше делиться своим опытом. С тех пор Татьяна ничего не выдумывает, а просто описывает мир, в котором живет. Она пишет об открытиях, которые несет в себе каждый прожитый час, о едва уловимых мгновениях счастья, человеческих отношениях. Пишет о тех чувствах, что испытывала сама. По словам Ильдимировой, «каждый день западает в душу, приносит что-нибудь новое, о чем обязательно хочется написать». И еще: «Я хорошо понимаю своих героев, потому что хотя бы однажды чувствовала то же, что и они».

Принимала участие в работе форумов молодых писателей в Липках (2003, 2004, 2006, 2012). В 2007 году участвовала в Советствии молодых писателей в Каменске-Уральском. Участвовала в сборниках «Молодой Петербург», «Дама с собачкой» и др.

В 2007 году вышел сборник повестей «Солнце». В 2008 году Ильдимирову приняли в Союз писателей России. В книгу «Солнце» вошло три повести. В повести «Солнце» два героя, мужчина и женщина,

расставшись семь лет назад в Сибири, вновь встречаются в Чехии. За границей они чувствуют себя неуютно. Когда-то они испытывали друг к другу привязанность, которая ни во что не вылилась. И понадобилось проехать тысячи километров, чтобы понять, настоящее ли это чувство. Они вспоминают школьную жизнь, затем незаметно для самих себя начинают чаще встречаться и, наконец, понимают, что любят друг друга.

В повести «Скажи мне несколько слов» автор показывает проблему интеграции русского человека в чужую культуру. Когда потеряна связь с культурой и родным человеком в условиях оторванности от Родины, наступает растерянность перед жизнью. И уже никто не может помочь человеку влиться в другую культуру, если он сам не захочет этого.

Повесть «Журавли» рассказывает о беззаботных каникулах двух подружек – Леси и Юси. Заводила и главная героиня – Олеся, которая приобретает необычного друга и незаметно для себя влюбляется в него. Андрей слеп, он не может видеть окружающий мир так, как его видят зрячие. Но, находясь рядом со своей новой подругой, он внутренне прозревает и уже глазами Леси видит летящего в небе журавля. А местом действия является дачный поселок Журавли. Это объясняет и смысл названия повести. Журавль здесь символ надежды на исцеление незрячего героя. Общение с Андреем заставляет Олесю быстро повзрослеть. Она начинает понимать, что мир совсем не такой безоблачный, как это ей представлялось раньше.

Сборник рассказов «Замри!» переносит читателей в 1990-е годы, на которые пришлось пора детства героинь, живущих в одном дворе. В то время многим семьям приходилось трудно из-за очень сложного положения в стране. Но детство прекрасно в любое время. Да и время не так важно, потому что эмоции, чувства и проблемы личности актуальны всегда. В сборнике рассказывается о знаковых моментах жизни подруг детства, о взаимоотношениях, об общении с родителями, учителями, мальчиками. Это книга о том, как сложно взрослеть.

«В каждой героине моих рассказов – в Оле, Рите, Ленке – немнож-

ко от меня, – утверждает Татьяна Ильдимирова. – Надеюсь, что каждый в моей книге найдет что-то близкое и для себя».

Все просто. И все очень-очень сложно в повести Т. Ильдимировой «Сто сорок ударов в минуту». Повесть обращена к подросткам: автор словно приоткрывает им дверь во взрослую жизнь, предлагая без назидания примерить ее на себя, задуматься об ответственности за каждый свой поступок и о возможных сценариях своей жизни... Это повесть о том, как у детей бывают дети. Даша впервые влюбилась. И первая любовь оказалась взаимной. Димка тоже любит Дашу. Вместе они мечтают окончить школу, потом поступить в вузы. Сначала – Димка, ведь он уже одиннадцатиклассник, а через год и Даша. Вся жизнь у них впереди! Подружки завидуют Даше и ее настоящему чувству. А потом рождается Соня. У Сони маленькие ножки, которые помещаются в ладони, а сердце бьется с частотой 140 ударов в минуту. Кажется, радоваться надо, но нет! Почему-то сразу все меняется вокруг не в лучшую сторону. Уже никто не радуется за Дашу, никто ей не завидует. Мало того, от Даши отворачиваются друзья. Больше никто не пишет в личку, не лайкает ее фотографии, словно Даши вообще не существует. И даже с Димкой стало как-то сложно, а потом и вовсе все разладилось. Взрослая жизнь оказалась не такой, как мечталось юной паре. И оказывается, что семейная жизнь не проходит проверку на прочность, а радость материнства не всегда совпадает с радостью отцовства. Вот только главная героиня повести «Сто сорок ударов в минуту» поняла это слишком поздно.

Несколько историй о нежности, юности и предвкушении любви вошли в электронный сборник «Нежность». Солнечная история о кратких мгновениях счастья первой любви в рассказе Татьяны Ильдимировой «Абрикосовое лето» была отмечена специальным призом конкурса «Дама с собачкой». А рассказ «Пиковая Дама» стал финалистом Всероссийского конкурса на лучшее произведение для детей и подростков «Книгуру» и прошел в финал Российско-итальянского конкурса «Радуга». Он переведен на итальянский язык.

Татьяна Ильдимирова является лауреатом литературной премии «Энергия творчества» (2008, 2014, 2016), премии журнала «Огни Кузбасса» (2012, 2017, 2021). Она победитель Международного конкурса памяти К. Паустовского (2017), лауреат литературной премии им. Павла Тобольского (2018), дипломант Международного литературного фестиваля им. М. А. Волошина (2019), лауреат электронного издания «Российский писатель» (2019), лауреат областного литературного конкурса «Иная среда» (2020). Является членом редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Живет и работает в Кемерове.

Татьяна Ильдимирова (Гаврилова)

АВТОБИОГРАФИЯ

По паспорту я Гаврилова Татьяна Никоноровна. Творческий псевдоним – Татьяна Ильдимирова. Родилась 28 июня 1981 года в Кемерове. Отец – Никонор Михайлович Ильдимиров, преподаватель уголовного права. Мама – Вера Михайловна Ильдимирова, библиотекарь. В 1998 году я окончила Кемеровский городской классический лицей и поступила на юридический факультет Кемеровского государственного университета, который окончила с отличием в 2002 году. В 2001-м, в период обучения, начала работать в Управлении Минюста России по Кемеровской области – в отделе по регистрации общественных организаций. Начиная с 2010 года работаю юристом в банковской сфере. С 2012 года состою в браке с преподавателем Евгением Гавриловым. В 2014 году родилась дочь Алина.

С раннего детства очень люблю читать, еще в начальных классах пробовала писать короткие рассказы. Всерьез начала писать прозу в 16 лет. Считаю литературу очень личным и одиноким делом, поэтому всевозможные литературные объединения прошли мимо меня. Но большую помощь и поддержку оказали мне на первых порах поэты Валерий Федорович Зубарев, Александр Гумерович Ибрагимов и Сергей Лав-

рентьевич Донбай. Первый рассказ «Как-то Людвиг Фейербах...» был опубликован в журнале «После 12» в 2000 году. В дальнейшем мои повести и рассказы публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «День и ночь», «Сибирские огни», «ЛиФТ», «Крым», «Дон новый», «Врата Сибири», «Юность», в сетевых изданиях «Пролог», «Литература», «Российский писатель» и др. В Кемерове как приложения к журналу «Огни Кузбасса» вышли книги «Солнце» (2007) и «Замри!» (2021). В 2008 году я была принята в Союз писателей России.

Входила в лонг-лист Международной детской литературной премии им. В. П. Крапивина (2020), лонг-лист Независимой литературной премии «Дебют» в номинации «Малая проза» (2011, 2014, 2015), финал Российско-итальянской литературной премии «Радуга» (2015), шорт-лист премии Фонда им. В. П. Астафьева (2017, 2018), лонг-лист премии «Русский Гофман» (2018, 2019); являюсь победителем Международного конкурса памяти К. Паустовского (2017). Рассказ «Пиковая Дама» переведен на итальянский язык. Наиболее значимыми считаю диплом Международного литературного Волошинского конкурса за рассказ «Пощечина» (2019) и диплом лауреата Кузбасской литературной премии им. святителя Павла Тобольского за подборку рассказов «Замри!» (2018). В 2019 году с повестью в рассказах «Замри!», а в 2020 году с повестью «Сто сорок ударов в минуту» стала финалистом Всероссийского конкурса на лучшее литературное произведение для детей и юношества. В 2023 году в московском издательстве «КомпасГид» вышла книга «За горизонтом», состоящая из повестей «Сто сорок ударов в минуту» и «За горизонтом».

Награждена региональной медалью «За веру и добро».

Книги Татьяны Ильдимировой (Татьяны Никоноровны Гавриловой):

Солнце. Три истории : повести. – Кемерово : ИНТ, 2007. – 141 с.

Замри! : рассказы. – Кемерово : Кузбасский центр искусств, 2021. – 182 с.

За горизонтом : две повести. – Москва : КомпасГид, 2023. – 240 с.

Андрей Александрович Королев

13 июня 1964 г., Кемерово.

Прозаик, журналист.

АПОКАЛИПСО

В этом и было особенное удовольствие – в продумывании мелочей и припоминании деталей, в честном следовании логике событий и угадывании верных ходов: вот она появляется из подземного перехода у автовокзала – и как он сдвигается ей навстречу и смотрит на нее, улыбаясь, и как приближается к ней и прикасается к ее руке, и как счастливо-смущенно чмокает ее в носик, и что говорит при этом, и как удобнее одеться, и что взять с собой.

Причем не надо много, к черту эту обычную обжираловку на природе – никаких шашлыков и запотевшей водки, просто будем вдвоем хоть какое-то время наконец-то, просто одни и без всяких друзей и дел, а вещи чтобы все вошли в одну сумку: не хватало еще толкаться в салоне с пятью баулами и какой-нибудь каэспэшной гитарой на загровке, претъ и собачиться со всей этой очумевшей от азарта штурмовой бригадой пенсионерок-льготниц. В общем, берем только самое необходимое: пару банок ее любимых мелких оливок (и его любимых под кодовым названием «левый сосочек»), дополнительный мягкий плед, настоящий барменский штопор. Ну и романтические свечи, конечно, прагматические свечи, а то в прошлый раз вырубилось электричество и возникла дурацкая ситуация, особенно когда он пытался что-то чинить, – слава богу, хватило ума перевести все в шутку: кошмар на улице долговязов, черная рука подходит к комнате, темнота – друг молодежи...

Домик стоит на самом краю поселка, одной куриной ногой уже в сосновом бору, и это очень удобно (хотя и комаров здесь летом больше): можно за весь день не встретить ни одного аборигена-лысенковца, тем более сейчас, в сентябре, не в выходные, а от остановки есть дорога и лесом – идти чуть дальше, зато и воздухом можно подышать, а если совершить дерзкий рейд в тыл противника – в селпо за сигаретами или к сторожу позвонить, то потом легко отойти в чащобу и затаиться на время, питаясь сырыми свинушками, недозрелой калиной и мучнистыми луковицами саранок.

А почему сырыми-то? Что, поджарить свинушки нельзя?

Ни в коем случае! Дым могут заметить с воздуха – и тогда пиши пропала вся наша секретная операция!

Ну ладно. Только давай хотя бы ни на кого не нападать. Мы мирные люди, приехали просто поесть саранок...

А вдруг кто-то попытается тебя умыкнуть? Знаю я этих местных ребят – это они только с виду такие безобидные, а сами только и думают...

Это ты только и думаешь...

Учти, я буду отбиваться до последнего пистона, а последним раню тебя вот в эту длинную ногу с тонкой лодыжкой – чтобы далеко не ушла...

Вот так, значит? А если начнется гангрена?

Не беспокойся, найдем в соседней деревне самую лучшую шаманшу, светило с мировым именем Берчикуль, поместим тебя в амбулаторию, в отдельную палату на восемь коек, через месяц-другой будешь как новенькая...

Ага, через месяц меня уже с работы выгонят за прогулы: скажут, отпросилась на неделю к родителям, а сама сбежала к конкурентам в провинцию. И вообще, какая амбулатория? Ты ведь для местных будешь враг номер один, набегу будешь совершать и разорять посевы, скот уводить...

Да, и еще несовершеннолетних наложниц-девственников – по одной каждый четверг.

Ах, вот как? Ну а я тогда поближе познакомлюсь с медбратом, который будет за мной ухаживать, и влюблюсь в него, и рожу ему дочку, а ты так и будешь сидеть у себя в землянке – бородатый и нечесаный, с хронической диареей от свинушек...

Ну что ж, ты сама сделала выбор. Только знай: этот твой медбрат наш меньший – дебошир и горький пьяница, его с первого курса ветеринарного училища выгнали за неуспеваемость, он поставит тебе какой-нибудь не тот укол, и вообще он в больнице только так, для отвода

глаз, подхалтуривает на полставки, а сам паленой водкой торгует втихушку – ворует спирт, разбавляет водой из лужи и добавляет туда мази Вишневого для градусуса – и вот с этим человеком ты хочешь связать свою жизнь?

О господи, как все непросто! Ну ладно, так уж и быть, уговорил, иди сюда...

Да? И это после всего, что было у тебя с этим медбратом? Простить такое?!

Последний раз приглашаю. Ты не забыл? Мне завтра уезжать с утра.

Нет, не забыл: завтра тебе опять уезжать, а мне опять оставаться...

Самое главное – ничего не забыть. Оливки, плед, сильные ноги с породистыми тонкими лодыжками и, пожалуй, слишком длинными указательными пальцами – на ногах они тоже указательные?

А размер ноги не очень большой, и носочки при ходьбе чуть-чуть врозь: в детстве занималась танцами в ДК строителей.

Он помнит, как довольно похрюкивал снег под ее энергичными сапожками, когда она спешила к нему на свидание возле Дома кино – она опаздывала, а он тем более, и он увидел ее с другой стороны улицы, нагнал в аллее под фонарями и какое-то время шел сзади, радуясь, а потом спросил громко: «Девушка, а что вы делаете сегодня ночью?» – и как звонко она засмеялась.

А еще он помнит, как туфли сваливались у нее с ноги и застревали в глине, когда они брели по какому-то развороченному грейдером пустырю в необитаемую квартиру ее брата, это было в последний день перед ее отъездом, а утром он, дурак, сам разбудил ее на самолет: проснулся в ужасе уже засветло, глянул на часы – и быстрее разбудил, идиот, чистоплюй, ну да ладно, не будем об этом, что теперь толку.

Лучше о чем-нибудь нейтральном: погода, природа.

Погода самая лучшая: бабье лето, штиль, покой и воля. Дорожка в две колеи с уже подсохшим длинным мятником посередине – под руку идти неудобно, но это даже лучше – настоящая свобода! – идти рядом,

сорвать с усилием непыльный злак с обочины и откусить стебель, где помягче, но сока уже нет, зато какой воздух, какой простор – расправить руки и разбежаться – э-ге-гей! выноси, залетные! – и подпрыгнуть, убрать шасси, но не подниматься слишком, пролететь еще шагов двадцать с выключенным двигателем и только тогда обернуться – ага, отстаем! – и тут же, заложив вираж влево и оттолкнувшись пяткой от сосны, постепенно раскатываясь, понестись назад навстречу любимой, спокойной и чуть насмешливой зеленоглазой улыбке – поберегись! кипятик! – и прижать к себе с разбегу, наклонить к себе и закрыть: сдаешься? остаешься?

Вот с этим, что ли, сидящим деревенским мальчишкой?

А что, молодость и мудрость и природная незамутненность – недосягаемый для многих идеал.

Для многих, говоришь? Ну, тогда ладно – останусь до утра.

А навсегда?

Неужели я тебе еще не надоела?

Нет уж, не дожدهшься.

А ты меня еще не забыл? Я такая же?

Надеюсь...

Еще совсем светло, но взрослые деревья в лесу уже как будто погрустнели, вокруг стволов слишком уж безразличная тишина, только заросли малины выглядят на удивление живо – еще совсем зеленые и с сохранившимися снизу ягодами. А от бледной осины к сухому черенку березки протянулась видимая паутина – уже не страшная и не противная. А вот черемуха правее в глубине так неприятно бросилась в глаза – вся черно-желтая и наполовину облетевшая.

И вдруг – так же ярко в луче заходящего солнца – прямо над тропинкой, на перекинувшейся через нее ветке, маленькая серая белочка – замершая, сжавшаяся и в то же время презрительно-бесстрастная, и ее пушистый хвостик просвечивается насквозь – такой, оказывается, жиденький, с тонкой ниточкой-хрящиком посередине. Глянула свысо-

ка, дала на себя поглядеть и ускользнула в еще густую пеструю крону, растворилась в чужом и непостижимо реально живущем мире.

Ну, ты что опять загрустил? Я ведь еще не уехала.

Да сам не знаю. Каждый раз накануне клянусь себе, что не буду хандрить, каждую минуту буду радоваться и использовать на полную катушку, – а видишь, опять. Я с тобой всегда так – весь таю и растекаюсь как тряпка.

А я знаю, как тебя развеселить. Вот так.

Она знает: привалилась сзади, прижалась к спине, пропустила руки под мышки и трется носиком о шею. И действительно, все серые мысли сразу улетучились, господи, как же все примитивно, просто и легко, как же все прекрасно, смешно и глупо – ну все, все, ну пожалуйста, ой, так нечестно, это удар ниже пояса!

Правда? Ну-ка, ну-ка, а что там, интересно?

Так! Я сейчас кого-то, кажется...

Да? Все обещаете да обещаете, а сами...

Глухомань, говоришь?..

Сосны дольше всех задерживают солнце наверху оранжевых стволов, даже как будто подсвечивают в полутьме. Дорога назад кажется короче, но места словно незнакомые, и торчащие корни так и лезут под усталые ноги.

А мы не заблудимся? Ты хоть знаешь, куда идти?

Эх ты, зайчишкин. Ну-ка, давай руку. Вот так. Дядя Мазай тебя отведет, не бойся.

Ага, заведешь куда-нибудь и оставишь меня одну на растерзание лютым животным.

Это ты на трех медведей намекаешь? Или на семерых богатырей? А нет их тут, и не надейся!

Ну а хотя бы семь гномиков?

Два-три от силы, больше не могу. Не доверяю я этим вашим гномам: что-то в них есть такое ужасно похотливое. Эти бородки бутофорские...

Ну вот. Только к гномам ты меня еще не ревновал...

Надо будет – буду ревновать и к гномам. Так что даже не думай расслабляться.

Да нет, я очень собрана – ух! Где там твои обещанные лесные мед-братья?

Ладно тебе издеваться над больным человеком...

Вот и почти пришли: впереди уже тусклое пятно фонаря, что у конторы. Точно, вон и тот домина с флюгером в виде бройлерного петушка – и впрямь какая-то сплошная сказка на ночь.

Ты не замерзла?

Нет.

Может, возьмешь куртку?

Нет, правда.

Ну вот, не дают даже поухаживать...

Где-то сбоку с подвыванием залаял пес – с тоскливым отчаяньем, что не может нас укусить. Конечно, не сможет, ничего не случится, сегодня ничего плохого не произойдет, я ведь с тобой. Знаешь, я всегда знал, всегда чувствовал, что Бог улыбается, когда мы с тобой. Ему это точно нравится, я уверен, и Он мой союзник.

Да, ты говорил. Помнишь, когда в Москве все светофоры проезжали по зеленой волне?

Конечно. Но светофоры – это так, мелочь. Вот когда отменят твой рейс, причем совсем, и билеты заставят сдать – а не надо покупать заранее! – или объявят карантин в связи с эпидемией морской свинки, или Европа отколетя от нас и уплывет на трех быках куда-нибудь к Антарктиде – вот тогда ты поймешь, что все действительно серьезно.

То есть ты считаешь, что у меня нет другого выбора – только оставаться?

Ну почему, выбор всегда есть. Но, знаешь, пара недель на саранках и с хорошо поставленной охраной лучше всего подталкивает к правильному выбору...

Нет, ты меня не будешь обижать, ты же у меня такой добрый, такой мягонький и пушистенький...

Ну конечно. И ты коварно этим пользуешься...

Последние метры – последний взгляд на звездное небо, вдохнуть пьянящую темноту полной грудью, обнять за плечи, притянуть к себе и поцеловать в шейку: нет, конечно, я никогда тебя не обижу.

И замереть так на мгновенье, зажмурившись, чтобы не расплакаться – наверное, все-таки от счастья.

2001

ОТЕЦ ПОДАСТ МНЕ ЗНАК

Дине Ахметовой

Приличный смартфон («а то ходишь как терпила») – с земноводным отливом, плоский и загадочный, как хвост бобра, – подарил мне, разумеется, сын. А набил его всякой всячиной, оживил и заставил работать, разумеется, внук. В этих делах он продвинутый, но все же еще ребенок. И номер своего отца, то есть моего сына, занес мне в контакты с трогательной ошибкой: «Папа». И теперь примерно раз в месяц, когда сын вдруг звонит мне, я на миг холодею, видя эту надпись. Ведь мой-то папа, давно лежащий на кладбище «Солонечное № 2», набрать мне никак не может. А наверняка бы хотел, потому что был ужасно общительным.

Да они многие из того поколения были общительными. Уже редкое, отмирающее свойство. Простодушный интерес к жизни других. У нас-то скорее коммуникабельность: ладно, сконнектимся, давай, на созвоне. И все больше по делу. А остановиться посреди улицы и минут десять выслушивать всякие мелкие новости какого-нибудь шапочно знакомого – вот уж нет, увольте!

Но это сейчас ты такой спохватившийся-сентиментальный. А в детстве-юности даже стыдился порой его непомерной жадности узнать побольше, быть сопричастным всему вокруг. Едем, бывало, на мичуринский вместе в автобусе, и пару остановок отец еще терпит, а потом непременно вступит в разговор. Да еще пальцем покажет на тебя себе-седнице – старухе с грубым мужским лицом, но в белой панаме, наверняка бывшей сотруднице заводоуправления (что особенно противно, лучше бы уж с бабушкой любой простой заговорил), – иллюстрируя тезис о том, что не вся молодежь пропащая. Вот его сын, к примеру, и спортсмен, и отличник, и воспитанный (и в кого только?).

И когда мы выходили из автобуса, я не раз выговаривал ему за такую неделикатность. Но, понятно, без толку.

А после шестидесяти им вдруг овладела странная жажда странствий. То есть охота к перемене мест, но с желанием укорениться, утвердиться, подтвердить свое видное место на генеалогическом древе. Для чего он собрался – для начала – проведать всю родню в Сибири. И при этом свято был уверен, что везде его встретят хлебом-солью – то есть пирогом с муксуном или белорыбцей, а еще шаньгами, настоящими шаньгами, у которых может быть куча всяких начинок. Но самые вкусные баба Пана пекла с творогом, или с лесной ягодой, или с белыми грибами (а других и не брали, разве что грузди, да и то только единственно правильные – желтые, сырые, с бахромой), а он ловко и безнаказанно таскал те шаньги из огромного короба не то в сених, не то на чердаке – тут версии разнились, но восторг оставался неизменным.

Прошрое вообще рисовалось ему в будущем с такой лучезарностью, что мы с сестрой всерьез побаивались его отпускать, ведь, помимо проблем со здоровьем, эта авантюра была чревата и болезненным разочарованием: «Шеф, клиент приезжает, а все пропало!» Однако отец был непреклонен, удивительно собран и празднично воодушевлен, и грех было ему препятствовать.

Он сам накопил на путевку («круиз по Оби» – звучит, согласитесь, крайне соблазнительно), так что вопрос встал лишь с подарками. Ну не шишки же кедровые везти в Нижневартовск, это благосклонных москвичей еще умилит такая туземная экзотика. Но отец решил проблему гениально просто: взял с собой пару бутылок крепкого «Кузбасского бальзама» да набор открыток с видами нашего Кемерово. И таких презентов оказалось вполне достаточно. Во всяком случае, он так нам потом это подавал.

На теплоходе он участвовал во всех плановых мероприятиях, победил в конкурсе на лучшую поделку из природных материалов (нашел какой-то замысловатый корешок во время стоянки на берегу) и наверняка (тут и расспрашивать его не требовалось – это и так было ясно) пользовался успехом у зрелых путешествующих дам. И со многими родственниками успел повидаться. Но главное – говорил он с искренней, именно что с главной гордостью – нашел могилу отца.

– Что значит «нашел»? – изумились мы. – Там же чуть ли не центральная аллея на центральном кладбище!

Мы с сестрой росли с красивой легендой, что дед наш был первейшим и важнейшим пассионарным начальником в довоенном Сургуте. И при случае всегда шутили по этому поводу: дескать, остались бы там – получили бы корону по наследству и были бы сейчас олигархами почище Абрамовича с Дерипаской.

– Вы не понимаете, – поморщился отец. – Город-то вырос. Уже пол-миллиона, наверное. А хоронили его когда? Пятьдесят лет уже? Шестьдесят?

– Ну, хорошо. И как ты нашел-то?

– А вот сам не знаю. Долго искал, все ряды обошел – нет и нет. Теплоход уже скоро отплывает, времени в обрез, а я все никак не могу найти. Уже отчаиваться начал. Да, правда почти отчаялся. Ну, думаю, бляха муха, что же это такое? Стыдно же, приехал за тыщу верст, а отца родного могилу не могу найти. Ну что делать? Встал я тогда вот так,

сложил руки (тут он показал, как он встал и как сложил) и посмотрел на небо: «Папа, ну где ты? Ответь, пожалуйста». И будто кто повел меня. Я же все-таки помнил кое-что. Слева – береза, я на ней тогда две буквы ножом вырезал: «К» и «В». Коренев Василий. Вот по этой-то метке я его и нашел. Букв уже и не видно почти, заросли, заплыли, но я разглядел. И место сразу узнал. Холмик маленький совсем, почти ровное место, никакого памятника, конечно, нет. Но я узнал. Почувствовал. И вот так с отцом все-таки встретился...

К этому моменту слезы уже открыто катились у него из глаз – и какие-то старческие, и какие-то детские.

Самое трудное в общении с родителями – говорить правду. Хотя это вообще невозможно. Так не хочется напрягать их и расстраивать. Вот и приходится все время что-то недоговаривать и что-то скрывать: реальную причину своего отсутствия (болел с похмелья), реальное положение дел на работе (уже немоготу), реальную цену купленных вещей (и называешь ее вдвое-втрое меньше заплаченной).

И общение, как правило, получается предельно сдержанным, многословным, сухим: да, нет, все хорошо. Правда хорошо.

Потом, конечно, коришь себя: ну что ты, не мог, что ли, расслабиться на минуту, сделать тон потеплее, раскрыться навстречу? И иногда это все же получается. Но чаще – нет. И не надо.

Однажды, будучи еще начинающим мужем, я вусмерть рассорился со столь же юной женой и прямо среди ночи двинул к родителям через весь город. В знак протеста. Пешком. И шел часа три, не меньше, наматывая сопли на кулак, сыпля про себя, а то и вслух пламенными монологами.

В этом-то и был весь смысл – чтобы и ночью, и пешком, и так долго, с трагизмом.

А испуганный отец выглянул из спальни со словами:

– Произошло убийство? Ты замешан?

Ну и как вот с таким человеком говорить искренне, раскрывать ему душу? Понятно, что лучше если не врать, то помалкивать.

Даже если сейчас он исхитрится как-то связаться со мной, я все равно, мне кажется, не смогу отвечать ему нормально. Начну или сюсюкать, или мычать что-то обнадеживающее, или вовсе сочинять напропалую.

Потому что он еще и поразительно наивен. И аномально оптимистичен. И предпочитает верить людям, газетам, брошюрам о здоровье, рекламным буклетам и даже федеральным каналам. Так что ему можно втюхнуть все, что угодно. И я постараюсь не разочаровать его.

– Да, папа, – скажу я, – наступил мир во всем мире, англосаксы отстали от нас и теперь только из вредности вяло собачатся с соседями.

Собак, кстати, уже посылали на Марс, скоро и люди потянутся, там будет целая колония, и нам дали самую большую квоту: помнят же все-таки, кто был пионерами, у кого особый путь через тернии...

А я по-прежнему играю в футбол. Ты даже не представляешь, какие чудеса сейчас творит спортивная медицина: такие методики восстановления, такие препараты (но не допинг, не беспокойся). Вот недавно встречались с бразильцами, я забил гол и сделал две передачи, а у них забивали Пеле, Кака...

– Слушай, – скажет отец, – не надо так рьяно ограждать меня от суровой реальности, подслащать пилюлю. Лучше горькая правда. Ведь профукали же бразильцам, скажи честно.

– Да, папа, – сокрушенно признаюсь я, – выиграть пока не удалось. Но, как говорится, дали бой, выглядели достойно.

– И вот это правильно, это самое важное! Чтобы стараться, отдать все силы. Чтобы совесть была чиста и не в чем было себя упрекнуть. Вот как дед твой жил, да и я старался...

– Да, конечно, конечно, пап, я помню.

Конечно, я помню. А есть ли в чем меня упрекнуть?

На могиле его мы с сестрой хоть раз в год, но бываем. Причем выбраться стараемся обычно в мае – начале июня, пока сорняки не слишком вымахали. Позже уже стыдно.

Нашим взрослым детям это не очень интересно, и раньше мы их с собой особо не звали. Только в последнее время как-то научились появляться бодро, но с уместной скорбинкой:

– К деду давно не ездили, надо бы выбрать время...

И они стали соглашаться.

В этот раз сын довез нас до самого кладбища, мы в шесть рук быстро привели могилу в божеский вид и уже возвращаемся к оставленной у ворот машине.

Сын идет шагов на двадцать впереди, снятая майка лежит на плече, а под шеей между лопатками смешной островок растительности (не в меня: я, если честно, гораздо волосатей). Он не то чтобы отстранился от отца с теткой, просто хочет поскорей освободиться, заняться другими делами. А здесь объем работ оказался слишком мал, значит, нужен он нам был исключительно как таксист. Он не ропщет, не обижен, ведь давно знает нас как особ заполошных и инфантильных, и сейчас всего лишь снова последовало подтверждение. Но куда деваться, нас уже точно не переделаешь...

Тут оживает мой телефон, а звонящий определяется как «Папа». И от этого вся моя хваленая шерсть на загривке встает дыбом, жутко становится по-настоящему, ведь я вижу, что сын по-прежнему размеренно вышагивает впереди, из кармана ничего не вынул и к уху не поднес.

– Да, – осторожно отзываюсь я.

– Дед, это я, – говорит внук отрывисто, огрубляя голос (так, ему кажется, получается представительней). – А папа рядом? Он телефон дома забыл...

– А что такое, что случилось?

– Да ничего не случилось. Я просто на велосипеде в центр хочу съездить, на его велосипеде, а он может не дать, зажать. Попросишь его?

– Конечно, попрошу, только ты сначала все же сам с ним поговори. Только вежливо... Сына! – кричу я вперед и протягиваю трубку: – Егорка тебя!

Сын дожидается, берет телефон, слушает, хмурится, отворачивается и начинает строго, раздельно, но вполголоса воспитывать своего сына.

А до меня вдруг доходит: ну ведь надо же!

«Ну, папа, ты и нашел вариант!» – усмехаюсь я про себя.

Да, он все-таки нашел способ подать знак. Современный. Высокотехнологичный. И древний как мир. Со смыслом не самым прозрачным, но очень наглядным: про какую-то вечную связь отцов и детей – непрерывную, неразрывную. Как бы это ни казалось нам иллюзорным.

2022

ЗАКРЫТИЕ СЕЗОНА

Сергею Финкельштейну

Тепло и солнце в середине октября у нас большая редкость, и не воспользоваться таким подарком грех, потом будешь жалеть. Нет, мы любим, конечно, порассказывать (особенно приедем, особенно с юга), какие мы все тут закаленные, такие убежденные романтики-полярники с сосульками в бородах, сизмальства привыкшие ночевать в сугробах; но спросите у любого сибиряка за пятьдесят, хочет ли он с ноября до Нового года или с Рождества до 23 Февраля провести в спячке, и половина точно согласится.

Потому что слишком уж долго тянется зима. Ну ладно бы месяц-два – это даже бодрит, разнообразит выходные. И блеск снежинок под фонарем, и деревья в инее, и коньки-лыжи, и красотки, с мороза

раскрасневшиеся, – все это и впрямь замечательно. Ну, и чтобы весна встречалась с настоящей радостью, месяца три потерпеть можно. Но полгода – явный перебор. Вся жизнь замирает, и апатия полная.

В общем, когда в пятницу все прогнозы сошлись в одном: не минус и без осадков, мы решились.

Позади уже мост через Томь, отрезок шоссе вдоль берега и ручей с антично-тюркским названием Люскус; теперь Михина «демио» с удивительной резвостью штурмует затяжную горку: уже пятнадцать лет в России, а все продолжает демонстрировать корпоративное рвение. «Я успел взять ее, когда проклятые капиталисты еще не научились делать плохие машины», – объясняет Миха. Хотя сам однажды чуть не изменил ей с молодым «фордом» из Канады. Но сделка сорвалась, и старушка «мазда» словно обрела второе дыхание, поняв, что никто не спишет ее в утиль, пока она сама не взмолится. А мы сегодня уж точно не потребуем. Сегодня мы легче, добрей и беззаботней обычного раза в четыре.

Золотая осень за городом – только ради этого уже стоило выехать. Березы желтые, рябины бордовые, трава кое-где еще зеленая, а на серебристой облепихе слева на откосе ягоды ярко-оранжевые. Вот бы выйти вечером втихушку и, замирая под редкими фарами, набрать целое ведро. И потом наделать варенья, разводить морс и дуть его – прямо горячим! – долгими зимними вечерами... Дурак, что ли, такое добро переводить? Масло из нее гонят. Облепиховое масло – лучшее средство от ожогов. А если бражку поставить? Противоожоговая бражка: пьешь – и буксы вообще не горят! Это знаешь кому надо – факирам, которые глыкают керосин и потом выдувают пламя. А-а, так вот откуда взялось слово «керосинить»! Настроение у всех приподнятое, все болтают без умолку, и среди всех этих окружающих красот возбужденность какая-то особенно веселая и праздничная. Все в предвкушении.

С кольца уходим вправо, и Миха выключает двигатель: теперь до самой Жургавани можно докатиться и так. И дело не только в эконо-

мии топлива (Миха гораздо больше энергии тратит, отбиваясь от наших шуточек) – это такой ритуал, маленький фокус, маленькое испытание: получится или нет? В этот раз получилось, и это хороший знак.

А вот и еще лучше: дом, уже законсервированный было на зиму, пока не обворован, даже, похоже, вообще не наведывались, на месте даже бумбокс, тупо оставленный на веранде.

– Только Тане о нем не говорите, – просит Миха. – Это я последним дверь закрывал, забыл спрятать под матрасами.

– Обалдел, что ли? – говорит Данька. – Там же первым делом найдут. Буханут, завалятся спать и сразу наткнутся! И устроят свальный грех под радио «Шансон», представляете?

Он начинает смеяться. Точнее, заливается тонким смешком, заходится от хихиканья, аж согнулся, и слезы выступили. Мы с Михой переглядываемся: и когда успел? Наверное, пока мы дверь открывали и таскали провизию, а он отходил за угол «вдохновиться природой, так, по-маленькому».

Главная проблема таких субботних выездов – правильное использование времени. Темнеет уже рано, и нужно твердо решить, когда усаживаться за стол: сразу же (и значит, с концом) или сначала элегически погуляв по лесу. Если бы здесь были наши жены, все прошло бы эстетичней и безопасней для здоровья. А так может получиться и некрасиво, и очень вредно.

С другой стороны, все это женское стратегическое планирование, эти санитарно-бытовые условности и прочие рюшечки-салфеточки в День закрытия сезона как-то особенно излишни. Это суровый мужской праздник. Желательно без свинства, конечно, но все-таки.

Посоветовавшись, решаем так:

1. Распаковываемся.
2. Затапливаем печь.

3. Действуем по обстановке. То есть по настроению.

Но сначала, конечно, надо выпить. А до того решить вопрос с Данькой. Профилактическую (откровенную) беседу с ним заранее мы не успели провести. Может, сейчас еще сработает? Сразу очистить совесть, чтобы потом не возвращаться.

– Дань, тут вот какое дело... В общем, мы договорились... – осторожно приступает Миха, но потом чувствует, что переборщил с дипломатией, и начинает говорить нормально: – Ты не обижайся, но мы тебе сегодня наливать не будем, даже не проси. Сами выпьем немного (надеюсь), а тебе не дадим. Мы же не фашисты. Тебе правда нельзя.

Данька, надо отдать ему должное, всего пару секунд выглядит уязвленным, а потом великодушно включает клоунаду – бросается к нам с объятиями и восклицаниями: «Спасибо, друзья, спасибо! Вы спасли меня!»

– Ладно, чего уж, – тоже пытается играть Миха. – Мы тогда и закуску твою съедим, хорошо?

– Вот! – сразу ухватывается Данька. – Вот я вас и вывел на чистую воду – на чистую водку! Давайте, жрите мою вкусенькую, трескайте мою закуску! Может, вам еще и женщину мою предоставить?! И Родину продать?!

Надо как-то его успокоить, и я напоминаю о печке. Данька всегда хвастается, что лучше нас подготовлен к жизни, больше умеет по хозяйству. И это правда: в шахтовом поселке в своем доме он ту же печку с детства топил.

Сейчас Данька с удовольствием помыкает нами: меня отправил выбросить золу, а Миху – расколоть поленья, имеющиеся-де слишком велики. Всегда и такие годились, но Миха не спорит, послушно берет топор.

– Учитесь, дети асфальта! – покрикивает Данька, раздирая газеты по сгибу, комкая листы и засовывая их в печь. – Учитесь, пока я живой!

Рукава у него закатаны, вид ужасно довольный, и если бы не желтые склеры, улыбка была бы как прежде неотразима – и озорная, и теплая одновременно.

Минут через двадцать в доме уже тепло. Даже, наверное, слишком: Данька сразу зафигачил несколько шумовок угля.

– А весло здесь есть? – неожиданно спрашивает он, оглядывая стены.

– Ты греблей академической решил в бору заняться?

– Ты не знаешь, что такое весло? Музыканты так гитару называют. А парнас? Знаешь, что это такое? Только на первый слог ударение.

– Ну, наверное, барабан. Или бас-балалайка.

– Смешно. Нет, это такой концерт за деньги. Когда можно заказывать песни.

– Ты думал у нас тут чёс устроить? Так зрителей маловато. А мы с Михой и сами тебе что хошь споем, причем сдемпингуем по цене.

– Он нам еще заплатит, чтобы мы замолчали, – радостно поддерживает Миха.

Всем известно, как противно он поет.

– Нет, правда нет гитары? – спрашивает Данька. – По-моему, была же.

Миха поднимает брови: Данька и правда не помнит. Сам же сломал весной, забирал в город, да так и не вернул.

– Ладно, хватит языками трепать, – говорю я. – Надо же вас отпиндюрить наконец-то – на Суперкубок закрытия сезона, а то ходите такие неотпиндюренные. А до этого еще с лесом попрощаться. Мих, ты идешь? Ненадолго.

Миха изображает легкий позыв к рвоте: такие бессмысленные занятия не для него. Он лучше с книжкой поваляется.

– Дань, а ты переодеваться не будешь? Хотя в лесу сейчас сухо – можно не переодеваться. Бери тогда корзину, два ножа. Что еще?

– А ты думаешь, грибы еще есть? – загорается Данька.

– Да вряд ли: уже заморозки на почве были. Но чем черт не шутит? Грузди под землей еще могли остаться. Но лучше не надеяться.

– А помнишь, мы опять из-под снега откапывали?

Конечно, помню, хотя насчет «откапывали» он слегка приукрасил. Но снег тогда и вправду выпал – первый, пушистый, почти невесомый.

И на шляпках опят он действительно смотрелся фантастично. Редкий кадр для воспоминаний на всю оставшуюся жизнь.

– Ну, давай, пока этот промысловик собирается, – наливает Миха в две рюмки и кладет на два куска хлеба по кружку колбасы. – Чего там грибникам желают – ни моха, ни поганки?

До этого мы выпили «за открытие закрытия сезона» – еще когда печка растапливалась, и всего по одной. При Даньке все же как-то неудобно. И сейчас выпиваем не то чтобы торопливо-воровато, но чуть быстрее, чем требуется.

– Сколько вас не будет? – спрашивает Миха. – Мне надо знать, когда лапшу ставить.

– Полчаса – час максимум. Тренируйся пока. Каре и покер в заказ отработай: что-то в последнее время даже неинтересно тебя обыгрывать – такой уровень низкий.

– Ой-ой-ой! Сегодня ты увидишь наконец настоящую игру. Ты поймешь, что зря на свет родился: такого мастерства тебе никогда не достичь!

– Ну-ну. На табло потом все будет написано.

Лес молчалив и пуст, даже опустошен – отдыхает после насыщенного лета. И еще словно немного обижен, подавлен, удивлен: что это с ним стряслось и что дальше будет? Так голые призывники стоят перед хирургом на медкомиссии: вроде бы и не самый страшный момент, а все равно тревожно. Там, впрочем, еще и напускная веселость присутствует, бравада. А здесь нет: все всерьез, неизбежность в чистом виде, после осени совершенно точно будет зима.

Мы идем по свободной тропинке (раньше она была сильно заросшей с боков) до первой поляны с большой густой сосной: именно она (хотя по виду – явно он, кряжистый и мощный) в округе всех главнее. Как-то давно Данька классно сострил, что это дерево здесь «держит

шишку», и с тех пор он тоже любит сюда ходить, пусть и сейчас почувствует, вдохнет настроения. Но он будто не узнаёт этой поляны, даже не приостанавливается, и приходится его окликать.

– Зайдем на минуточку? – предлагаю я.

Осиновая поросль по краю уже совсем без листьев, все они на земле. Внутри леса почти то же самое, даже если и остались где грибы, трудно будет их разглядеть. Мы углубляемся всего на несколько шагов, и Данька чуть ли не у первой же березы заводит свою канитель. С ума с ним сойдешь: выбирает одно место (особенно если найдет что-то, даже несчастную сыроежку), садится на корточки и начинает траву вокруг разгребать – и так буквально по квадратному дециметру. Обычно еще очки надевает, хорошо, что сейчас их не взял.

– Да нет здесь ничего, все сухо, – убеждаю я его, но это бесполезно: пока сам не убедится, никуда не сдвинется.

Ладно, лес сейчас прозрачный, видно далеко, не заблудится. И я его издали буду видеть.

Я снова выбираюсь на тропинку, ведущую к выходу из бора. Оттуда вид хороший: поля, колки, простор. Этой мой личный бзик – постоять там и попрощаться с лесом до следующего года, поблагодарить его. Да я и вообще всегда, если один возвращаюсь, даже не набрав ничего – ни грибов, ни папоротника, ни ягоды, еще и кланяюсь ему – но это только если никто не видит.

Там еще береза есть удобная: один из стволов изогнулся почти параллельно земле, можно посидеть, отдохнуть.

Я успеваю выкурить сигарету и прочесть вслух подходящий стих («Уж небо осенью дышало...» и так далее – и здесь, кстати, он лился особенно выразительно), а Данька все не подходит. И куртка его красная на прежнем месте уже не маячит.

Я направляюсь назад. Потом прибавляю шаг. Куда он мог запропасться?

– Дань! Да-ня! – кричу я.

– Да здесь я, чего орешь? В лесу, что ли?

Он стоит за деревом.

Я подхожу:

– Неужто правда что-то нашел? Грузди?

– Да какие грузди. Грусть, сплошная грусть...

Фляжки в руке не видно, но этот свежий запах изо рта ни с чем не спутаешь: три секунды назад – дешевая водка из горла, причем не один глоток.

– Ладно, возвращаемся, – говорю я. – Грибов теперь до начала мая не будет.

– Странно, – удивляется он. – Я был уверен, что наберем море. Было такое чувство.

Миха уже сервировал стол. Посуда, правда, пластиковая, зато все остальное от души. Обед из трех блюд: лапша с тушенкой, колбаса с хлебом и фирменная Михина соленая кунджа (утром засолил, а сейчас уже можно есть, большие куски буквально тают во рту). Миха вообще самый правильный повар: не выпендривается с изысками и редкими ингредиентами, а из обычных гарантированно делает хорошо. Вот и сейчас мы с ним легко уминаем (еще бы – на свежем-то воздухе да с водочкой!) по две тарелки. Только Данька поклевал совсем немного, говорит, что больше не хочет.

– А теперь – генеральный покер! – провозглашает Миха. – Матч за звание лучшего игрока сезона. Пусть победит сильнейший (то есть я), а проигравшие горько плачут и сетуют на судьбу! Трепещите!

Он отодвигает лишнюю посуду на край стола, в центр кладет три ручки, листки с отпечатанными таблицами, потом кубики. Один при этом падает на пол и откатывается в дальний угол веранды. Спасибо, что не в щель и находится сразу.

– Подождите! – говорит вдруг Данька. – А хотите, стих прочитаю? Так, навеяло...

– О, конечно! Это песня? Новую написал? – радуемся мы с Михой.

Игра никуда не денется, а он давно не писал ничего, говорит, что нынешние гнусные реалии не располагают к творчеству.

– Нет, музыку еще не наваяло... А что, здесь есть весло?

– Нет, так читай.

Данька встает, прочищает горло, смотрит вперед-вверх – необычно серьезно. А потом вообще закрывает глаза.

– Называется «Наши мамы не брили подмышек».

– О, про порнушку? – оживляется Миха. – Интересно-интересно!

– Это что – дурка такая антигламурная? – смягчаю я. – Давно пора.

Как у всякого приличного артиста на вольных хлебах, у Даньки в репертуаре с десятков безотказных дурак – переделанных песен на известные мелодии: или просто ржачные, или к месту похабные, или даже острополитические. Например, самая короткая – из двух строчек, на мотив «Я хочу быть с тобой» Бутусова: «Я пытался уехать в Израиль. Я брал острую бритву и правил себя...» И публика, конечно, от хохота сползает со стульев. Так что это очень полезное наследие кавээновского прошлого и знакомства с легендарной «Конторой братьев Дивановых». Вся наша компания давно знает эти дураки наизусть.

– Нет, это такое... конц-центрированное. И концептуальное. Слушайте внимательно. И потом не говорите, что не слышали. Только попробуйте – я вот вас!

Он показывает нам кулак. Потом снова замирает. И наконец, начинает громко, да еще и нарочито нажимая на сонорные:

Наши мамы не брили ни ног, ни подмышек,

Ни тем более что-то еще.

Нам хватило двора и зачитанных книжек,

Чтобы выучить гамбургский счет.

Нам хватало смолы, «марсов» нам не светило,

В прикуп нам не вложили туза.

М-м... та-та та-да-та... и хозяйское мыло

Нам на все продирало глаза.

Он открывает глаза и подозрительно оглядывает нас:

– Ну и как? Аплодисменты, пожалуйста, аплодисменты, не стесняйтесь!

– Ты специально сказал «хозяйское» мыло, а не «хозяйственное»? – мягко интересуюсь я. – Как бы такая аллюзия: хозяин – Сталин – ГУЛАГ и прочая гадость?

– Ну, типа того. Хотя моя бабушка так и говорила: хозяйское.

– А «смола» что такое? – спрашивает Миха. – Это насвай?

– О-о-о, да ты и смолы даже не жевал? О чем с тобой говорить, хоряняка! Профессорский сынок! А хотя бы бензин ты нюхал?

– Я понял – это такой портрет поколения, – переключаю я внимание на себя. – Как «Час зачатия я помню неточно».

– Вот! Молодец, понял! Портрет потерянного поколения. А кто его потерял и куда – откуда я знаю? Я музыкант, мое дело – петь. Просто выходить и петь правду. Вот! Я придумал для вас тост! Давайте выпьем за правду!

Мы с Михой тоже встаем. Ясно, что, даже если бы он предложил тост за бессовестное вранье, мы поднялись бы с наименьшим энтузиазмом и важностью – лишь бы у него так же сильно звучал голос, лишь бы он так же напоминал себя прошлого.

Себе подливаем водку, а Даньке – минералку без газа. Так что со стороны все это выглядит не слишком для него унизительно.

Начинаем хорошо: воодушевление, подначки, традиционные фразочки («Сейчас будет избиение младенцев!», «Может, вам гандикап предоставить?», «Поплачь-поплачь, камни слезу любят»). В общем, все именно так, как нужно. К тому же Данька почти сразу бросает покер в заказ на четверках – и это придает ему уверенности, куража.

Но в том-то и опасность: ходов через десять, когда ему перестает везти, он начинает рисковать напропалую и даже глотничать – какое уж тут удовольствие от игры?

И сама игра скоро становится бессмысленной, потому что Данька, потеряв шансы на победу, постоянно отвлекается, дурачится и просто ноет: ему, видите ли, надоел наш классический покер и хочется «укороченного». Он сам когда-то его придумал (бросать только комбинации) и сейчас уперся рогом.

– Ну, долго все это, муторно! Уже бы пять раз успели сыграть!

Это пахнет богохульством, расшатыванием устоев. Мы с Михой все-таки настаиваем, что партия должна быть доиграна. Это же Суперкубок, победитель войдет в историю!

– Знаешь, что вошло в историю? Как мы при лучинах играли! – возражает Данька, хотя никто и не спорит.

Да, было такое однажды, тоже осенью, когда по всем дачам вырубил свет. Игра в самом разгаре, а тут тьма кромешная. Не найдя свечей, мы свили фитиль из каких-то шнурков, положили его в блюдце с постным маслом, зажгли. Огонек появился, но ненадолго: от перегрева блюдце лопнуло. Тогда мы натесали кучу лучин (причем наверняка неправильных: прогорали они слишком быстро) и все-таки доиграли партию. А когда проснулись утром – ахнули и смеялись потом долго: весь беленый потолок и все наши рожи были в копоти!

Кое-как дотягиваем до конца. В итоге – случайно, разумеется, и незаслуженно – выигрывает Миха. Данька же последние ходы откровенно занимался ерундой: ловил только покер в свободе, вычеркнул всю колонку вверх по ходу, но гнул свое. И пару раз был близок, жаль, что не получилось.

Он встает, даже не сосчитав сумму, просто хлопнув ручкой по столу:

– Тренируйтесь, вторая лига! Когда захотите научиться играть – обращайтесь. Так уж и быть, проведу мастер-класс!

Он ненадолго скрывается в комнате, выходит и начинает надевать куртку.

– Ты до ветру? – говорю я. – Я тоже.

Данька оборачивается и смотрит на меня с напряженным недоумением:

– А зачем?

– Зачем я хочу выйти помочиться? Потому что в доме не очень удобно.

– Нет, зачем ты пасешь меня весь день? Займись уже чем-нибудь поприятней: музыку красивую послушай, водку вкусную попей...

Он смотрит на меня прямо и почти враждебно. Я смотрю на него прямо и без привычного уже сюсюканья «ах, чтобы не задеть». Прямо дуэль какая-то. Сейчас схватимся за дреколье и начнем фехтовать.

– Слушай, что мы играем в какую-то дебильную игру? – говорю я. Именно я. Кто-то же должен это сказать.

– Он так и будет прикладываться по углам, как школьник, – объясняю я Михе. – Давай наливать ему понемногу, хоть закусывать будет нормально и не прятаться с конфеткой.

Миха молчит, нахмурившись. Он так всегда: чуть какой конфликт – сразу становится вяло-печальным и замирает, будто закрывается изнутри. Просто он, в отличие от меня, не любит никого воспитывать. А Данька наблюдает за нами насмешливо, этот чертик в его глазах уже проснулся и теперь не заснет пару часов.

Да нет, меньше. Уже вскоре он сникает и покорно дает себя уложить. Мы стелем ему на веранде: здесь прохладней, так быстрее очухается, утром легче придет в себя. Какая наивность!

Миха растолкал меня ночью:

– Он домой собирается.

Я включаю свет. Все выглядит какой-то ненужной выдумкой. Данька уже сидит на диване одетый, возится с обувью.

– Ну что ты такое выдумал? – говорю я. – Ну куда ты сейчас? Никто же сюда не придет.

– Да все нормально, что вы всполошились? – Он тоже старается

говорить легко, убедительно, но языком ворочает с трудом. – Мне просто надо домой, просто надо домой.

– Вот прямо сейчас?

– Прямо сейчас.

И взгляд такой преувеличенно твердый.

Только каким-то чудом, измором, большим актерским мастерством с нотками искренней паники нам удастся его отговорить. Но в комнате с нами он соглашается лечь только одетым. Хорошо, что Миха (я еще не спал, слышал) потихоньку запер дверь на ключ.

Пока с утра взад-вперед ходили отлить-курить-пить кофе, дом успел выстудиться, а затапливать заново, если скоро собираемся уезжать, как-то неэкологично, да и просто лень.

– Может, на обрыв сходим, на ближайший, прогуляемся? – спрашиваю я.

– Да, надо продышаться. Я, чувствую, еще тяжеловатый, – признается Миха.

– Идите-идите, – хрипло говорит Данька.

Он сидит взъерошенный, закутавшийся в одеяло, громко швыряя, пьет чай, даже не вытащив из чашки пакетик, и точно никуда не пойдет.

– Конечно, идите, бросайте меня одного. В дикой чаще. На растерзание лютым зверям.

Когда мы вернулись, он спал, отвернувшись к стене. Прямо возле кровати на полу стоял пустой мерзавчик: то ли он забыл его спрятать, то ли уже не посчитал нужным.

С Притомского проспекта к дому Даньки нет поворота налево. Ему с перекрестка пройти метров двести, но он требует, чтобы Миха его довез. То ли слишком устал, то ли за большие заслуги. Бормочет что-то невнятное, с трудом очнувшись совсем недавно, уже в городе.

– Какой ты противный стал, капризный! – не выдерживаю я.

Потому что достал! Михе потом полчаса кружить надо будет.

– А вы что, куда-то торопитесь? – нахально спрашивает Данька. – Тарапиц не на-а-адо, тарапиц не на-а-адо...

– Да заедем, не проблема, – говорит Михя.

– Может, я хочу побыть с вами подольше. Еще больше обогатиться духовно! Хотя куда уж больше? – говорит Данька и опять начинает мелко хихикать: он так только недавно начал, раньше такого не было.

«Да ты давно уже не с нами», – думаю я, но вслух говорю другое:

– Если будешь таким же капризным, не возьмем тебя в следующий раз на открытие сезона.

Это я вроде как пошутил. И выразил сдержанный оптимизм. И это были последние слова, которые я сказал другу в глаза. Последующие редкие отчеты по телефону («А ты как?» – «А ты?») не в счет.

Нет, когда он вылез из машины возле своего подъезда, такой сосредоточенный и жалкий, я же наверняка сказал что-то еще: «Счастливо» или «Будь здоров».

А надо было сказать честнее: «Прощай и прости».

2019

Юрий Юдин

В ОЖИДАНИИ ДВУСМЫСЛЕННОЙ РАДУГИ

В книгу Андрея Королева «Провожатый» (2022) вошли рассказы из трех авторских циклов. Часть из них печаталась в прежних сборниках, другие изданы в книжном варианте впервые. Понятно, рассказы тридцатилетней давности непосредственной и импрессионистичней. А поздние изобличают руку зрелого мастера и добиваются до цели быстрее и точнее. При этом я не вижу особого смысла выделять в творчестве Королева разные периоды, потому что новеллистика его проник-

нута несомненным единством. Как тематическим (почти всегда это рассказы о любви), так и исполнительским (все они сложно организованы, хотя легко читаются, все держатся на интонации, лейтмотиве, музыкальном переплетении тем и мотивов).

Это очень хорошая проза. В доказательство я разберу здесь мой любимый рассказ «Апокалипсо». На мой вкус, он достоин войти в любую, самую строгую антологию русского рассказа всех времен. И выдержит соседство с шедеврами Гоголя и Чехова, Тургенева и Бунина, Бабеля и Платонова, Шукшина и Довлатова.

Фабула рассказа проста. Герой встречается любимую женщину, везет ее на дачу, в домик на краю соснового бора – как можно понять, не в первый раз. Встреча, сборы, дорога, шутивая пикировка. Предвкушение вечера и ночи. Но наутро героиня должна уезжать – и это не то чтобы отравляет радость свидания, но окрашивает его отчасти печальной нотой.

В рассказе почти нет диалогов: весь он построен на несобственно-прямой речи, и хотя реплики героини мы тоже слышим, основную партию ведет мужской голос.

Как часто бывает, многое нам сообщает уже само название. «Апокалипсо» – каламбур из двух известных имен. Первым делом нам слышится тут Апокалипсис – так принято называть «Откровение Иоанна», книгу, которой кончается Новый Завет. Апокалипсис и значит «откровение, снятие покровов». Обыденное сознание привыкло связывать книгу Иоанна с катастрофическими бедствиями. На самом деле для христианина здесь изображается радостное событие: после всех бедствий и Страшного суда, в финале, человечеству обещают «новое небо и новую землю». А значит, и новую жизнь, куда лучше устроенную.

Один из важных символов «Откровения Иоанна» – образ радуги. Перед последним, седьмым трубным звуком повествователь видит ангела, сходящего с неба, окруженного облаком, с радугой над головой, с лицом как солнце; в руке его раскрытая книга. Радуга – это реком-

бинация и новая композиция стихий огня, воздуха и воды, символ не столько радостный, сколько монументально-трагический. Потому что мало кто может с легким сердцем отказаться от земных радостей ради неизвестного будущего. (Заметим в скобках: это проливает дополнительное освещение и на название одного из романов Королева – «Догони радугу». Хотя это сейчас к делу не идет.)

Вторым делом в названии рассказа мы слышим имя Калипсо. Это греческая нимфа, полубогиня-полудемон в обличье прекрасной женщины. В «Одиссее» это хозяйка острова Огигия, расположенного на крайнем западе ойкумены, почти что в стране теней. Одиссей выброшен на остров кораблекрушением. Калипсо влюбляется в него и заставляет провести на острове семь лет, обещая бессмертие и даря свою любовь. Но Одиссей не может забыть жену и родную Итаку и в итоге покидает Калипсо. Причем нимфа еще и снаряжает его в дорогу, дает инструмент для постройки лодки, хотя без вмешательства богов, как всегда у Гомера, тут не обходится.

В русской мифологии есть аналог Калипсо – это всем известная Баба Яга. Внешне вроде бы ничего общего, но функции она выполняет те же самые. Как и Калипсо, это хозяйка жизни, смерти и бессмертия. И помощница героя сказки: ритуальная прописка в избушке Яги делает героя своим в зачарованном пространстве волшебной сказки. Причем Яга еще и снабжает его волшебными предметами либо указывает дальнейший путь. А наружность боги и духи могут принимать самую разную: они живут не в человеческом времени, а в вечности. В тему вечной молодости, живой и мертвой воды и молодильных яблок мы сейчас не будем уклоняться.

В рассказе мы имеем дело с обращенным сюжетом мифа об Одиссее: здесь героиня должна покинуть героя. Важно, что в начале рассказа он видит ее выходящей из подземного перехода – явный признак инобытия героини, принадлежности ее не только к человеческому миру.

Роль зачарованного острова выполняет сосновый бор. На краю его стоит домик – «одной куриной ногой уже в сосновом бору», прямая

отсылка к избушке Яги. В русских сказках лес – враждебное, потустороннее пространство, хотя у сосен имеется и собственная символика («В сосновом лесу молиться, в березовом – веселиться, в еловом – удавиться»). Так что и у страшной сказки есть свои цвета спектра, как в радуге... Пейзаж, кстати, в рассказе умело распределен, дается не одним куском, а разбросанными деталями, по которым воображение читателя дорисовывает картину.

Вся ткань рассказа построена на игре двусмысленностей, картинка мерцает и зыблется. Мелкие оливки – они же соски груди любимой. Романтические свечи – они же прагматические («а то в прошлый раз вырубилось электричество»). Упоминается кошмар, но пародийный («кошмар на улице долговязов»). По дороге герои не встречают «ни одного аборигена-лысенковца» (вместо мичуринца; Лысенко – такой же «народный агроном», как Мичурин, но фигура в советской мифологии куда более зловеющая).

От остановки автобуса две дороги – одна поселком, другая лесом (не хватает лишь сказочного камня на перепутье). Если схватят враги, герой обещает отбиваться «до последнего пистона» (эротический подтекст разъяснять не нужно). Дважды возникает лейтмотив: длинная (сильная) нога героини с тонкой (породистой) лодыжкой. Это отсылка сразу и к прелестям Калипсо, и к костяной ноге Яги. Кстати, ноги и обувь героини подвергаются самому пристальному рассмотрению. Длинноватый указательный палец («а на ногах они тоже указательные?»). Носочки чуть-чуть врозь, энергичные сапожки в снежной каше, туфельки в глиняном месиве... В общем, почти сказочный путь, на котором нужно стоптать семь пар железных сапог и сгрызть три железных хлеба.

В рассказе мелькают еще семь гномов (спутники западной Белоснежки – тоже красавицы на границе жизни и смерти, как и пушкинская Мертвая царевна). «Лесные медбратья» (отсылка к лесному «мужскому дому», о котором лучше прочесть у Проппа). «Флюгер в

виде бройлерного петушка» («Золотой петушок» Пушкина – история опять-таки о жизни, смерти и роковой красавице).

А еще герой вспоминает о зеленой волне светофоров, по которой они ехали в Москве (это из морских странствий Одиссея, в русских сказках главная роль синя моря – серьезное препятствие, замедление сюжета). А в финале герой надеется на чудо: «Вот когда отменяют твой рейс, причем совсем, и билеты заставят сдать – а не надо покупать заранее! – или объявят карантин в связи с эпидемией морской свинки, или Европа отколетя от нас и уплывет на трех быках куда-нибудь к Антарктиде...» Тут мифологемы, большей частью античные, и вовсе слипаются в плотный ком. Можно разглядеть здесь предчувствие неминуемой катастрофы – а можно и обещание нового неба и новой земли. Взглядом на звездное небо, кстати, все и кончается.

При этом рассказ вовсе не кажется ярмаркой символов и сказочных мотивов. Ни следа нарочитой эрудиции, никаких услужливо подсунутых отгадок. Автор, разумеется, не шпиговал мифологемами ткань своей прозы намеренно – и читатель их по большей части не замечает. Просто из качественной прозы всегда можно вычитать в двадцать раз больше, чем она прямо сообщает. Так устроен и этот рассказ – с виду незамысловатая история о чуточку грустном свидании, которая читается одним духом.

Андрей Королев

СЛОВО – МОЕ ДЕЛО

Прежде автобиографию у меня истребовали только по поводам сугубо казенным: обосновать право занять должность или выехать за рубеж. В данном случае она должна выступить в роли некоего послесловия, дополнения к рассказам в солидной антологии. Потому, полагаю, здесь мне следует указать те факты и факторы, которые имеют

отношение к моей работе со словом, как-то повлияли именно на такой жизненный выбор.

Я, Королёв Андрей Александрович, родился в Кировском районе города Кемерово. Отец Александр Васильевич и мама Раиса Андреевна работали на военном заводе. Растить меня и старшую сестру Елену помогала бабушка Анисья Васильевна – мать отца. И еще его брат Эдуард, возвращаясь из разных экспедиций, тоже жил с нами. И тоже меня воспитывал.

Все эти самые родные мне люди свободно владели русским. То есть изъяснялись легко, точно, образно, с юмором. И мое чувство любви к языку (вместе с развивавшимся языковым чутьем) – безусловно, от них. В семье много читали, рассказывали и слушали, цитировали и смаковали, играли в слова. И такой фон, общий настрой, конечно, не могли на мне не сказаться. После школы я поступил на филологический факультет Кемеровского госуниверситета.

Другое дело, что еще больше в то время я любил футбол. Окончил первый в области спецкласс. И даже попал в команду мастеров «Кузбасс». Там тоже была особая среда (включая и особый язык), и я очень признателен спорту за многое. Понятно, тут и «сила воли плюс характер», и умение проигрывать достойно. Но сам себе я чаще нравлюсь за способность собираться, не терять голову в моменты цейтнота и других форс-мажоров. А еще я объездил всю Россию и большинство союзных республик. Узнал, как действительно потом и кровью зарабатываются деньги. И как их смысл обесценивается, когда на душе тоскливо.

Какое-то время я мог совмещать спорт с учебой. Вырывался на лекции (лишь позже я понял, как мне повезло, что на филфаке в те годы собрался поразительно сильный состав преподавателей), однако и футболом болел по-прежнему. Но в конце концов убедился: заниматься с полной отдачей можно только чем-то одним. И я выбрал армию.

Благодаря футболу (игре за армейские сборные) и служба у меня получилась понятней, чем у многих. И попасть потом в штат газеты

«Комсомолец Кузбасса» оказалось проще. Команда журналистов «Гонорар» очень нуждалась в готовых свежих кадрах. И с моим приходом занять первое место на Всесибирской спартакиаде удалось увереннее.

В областную молодежку я устроился неслыханно рано – еще учась на пятом курсе. Первым большим заданием было написать о первом в регионе конкурсе красоты. Такое революционное, дерзко-искусительное было время... И отдел, который я вскоре возглавил, был совершенно необычный – спорта и культуры. Но все же больше меня тянуло к другому – быть в центре создания газеты. Верстать ее. А для этого – выправить текст, заострить заголовок, придумать подпись к фото. И я стал ответственным секретарем.

В этой или похожей роли, но всегда в главном штабе издания я провел тридцать следующих лет – в «Кузнецком крае», «Губернских ведомостях», «Крае», «Российской газете», «Кузбассе».

Все это время я, конечно, старался писать не только для газеты, но и художественную прозу. И даже публиковал рассказы. А вот с романами была какая-то беда.

Первый – прозрачно-жизнерадостный – я отправил в популярный всесоюзный журнал. Результат оказался отрицательный, но лестный. Мне вернули рукопись почтой (это явный знак симпатии: никому никогда не возвращают). Более того, мне ответили персонально. Начиналось письмо вот таким прекрасным оскорблением: «Надеюсь, вы понимаете, что написали отличный роман». И хотя продолжение тоже следовало хвалебное («Язык ваш сочен и вкусен...»), финал не оставлял надежд: сейчас, после падения «железного занавеса», столько произведений нужно вернуть русской литературе!.. В общем, я беспокоил не вовремя.

Со вторым романом – более изощренным и чуть скептическим – вышло еще хуже. Ведь я даже успел подписать договор о выпуске отдельной книги (причем условия москвичи выставили жесткие: семь лет

не давать текст никому другому, а «сумма прописью» – крохотная). Но наступил 2008 год, и это крупное издательство закрылось, отпустив меня на волю без всяких обязательств.

С тех пор я зарекся иметь дело с московскими конторами. И третий свой роман – уже почти трагичный – послал в новосибирский журнал. И там он вышел! И позже еще несколько рассказов приняли там тепло.

...Меня всегда окружали люди, связанные с русским языком и литературой. Самые близкие вообще профи в этой сфере. Жена Наталья и в газетах была заметной, и сейчас в гимназии: выпускники ее получают не только высокие баллы по ЕГЭ, но и знания, и четкие нравственные ориентиры. Сестра Елена работала и в школе, и в газете, и в университете, пишет тонкие новеллы. Дочь Мария побеждала в городской олимпиаде, а ныне убеждает многих своими постами в Сети. И сын Андрей выражается ярко – хоть и редко, но метко.

Сам я теперь в журнале «Огни Кузбасса», редактирую, как говорит главный редактор Сергей Лаврентьевич Донбай, «все, что написано нестихотворными строчками». И продолжаю писать прозу. И надеюсь, наконец-то нашел свое место в жизни.

Книги Андрея Александровича Королева:

Гонки на троллейбусах : рассказы. – Кемерово : Сибирское отделение изд-ва «Современник», 1999. – 96 с.

Провинция : роман ; Апокалипсо : рассказы. – Кемерово : Дом литераторов Кузбасса, 2015. – 280 с.

Провожатый : рассказы. – Кемерово : Кузбасский центр искусств, 2022. – 180 с.

Вера Лаврина
(Вера Леонидовна Правда)

21 ноября 1956 г., с. Лавровка, Кокчетавская обл., Казахская ССР.

Прозаик, поэт, детский писатель.

Член Союза писателей России с 2009 года.

КТО НАИБЕДНЕЙШИЙ?

Жил Панкрат, был Панкрат весел и богат. К его деньгам деньги так и сыпались, так и липли.

«Вот, – думает он, – все мне Господь дал, не обидел. Надо и мне теперь доброе дело сделать». Решил он наделить богатством самого наибеднейшего, чтобы от нищеты его избавить, на счастливый путь поставить.

«Одним бедняком меньше станет, одним счастливчиком больше, да и мне в зачет доброе дело пойдет», – рассудил Панкрат.

Стал он думать, как найти ему самого наибеднейшего.

«Если бросишь клич: приходи, наибеднейший, дам тебе добра-богатства – набежит голытьба, будут животы впалые нести, лохмотьями трясти. Богатства моего на всех не хватит. Найду я сам наибеднейшего, его и награжу богатством», – решил Панкрат.

Приказал он возле торной дороги вырыть яму глубокую, такую, чтобы трудно было из нее выбраться. Бросил в нее медный пятак.

«Ну, – думает, – только самый что ни на есть бедный в эту яму за пятаком прыгнет». Сам спрятался неподалеку, стал ждать.

Видит, идет мужичок, видом не беднячок, сапоги ладные, штаны изрядные. Заглянул он в яму, увидел медный пятак – забегал, заметался вокруг. Хотел и прутиком пятак достать, и петельку на него накинуть. Ничего не выходит. Прыгнул тогда он в яму, достал пятак, едва-едва выбрался. Пошел дальше довольный.

Панкрат его догоняет:

– Постой, прохожий человек! Скажи мне, зачем ты медный пятак из ямы достал? Видом ты не бедный...

– У меня характер такой, – отвечает прохожий, – я как какую копейку увижу, тут же хочу ее прикарманить. А по-иному добра не накопишь, – хлопнул мужик по карману, где медный пятак лежал.

«Тю-ю-ю! Этот не бедный, – думает Панкрат, – он жадный». Махнул с досады рукой, другой пятак в яму бросил, спрятался опять и стал ждать.

Идет по дороге солдатик, шаг печатает. Дошел до ямы, заглянул в нее – прыг туда! Выкарабкался с пятаком, пяточок положил на дорогу и дальше пошел.

Панкрату невдомек, зачем он это сделал. Догнал солдатика и спрашивает:

– Скажи мне, служивый, ты зачем медный пятак из ямы достал и на дороге его оставил?

– Достал для тех, кому пяточок – деньги, – отвечает солдатик. – Пусть они возьмут его. Не всякий из этой ямы вылезет, особенно больной или старый. А то нужда загонит в яму, а оттуда – никак. Будет в яме сидеть, горемычный.

«Этот не бедный, этот добрый, – понял Панкрат. – Вишь ты, какие в нашем царстве-государстве солдатики служат!»

Взял он медный пятак, снова в яму его бросил. Ждал недолго. Видит, идет по дороге мужичонка, худая одежонка. От картуза один козырек, от башмаков – шнурок. Подошел к яме, увидел медный пятак, поглазел, потоптался, плюнул, махнул рукой и дальше пошел.

Панкрат удивился стократ. Догнал он мужичонку и спрашивает:

– А ты, мил человек, почему в яму за пяточком не спустился? Хоть бы картуз себе новый справил.

– И-и-и, буду я по ямам прыгать! Я сейчас в город приду, на базарной площади сяду, кружечку свою выставлю – мне этих пятаков накидают... Пять дюжин – и на обед, и на ужин. Во как!

Покачал Панкрат головой: «Это не бедный, а ленивый. Такому хоть воз добра дай – все равно толку не будет».

– Нет, не разберешь с этими деньгами, кого богатством награждать, – ворчит Панкрат, – богатый в яму за пятаком лезет, а бедный рукой махнет да мимо идет.

Решил Панкрат другое испытание устроить, чтобы самого наибеднейшего отыскать. Взял он пару башмаков старых-престарых, заплаткам на них тесно, а пальцам просторно: они в дырку высовываются.

«Такие, – думает, – только наибеднейший и подберет». Бросил он их посередине дороги, сам неподалеку спрятался.

Видит, идет странница. Увидела она старые-престарые башмаки, подняла и засунула себе в узел.

Догнал ее Панкрат и спрашивает:

– Ты, добрая странница, почему такие старые башмаки взяла?

– А посмотри, душа моя, какая вокруг красота: травка изумрудная вдоль дорожки стелется, цветы лазоревые по лугам рассыпаны, зеленые рощи кудрявятся, а башмаки эти драные нелепостью своей красотой рушат. Я их в город принесу и брошу там в мусорную яму.

Дивится Панкрат: «Это не бедная, это благолепная странница. Вон как она красоту любит!»

– Верно разумеешь, – говорит Панкрат, – дай мне эти башмаки, я их здесь зарюю в яму.

Как скрылась из виду странница, Панкрат опять башмаки посередине дороги бросил, спрятался и стал ждать.

Идет старичок, борода – стручок, сапоги на нем хромовые с железною подковою. Видит он, лежат посреди дороги старые башмаки, взял их и в мешок свой засунул.

Панкрат догоняет его и спрашивает:

– Дедушка, почему ты старые башмаки взял? На тебе вон какие сапоги дорогие.

– А что добру пропадать? – отвечает старичок, борода – стручок. – Подошва есть, я из нее сделаю домашние чеботочки для жены и дочери.

«Этот старичок, борода – стручок, не бедный, а бережливый. У него, поди, своего добра хватает», – думает Панкрат.

Говорит он старичку:

– Продай мне эти башмаки за два пятака, я тоже хочу сделать чеботочки для жены и дочери.

– За три, – набивает цену старичок, борода – стручок.

– Ты, дед, не промах! – рассмеялся Панкрат. – Ладно, бери три пятака, давай мне башмаки.

Выкупил Панкрат старые башмаки, бросил их опять на дорогу, стал ждать.

Идет нищий: голова лохматая, сума пустоватая, штаны рваные, лапти драные.

«Ну, этот обязательно башмаки возьмет», – подумал Панкрат. А нищий походя пнул башмаки драным лаптем. Улетели они с обочины в траву, он дальше пошел.

Догоняет его Панкрат и спрашивает:

– Почему же ты не взял башмаки? Твои лапти совсем развалились, а башмаки починить можно да сколько носить еще.

– Коли бы мне они попались, когда от моих лаптей лыка не осталось, я бы их надел.

– Ну, взял бы их с собой...

– Я лишней пары обуви не ношу, что есть – все на мне, а другого не надо.

«Это не бедный, а непутевый али блаженный, – думает Панкрат. – Богатство на дороге оставит, коли мешка при нем не будет».

Вот незадача: босоногий башмаки не берет, обутый подбирает!

Решил Панкрат третье испытание устроить, чтоб уж наверняка наибеднейшего найти. Взял он большой каравай хлеба, высушил его так, что каравай растрескался, сверху пылью припорошил и на обочину положил.

«Кто этот каравай возьмет, тот наибеднейший и будет», – решил Панкрат.

Спрятался Панкрат возле обочины, стал ждать. Идет красна девица – в яхонтовых сережках, в сафьяновых сапожках, в косе лента алая. Наклонилась, взяла каравай в белые ручки и понесла его. Что за диво?

Панкрат догоняет ее и спрашивает:

– Ты, красна девица, почему каравай грязный подобрала?

– Да разве можно хлебушек на дороге оставлять? Это грех. Я его домой принесу, пыль обмету, чистой тряпичей оботру и отдам нищим.

«Она не бедная, а праведная», – смекнул Панкрат.

– А ты дай мне этот каравай, я так и сделаю. Не сомневайся, самому наибеднейшему отдам.

Отдала красна девица булку Панкратию. Как скрылась она, Панкрат снова хлеб на дорогу выложил, стал ждать. Идет по дороге молодец. Видит, лежит грязный, сухой каравай. Поднял он его и понес.

Панкрат догнал его и спрашивает:

– Почему ты, добрый молодец, каравай грязный, сухой поднял? Съесть хочешь?

– Я-то нет, а вот птичек небесных покормлю.

«Он, видно, не бедный, а благотельный», – думает Панкрат.

– А ты дай мне этот каравай, я его наибеднейшему отдам, – просит Панкрат.

– Ну бери, мил человек, – согласился молодец.

Панкрат опять положил каравай на обочину. Идет человек, голова – огуречик, на одежде дырка с дыркой пересвистываются, нитка с ниткой перемахиваются. Увидел он каравай, обрадовался, подхватил его и дальше весело зашагал.

Догоняет его Панкрат и спрашивает:

– Зачем ты сухой и грязный каравай взял?

– Да я пыль обмету, каравай оботру, водичкой размочу и съем.

– Так, значит, ты бедный?! – обрадовался наконец-то Панкрат.

– Какой я бедный? Я богач! С этим караваем три дня сыт буду.

Задумался Панкрат.

Вот я и не знаю, оделил он этого человека богатством или нет.

2004

БАРАНКА, БУБЛИК И КАЛАЧ

Заспорили как-то Баранка, Бублик и Калач, чья дырка лучше.

Баранка говорит:

– Моя дырка ровная, круглая, как раз по мне: ни большая, ни маленькая.

– И моя дырка по мне, – говорит Бублик, – только она больше твоей. Я большой, и дырка большая.

– А моя дырка, – хвалится Калач, – будет побольше ваших, да и видом краше. Смотрите, какая у меня дырка: не простая – резная, фигурная – недурная, узорная – не позорная.

А Каравай услышал, как Баранка, Бублик и Калач хвастаются и спорят, рассмеялся и говорит:

– Нашли чем хвалиться! Дырка – самое пустое место. Делают вас не ради дырки, а ради того, что вокруг нее.

Люди иные тоже ценят в себе самое пустое, а не то, ради чего их Бог создал.

2004

ПТИЧНИЦА МАЛУША

Было это давно, когда не ходили в кино, не ездили на машинах и на паровозах длинных, а все больше на лошадях и ходили в лаптях.

Служила на царском дворе птичницей бедная девушка Малуша. Была она пригожа, умна, незлобива. За гусями ухаживала, как за малыши детьми. Утром выгонит гусей с гусятами на лужок, они травку пощиплют, Малуша их на пруд поведет купаться, потом опять на лужок вернется. Добрая птичница каждого гуся по имени называла, по отчеству величала. Был у нее гусь Гоготун Крыланович, гусыня Длинношейка Ласковна, гусак Забияка Задирикович. Все гуси белые как снег, а один гусь черный как ночь, только клюв у него красный. Был этот черный гусь самый красивый, самый любимый. Малуша так и звала его – Черныш Любимович.

Гуси травку щиплют, а Малуша песни поет, венки плетет, на длинные шеи надевает, гусей своих украшает: для каждой гусыни – веночек из полыни, для гусаков – из васильков, для гусят – из лапчаток.

Вечером она им говорит:

– Гуси мои, гуси, пойдёте домой!

А гуси: «Га-га-га» – и гуськом за Малушей на царский двор шествуют.

Вот как-то проезжал мимо зеленого лужка, где Малуша гусей пасла, царский сын Гордей. Возвращался он с охоты, да охота была неудачная: ни одной птицы не подстрелил, ни одного зверя не убил. Видит, пасутся на лугу гуси.

«Дай, – думает, – хоть гуся одного подстрелю, скажу, что на охоте добыл». Зазорно ему было без добычи возвращаться. Пустил он стрелу, сразил одного гуся, промчался мимо, подхватил его – и был таков. Малуша и вскрикнуть не успела. Гуси гогочут, Малуша плачет.

Делать нечего! Привела она свое стадо на царский двор и рассказала ключнице, что убил богатый охотник одного гуся.

Стала ключница ее ругать:

– Где это видано, чтоб охотники на домашних гусей охотились? Ты его продала и плетешь нелепицы. Поди вон со двора! – И прогнала Малушу.

Царевич Гордей тем временем принес подстреленного гуся на кухню. А кухаркой служила тетушка Малуши, Авдотья.

– Приготовь мне, Авдотья, – говорит царевич, – гуся печеного с корочкой золоченой.

Авдотья увидела на гусе веночек из василечков и вскрикнула:

– Так это же Малушин гусь! Вот у него веночек. Малуша так всех своих гусей наряжает.

Смутился царевич, но виду не подал.

– Какой веночек? Это трава запуталась за шею.

– Ах, царевич, признайся, это ты его подстрелил, – стала просить Авдотья царевича. – Ведь ключница оклеветала мою племянницу Малушу: ты, говорит, продала гуся. А Малуша и молвит, что какой-то знатный охотник подстрелил ее гуся. Она не поверила.

– Прогнала так прогнала! Другую птичницу возьмет. Твое дело чугунами да горшками греметь, а не царского сына поучать, – прикрикнул царевич на Авдотью.

Взяла ключница другую птичницу вместо Малуши. А гуси ее не слушаются, громко гогочут, в разные стороны разбегаются. Черныш Любимович крылья растопорщил, стал на новую птичницу шипеть, клювом больно щипать. Прогнал ее, гусей всех собрал и привел к Малушиной избушке.

«Га-га-га», – дескать, веди нас, Малуша, на лужок травку щипать.

Говорит им Малуша:

– Гуси вы мои милые, прогнали меня с царского двора, не могу я вас больше пасти, ступайте домой.

А гуси не уходят, сидят возле Малушиной избушки кружком.

Прибежала ключница, стала ругаться на Малушу, кричать:

– Ты зачем, такая-раздакая, царских гусей к себе сманиваешь, зачем возле своей избушки держишь?!

– Я их не сманивала, они сами пришли, – говорит Малуша.

А гуси Малушу окружили, давай на ключницу шипеть, Малушу защищать. Видит ключница: не принимают гуси никого, кроме Малуши.

– Ладно, – говорит, – иди паси гусей. Только смотри, коли пропадет еще хоть один из гусей – всыплю плетей.

Стала Малуша опять гусей пасти. А царевичу Гордею захотелось взглянуть на Малушу. Что это за птичница такая – гусям венки плетет? Все-таки чувствовал он себя виноватым. Недоблестно себя повел: на домашних гусей охотился.

«Подарю ей, – думает, – дорогой подарок, заглажу свою вину».

Переоделся Гордей в одежду бедного странника, взял с собой шкапулочку с колечком и отправился на лужок, где Малуша гусей пасла. Видит, гуси кружком вокруг Малуши сидят. Кто в ушко ей что-то курлычет, кто бочком к ней приткнулся. Длинношейка Ласковна клювом с косами ее играет, а Черныш Любимович голову на колени положил. Удивился царевич Гордей, никогда такого не видывал.

Говорит он Малуше:

– Разреши, красна девица, отдохнуть страннику на лужке.

– Отдыхай, добрый человек, места много, – отвечает Малуша. – Не поешь ли хлеба-соли? – спрашивает.

– Отчего не поесть, коли угостишь, – согласился царевич.

Малуша узелок свой развязала, платочек расстелила, выложила на платочек коврижки медовые, яблочки наливные – все, что было у нее в узелочке.

– Угощайся, добрый человек.

Сама дала кувшинчик гусю.

– Сходи, – говорит, – Черныш Любимович, принеси ключевой водицы для странника.

Гусь взял кувшинчик в клюв и пошел к роднику за водой. У царевича глаза приболели от изумления.

– Они что? Язык человеческий понимают? – спрашивает он.

– А что не разумеешь, коли я с ними сизмалства разговариваю? Птичье сердечко чует доброе словечко, как эхо лесное на него откликается. Вот ты, странник, много земель прошел, скажи мне: каких людей больше – добрых или злых?

– Добрых, – отвечает царевич.

– Ну вот, среди людей, которые зло и добро творить могут по воле своей, добрых больше, а птица вовсе зла не знает. Неужели она на добро не откликнется?

Подивился царевич разумности Малуши.

Долго он с ней беседовал, а под конец говорит:

– Хочу я тебе, красна девица, подарок сделать, за то что ты меня накормила, напоила, добрым словом приветила. Вот тебе шкатулочка, откроешь ее, когда я вон до того лесочка дойду.

Достает царевич Гордей шкатулочку, в ладошки Малуше ее вкладывает, сам скоро прочь идет. Как дошел странник до лесочка, Малуша открыла шкатулочку и ахнула: лежит в ней колечко, драгоценным камушком поблескивает, резной узор по колечку вьется. Кинулась Малуша за странником, хотела вернуть такой дорогой подарок, а его и след простыл.

Вернулась она вечером домой со своими гусями и быстрее к тетушке Авдотье побежала:

– Смотри, какое мне колечко странник подарил!

Тетушка взглянула на кольцо внимательно и спрашивает:

– Каков был видом странник?

– Был он кудряв да черноглаз, – отвечает Малуша.

– А знаешь, кто тем странником был?

– Кто?

– Царевич Гордей!

– Неужто он?!

– Точно, он! На колечке знак их царского роду стоит: красный орел с палицей. Такая печать, слышь, у нас на всей золотой и серебряной посуде красуется – на чашах, кувшинах да кубках.

– Зачем же он мне колечко дорогое подарил?

– А ты не разумеешь?

– Нет, тетушка.

– Вину свою за гуся загладить хотел, ведь это же он гуся твоего подстрелил. Гусь, которого царевич Гордей на кухню принес, с твоим веночком был. Сердце у царевича незлобивое, мало ли какой случай выйти может. Ты его прости, Малуша. Вишь, как повинулся перед тобой.

– Я зла на него не держу, – отвечает Малуша.

На следующий день пасла Малуша гусей. Видит, идет к ней вчерашний странник, только одежда на нем не странническая, а царская. Явился к ней царевич Гордей в подлинном своем обличье. Взволновалась Малуша, алый цвет щеки покрыл. Достала она колечко и протягивает царевичу.

– Ты что же, Малуша, не прощаешь меня? – спрашивает царевич.

– Прощаю, – еле слышно отвечает Малуша.

– Прими же тогда подарок мой, коли прощаешь. Я повиниться хотел перед тобой.

Сел царевич рядом с Малушей.

– Угости меня, как вчера, яблочками наливными да коврижками медовыми да пошли гуся своего, Черныша Любимовича, за водой, – просит царевич.

Малуша опять разложила платочек, достала яблоки наливные, коврижки медовые. Видит царевич: Малуша слово молвить боится перед царским сыном, глаз на него поднять не смеет.

– Ты вчера бойчее была, Малуша, – говорит Гордей.

– Так и ты вчера не царским сыном представился.

– А коли я царский сын, разве нельзя со мной беседу затеять?

– Робко мне, – призналась Малуша. – Царская воля над нами начальница.

– Но и царская воля, как и всё, закону Божьему служит. Потому и пришел я прощения у тебя просить, что не по-божески сделал, навредил тебе.

Слово за слово, прошла робость у Малуши – и потекла у них задушевная беседа до самого вечера.

На следующий день царевич Гордей опять пришел к Малуше на лужок. Очень уж понравился ему лик ее светлый, речи мудрые. Что и говорить, влюбился царевич в Малушу без памяти, и Малушино сердце тем же царевичу ответило.

Вот уже день не может Гордей без Малуши прожить. Как свободный часок-другой выпадет, бежит на лужок к Малуше.

Прознал царь-государь, что сын его к птичнице на лужок ходит, позвал его к себе и говорит:

– Не зазорно ли тебе, царский сын, к птичнице простой бегать?

А царевич Гордей тут же ему все и выложил:

– Дозволь мне, батюшка, жениться на Малуше. Я ее больше жизни люблю.

– Что?! – грозно вскричал царь-государь. – Да я из иноземных принцесс не всякую в невесты тебе возьму, а простую птичницу не потерплю в царском дворце! Коли не был бы ты у меня единственный сын и наследник, лишил бы тебя царства! Через три дня приедет на

смотрины невеста иноземная, чистых королевских кровей. Будешь ее встречать. А теперь прочь с моих глаз!

Ничего не сказал царевич Гордей, вышел из царских палат.

Через три дня все было готово для встречи иноземной невесты. Гонцы сообщили, что карета ее уже к стольному городу подъезжает, пора царскому сыну встречать невесту. Послал царь за царевичем Гордеем, а царевича нет, не знает никто, куда он подевался. Отправил он тогда слуг своих на лужок, где Малуша гусей пасла. А там ни гусей, ни Малуши.

Понял царь, что сбежал его сын с Малушей. Разгневался он, выслал погоню за ними на все четыре стороны. Догнали царские слуги царевича и Малушу. Приказал царь заточить их в высокую башню, не давать ни еды, ни питья, заморить голодом и жаждой. Пусть, мол, узнает царевич Гордей, любо ли с босоножкой жить, без царской власти и богатства.

Сидят Малуша с Гордеем в высокой башне. Гордей тем счастлив, что царь в живых Малушу оставил и не разлучил их. А царь-государь хитер, у него свой расчет: если сильно любит Гордей Малушу, то не выдержит, когда увидит, как тает она от голода. Коли не сильно любит, то и сам голода не выдержит, женится на иноземной принцессе.

День, два, три сидят Гордей с Малушей в башне, никто им еды, питья не приносит. На четвертую ночь взяла тетушка Авдотья черный платочек, положила в него кувшинчик с молоком да пирожков завязала в узелок.

Пошла на птичий двор, подозвала гуся Черныша Любимовича и говорит ему:

– Вот тебе узелок, отнеси его на башню Малуше и Гордею.

Взял гусь узелок в клюв и полетел к башне. Ночь черна, и гусь черен, и узелок черен. Дозорные его и не заметили. Покормил Черныш Любимович Малушу и Гордея, обратно на птичий двор незаметно вернулся.

Стала так тетушка Авдотья каждую ночь на птичий двор еду и питье ночью в черном узелке носить, а Черныш Любимович на башню летал и узелок Малуше и Гордею передавал.

Хочется гусям хозяйку свою любимую и суженого ее от плена спасти. Полетели они к старой Гусыне-берегине, рассказали все про Малушу, про царевича Гордея. Дала им Гусыня-берегиня волшебный гребень.

– Пусть, – говорит она, – Малуша волосы им расчешет, потом увидит, что будет.

Принес Черныш Любимович Малуше волшебный гребень. Стала она им волосы расчесывать. Волосы у нее вмиг чуть не на версту выросли.

Заплела она длинную-предлинную косу, отрезала ее и говорит:

– Вот нам и веревка!

Темной ночью прилетели к башне белые гуси. Стали гоготать, на дозорных нападать, всячески их отвлекать. А Гордей с Малушей тем временем по косе с башни спустились. Гусь Черныш Любимович до рогу им указывает.

Царь каждый день посылал к Гордею посыльного, чтоб узнать, согласился ли царевич жениться на иноземной принцессе королевских кровей. Вот приходит посыльный, а Малуши с Гордеем нет в башне, только коса длинная с башни свешивается. Царь в ярости опять в погоню слуг своих послал на все четыре стороны.

Летит гусь Черныш, за ним Малуша и Гордей торопятся. Вот видит гусь: показались вдали царские слуги, догоняют они Малушу и Гордея. А вокруг ни рощицы, ни лесочка, негде им укрыться.

Черныш Любимович говорит Малуше:

– Проведи гребнем по траве!

Малуша провела волшебным гребнем по траве – выросла трава высотой с дерево, укрыла беглецов от погони. Вышли они на берег реки, сели в лодку и поплыли. Увидели их опять царские слуги, бросились за ними в челноках да ладьях. Вот-вот догонят.

Черныш говорит Малуше:

– Проведи гребнем по воде!

Малуша провела волшебным гребнем по воде – река вмиг разлилась и в море превратилась. На одном берегу моря беглецы, а на дру-

гом – царские слуги. Теперь уж не догнать им вовек Малушу и Гордея. Поздним вечером вышли Малуша с Гордеем на берег. Кругом земля незнакомая, чужая.

Черныш Любимович им говорит:

– Теперь закопайте гребень в землю и спать ложитесь. Утром увидите, что будет.

Закопали они волшебный гребень на берегу моря, легли спать. Утром просыпаются, видят: стоит на берегу чудесный теремок – резной вершок, вокруг сад цветет, в саду соловей поет. Внутри терема их слуги ждут, есть-пить им несут.

Зажили Малуша с Гордеем в тереме счастливо. Родилась у них первая дочь. И все бы хорошо, да тоскуют и скучают они по отечеству своему, по стольному граду.

Говорит Гордей Малуше:

– Поедем, Малуша, к батюшке, навестим его, может, не гневается он больше.

– Пошлем сначала Черныша Любимовича за море, – говорит Малуша, – пусть узнает у тетушки Авдотьи, гневается ли на нас еще царь-батюшка.

Вот прилетел Черныш Любимович в стольный город, прямо на Авдотьину избушку опустился. Рассказала ему Авдотья, что сильно гневается царь на Гордея и Малушу. Так осерчал, что запретил в своем царстве гусей разводить. О Гордее и Малуше упоминать не велит. Кто их помянет – тому голову с плеч долой.

Вернулся Черныш, рассказал все Гордею и Малуше.

– Не срок еще нам в свое отечество возвращаться, – вздохнула Малуша.

Прошло время, родилась у Гордея с Малушей вторая дочь. Гложет их тоска по земле своей, по отечеству. Опять посылают они Черныша Любимовича за море узнать, гневается ли еще царь на них.

Вернулся Черныш и рассказывает:

– Прилетел я к Авдотье, а она и говорит: «Царь по-прежнему сильно гневается на царевича и Малушу. Не велит никому и слова про них молвить». Решил тогда я сам испытать царскую милость. Залетел в палаты. Царь, как увидел меня, приказал тут же изловить и голову отрубить. Насилу я крылья оттуда унес.

Выслушали его Гордей с Малушей.

– Рано еще нам за море к царю ехать, – говорит Малуша.

Еще проходит время. Родился сын у Малуши. Взяла Малуша нитки шелковые, соткала большой ковер. Вышила на нем море синее, на берегу чудесный теремок – резной вершок, рядом с теремом доброго молодца – царского сына Гордея и себя, Малушу, а с ними две дочери-красавицы да младенец-сынок. Послала она этот ковер с иноземными купцами в подарок царю. А вслед за ними Черныш полетел за море.

Вернулся он и рассказывает:

– Как привезли купцы ковер царю, развернули его, взглянул он на ковер и расплакался: стоят перед ним, как живые, сын Гордей, жена его Малуша, а с ними две дочери-красавицы и младенец-сынок. «Коли объявились бы они сами, обнял бы я их крепко, – говорит царь, – устроил бы великий пир на радостях».

– Вот теперь, – говорит Малуша, – пора нам возвращаться в отечество свое к царю-батюшке.

Взошли они на корабль и поплыли за море. Тайно прибыли в стольный город и сразу к тетушке своей Авдотье явились. Авдотья как увидела их – от радости ох да ах!

– Тоскует и горюет старый наш царь-батюшка, – говорит она. – Повесил ковер в опочивальне своей, всякий день на него любитесь. «Ах, – говорит, – кабы объявились они, соколик с ласточкой, мог бы умереть спокойно».

– Помоги нам, тетушка, пройти в опочивальню к царю, – просит Малуша.

Помогла им Авдотья пройти в царскую спальню, где ковер висел. Встали они перед ковром так, как вышила их Малуша на ковре. Заходит вечером царь в спальню и глазам своим не верит.

– Батюшки мои! Ожили, ожили! – закричал царь, обрадовался.

Стал он крепко обнимать, целовать сына своего, невестку, внуков. А после приказал устроить пир.

Был пир велик очень, длился с утра до ночи. Кто на нем не побывал, тот крепко горевал. А я там побывала, всех повидала да и вам про них рассказала.

2004

ИГОЛОЧКА И НИТОЧКА

Хорошо ладили друг с другом Иголочка и Ниточка. Иголочка острым стальным носиком проткнет холстинки, сделает дырочку, за ней Ниточка – юрк. Ниточка холстинки стянет, Иголочка другую дырочку сделает и опять Ниточку за собой вытянет. И так спору у них дело шло: Ниточка за Иголочкой, стежок за стежком. Глядь – и рубаха готова. За ней другая, третья.

Вдруг Ниточка говорит Иголочке:

– Что это все ты да ты первая? Я тоже хочу быть первой!

– Как ты будешь первой? У тебя нет острого носика. Чем холстинки протыкать? – удивилась подружка.

– Как-нибудь проткну. Много ли умения надо!

– Ну, будь первой, – уступила Иголочка.

Ткнулась Ниточка в холстинки:

– Ух какие твердые! Не протыкаются!

Ткнулась опять...

– Фу-ты, не прошибешь!

Как ни старалась Ниточка проткнуть холстинки, ничего у нее не вышло, только смялась да разлохматилась.

– Мудрено дырки в холстине делать, – призналась Ниточка и пристроилась снова за Иголочкой.

Первыми, слышь, не по хотению, а по умению становятся.

2004

ХВАСТАЛИВАЯ КУРОЧКА

На зеленой горе, на широком дворе жила-была Курочка-несушка, большая хвастушка. Перышки у нее белые, глаза – бусинки блестящие, на лапках сапожки настоящие.

Вот снесла она яйцо и побежала во двор хвастать, ходит по двору и громко квохчет:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!
Снесла я в курятнике яйцо,
На соломку положила,
Щепочками прикрыла.
Яйцо мое такое:
Белое да большое.

Услышала Кошка, меховая одежда, как Курочка хвастает, пробралась в курятник, нашла яйцо и съела его.

Приходит Курочка в курятник, а яйца нет. Побежала она к Петушку и жалуется:

– Украли мое яйцо!

А Петушок, хвост пестрый, клюв острый, ей и говорит:

– А зачем хвасталась? В следующий раз снесешься – молчи, про яйцо ничего не говори.

Вот опять снесла Курочка яйцо, белое да гладкое, большое да сладкое, всем несушкам на зависть. Вышла во двор, гордость ее распирает, хочется ей похвастаться. Крепилась-крепились, да не выдержала.

«Я, – думает, – похвастаюсь, а про яйцо не скажу».

Вышла она на середину двора и громко закудахтала:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!
Что-то я снесла,
На сеновал унесла,
В уголок положила,
Стебельками прикрыла.

«Вот я какая умница, – радуется Курочка, – и похвасталась, и про яйцо не сказала».

Услышала Кошка, меховая одежда, как Курочка хвасталась, пробралась на сеновал, нашла там яйцо и съела его. Приходит несушка-хвастушка на сеновал, ищет свое яйцо – нет его. Побежала она к Петушку и жалуется, что яйцо украли.

– Ты хвасталась, что яйцо снесла? – спрашивает Петушок, хвост пестрый, клюв острый.

– Нет, про яйцо я и словом не обмолвилась.

– А что ты там кудахтала?

– А вот что:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!

Что-то я снесла,

На сеновал унесла,

В уголок положила,

Стебельками прикрыла.

– Ах ты, глупая несушка-хвастушка! – расходился Петушок, хвост пестрый, клюв острый. – Тут и дураку все ясно! Что куры могут нести, кроме яиц? – Ключнул он Курочку: – Вот тебе наука! И вовсе не говори, что ты несешься.

Прошло время. Снесла Курочка третье яйцо, белое да гладкое, большое да сладкое, всем несушкам на зависть. Уж как она по двору ходила, как гордилась, а сама все крепилась, про яйцо не хвастала. А самой так хочется про него рассказать, себя, несушку, показать.

«Дай, – думает, – скажу я будто и не про яйцо, будто и не я снесла».

Вышла она на середину двора и закудахтала:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!

Кто-то что-то снес,

Куда-то унес.

А кто – не скажу,
Куда унес – не покажу.

Ходит Курочка довольная, что наказ Петушка не нарушала, а все ж таки и похвасталась немножко.

Догадалась Кошка, меховая одежда, что опять снесла Курочка яйцо.

«Как бы, – думает, – узнать, где оно лежит?» Побежала его искать. В курятнике нет, на сеновале нет.

Подходит Кошка к Курочке и говорит:

– Да ты, наверное, снесла яичко величиной со спичку, вот и не хочешь его показывать.

– Квох-ко-ко, квох-ко-ко! – раскудаhtалась Курочка. – Я снесла яйцо белое да гладкое, большое да сладкое, мое яйцо как от ворот кольцо.

– А я не верю, ты и не показываешь его, потому что оно маленькое, – подзадоривает Кошка, меховая одежда, несущку-хвастушку.

– Иди сама посмотри! – не выдержала Курочка. – Положила я яйцо под деревянное крыльцо.

Вот и догадайтесь, нашла потом несущка-хвастушка свое яйцо под крыльцом или нет.

2004

КАК ПРОКОПИЮ ЖЕНУ ВЫБИРАЛИ

В старину говорили: бери жену на век одну и мужа едина на сто годин. Жену выбирай с приглядкой да прикидкой: каково тебе с ней быть, век жить. Добрая жена – изба счастьем полна, жена злая – горя похлебашь.

Вот пришло время боярскому сыну Прокопию жену выбирать. А как добрую жену найти? Среди молодых все красавицы – лукавицы: вымоятся чисто, наденут монисто, бровки подчеркнут, губки подкрасят, нарядятся в сарафаны шелковые, сапоги парчовые. Любую замуж бери.

Говорит Прокопию его любимая нянюшка:

– Выберу я тебе жену хорошую да пригожую, верную, примерную. Созывая невест, будет для них испытанице.

Стали в город стольный созывать невест для Прокопия: и дворянок, и крестьянок всякого роду-племени. Начали съезжаться невесты: кто с мамками да няньками, кто с братьями, кто с тятями, кто пешком, кто возком. О Прокопии добрая слава шла: хорош, пригож, ласков и щедр. И добра-богатства у него куры не клюют. Многие девицы красные хотели бы женой Прокопия стать.

Как собрались невесты, нянюшка им говорит:

– Вот вам первое испытание. Пусть каждая к завтрашнему дню приготовит для Прокопия блюдо-кушанье да выставит его на столы дубовые.

На следующий день в богатом тереме Прокопия поставили столы дубовые, стали невесты нести блюда-кушанья: кто поросенка жареного, кто язя пареного, кто гуся печеного, кто судака копченого. Принесли и ботвинью с окрошкой, и кашу с бараньей ножкою. Нянюшка между столами похаживает, блюда-кушанья пробует, наливками сладкими да квасами пенными запивает, невест хваливает. Вдруг видит на столе хлеба каравай да кувшин с водой.

Остановилась она и спрашивает у невесты:

– Ты кто будешь?

– Я Марьюшка, крестьянская дочь.

– Сама каравай испекла?

– Сама.

– А почему ты хлеб и воду принесла?

– Хлеб ко всякому кушанью подают, – отвечает Марьюшка. – Хлеб насыщает, никогда не надоедает. И вода всякий день нужна. Сегодня напьемся – завтра опять жаждешь. Хлеб – жена, любовь – вода. Коли жена с любовью в дом придет – муж век ни голодать, ни жаждать не будет.

– Разумные ты речи говоришь, Марьюшка, – сказала няня крестьянской дочери.

Похвалила она всех невест.

– Приходите, – говорит, – невесты дорогие, завтра на второе испытание.

А у самой Марьюшка на уме.

На следующий день собрались невесты. Нянюшка раздала им по мотку черной шерсти, дала каждой мерку и сказала:

– Свяжите по мерке из этой шерсти к завтрашнему дню Прокопию рукавицы.

Всю ночь вязали невесты рукавицы, каждой хотелось к утру успеть. На следующий день принесли, на дубовые столы выложили. Нянюшка каждую рукавицу внимательно осмотрела. Видит, у одной пары рукавичка без пальчика.

– Чья же это рукавичка? – спрашивает няня.

– Моя, – отвечает невеста.

Глядь, а это Марьюшка.

– Что же ты, Марьюшка, одну рукавицу без пальчика связала?

Заплакала Марьюшка:

– Мне шерсти на один пальчик не хватило. Я уж и так прикидывала, и эдак.

– Не плачь, Марьюшка, – улыбнулась няня, – я эти рукавички и высматривала. Ведь в мотке шерсти, что я вам раздала, ниток как раз на один палец не хватало. Не рукоделье ваше мне нужно было. Рукоделью-то за неделю обучиться можно, а правдивостью и честью от колыбели душа напитывается.

Невесты все покраснели. Они-то прибавили ниток, чтобы обе рукавицы с пальчиками вышли.

– Спасибо вам, невестушки дорогие, – сказала нянюшка всем невестам Прокопия. – Завтра назову избранницу.

Но назавтра няня приготовила новое испытание для невест. Сговорились они с Прокопием, что сожгут ночью терем и пустят слух, будто все добро-богатство сгорело, остался, мол, он сир, гол, изувечен. Задержится ли кто из невест? А из тех, которые останутся, и выберут жену Прокопию, решила нянюшка.

Прокопий сначала противился:

– Зачем терем жечь, нянюшка, он дорогой, резной, затейливый!

– Не дороже доброй жены. Ты со своим богатством дюжину таких теремов построишь.

Уговорила няня Прокопия. Ночью вынесли они тайно все добро из терема, схоронили его, а терем подожгли. Вспыхнул он как сухая лучина в печи и сгорел дотла.

Утром невесты стали собираться к терему Прокопия, чтобы узнать, кто же из них избранница. Глядь, а вместо терема – пепелище.

Сидит на пепелище нянюшка, плачет-рыдает, причитает:

– Горе-несчастье у нас случилось-приключилось, невестушки! Сгорел наш терем, а вместе с ним и все добро-богатство. Остался Прокопий гол, нищ да изувечен. Лежит он, голубь мой, в сторожке под рогожкой. Не знаю, согласится ли теперь какая из вас замуж за него пойти, горе да нищету с ним мыкать.

Невесты все потихоньку-полегоньку расходиться стали. Осталась на пепелище одна невеста. Смотрит няня: кто же это? Марьюшка!

– Да зачем он тебе нужен, Марьюшка, без добра-богатства, больной, изувеченный? – спрашивает няня.

– Коли радость я хотела с ним разделить, то и горе пополам.

– Вот такую невесту я искала Прокопию! – воскликнула нянюшка. – Пойдем, душенька моя, к жениху!

Завела няня Марьюшку в сторожку, а там Прокопий – цел и невредим.

– Вот тебе жена, – говорит. – Одна она согласна выйти за тебя замуж, нищего да изувеченного. Принимай невестушку!

Обрадовался Прокопий, взял Марьюшку за белые руки:

– Повести тебя, Марьюшка, пока некуда. Скоро отстроим мы новый терем и свадьбу сыграем.

Так стала Марьюшка женой доброго Прокопия.

МЕЛЬНИЦА И ВЕТЕР

Жила-была старая Мельница. На пригорке она стояла, крыльями махала, молола пшеницу от зари до зарницы.

Хоть не скоро, да заметила Мельница вот что: как она замашет крыльями – ветер тут же появляется, вокруг нее дует, завивается.

«Наверное, – думает Мельница, – власть я над ветрами имею и крыльям моим они повинуются. А ну-ка, проверю, так ли это, понаблюдаю, пригляжусь».

Стала Мельница наблюдать да примечать. Все сходится: только крылья ее задвигаются – ветер тут как тут.

«Так и есть, – решила Мельница, – я владычица ветров. Взмахну крыльями – ветры ко мне летят».

Загордилась Мельница, заважничала.

– Эй, Ветер, знаешь ли, кто твоя повелительница?

– Уж не ты ли? – прошумел Ветер.

– Я! – гордо ответила Мельница. – Как только замашу крыльями, вы, ветры, ко мне прилетаете.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Ветер. – Это я кручу твои крылья. Без меня ты и двинуть ими не сможешь.

– Быть того не может, шаломут нелепый! – крикнула Мельница. – Сколько себя помню, ветры мне подчинялись, по взмаху крыльев ко мне слетались.

– Ах так? Ну покрути своими крыльями без меня! – взвился Ветер и улетел прочь.

Больше он возле Мельницы не появлялся.

Стояла с тех пор Мельница недвижно год за годом, крылья у нее не крутились, мука не мололась. Хозяева забросили Мельницу, она и развалилась.

Иной человек, как эта глупая Мельница, думает, что он всему повелитель, судеб вершитель, и не замечает над собой воли Создателя.

КОМОЧКИ ЗЕМЛИ

Провожали молодых воинов на великую битву. Кого снарядили в поход на дорогих конях с резной сбруей, кому купили позлащенные шиты и драгоценные мечи. А у воина Кирея не было ни дорогих коней, ни драгоценных мечей. Не нажили они с матушкой богатства: отец давно умер, а в доме братьев и сестер мал мала меньше. Сел Кирей на простую буланую лошадку, взял щит кожаный да меч отцовский.

На прощание матушка говорит ему:

– Не печалься, сынок, что нет у тебя ни дорогих коней, ни драгоценных мечей. Вот, возьми три комочка земли: один с пашни, где хлеб растет, другой с жальника, где твои деды и прадеды лежат, а третий из садика, в котором дом наш стоит. Это родная земля, она нас кормила и поила, принимала к себе отцов наших после смерти – она тебе поможет в трудную минуту.

Спрятал Кирей комочки земли себе под сердце, простился с братьями, сестрами и поехал с полком молодого воеводы Путяты на битву.

А сила вражеская несметная подступала к границам. Шел хан Полкан на Русскую землю. Вот и торопился полк Путяты к шатру князя Мечислава на Межень-реке, где собирались все русские силы.

Говорит воевода воинам:

– Чтобы путь спрямить и успеть нам к началу битвы на Межень-реку, поедем через Плешивое болото.

Стали опытные воины говорить, что нет доброго пути через Плешивое болото, все оно в трясиных и омутах.

Молод Путята, горяч. Нахмурился он и говорит:

– Али вы братьям своим помочь не торопитесь? Коли в объезд поедем – сто верст лишних отмахаем. А напрямки, через болото, пять верст идти.

– Как бы нам всем там не потонуть в трясине – тогда братья наши вовсе помощи не дождутся, – отвечают ему бывалые воины.

– Возьмем проводников знающих, будем гати гатить – пройдем, – стоит на своем Путята.

Склонил воевода воинов на свою сторону. Свернул полк на Плешивое болото. Стали искать проводников, которые провели бы через болото. Местные все отказываются вести: нет там тропинок для целого полка. Кабы, говорят они, по одному от кочки к кочке прыгать – так пройти можно, а с лошадьми не пробьетесь.

– Будете вести нас от кочки к кочке, а мы будем гати гатить! – приказал Путята. – Нам каждая минута дорога, потому и надо прямым путем пройти.

Спешились воины, идут через болото. Проводник от кочки к кочке прыгает, воины палки да ветки, бревна на трясину укладывают. Страшное место – Плешивое болото. Торчат сухие ели, все мхом поросли, вороны над воинами кружатся, совы ухают, черная трясина чавкает. Лошади по брюхо в зловонной грязи тонут, воины по колено в черной жиже с трудом пробираются.

Прошли они треть болота, а дальше ступить нельзя. Начали лошади тонуть, трясина их засасывает, все глубже и глубже и воины вместе с ними в болото погружаются. Конец пришел Путятову полку. Кирей уже по грудь в трясине, а от лошади одна голова торчит.

Вдруг слышит он матушкин голос – али почудилось ему:

– Кирей, Киреюшка, брось комочек родной земли в болото.

Достал Кирей комочек земли, бросил его в болото. Тут же почуяли воины под ногами твердую землю. Шаг за шагом – все выше и выше поднимает их твердь из болота. Выбрались они вместе с лошадьми, ни один воин не потонул, ни одного коня не потеряли. Возблагодарил Кирей родную землю и мудрую свою матушку за спасение.

На следующий день прибыл полк Путяты на Межень-реку, к шатру князя Мечислава. Недобрые вести узнали они. Войско хана Полкана скорым ходом движется к их границам, к утру прибудет к Межень-реке, а русские войска еще не собрали силы свои. Половина полков в пути, а иные еще и не выступили. Коли подступит завтра враг к границам, неравный бой придется принять.

К полудню следующего дня увидели воины: несметная сила враже-

ская движется к Межень-реке, против одного русского воина – десять Полкановых. Кони их злобны, стрелы острые, щиты крепки.

Встали войска друг против друга, и началась великая битва. Тяжко пришлось русским воинам. Поразит воин одного врага – на его месте пять других стоят. Стали ханские воины теснить и окружать русские полки. Все чаще их победные крики раздавались над полем брани, все чаще падали бездыханными русские воины.

Чудится Кирею опять матушкин голос:

– Брось, Киреюшка, себе под ноги второй комочек родной земли.

Изловчился Кирей, достал второй комочек земли, бросил под ноги. В тот же миг вознесся на этом месте высокий земляной вал. Поднял он русских воинов над иноземцами. Стены у вала крепкие, отвесные, не забраться на них врагам. Стали русские воины обстреливать сверху вражеские полки стрелами, метать в них дротики. Пришли вражеские силы в великое смятение. Что за диво: была равнина без холма, без горочки – и в одно мгновение выросла высокая стена. Дрогнули Полкановы воины, повернули и усаkali прочь в свой лагерь.

Возблагодарил Кирей родную землю и мудрую матушку, за то что во второй раз спасся он с товарищами.

Стали подсчитывать русские воеводы свои потери. Где было десять воинов – остался один, да и тот весь ранами покрыт. А у Полкана сила не истощилась: воинов у него великое множество. Готовится хан Полкан дать новое сражение.

Тревожная ночь настала для русских: словно горсть песку против горы каменной – столько их против вражеских сил осталось. Чуют русские воины: последний рассвет они встретят утром, в последний раз позовут их трубы на смертную битву.

Не спится Кирею. Вдруг чудится ему опять матушкин голос:

– Брось, Киреюшка, третий комочек родной земли в реку пониже Полканова войска.

Встал Кирей и пошел к Межень-реке. Пробрался он тихо мимо вражеских дозоров, спустился к реке ниже Полкановых войск и бросил

в воду третий комочек земли – встала поперек реки земляная плотина, перегородила реку. Стала вода подниматься.

Вернулся Кирей в лагерь и говорит князю Мечиславу:

– Сейчас прибудет вода – все смоем на своем пути, и Полкана с его войском. Надо нам немедленно подниматься и уходить прочь.

Велел князь будить воинов, сворачивать лагерь и скрытно от Полкана уходить прочь от берега. Собрались воины и отошли подальше от реки. А река вышла из берегов, ринулась на Полкановы войска и смыла их всех. Потонуло войско вместе с ханом в водах Межень-реки.

В третий раз возблагодарил Кирей родную землю и матушку свою за спасение. Вернулся он домой целым и невредимым.

Вот так: родная земля пуще кольчуг и щитов бережет. И нам беречь ее нужно, хранить от невзгод и защищать во веки веков.

2008

Наталья Налегач

ВЕРА ЛАВРИНА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Вера Леонидовна Лаврина (Правда) – сказочница, поэт, писатель, историк, автор художественных и научно-популярных книг для детей, с 2009 г. член Союза писателей России. В 1997 г. в журнале «Огни Кузбасса» вышла первая подборка стихов, в 2003 г. опубликован первый сборник сказок «Диковинки», за которым последуют и другие: «Пять сестер» (2015), «Пим-найденыш» (2020). Особняком стоят научно-популярные книги писательницы: «История Кузбасса в рассказах для детей от древних веков до нашего времени» (2004) и «История Сибири для детей» (2015), выдержавшие не одно переиздание. Вместе с С. М. Павловым В. Л. Лаврина выступила автором-составителем еще одной научно-популярной книги, важной в культуре региона, «Жизнеописания кузбасских святых» (2013). Новые стихи,

рассказы, повести, притчи, эссе, очерки, сказки писательницы регулярно публикуются в российских литературных журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Дружба народов» и др.

Характеризуя сказочный мир, созданный В. Лавриной, следует отметить синтез народно-поэтической и библейской традиций. Сюжеты, мотивы, композиция отсылают к народной сказке, а система ценностей четко соотнесена с христианской. Например, в сказке «Пим-найденыш», давшей название целому сборнику, мы видим образ злой колдуньи Мавры, которая непобедима до поры до времени, но несправедливое поведение приводит ее к гибели в столкновении с живущим по правде царевичем Устином, которому помогают приемные родители-крестьяне да три сестры-угадчицы. И если приемные родители приютили младенца из чувства сострадания, демонстрируя христианское милосердие и смирение, продолжая тему самопожертвования его матери-царицы, то три сестры испытывают героя на близость к реальной жизни (Устин по их загадкам определяет, чем каждая из них занимается – вышивает, вяжет, зерно мелет), без которой нет мудрости, необходимой для управления государством, и помогают ему, потому что он, как и положено герою волшебной сказки, с испытанием справляется. В духе народной традиции венчается сказка не столько победой над антагонистом, сколько торжеством любви (младшую из сестер царевич замуж берет), благодарности (родителей приемных Устин в терем царский забирает) и мудрости («И стали они все вместе жить-поживать, царством мудро управлять»), которые складываются в своего рода формулу счастья, соединяющую авторскую позицию с русской народной традицией, коррелирующей с христианскими ценностями. Тот же синтез виден и в других произведениях, ориентированных на жанровый канон волшебной сказки, например: «Сажика», «Златокудрая Серафима», «Белорыбица» и др.

Не менее важную роль в сказках В. Лавриной играет притчевое начало, актуализирующее нравоучительное задание, но не явно, а индифферентно, что органично оправдано фольклорным присловьем, объ-

ясняющим исконный жанровый закон: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Так, в «Агашиных рукавичках», «Половичках из травы», «Пташечке Милашечке» и других сказках герои испытываются на доброту, бескорыстие, отзывчивость, прозорливость, умение сохранить себя. И по законам сказки выдержавшие испытание награждаются, как добрая Катенька или трудолюбивая Фросенька, а не прошедшие его – теряют главное, как это произошло, например, с Соловьем, утратившим голос из желания потакать капризам своей жены, променявшей нежность и любовь на материальное благополучие.

Таким образом, можно видеть, что сказочное чудо в произведениях писательницы становится следствием высоких нравственных качеств, которые открываются в поступках персонажей. Но бывает и так, что чудо происходит не по волшебству (заговоренная косынка угадчицы Людмилы, охраняющая от черной ворожбы Мавры царевича Устина, чудесное наказание Фефелы и одаривание Фроси Прекрасной Девой и т. п.), а становится следствием смекалки, трудолюбия и способности творчески подойти к решению любой задачи, как это можно видеть в «Квасном озере» или в «Как Головешка из печи выбралась». Так от сказки к сказке в галерее добрых героев создается нравственный идеал человека, который любовью, смирением, добротой, отзывчивостью, смекалкой, трудолюбием, созиданием способен преодолеть любые невзгоды и горести, обретая счастье и чудесно соединив небесное и земное.

Эта же потребность в чуде и способность к его обретению пронизывают и лирику автора. Большую часть своих стихотворений В. Лаврина опубликовала в 2006 году в сборнике из шести разделов с самым общим заглавием – «Стихи». Но это заглавие очень точно отражает авторский замысел: перед нами не книга стихов, скрепленная единым метасюжетом, а классическое собрание самоценных и самодостаточных стихотворений, в центре которого раскрытие души в целокупном образе лирического «я». Именно лирическая героиня, ее переживания, уникальность воплощения в мире и составляют основное содержание стихотворений автора.

Пожалуй, главное в лирической героине Веры Лавриной – способность любить, проистекающая из приятия мира и своего места в нем, что зачастую придает ее поэзии тональность благодарственной молитвы Богу за чудо жизни:

В эти летние дни
Нельзя не поверить
В совершенство Творенья.

Мотив чуда – один из ключевых в стихотворениях поэта. Проявления чуда таятся и открываются взгляду лирической героини во всем: во встрече влюбленных, в рождении детей, в пронзительной красоте природы, в способности, открывая глубины родовой памяти, прикасаться к опыту тех, кто жил прежде, воскрешать силой благодарного воспоминания любовь и теплоту сердец близких, в даре творчества. Из всего этого и складывается обретение смысла и полноты жизни, данные в переживании лирической героине:

На улицу, быстрее!
В обнимку с юным летом,
Залившим янтарем
Все просини, просветы,
Просветы меж ветвей,
И листьев, и травинок,
Играющих детей,
Порхающих косынок.
На улицу, быстрее!
Не медли ни мгновенья! –
Бегу! Лишь допишу
Свое стихотворенье.

Тем не менее этот поэтический мир не лишен драматизма. Основная лирическая коллизия рождается из столкновения приятия мира

таким, каков он есть, с чувством ответственности поэта перед Богом и Вечностью. Эта коллизия становится источником энергии становления и развития личности, не дает возможности скрыться за спинами других, так как, с точки зрения поэта:

Жизнь – это вызов
Для разговора
Поименного с Богом.

Именно такой взгляд «лицом к лицу» и делает столь значимым и ценным опыт прохождения через жизнь и историю каждой личности. Поэтому так уместна дневниковая манера в цикле «Хронограф». Этим обусловлено и внимание к моментам срыва голоса, бунта, когда лирическая героиня с удивлением обнаруживает, чтоприятие этой жизни – непростой духовный труд, что любовь не безмятежный подарок, что иногда невероятно сильно хочется остаться одной, оказаться вне предстояния Богу, Вечности и любимым:

Одеялом с головой укрыться,
Чтобы все от меня отстали,
Не прикасались ко мне,
На меня не глазели
И в комнату, где я лежу,
Не входили.
Чтоб не спрашивали:
«Что мы будем обедать?»
«И где лежат зеленые колготки?»
«И что такое есть орфограмма?»
И чтобы Он не вопрошал меня вечно:
«А что ты сделала для бессмертья?!»
Да ничего! Ничего я не сделала
Для бессмертья!

С бесстрашной честностью лирическая героиня способна признаться себе в том, что может отпадать от долженствования, увидеть в себе следы несовершенства земного падшего мира, уязвленного раной греха, постигая тем самым глубинную сущность смирения, открывающего не только раны уязвленной совести, но и возможность спасения. Этой бесстрашной честностью пронизаны такие стихотворения, как «Моя душа, Господь...», «Возвращаюсь из храма...», «Всего лишь...», «Ты обнял меня...», «Не остыла слеза благодати...», «Все считала себя хорошей...», «Прячу от нищей глаза...», «Тяжкое снилось: вместо иконы...» и др.

И все же образ лирической героини в целом выписан более легкими и нежными тонами, раскрывающими глубинную женственность. Это раскрытие зачастую осуществляется посредством одного сдержанного жеста, мгновенного движения души, финального смещения аспекта восприятия, как, например, в стихотворении «Помню я и сейчас все свои детские платья...». Сентиментальное путешествие в детство посредством воспоминаний, не лишенных юмора и временами даже самоиронии, вдруг открывает чувства любви и благодарности, которые лежат в основе отношений родителей и детей, несущих в себе более высокий отсвет сакральности, предстающей не в холодно-небесной гамме, а в простой и понятной радости, расцветающей в душе человека эдемским отражением:

Мои детские платья, вы были просто одеждой,
Хоть и полной значенья для ребячьего лада,
Но теперь ваши ситцы, шелка и поплины нежно
Распускаются в памяти, как цветы библейского сада.

Поэтический мир Веры Лавриной не исчерпывается домом и книгами. Остро и пронзительно время от времени звучит в нем и социальная тема, особенно сильно обозначившаяся в стихотворениях 1990-х годов.

Это лучше, что так я живу –
Не стыдно смотреть в глаза
Тем, кто не покупает сыр.

Для поэтической манеры Веры Лавриной характерен лаконизм. Закономерно, что преобладающей формой становится трехстишие, в котором уловлено и запечатлено одно движение души, вызвавшее вспышку удивления чудом или, напротив, нелепицей происходящего. Благодаря тому что позиция автора в целом предстает четко оформленной и основанной на единой и непреходящей гуманистической системе ценностей, такая искристая фиксация мгновенных впечатлений создает своеобразное лирическое мерцание, не позволяющее художественному миру поэта застыть в некоем монументальном единообразии, обеспечивая динамику чувств и передачу духовного роста лирической героини. Эта же манера как нельзя лучше соотносится с классической, практически забытой и оттого еще более ценной культурой сдержанности, когда чувство не обрушивается на читателя во всей своей непроясненности, а оформлено высветляющей его мыслью, стремлением автора к осмысленности существования в бытии. Но при этом автор очень чуток к тому, чтобы в эмоции продолжала трепетать энергия душевного переживания, а рациональность сдерживалась сердечностью, отчего и рождается ощущение легкого лиризма. Сдержанная эмоциональность нарастает и в композиции сборника, находя выражение в движении от классических форм к трехстишиям и шестисловиям.

Следует отметить, что последний раздел сборника «Шестисловия» буквально состоит из дистихов по шесть слов в каждом, что способствует выражению смысловых сгустков. Интересно в них акцентирование визуально-живописного и аудиально-музыкального типов восприятий, дающих импульс лирическому отклику. Одним штрихом создается вспыхивающий образ, развитие которого уже в восприятии читателя прорастает отзвуками смыслов и чувств. В этой технике автор

опирается, с одной стороны, на возможности ассоциативной поэтики, с другой – апеллирует к культурному и жизненному опыту читателя, включая его в процесс порождения смысла как активного субъекта.

Шелест дождя – таким
Слышал его Иисус.

Благодаря этим приемам поэту удастся органично выйти к диалогизму как основе отношений «я» с миром. Неизменность природного бытия, его зримых форм и звуков позволяет автору преодолеть толщу времен и через две тысячи лет ощутить присутствие Другого. Выбор звука дождя рождает разные цепочки восприятий: от мира как храма – к очистительному крещению – до неизменного присутствия Бога Живаго в самых обычных явлениях природы. И этими вариациями смысла стихотворение не исчерпывается.

Для завершающего сборник цикла характерна философичность. Некоторые из шестисловий куда ближе к жанру философского афоризма, нежели лирического стихотворения, например:

Были когда-то победами
Все поражения мои.

Некоторые напоминают по своей сути максимум, заключающую, как в нижеприведенной, утверждение полноты обретения счастья и гармонии:

Засыпаю счастливая
С Господом и Мужем.

Тем не менее большинство шестисловий все же собственно художественной природы и представляет собой уловленный образ, чреватый динамикой лирического переживания. Зачастую это миг замирания сердца от захватывающей дух красоты мира, знакомой с детства и

все же способной, как по волшебству, открыться сиянием чуда сотворенной Вселенной:

Шелковый свиток заката
Вышит иглами сосен.

Или:

Со дна Вселенной сегодня
Взошла луна.

Восприятие этих стихотворений требует от читателя культуры созерцания, позволяющей не просто прикоснуться к гармонии мира, а непосредственно пережить это удивительное и в то же время естественное состояние бытия, от которого часто человек оказывается отлучен в силу современных ритмов жизни, вносящих диссонанс в изначальное единение человеческой души с природным воплощением Вселенной.

Таким образом, открывается аксиологическое единство всей художественной системы автора. Поэзия, сказки для детей, мемуарно-биографическая проза объединяются сквозным мотивом веры в чудо, способности принять жизнь как ценность, сохранить верность высоким гуманистическим идеалам. Можно утверждать, что стремление к гармонизации, прекрасная ясность и мудрая созерцательность являются глубинной сутью художественного мира Веры Лавриной.

Вера Лаврина (Правда)

АВТОБИОГРАФИЯ

Родилась я, Вера Леонидовна Правда (до замужества Попова), 21 ноября 1956 года в Казахстане, в селе Лавровка Кокчетавской области, в семье педагогов. Отец, Леонид Александрович Попов, препода-

давал историю в школе. Мать, Анна Яковлевна Попова, работала учительницей начальных классов. В 1978 году я окончила исторический факультет Томского государственного университета. В 1981–1984 годах обучалась в аспирантуре на кафедре истории Древнего мира и Средних веков Томского университета. Кандидат исторических наук, доцент. Тридцать восемь лет работала в Кузбасском государственном техническом университете на различных гуманитарных кафедрах, преподавала философию, культурологию, мировую художественную культуру, язык видов искусств, историю России и пр. Сейчас на епархиальных богословско-катехизаторских курсах Кузбасской митрополии преподаю церковное искусство и иконоведение. Автор десятка учебников и учебных пособий по гуманитарным дисциплинам.

С 1993 года посещала литературную студию «Мастерская «Аз»» при КемГУ, которой руководил поэт Александр Ибрагимов. В 2002 году вместе с супругом Андреем Правдой и при поддержке администрации вуза создала в КузГТУ литературную студию «Лист», которая существовала до 2011 года. За время работы студия издавала альманахи, где публиковались лучшие работы студийцев. В 2006 году в театре КузГТУ «Ложа» по инициативе студии «Лист» состоялся первый фестиваль литературных студий города Кемерово. В 2008 году совместно с мастерской «Аз» студией был осуществлен творческий проект «Город поэтов», который включал проведение фестиваля, конкурса поэтов и издание сборника, представляющего творчество участников городских студий.

С 2017 по 2019 год вела литературные занятия для детей в арт-студии «Мурлыка» при Кузбасском центре искусств. В 2019 году выступила партнером гранта «Все мы родом из детства» муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения № 32, вела там детскую литературную студию «Словотворчество». Затем стала заниматься литературным творчеством с детьми на постоянной основе.

Стихи и проза публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Дружба народов», «Наш современник», «Врата Сибири»,

«Улитка», «Полевые цветы» и др. В 2015 году награждена почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, в 2019-м почетной грамотой Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса».

Творческие успехи неоднократно отмечались премиями разных достоинств: Международной литературной премией им. П. П. Ершова за произведения для детей и юношества в номинации «Выбор мецената» за оригинал-макет книги «История Сибири для детей» (2013), журнала «Огни Кузбасса», премией им. Павла Тобольского Кузбасской митрополии (2014). В 2016 году стала дипломантом, а в 2017, 2018, 2021 годах призером международных конкурсов русскоязычных хайку. В 2017-м стала призером конкурса «100 стихов для Акита», который проходил в Японии. Мои хайку переводились на английский и японский языки.

Книги Веры Лавриной (Веры Леонидовны Правды):

Диковинки. Сказки Веры Лавриной. – Кемерово : Кузбасс, 2003. – 64 с.

История Кузбасса в рассказах для детей от древних веков до нашего времени. – Кемерово : Кузбасс, 2004. – 80 с. (2-е изд. – 2005 г., 3-е изд. – 2007 г.).

Трепьясток. Сказки Веры Лавриной. – Кемерово : Кузбасс, 2005. – 72 с.

Что нужнее? Что вкуснее? – Кемерово : Кузбасс, 2005. – 16 с.

Стихи. – Кемерово : Кузбасс, 2006. – 160 с.

Так было. – Томск : Д-Принт, 2008. – 306 с.

Вдвоем : стихи, сказки / Вера Лаврина, Андрей Правда. – Кемерово : Примула, 2011. – 102 с.

Жизнеописания кузбасских святых / авт.-сост. В. Лаврина, С. Павлов. – Кемерово : Медиа-Центр Глагол, 2013. – 255 с.

Старые мастера. Очерки о преподавателях КГИ – КузПИ – КузГТУ / А. Ковалев, В. Соколова, В. Правда (Лаврина). – Кемерово : [б. и.], 2013. – 201 с.

История Сибири для детей. – Кемерово : Офсет, 2015. – 96 с.

Пять сестер. – [Канада] : Altaspera, 2015. – 79 с.

Пим-найденши : сказки. – Кемерово : Кузбасский центр искусств, 2020. – 128 с.

Сестра : мемуарная повесть. – Кемерово, 2021. – 200 с.

Юлия Александровна Лавряшина

3 мая 1965 г., Кемерово.

Прозаик, драматург, сценарист, детский писатель.

Член Союза писателей России с 1995 года.

КОРОБОЧКА

Рассказ

И никакие одуванчики, светящиеся в свежей зеленой траве, больше не радовали Ксюшу... Не видеть бы вообще все эти дурацкие цветочки! Зачем они только существуют? Людей губить?!

Одуванчики могли сколько угодно изображать из себя маленькие солнышки, девочке больше не было до них дела. Жизнь ее была конечна. Разве можно жить с двойкой по технологии?!

– У тебя руки не из того места растут, – повторяла она шепотом слова учительницы, и скользкие от слез губы начинали противно расползаться.

Почему до сих пор никто не говорил Ксюше, что она – жуткий монстр? Руки не оттуда растут – как она-то сама не замечала этого?! Ведь смотрелась же в зеркало... Неужели все страшные существа, эти гидры и горгоны, о которых Ксюша читала, тоже видели себя вполне нормальными? Косички по бокам, как требуют правила их гимназии, два серых глаза, один нос... Рот, может, великоват? Но это, наверное, потому, что она часто улыбается.

Только не сейчас. Больше Ксюша не улыбнется никогда! И уж тем более не станет смеяться. Над чем? Разве есть в мире что-то забавнее девятилетней девочки, у которой руки растут не из того места? Одно-классницы прямо чуть с парт не попадали!

А над собой посмеяться не получилось, хотя мама не раз повторяла:

– Уважаю, Ксения! Ты способна на самоиронию. Для красивой девочки это очень важное качество, чтобы крышу не снесло...

Она – красивая девочка?! Ксюша захлебывалась слезами. В носу хлюпало на всю округу, и пришлось остановиться, чтобы достать из ранца бумажные салфетки. Все-таки сопливый монстр еще противнее обычного... Ну почему родители столько лет скрывали ее уродство?

Хотя их можно понять, конечно! Кому хочется признавать, что его ребенок – чудовище?

Вытерев нос, Ксюша огляделась. Оказывается, она уже добрела до парка, через который всегда ходила в школу. Ее дом – желто-розовый, радостный – ждал сразу за витой оранжевой оградой. Но как она может вернуться туда? Притащить свое чугунное, как папина гиря, черное горе в их солнечную квартиру...

«Я больше никогда не вернусь домой. – Она судорожно всхлипнула. – Не пойду в школу. Не поступаю в институт. Я буду жить в коробочке и есть голубей».

Ее саму ужаснула эта мысль, ведь голуби ей нравились. Особенно те, белые, которых выпускали в небо из голубятни за парком. Они так свободно и красиво парили среди вытянутых и прозрачных или пухлых облаков! У Ксюши даже сердце трепетало, когда она следила за полетом этих птиц. А плечи сами начинали двигаться, словно за спиной расправлялись крылья... Полететь бы за голубями! Влиться в их стаю и кружить над городом, хохоча над черными дырами разинутых ртов. Ну да, и взрослые, и дети точно задрали бы головы и ахали наперебой! Часто ли увидишь летающую девочку?

Так что голубей Ксюша всегда считала своими друзьями. Ну, будущими друзьями! А своих близких разве едят?

– Буду жить в коробочке и есть голубей, – повторила она, замороженная глубиной своего падения. – Как бомж, которого за гаражами поймали...

От счастливой и светлой жизни ее отделял один паршивый цветочек. То есть это у Ксюши он вышел паршивым, а на доске выглядел очень даже симпатичным маком. Его надо было просто аккуратно вышить алыми и зелеными нитками на белой салфетке.

И Ксюша очень старалась! Но нитки мулине вступили в заговор с ушастой иголкой – так девочка называла иголку с большим ушком. Они специально путались и переплетались вообще не там, где нужно.

Стежки разбегались в разные стороны, как будто были рассыпанными по полу детальками лего. И главное, все оказались разной длины!

Правда, это Ксюша разглядела только сейчас, достав проклятую вышивку из бокового кармана ранца. Сунула туда наспех, чтобы спрятать ее от всех, когда учительница... Ну, в общем, когда выставляли оценки.

А пока шел урок, она вышивала с удовольствием и даже радовалась, какой красивый получается мак. Ксюша уже видела, как подарит его маме, а та обрадуется и расцелует ее:

– Умница моя! Рукодельница!

«Я никогда не увижу маму! И папу...»

Это горе так ударило в самое сердце, что Ксюша выронила смятую салфетку с уродским цветком. А продохнув, в ярости начала топтать ее. Если б не двойка, они все жили бы так же весело и счастливо! А теперь все испорчено. Никакого будущего... Никогда ей не получить работу в кино, как давно мечталось! Потому что сценаристы не живут в коробочках...

Почему-то ни разу Ксюша даже не подумала о том, будут ли ее ругать за двойку. Скорее всего, нет, ведь ее родители не особо интересовались школьными оценками. Даже дневник забывали подписывать! Можно было вообще утаить эту дурацкую двойку, но не в ней же было дело! А в том, что чудовище, у которого руки не оттуда растут, не должно жить среди людей. Это же прямо страшная сказка, а не жизнь будет!

Тяжело дыша, она смотрела на втоптанную в землю грязную тряпочку. Вот уже и не разглядишь этот уродский цветочек... Его больше нет. И ее тоже.

Подцепив за лямку желто-сиреневый ранец, девочка потащила его по парку. Надо было найти коробочку, в которой можно спрятаться от всего мира. И никто больше не заставит ее вышивать. И не поставит двойку! Смеяться не станут...

Будет она лежать себе, свернувшись, как их кошка Алиска, а ночами выходить на охоту. Интересно, Алиса смогла бы поймать голубя? А если получится схватить птицу, что с ней делать дальше?

– Фу! – вырвалось у Ксюши, когда воображение быстренько нарисовало несколько картинок – одна противнее другой.

Ее даже затошнило от этих мыслей, и девочка заторопилась – только бы не на глазах у людей. Парк у них огромный, в нем легко затеряться. Это из школы домой она всегда ходит... то есть ходила по центральной аллее. И никуда не сворачивала, потому что родители взяли с нее страшную клятву: ни шагу ни вправо, ни влево. Но сейчас Ксюша могла делать все что угодно. Ведь родители больше никогда не увидят свою единственную дочку и не узнают о ее домике в коробочке...

Асфальта под ногами больше не было, да и тропинка то и дело терялась среди кустов. Здесь росла не сирень, которая как раз сейчас так фантастически цвела и притягивала ароматом, как на большой аллее, а какие-то не очень красивые, лохматые кустарники.

– Ничего, – пробормотала Ксюша. – Среди таких тебе и надо жить.

Вот деревья были знакомыми – березы, сосны, ели... То и дело задирая голову, девочка любовалась их зелеными макушками, которые мерно покачивались, цепляя ослепительно-белые облака.

Ей захотелось посмотреть на них подольше, и Ксюша вытянулась на траве, положив ранец рядом. Он еще мог ей понадобиться, ведь умрет она, скорее всего, осенью – от холода. А лето придется как-то пережить... В ранце есть тетрадки, в которых можно рисовать, если станет скучно. И учебники, которые она сожжет холодной ночью. Вот только как-то надо добыть огонь.

Трава оказалась теплой и мягкой. Ксюша даже улыбнулась от удовольствия, глядя в бесконечную синеву, но потом спохватилась, что жизнь ее кончена и радоваться больше нечему. Сжав губы, она даже прикусила нижнюю, чтоб не смела вести себя как заблагорассудится!

И тут она увидела... собаку! Не настоящую – облачную. Белая, большая, с торчащими, как у овчарки, ушами и пушистым хвостом, она плыла над верхушками сосен. Раскрытая пасть ее не издавала, конечно, никаких звуков, но Ксюше померещилось, будто собака весело лает, точно зовет ее куда-то.

Быстро встав на четвереньки, Ксюша неожиданно для себя гавкнула ей вслеп.

– Ой! – вырвалось у нее.

Девочка прижала ко рту ладошку и испуганно огляделась, но никто не забредал в эту часть парка. Запрокинув голову, Ксюша снова нашла взглядом собаку и вскочила:

– Эй, ты куда?!

А собака уже скрывалась за деревьями...

Забыв о ранце, девочка бросилась за ней следом. Она не смогла бы объяснить себе, зачем так важно видеть это веселое облако, но точно знала, что не может потерять его сейчас. Какая-то невидимая нить протянулась между ней и этой небесной собакой... И Ксюша бежала со всех ног в ту сторону, куда ветер гнал все облака.

– Подожди! – крикнула она и засмеялась, забыв, что недавно запретила себе это делать. – Догоню!

И вдруг...

Остановившись посреди крошечной полянки, девочка, часто моргая, уставилась на оставленную под кустом коробочку. Точно такую, какая представлялась ей. Будущий домик – до самой смерти.

Ксюша медленно подняла голову, но собаки уже не было видно. Ее сменили обычные облака – бесформенные и не умеющие смеяться.

– Ты привела меня к моей коробочке? – У нее опять перехватило горло.

Слезы, оказывается, никуда не ушли, они были наготове и вернулись слишком поспешно, она не успела подготовиться. Из глаз разом вытекли слезинки, а из горла вырвался судорожный всхлип.

Быстро вытерев щеки, Ксюша глубоко вздохнула, пытаясь подавить плач, и обреченно направилась к коробке. Ноги ее слегка заплетались, будто отказывались идти по пути, уготовленному судьбой. А на плечи навалилась неведомо откуда взявшаяся тяжесть, и девочка даже сгорбилась.

«Вот теперь я точно чудище... Как из сказки про аленький цветочек. Только меня уже никто не спасет! Мальчики же не просят у своих

отцов цветочки... А с девочкой я сама не буду целоваться! Еще чего!» Ксюша снова тяжело вздохнула и присела.

И тут... Коробочка шевельнулась!

Взвизгнув, девочка резко отпрянула от нее и оказалась на земле. Отталкиваясь каблучками туфель, она быстро поползла назад. Сердце у нее заколотилось, и на миг Ксюша даже оглохла.

А когда в ушах перестало шуметь, с ужасом различила, что повизгивает не только она...

– Кто там?!

Но коробочка издала только тоненький звук, похожий на скулеж.

– Там кто-то есть? – на всякий случай повторила она, хотя уже начала догадываться, что ответа не получит.

Несколько секунд Ксюша собиралась с духом, потом встала на колени и осторожно подползла к коробке. Кто-то был внутри, в этом девочка уже не сомневалась. Но кто? Вдруг монстр, еще более страшный, чем она сама?!

Можно было гадать до самого вечера... Или бежать отсюда куда глаза глядят... Но любопытство было куда сильнее страха! Оно само подняло ее руки и заставило их раскрыть картонные створки, закрывавшие коробку сверху. А потом вынудило Ксюшу наклониться и заглянуть внутрь...

– Ой! – вскрикнула она. – Щеночки! Крохотулечки какие...

Скулил только один – беленький с рыжим пятнышком. Трое других лежали неподвижно, а он пытался ползать по ним. Но все они были слишком маленькими, наверное, только родились, и у щенка еще даже не получалось передвигаться. Он беспомощно тыкался мордочкой то в своих братьев, то в днище коробки, которая даже не была ничем застелена.

Задохнувшись от нежности, Ксюша осторожно взяла щенка и прижала его к груди.

– Ах ты, мой хорошенький, – пропела она. – А где же ваша мама? Куда она делась?

Щенок тыкался в нее крошечным мокрым носом и пищал. Более прекрасного звука Ксюша не слышала в своей жизни! Глазки у него были едва приоткрыты, наверное, он еще и видеть как следует не научился.

Прижавшись к теплому тельцу щекой, девочка закрыла глаза:

– Ты мой. Мой. Я тебя никому не отдам. Это же я нашла тебя! Только давай мы и твоих братиков достанем.

Аккуратно опустив щенка на травку, она снова заглянула в коробку и озадаченно нахмурилась. Щенки не шевелились. Почему-то ей стало не по себе, оттого как крепко они спали...

Девочка боязливо протянула руку и тут же резко отдернула ее, ощутив неживой холод.

– Да они же...

Договорить Ксюша не смогла. Только быстро закрыла коробку и схватила своего щенка, чтобы вернуть ладошкам живое тепло. Неуклюжие движения малыша заставили ужас отступить, но Ксюша чувствовала, что по спине то и дело пробегают волны озноба, как бывало во время болезни.

– Но я же не болею, – прошептала она. – А они...

Прижимая щенка, девочка некоторое время неподвижно сидела возле коробки. Ее мысли сначала путались, как те нитки – красная и зеленая, – из-за которых все это и случилось с ней в этот день.

Потом в голове начало медленно проясняться, и Ксюша поняла: если б она не получила двойку и не приняла решение жить в коробочке, то ни за что не оказалась бы в этой заброшенной части парка... А не заметила бы собаку-облако и не побежала бы за ней, не наткнулась бы на брошенных щенков...

«Наверное, их мама умерла, – догадалась девочка. – И превратилась в ту небесную собаку... Вот почему она вывела меня к щенкам! Чтоб я спасла их. Хотя бы одного...»

Ей было горько, оттого что она пришла сюда так поздно. Но не опоздала же совсем!

– Я потом вернусь с папой, и мы похороним твоих братиков, – шепнула Ксюша щенку. – А то чем я выкопаю ямку? У меня же нет с собой лопатки.

Только сейчас она вспомнила о ранце, брошенном где-то в зарослях, и встрепенулась. Вернуться без него, конечно, можно было... Но Ксюше вдруг пришло в голову, что кто-то чужой может найти его и увидеть в дневнике двойку по технологии. Единственную, но самую позорную! Ведь именно она выдавала страшную тайну: у Ксюши руки растут не из того места...

В том, что она возвращается домой, девочка не сомневалась. Можно было сколько угодно рисковать своей жизнью, но теперь же с ней был щенок! И Ксюша была обязана спасти его. А кормить его в парке нечем... Да и самой – чем тут питаться? Значит, они оба могли вскоре умереть от голода.

Ксюшу даже передернуло от этой мысли, и она вскочила. Нужно было торопиться, ведь и этот щенок, ее щенок, тоже мог погибнуть в любой момент! Раз остальные не выдержали...

Прижимая малыша к груди, она быстро пошла назад по тропинке, которая привела ее сюда. Вот-вот должен был появиться ее яркий ранец. Где же он?

– Да куда он делся?! – плаксиво вскрикнула Ксюша, когда поняла, что идет уже слишком долго.

Девочка беспомощно завертелась на месте: заблудилась она, что ли? У нее разом ослабели колени, и захотелось сесть на землю. Но Ксюша одернула себя:

– Ты что? Это же не тайга! И не джунгли какие-нибудь... Это городской парк, тут целые толпы людей гуляют! Кто-нибудь сейчас появится.

Но никто почему-то не показывался. Ксюша быстро взглянула на солнце: оно было еще высоко, ночь наступит не скоро. Значит, у нее полно времени!

Она строго взглянула на щенка:

– Ну и чего ты трусишь? Вообще нечего бояться! Даже если ранец совсем потерялся... Мы потом с папой его обязательно найдем, когда вернемся сюда. Ну, поругают немножко. Главное сейчас – нам с тобой выбраться отсюда.

Ускорив шаг, Ксюша начала напевать, чтобы голос заглушил страх. Пела она так себе, но сейчас же ее никто не слышал, кроме щенка... А он точно простит, если хозяйка сфальшивит. Ведь это же ее щенок!

Вдруг спохватившись, Ксюша с досадой прищелкнула языком:

– Прости, прости! Ты уже целых полчаса мой щенок, а я до сих пор не придумала тебе имя... Ой как стыдно! Давай назовем тебя...

И тут оказалось, что очень непросто выбрать самое лучшее имя. А ее щенок, конечно же, заслуживал самого лучшего! Всякие собачьи клички из книжек и фильмов Ксюша отмела сразу. Еще не хватало, чтобы ее щенка все время сравнивали с Хатико или Мухтаром!

Задумавшись, Ксюша не заметила, как пошла медленнее, потому что на бегу соображалось не очень... Она перебирала в уме варианты: Шарик, Джек, Рэкс... И отмела один за другим. Нужно было что-то совершенно особенное!

Но тут ее пронзила догадка:

– Ой, а я же не знаю – кто ты? Мальчик или девочка? Как это понять-то? Ну-ка, посмотри на меня...

Она слегка приподняла щенячью мордочку, похожую на крошечный башмачок. Сдвинув брови, Ксюша оглядела его со всех сторон и вздохнула:

– Ничего не поймешь... Вроде на мальчика похож! А если ты все-таки девочка? Обидишься ведь, если я тебя пацанским именем назову! Надо бы что-то такое... Чтобы и мальчику, и девочке подходило. Как Женя! Только собачье...

Тихонько захныкав от беспомощности, Ксюша подняла голову к небу, и вдруг ее осенило. Она даже рассмеялась от радости и нежно прижала к себе щенка:

– Ну конечно! Вот дура я... Это же сразу было ясно! Я назову тебя – Облачко. И неважно – мальчик ты или девочка! И как раз ты беленький, как облачко. Как твоя мама...

Щенок ткнулся носом в ее шею и жадно зачмокал.

Стало так щекотно, что Ксюша хихикнула:

– Ой, не ешь меня! Побежали домой. Ну его, этот ранец...

И в ту же секунду она увидела женщину, которая быстро ехала на велосипеде.

– Эй! Подождите! – крикнула Ксюша и бросилась за велосипедисткой.

Но та не притормозила и даже не повернула головы.

«В наушниках, – догадалась девочка. – Теперь никто ничего не слышит, хоть заорись!»

И все же ей стало легче, ведь можно было бежать в ту сторону, куда умчался велосипед. Рано или поздно она куда-нибудь да прибежит. И найдет свой дом. И все-все расскажет родителям...

«Глупость какая – жить в коробочке! – уже смеялась она над собой, все ускоряя и ускоряя шаг. – Никто не должен жить в коробочке. В них не живут, а... умирают».

– А нам с тобой еще жить да жить! – шепнула Ксюша в нежное мягкое ушко. – И скоро мы с тобой будем дома. У нас ведь есть дом, Облачко!

И щенок согласно пискнул у нее в ладонях.

2017

МОЛЧАЛИВЫЙ АНГЕЛ

Рассказ

Испания накатывала горячими волнами, накрывала с головой, расплющивала... Вот только запахов ее сумасшедших, от которых он обмирал, различить не удавалось. Не получалось даже вдохнуть так, чтобы испытать от этого удовольствие. Раньше Антон и не подозревал,

как можно радоваться обычному дыханию, глотать воздух и упиваться этим. А сейчас дышалось так мелко, скудно, что мутилось в голове: мало, мало!

Когда жижа под теменем переставала бурлить, Антон с недоумением спрашивал себя: откуда этот жар? Ведь в марте в Испании не было летнего зноя, который тоже был знаком ему: не в первый раз оказался в стране корриды и фламенко, что, по сути, одно и то же. Правда, на «испанской сковородке» – исихе – раньше не бывал и почему-то даже не слышал, что так называют окрестности Севильи, куда в конце зимы Антона Чайкина пригласили сниматься. Фильм так себе, детектив среднего пошиба. Но какие локации для натуральных съемок! Хотелось проглотить глазами...

Исиха не отпускала, хотя уже две недели, как вернулся в Москву, но пекло не только снизу, через простыню, – жар охватывал со всех сторон, точно кто-то сунул его в духовку. Градусник бесстыже врал: разве человек может выдержать температуру больше сорока?

Хмурая московская сырость сразу налипла на кожу ознобом. Теперь ему чудилось, что не по себе стало уже в тот момент, когда вышел из такси в родном дворе и вдруг впервые почувствовал... Нет, это было даже не одиночество. Скорее, он ощутил свою полную ненужность и этому городу, и миру в целом.

Хотя еще недавно соседки шептались у него за спиной:

- Артист пошел...
- Ой, я его вчера по «Первому каналу» видела!
- Да он на любом – какой ни включи.
- Я для своей Ксюшки автограф у него взяла...
- Для Ксюшки! Я для себя взяла!

Но когда он выбрался из машины с чемоданом, никто и головы не повернул, чтобы крикнуть:

- Антошка, привет! Вернулся?

А ведь он вырос в этом дворе, песочница до сих пор хранит его выцарапанные осколком инициалы «А. Ч.». Тогда никто не интересовал-

ся: не родственник ли он Лизы Чайкиной? Его детство пришлось на ту пору, когда сквозняки истории сдули прах памяти пионеров-героев. И не только пионеров... Это сейчас начали вспоминать их имена, потому и вопрос этот звучит в каждом интервью.

Лишь знакомая дворняга улыбнулась ему, когда Антон подошел к подъезду. Даже встала с теплой крышки канализационного колодца, поприветствовала. Неужели всерьез ждала, что этот загорелый красавец погладит ее, блохастую? Он прошел мимо, даже не улыбнувшись в ответ. Ну в самом деле! Какой смысл привечать бездомную псину, если не собираешься взять ее с собой?

А он не собирался. Вообще никогда не хотел собаку, даже в детстве. Не было у него и обычной детской тяги к разношерстным компаниям, в которых никто никому по-настоящему не друг. Его комната наполнялась персонажами куда более интересными, стоило ему остаться одному. Они и сейчас толкались у его постели – высокомерные рыцари и грязные пираты. Все одинаково бесполезные...

Вот кто помог бы, так это обыкновенные врачи скорой помощи. Только Антон не вызвал их: в середине апреля новые съемки, не дай бог в больницу загреметь. Долго ждал этого проекта, такие не часто случаются, упустишь – потом всю жизнь будешь локти кусать. Уже до того сжился с героем, что сам с собой разговаривал его интонациями, без усталости нащупывал, как правдивее показать биполярку.

Правда, теперь не до того было, мысли путались, а кашель душил так, что еле смог выдавить в трубку:

– Маринка, солнышко... Не заскочишь ко мне? Все лекарства сожрал.

– Ты болеешь? – Ее голос показался не сочувствующим, а испуганным.

– Акклиматизация, может... Знаешь, после Испании наша Москва...

– Ты в Испании был?! Так ты, может, его подхватил?

– Кого? – На миг в мыслях даже прояснилось от страха.

– Коронавирус.

Он с трудом сообразил:

– Ты про китайский, что ли?

– Да он уже пол-Европы выкосил, ты что?

«Я не верил в него, – припомнилось Антону. – Считал, что это какая-то гигантская мистификация. Афера ВОЗ... Или политический стговор... Черт! Неужели он во мне?!»

– Давно болеешь?

– Недели полторы... Или две. Какое сегодня число? Чего? Апреля?!

– Ты угодил во временную дыру?

Почему казалось, будто Марина смеется?

Его мысли ворочались медленно: «Что происходит? Почему мне никто не звонит, если уже апрель? Съемки откладываются? Или они разнюхали, что я свалился, и выкинули меня из проекта?!»

Антон заставил себя вернуться к началу разговора:

– Так ты лекарства принесешь? Тебе двор перейти!

«Пауза затянулась, – отметил машинально. – К чему это? Не во МХАТе чай...»

– Антоша, ты знаешь, как я к тебе отношусь...

«А как?» – впервые задумался он.

– Но я к тебе не пойду. Это же, блин, смертельная зараза! Я даже к двери твоей не подойду. У меня мама в группе риска и сестра беременная, не хватало еще вирус домой притащить. Не обижайся! Хочешь, скорую вызову?

– Пошла ты! – Антон бросил трубку на одеяло и закрыл глаза.

Но она тут же пикинула сообщением. Или он мгновенно забылся сном? Не могла же весть разнестись за долю секунды, просочиться в группу, созданную управдомом – тощенькой тетушкой с острым носом...

«Жилец квартиры 62 Антон Чайкин болен коронавирусом. Если Чайкин выйдет из квартиры, вызывайте полицию. Но в целях самозащиты допускаются любые меры. Соседи по площадке, одевайте маски».

– Надевайте, – буркнул он. – Дура безграмотная...

И только тогда осознал: любые меры. Они убить его собрались, что ли? Голодом заморить? За эти полубредовые дни Антон съел все чипсы, даже яичницу пожарить не было сил. Была бы жива мама, сварила бы ему бульончик... В детстве так бывало часто: он сидел в постели с книжкой, а мама кормила его с ложки, чтоб не облился. Никто не знал об этом, так что стыдиться было нечего, а им обоим было приятно.

Когда Антону пришлось кормить маму с ложечки, ей это было не в радость, она уже глотать почти не могла... А он призывал на помощь весь свой чертов актерский талант, чтобы казаться веселым и внушать маме веру в несбыточное: скоро она поправится, вернется домой, а потом они вместе поедут... В Испанию? Не туда ли он мечтал ее отвезти?

– Мам, – вдруг позвал он шепотом, удивив самого себя.

Ничего к этому не добавил, она же всегда понимала его без слов. И если сейчас могла услышать короткий зов, то и все остальное уже знала: как ее не хватает сыну... как холодно живет ему без любви, даже когда изнутри так жестоко печет... Или сейчас – особенно?

Его и сейчас никто не видел, поэтому Антон не вытирал капли, стекавшие к вискам. Всю жизнь он потратил на то, чтобы постоянно быть на виду, на экране, на обложках журналов, но никто, кроме мамы, не разглядел его настоящего. А она сейчас ничем не могла помочь...

Неожиданно его слух различил странные звуки, не похожие ни на что. Он вслушивался и не мог понять, что происходит. Но встревожился настолько – даже нашел силы подняться и побрел по квартире, отыскивая источник непонятного. И понял: звуки доносятся из-за входной двери... Будто кто-то всхлипывал там и скребся, прося впустить его.

Прильнув к глазку, Антон увидел пустую лестницу на четвертый этаж. Никого не было за дверью, но звуки не прекращались. Его вдруг окатило страхом: «Они провоцируют меня! Хотят заставить открыть дверь, чтоб я дал им повод разделаться со мной...»

Отшатнувшись, Антон прижался спиной к старому шкафу, собранному отцом еще до того, как он бросил их с мамой. Почему-то лишь

сейчас он осознал, как ненавидит этот шкаф, – почему не выбросил до сих пор? Все, связанное с отцом, вызывало у Антона приступ бешенства. Может, мама и заболела из-за этого чертова бабника?! На ум пришло другое слово – грубее... Если бы отец сейчас приполз к давно оставленному порогу беспомощным, умирающим, Антон не открыл бы дверь. Пусть подышает там как собака!

Последнее слово внезапно отозвалось коротким, но требовательным «гав!». Антон встрепнулся: скулеж, царапанье двери, пустота на уровне глазка – ну конечно, там собака!

Какая собака?!

Стараясь действовать неслышно, он осторожно повернул рукоятку замка, потянул дверь и встретил блестящий весельем взгляд. Дворняга знакомо улыбалась ему, словно они были старыми друзьями. На спине у нее желтел детский рюкзачок с запиской: «Антону Чайкину».

– Мне? – шепнул он. – Ну... Проходи...

Собака не заставила спрашивать себя. Вежливо вошла и села у порога, позволив ему закрыть дверь. На это ушли последние силы, и Антон сполз по стене на пол. Теперь собачьи глаза оказались на одном уровне с его собственными. Она смотрела на него с такой радостью, что Антон с опаской подумал: «Как бы лизаться не кинулась...» У псины была темная, как у овчарки, спина, хвост колечком и светлые морда и грудь. Только сейчас он заметил длинный шрам на ее носу...

– Бедолага... Что ты принесла? – спросил он мягко. – Давай посмотрим.

Он аккуратно снял рюкзачок через ее голову, потом высвободил лапы. Буквы в записке были печатные, не опознаешь почерк, но Антон первым делом подумал о Маринке. И утвердился в догадке, обнаружив в рюкзачке один пакет с лекарствами, второй с пирожками – его он открыл первым. Собака тихо вздохнула, уловив запах.

Поколебавшись, Антон протянул ей пирожок:

– Хочешь? Я, правда, не знаю, с чем они...

Пирожки оказались с мясом – в самый раз! И снова собака удивила его: взяв пирожок, она легла, зажала его передними лапами и начала откусывать понемногу, очень деликатно.

– Да ты барышня! – вырвалось у него.

Таких дворняг он не встречал. Бывало, бросал кусок хвостатым бродяжкам, те ловили его всей пастью и громко, с наслаждением чавкали. Потом убегали не поблагодарив. А эта псина, похоже, и уходить не собиралась – расположилась удобно.

Он тоже так и сидел с нею рядом, и они на пару жевали пирожки. Потом, не вставая, Антон отхлебнул лекарства прямо из бутылочки, а собака улыбнулась ему. У него вдруг перехватило горло – такой знакомой показалась эта улыбка. Но это же собака! Всего лишь обычная дворняжка...

– Тебя мама прислала? – прошептал он, понимая, какую несет чушь.

Но уже зная и то, что отделаться от этой мысли не удастся.

Собака тепло дышала ему в колено, ничего не выпрашивая, поэтому он дал ей еще один пирожок и с восторгом проследил за удивительной трапезой.

– Как тебя зовут? У тебя есть имя? Или, может, ты безымянный ангел?

Нет, конечно, он не ждал ответа, не до того еще размягчился мозг. Антону просто хотелось поговорить с кем-то... Хотя с собакой, раз больше он никому не был нужен.

– Твоим хозяином я стать не смогу, – решил он сразу расставить все точки над i. – Понимаешь, у меня то съемки, то гастроли. Но ты можешь заходить ко мне в гости.

Она была рада и этому. И оттого, как смиренно эта загадочная незнакомка принимала его скудные дары, у Антона сжалось сердце и снова увлажнились уголки глаз.

– Я пойду лягу, – сообщил он ей. – Ты пока останешься или тебе пора?

Она решила подежурить у его постели.

И еще три дня и три ночи, пока лекарства и пирожки боролись с вирусом за его жизнь, собака сидела с ним рядом, не отлучаясь даже по своим надобностям. Терпела.

А однажды наступило утро, когда он ощутил себя живым. По-настоящему. В полную силу.

– Ты спасла меня, – серьезно сказал Антон и пожал сухую собачью лапу. – Пойдем, я тебя выпущу... Нет, погоди секунду!

И он бросился к письменному столу.

Разгладив слегка помявшуюся записку, снятую с желтого рюкзака, Лина улыбнулась:

– Вот видишь, это была не такая уж дурацкая идея, как тебе казалось.

Марина обернулась к сестре:

– Какая идея? Я не в курсе.

– Передать Антону лекарство.

– Так ты все-таки...

– Он благодарит. Пишет, что почти здоров.

– Руки помой! – огрызнулась Марина. – Не стоит он того, чтобы из-за него рисковать здоровьем. И своим, и ребенка. Вечно ты всех жалеешь, а тебя что-то никто! Так и будешь имя этого урода скрывать, который... – Она почти ткнула пальцем в живот сестры.

Отшатнувшись, Лина прикрыла его руками:

– Не говори о нем так. Он не урод. Я его любила с двенадцати лет. А он меня – нет... Даже не замечал никогда. Я ведь не такая красавица, как ты.

– Но как-то же ты от него...

– Это был случайный эпизод. Для него. А мне подарок на всю жизнь. Кому плохо? Если честно, он ничего и не помнит. Можно сказать, я подловила его...

– Блин! Это еще и пьяное зачатие?!

– Мой малыш здоров, – отозвалась Лина сухо. – Я прошла все мыслимые и немыслимые обследования.

– Но все равно же нет гарантии...

– Не было гарантии, что Найда придет к нужному порогу. Но ведь она поняла, кого нужно спасать. Что бы ты ни говорила, а чудеса еще случаются...

Положив ладони на подоконник, Лина улыбнулась окну напротив: «Ты мое чудо...» Она смотрела на него каждое утро. С двенадцати лет...

Теперь телефон доставлял сообщения чаще, будто вирус уступил дорогу привычной жизни, и она потекла к нему ручейком. Но это – от Марины – удивило его: «Не думай, что это я подослала к тебе собаку. Лекарства и пирожки – не от меня. Пошел ты!»

– Не от тебя? – повторил он удивленно. – А от кого же тогда?

2020

ВЗГЛЯД СО ДНА (отрывок из романа)

Когда убивают твою маму, детство обмирает мошкой в янтаре и с каждым днем неудержимо ссыхается, становясь все меньше, чтобы однажды ты не смогла различить его совсем. Тогда и боль уйдет. Возможно... Только мне еще долго брести до той минуты просветления, в которой прошлое станет неразличимым и солнечный мамин смех затихнет навсегда, перестанет будить меня в пустой квартире: «Сашка, любимочка моя, проснись...»

А ведь тот майский день обещал быть легким, как дрожащий луч, просочившийся сквозь тонкую щель вертикальных жалюзи. Он щеко-тал пылинки, и они кувыркались в воздухе, хихикая так нежно, что грубое человеческое ухо не улавливало невесомые звуки. В потоке света шла своя увлекательная жизнь. Я наблюдала за ней, проснувшись, но лишь чуть-чуть приподняв веки. Не было никаких зловещих знаков... Как можно было догадаться, что маме остается жить несколько минут?

Этой ночью ее голос еще вспыхивал в углях, притворяясь лунными отсветами, шелестел широкими листьями старого тополя, который обкорнали прошлым летом до состояния столба, и мама горевала с ним вместе. А весной дерево упрямо зазеленело – надо ли говорить, что у нас дома был праздник по этому поводу? Мы выпили буквально по глотку вина (мама разрешила мне впервые!), но этого хватило, чтобы эйфория закружила нас по комнате, за окном которой упрямо выживал тополь.

А мама не выжила.

Она была единственным человеком, не замечавшим того, какое круглое и смешное у меня лицо с шариком носа и выступающим подбородком. Ей все во мне казалось ужасно милым... Даже вечно торчащие в разные стороны светлые перья вместо волос и рост щуплой девочки-подростка. У нее волосы были медовыми, густыми, они стекали по плечам, одним видом даря сладость. Моей сестре достались такие же...

Но мама любила меня. Уж не знаю – за что... Она первой вывела меня на сцену, решив, что нечестно в одиночку любоваться тем, как я, еще не научившись говорить, танцую посреди гостиной, набросив на плечи ее невесомый шарфик. Он был зеленоватого цвета, я помню. Как и мамины глаза... Они светились юной весенней листвой, когда она смотрела на меня. На мою долю выпало счастье, о котором миллионы и мечтать не смеют: меня любила лучшая женщина в мире.

Без нее я в нем просто потерялась... День засорен дурацкими действиями, которым я не отдаю отчета. Ловлю себя на том, что макаю чайный пакетик в пустую чашку... Мажу кусок хлеба маслом, которое даже не достала из холодильника... Вода бьется о раковину, но я не могу вспомнить, зачем повернула кран...

Зато мои ступни до сих пор помнят покалывания ворсинок темно-синего с песочными узорами ковра, тогда еще совсем нового. Его купили специально, чтобы не холодно было играть на полу. Я не забыла и свои игрушки: резинового жирафика, почему-то красного, я отгрызла ему рожки, когда чесались десны; пластикового снеговика с

глуповатой физиономией; целую стаю песиков разных мастей и размеров – может, из-за них я так люблю собак? Но я не помню отца... Где он был в такие минуты? Почему не смотрел мои «выступления» вместе с мамой? В те годы он ведь еще жил с нами в этой квартире, в которой мама родилась и провела всю жизнь...

Говорят, человеку свойственно забывать самое тягостное. Похоже, моя память избавилась от них с Машкой, чтоб я выжила в этой бесконечной чугунной трубе, по которой ползу из последних сил, почти не веря, что впереди ждет выход. Что мое сиротство не погасило солнечный свет... И мои младшие подруги всё так же выходят на сцену нашего Центра детского творчества, дрожа от восторга, звучащего в аплодисментах.

Я больше не смогу заставить себя сделать это. Да и поздно: детство кончилось. Умерло в муках.

Главные роли мне не доставались, я всегда была на подхвате. И не получала дипломов на олимпиадах, даже школьных, не говоря уж о городских. Мальчики не приглашали меня в кино. Ни разу. Мама до последнего оставалась единственным человеком в мире, который видел во мне что-то особенное.

Теперь я просто перестала существовать для человечества: оно не замечает меня.

Нет, один человек меня не бросил: Артур таскает мне пакеты с продуктами и оплачивает коммунальные услуги, ведь я ничего в этом не смыслю. Было бы проще, если б он остался в нашей квартире, как частенько бывало при маме, но я понимаю, как это будет выглядеть в чужих и недобрых глазах: юная, хоть и страшненькая, девушка и взрослый мужчина, от лица которого никому не удастся сразу отвести взгляд. Вряд ли такому человеку, как он, захочется портить ради меня репутацию... Артур ведь даже приемным отцом не может считаться: они с мамой так и не поженились, хоть и говорили об этом постоянно. Им хотелось придумать нечто сногшибательное: обвенчаться на

вершине Джомолунгмы или на дне Марианской впадины. Поэтому до свадьбы не дошло...

Что Артур Логов распутывает убийства, я узнала не сразу. В первый вечер мне хватило того, что моя мама, излучающая солнечное тепло, сразу померкла на фоне его не то чтобы классически правильного, но невероятно обаятельного лица, слегка выющихся темных и густых волос и ясных серых глаз, в которых часто мерцала ироническая усмешка. А иногда их взгляд становился почти детским, трогательным до того, что сердце сжималось.

Мне стало не по себе от мысли, что Артур будет затмевать мою маму везде, где бы они ни появились вместе. Я так и не узнала, опасалась ли того же она сама... Мы не обсуждали это. Разве можно сказать сорокалетней женщине, что она уже не так хороша для мужчины с подобным лицом? Это ранило бы ее на всю оставшуюся жизнь...

Тогда я еще не догадывалась, что этой жизни оставалось несколько месяцев. Но если б мне и достался от природы дар предвидения, я тем более не раскрыла бы маме правду: она ведь была так счастлива в этот неполный год с Артуром Логовым. Она даже двигаться начала так, будто исполняла танец под музыку, слышимую ей одной.

Все портил только отец, который звонил ей чуть не каждый вечер и орал в трубку:

– Оксана, ты с ума сошла? Еще мента в нашем доме не хватало!

Или что-нибудь в этом духе...

Иногда мама срывалась и кричала в ответ, что это уже не его дом и нечего совать свой длинный нос. Она же не указывает ему, как мерзко притаскивать девчонок из клуба, зная, что под одной крышей с ними живет его дочь, которая старше некоторых из них.

В остальное время мама почти не говорила о Маше, после их развода решившей жить с отцом в том загородном доме, который он тогда только достроил. Я там даже не успела побывать...

Но чаще мама отвечала по телефону достаточно ровным, почти ласковым голосом:

– Сережа, а какое твое собачье дело?

Думаю, это бесило отца еще больше. А меня задевало то, что мама сравнивала его с собаками... Они куда лучше!

Теперь мои родители больше не достают друг друга...

Уже без мамы наступило очередное утро, в котором больше нет света. Я не отличила бы сегодняшнее от вчерашнего: та же серая муть за окном. Жаркий май вечерами исходит слезами вместо меня, я не плачу... Окаменела вместе с детством, которое больше не с кем будет вспомнить, потому что мама была для меня единственным родным человеком.

«Вернись! – Мое горло уже саднит от вопля, который я не выпускаю наружу. – Как мне жить без тебя?! Вернись, мам... Я не смогу. Без тебя никак».

Тот, кто убил ее, и меня вышвырнул из числа живых. Вчерашние подруги испуганно разбежались от меня как от прокаженной: а вдруг беда заразна? Только один случайный знакомый в Сети, некий Умник, продолжает выходить со мной на связь, но что он знает обо мне настоящей? Попробуй отыщи в Москве девушку без адреса...

Кто хватится меня, если я и вправду исчезну?

Может, лишь тот, кто относится ко мне лучше, чем родной отец, ведь моя мама любила его. Я много раз замечала, как розовело и начинало светиться изнутри ее лицо, когда Артур приходил к нам. И видела его глаза, когда мы стояли в морге их Следственного комитета по обе стороны от маминого тела. В его взгляде была такая тоска... точно погубило все человечество и Артур остался один на планете.

От ярости они потемнели позднее. В тот день его отстранили от расследования: личная заинтересованность могла помешать. Когда он сообщил об этом, мне показалось, у него сейчас взорвется сердце...

Из морга я вынесла в себе такой холод, что потом часа полтора пыталась согреться в ванне, то и дело подливая горячей воды. Но лед был прочнее, он не желал таять, не вытекал слезами. Я не стала закрывать

дверь на замок – не была уверена, что мне не захочется остаться в этой воде навсегда. По-другому разве станет легче?

Даже думать не удавалось... Все во мне точно свело судорогой, мозг в том числе. Я чувствовала себя дауненком-переростком, который раз-влекается так, как может... Кому какое дело до того, что он уже совершеннолетний? К этому возрасту обычно уже забывают, что если опуститься в воду по ноздри и поднести руки к самой поверхности воды, вытянув кисти вдоль нее, то они станут плоскими, тонюсенькими, а пальцы удлинятся так, что любая пианистка позавидует.

Но стоит повернуть их и поставить перпендикулярно той же самой поверхности, как увидишь пальцы-колбаски. Жирные и противные лапы лавочника, привыкшего считать барыши. Никакой музыки...

Без мамы вообще ничего.

2022

Ирина Ащеулова

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ ПИСАТЕЛЬ Ю. ЛАВРЯШИНА

Юлия Александровна Лавряшина – один из авторов, определяющих лицо современного отечественного литературного процесса. Будучи по рождению сибирячкой, кемеровчанкой, она является писателем общероссийского уровня, плодотворно сотрудничая с центральными издательствами. Ю. Лавряшина издала более 50 книг, а в 2006 году номинировалась на премию «Русский Букер» с романом «Фальшь истины», вошедшим в лонг-лист. Лавряшина давно и стабильно застолбила нишу в современной детской и подростковой литературе. Ее рассказы всегда лаконичны, повести затрагивают вечные темы, фэнтези увлекательны, детективы захватывают интригой. Ей доступны и мелодраматические приемы повествования («Звезды, шары

и молнии...», «Наваждение Пьеро», «Город Надежды», «Зеленый дождь», «Мальчик-игрушка»), и фантастические («Серебряный ключ»), и остросюжетные («Взгляд со дна»). Я бы, например, посоветовала всем юным читателям, увлеченным фэнтези, прочитать роман «Прощай, Кобра!». Это вторая книга дилогии о подростках-волшебниках, а первая – «Преломление в зеленом стекле». Ее действие происходит в Новосибирске и Кемерове. На знакомых улицах совершаются удивительные чудеса, живут и учатся волшебники.

Авторская подборка Юлии Лавряшиной представляет два рассказа и отрывок из романа-детektива. Рассказ «Коробочка» активно читается на уроках литературы в кемеровских школах*. Это и «детский», «школьный» рассказ – сюжет связан со школьной жизнью ребенка, девочки Ксюши, – но в то же время серьезный, философский рассказ о влиянии слов на нашу жизнь и наши поступки, об открытости и закрытости личного пространства, о возможностях нашей души. Поэтому и читать, воспринимать текст можно по-разному.

Во-первых, можно обсудить внешний сюжет школьной жизни ребенка, когда плохая оценка по предмету (в данном случае технологии) влияет на настроение, самочувствие, самооценку маленького человека Ксюши. В сущности, мы сталкиваемся с настоящим стрессом: «Ксюша захлебывалась слезами. В носу хлюпало на всю округу, и пришлось остановиться, чтобы достать из ранца бумажные салфетки. Все-таки сопливый монстр еще противнее обычного... Ну почему родители столько лет скрывали ее уродство? Хотя их можно понять, конечно! Кому хочется признавать, что его ребенок – чудовище?» Для ребенка, привыкшего к дисциплине, к высокому уровню обучения, двойка – это, безусловно, катастрофа. Я вспоминаю, что мой сын в подобных случаях никогда не видел проблемы, он просто давал вышивку бабушке, и она выполняла аккуратную работу. Но Ксюша хотела все сделать сама, еще

* Громова В. А. Сквозь призму воображения (об изучении творчества Ю. Лавряшиной на уроках родной (русской) литературы) // Образ Кузбасса на уроках родного (русского) языка, родной (русской) литературы и во внеурочной деятельности : методические материалы. – Кемерово : КРИПКиПРО, 2022. – С. 43–47.

не понимая, что не все в жизни получается одинаково хорошо, что-то лучше, что-то хуже, нужно для себя выбрать ту сферу, где у тебя будет получаться все. И слова учителя «У тебя руки не из того места растут» становятся неприятным комментарием к оценке, они расходятся с той оценкой и самооценкой, что уже сложились, устоялись в сознании (умница, красавица, талант).

Внешний сюжет является достаточно распространенной социальной сценкой из школьной жизни. А что же дает сюжет внутренний? Здесь все сложнее. Вспомним слова Ф. И. Тютчева: «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется...» Сколько раз на жизненном пути мы оказываемся в контексте этой гениальной фразы. Я, например, не раз становилась как субъектом слова-орудия, так и объектом такого слова. Слава богу, я не ломала чужие жизни, и мне слова не приносили фатального урона, но больно было, страшно было. Внутренний сюжет рассказа об этом. Ксюша впервые в жизни столкнулась с разрушительной силой слова, настолько разрушительной, что она решает жить в коробке (отделиться от мира), стать бомжом (выпасть из социума), переречьнуть все планы (институт, работа сценаристом в кино), порвать связи с семьей. Может быть, ситуация слишком надуманна, у девочки не очень устойчивая психика, но все может быть, а в жизни все бывает. Поэтому и выход из кризиса предлагается философский: главное – не замкнуться, не уйти в коробочку, не озлобиться, как это произошло с героиней-преступницей Катей из «Взгляда со дна», а вспомнить, понять, что другим может быть еще хуже, чем тебе, что другим, более слабым и беззащитным, нужна твоя помощь, нужно спасение чужой жизни. И Ксюша это понимает, мгновенно забывая о своих бедах, когда нужно спасать от смерти маленького брошенного щенка.

Сейчас много говорят о воспитательном потенциале литературы и истории. Чтение воспитывало всегда, оно воспитывает тем, что, читая, мы думаем, размышляем, делаем для себя выводы, живем с текстом. Юлия Александровна потрясаяще выводит на «разговор о важном»: о преодолении эгоизма, о возможности жалости не к себе, а к другому,

о помощи и ответственности. Предлагаемая подборка прекрасно это демонстрирует. Для пяти-шестиклассников история Ксюши может стать прекрасным примером для самооценки. «Молчаливый ангел» и «Взгляд со дна» – это уже чтение для старшекласников. И история Антона, замкнутого в пространстве личного успеха и не увидевшего, не заметившего света любви в окне напротив, может стать возможностью оглянуться вокруг себя. А история Кати, талантливой девушки, ставшей серийным маньяком, потрясает накалом ненависти и злобы. Может, и мы вот так случайно, в метафорическом, конечно, плане, но сеем смерть вокруг себя. Есть над чем задуматься...

«Детский детектив» не изобретение Лавряшиной, были замечательные повести А. Рыбакова о Сереже Крашенинникове (Кроше), книги Мариэтты Чудаковой о Жене Осинкиной и много других, но ребенок в центре детективных событий позволяет посмотреть и на проблемы детства, и на проблемы социума, и на психологические проблемы. Я уж не говорю о том, что прочитав детектив и заняться его интерпретацией интересно и увлекательно, это может стать основой серьезной научно-исследовательской работы в рамках востребованной сегодня проектной деятельности школьников.

Итак, что же мы читаем у российского писателя Юлии Александровны Лавряшиной? Увлекательную социально-философскую прозу о жизни и внутреннем мире современного маленького человека, постепенно становящегося взрослым, испытывающим на себе вызовы жизни и ищущим возможности гармоничного сосуществования.

Юлия Лавряшина

ДЕВОЧКА С РАДУТИ

Я родилась в сибирском городе Кемерово, приучившем меня стойко переносить трудности, но не отбившем охоты мечтать. Ни у меня, ни у моих героев, которые умеют проникать в другие реальности и да-

рить любимым чудеса. Может быть, повлияла некоторая нереальность места, где я выросла, ведь наш район на окраине в народе называли «Радугой» – по имени уникального магазина, куда в советские времена весь город ездил за дефицитом. Так что я была – и остаюсь в душе! – девочкой с радуги.

Хотя сейчас пишу в основном прозу (у меня вышло уже более 50 книг), начала я, как и многие дети, со стихов. И первые посвятила своему коту... Было мне тогда восемь лет, и кот стал моим лучшим другом. И вдохновителем. Стихи были смешные и очень неловкие, поэтому я никому их не показывала, как и короткие рассказы и длинные повести, которые сочиняла, пока училась в школе.

Моя жизнь не была богата внешними событиями и приключениями, которых просила душа девочки, вопреки всему мечтавшей стать юнгой и, как героиня моей детской книжки «Девочка-робинзон», доплыть до необитаемого острова. Впрочем, каждая книга, которую я начинаю писать, и есть остров, который заселяется живыми, порой совершенно фантастическими существами.

Хотя книги, рожденные моим воображением для взрослых, – это не сказки. В них встречаются многие реалии нашего времени, некоторые читатели даже узнают свои, неведомые мне города и переулки, собственные судьбы... И все же я предлагаю людям, открывшим мою книгу, шагнуть в другой мир. Или увидеть привычную действительность с несколько иного угла, сквозь призму воображения. Это важно и для меня самой.

Вместе со мной меняются и мои герои, мои книги. Первые были по-юношески жесткими, порой до жестокости. Я писала о том, как ломает война даже лучших из нас, причем не только война в глобальном смысле слова, но и та ежедневная, которую многие ведут даже с самыми близкими людьми. И в результате гибнут сами, даже если продолжают ходить и говорить... Эти книги – «Веселенький денек», «Каиновы дети», «Массаж лезвием меча» – вышли в Кемерове. А кемеровский журнал «Огни Кузбасса» в 2006 году номинировал меня на литера-

турную премию «Русский Букер» с романом «Фальшь истины» – о влиянии личности Марины Цветаевой даже на наших современников. Роман вошел в лонг-лист конкурса.

К тридцати годам я почувствовала себя достаточно повзрослевшей, для того чтобы написать книгу о любви без слащавой сентиментальности. И несколько лет взахлеб писала вариации на тему, стараясь не повториться ни тональностью, ни ритмом. Выходили эти романы в новосибирском издательстве «Мангазея», которому я благодарна за то, что у меня появились читатели в других городах России и за рубежом.

Сейчас эти книги переиздаются в крупнейшем издательстве России «Эксмо». Там же выходит и моя персональная серия психологических детективов «Тень Логова», тоже связанная с Кузбассом, где жил и умер мой папа – профессор Александр Борисович Логов. Его фамилией, умом и благородством я наградила главного героя, следователя Артура Логова. А имя он позаимствовал у моего мужа Артура Лаврышина, с которым мы встретились, поженились, венчались и произвели на свет троих прекрасных детей тоже на кузбасской земле.

Переезд с семьей в Москву, точнее в подмосковный Королев, который я нежно полюбила, отразился и на моей прозе. Некоторым кажется, что она стала более европейской... Перемены не могло не произойти, ведь изменился образ жизни, ощущение мира. Началось сотрудничество с издательством «Гелеос», где у меня вышло несколько книг, в том числе и психологический роман «Свободные от детей», вызвавший довольно острые споры. Но я только рада, когда мои книги задевают за живое!

В последние годы я много написала для детей и подростков. Эти книги выходят в издательствах «Аквилегия-М», «Время», ИДМ, «Китони». Хотя первой историей, обращенной к подросткам, стала повесть «Улитка в тарелке», написанная еще в Кемерове. Именно эта книга о детях, которым не суждено вырасти, стала моей визитной карточкой: с этой повестью я стала лауреатом Международного конкурса

детской литературы им. В. П. Крапивина в 2010 году. Правда, в последнее время с ней конкурирует повесть «Пока, лосось!», тоже собравшая литературные премии, но главное, полюболюбившаяся читателям.

С недавнего времени я пробую свои силы и в кинематографе, стала соавтором детективного сериала «Историк», написала несколько сценариев полнометражных фильмов. Надеюсь, они будут поставлены...

Главным для меня всегда были и остаются моя семья и творчество. В книгах я много размышляла о свободе художника и пришла к заключению, что отказ от семьи ради самореализации – это не более чем красивое оправдание собственного инфантилизма. Если хочешь иметь много, нужно трудиться, не жалея себя. Другого пути к гармонии с Богом и собственной душой я не вижу.

Книги Юлии Александровны Лавряшиной:

Веселенький денек : рассказы. – Кемерово : Сибирский родник, 1994. – 215 с.
Каиновы дети : повести, легенда. – Кемерово : Сибирский родник, 1997. – 365 с.

Массаж лезвием меча : роман. – Кемерово : Земля и воля, 1997. – 220 с.
Гринвичский меридиан : роман. – Новосибирск : Мангазея, 1999. – 432 с. –
Авернское озеро : роман. – Новосибирск : Мангазея, 1999. – 448 с.
Просто вспомни обо мне : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2001. – 421 с.
Млечный Путь : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2003. – 320 с.
Наваждение Пьеро : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2003. – 320 с.
Гнездо аиста : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2003. – 336 с.
Живая вода : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2003. – 336 с.
Зеленый дождь : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2004. – 336 с.
Город Надежды : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2004. – 328 с.
Невозможная музыка : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2004. – 352 с.
Улитка в тарелке : повесть. – Новосибирск : Мангазея, 2004. – 192 с.
Под желтым зонтом : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2004. – 336 с.
Осенний свет : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2005. – 313 с.
Адская смесь : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2005. – 313 с.

- Весенняя вестница* : роман. – Новосибирск : Мангазея, 2005. – 312 с.
- Темное эхо: роковая ошибка.* – Москва : Амадеус, 2006. – 60 с.
- Тоубоу. Мальчик-игрушка* : роман. – Москва : Гелеос, 2007. – 410 с.
- Приключения Аленушки и Еремы* : сказка. – Москва : Гелеос, 2008. – 173 с.
- Свободные от детей* : роман. – Москва : Гелеос, 2008. – 441 с.
- Жаркий лед. Падение перед взлетом* : повести. – Москва : Гелеос, 2009. – 313 с.
- Жаркий лед. Слезы сильной женщины* : повести. – Москва : Гелеос, 2009. – 311 с.
- Девочка-робинзон* : повесть. – Москва : Geleos Publishing House, 2010. – 217 с.
- Кот знает все.* – Москва : Эксмо, 2010. – 320 с.
- Улитка в тарелке* : повесть. – Москва : Китони, 2011. – 205 с.
- Котенок в космосе : фантастическая история.* – Юбилейный : Информационное агентство по г. Юбилейный Московской области, 2014. – 125 с.
- Майя, Пес-рыцарь и Кот о'Фей.* – Москва : Китони, 2015. – 152 с.
- Две женщины в замкнутом пространстве* : роман. – Москва : Директ-Медиа, 2015. – 281 с.
- Преломление в зеленом стекле* : роман. – Москва – Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 405 с.
- Серебряный ключ* : роман. – Москва : Директ-Медиа, 2015. – 401 с.
- Собачья жизнь Гриши и Васьки : приключенческая повесть.* – Москва : Аквилегия-М, 2016. – 191 с.
- Разговор с пустотой* : роман. – Москва : Директ-Медиа, 2016. – 270 с.
- Котенок в космосе : фантастическая история.* – Королев : Лавр, 2016. – 176 с.
- Майя и мальчик, живущий в море.* – Москва : Китони, 2017. – 143 с.
- Котенок и Сева с тополя* : фантастическая история. – Королев : Лавр, 2017. – 160 с.
- Девочки мои.* – Москва : Эксмо, 2017. – 315 с.
- Коробочка* : рассказ. – Москва : ИД Мецержкова, 2018. – 30 с.
- Гости «Дома на холме».* – Москва : Эксмо, 2018. – 283 с.
- Кто эта женщина?* – Москва : Эксмо, 2018. – 283 с.
- Простить нельзя помиловать.* – Москва : Эксмо, 2018. – 315 с.
- Прощай, Кобра!* : фантастическая повесть. – Москва : Аквилегия-М, 2018. – 544 с.

Кто похитил Вову? : детективный рассказ. – Москва : ИД Меццержакова, 2019. – 80 с.

Страшная тайна Гарри : детективный рассказ. – Москва : ИД Меццержакова, 2019. – 55 с.

Снежное с горкой : сказка. – Королев : Лавр, 2019. – 142 с.

Пока, лосось! : повесть. – Москва : Время, 2019. – 176 с.

Призрак с Горки : повесть. – Москва : Время, 2020. – 160 с.

Рисовальщица невиданного. – Москва : Китони, 2020. – 152 с.

Взгляд со дна : роман. – Москва : Эксмо, 2022. – 320 с. – (Тень Логова).

Шаги в пустоте : роман. – Москва : Эксмо, 2023. – 320 с. – (Тень Логова).

Один процент надежды : повесть. – Москва : Аквилегия-М, 2023. – 176 с.

Рахманинов и снежный друг : повесть. – Москва : Аквилегия-М, 2023. – 32 с.

Сергей Елизарович Подгорнов

30 января 1956 г., Анжеро-Судженск.

Прозаик, поэт, журналист. Член Союза писателей России с 2002 года.

ДОМ

Эссе

1

Когда я родился, отец и матушка начали строить дом.

А до этого мы жили в старой, приплюснутой хибаре – окна были у самой земли. Первые проблески сознания связаны как раз со стройкой. Точнее, с тем, что не стало домом: с опилками, щепками и стружками – они годились для любых игр. И вся окрестная ребятня признавала ценность моих обладаний.

О той жизни, что была у родителей до меня, я узнал позже из рассказов матери. Они с отцом уехали из своих деревень (отец – раньше) и устроились в Асинске. Возможно, где-нибудь в другом месте им пришлось бы легче, но выбор у них был небольшой. Деревни располагались недалеко от Асинска, и часть родни была деревенской, а часть уже переехала в город.

Встретились они до войны, поженились, а в 42-м отца взяли в армию. К этому времени они уже купили домик на Пожарной улице – маленький, гнилой и холодный. В этом холодном доме первая их дочка, моя сестра, переболела менингитом и осталась инвалидкой. Несколько операций, чтобы хоть зрение вернуть, ни к чему не привели, и новосибирский профессор, сжалившись, сказал: «Не мучайте ее, пусть живет как есть». Но это было потом. А пока отец отправился воевать, а матушка с больной дочерью и коровой-кормилицей осталась на хозяйстве.

Вернулся отец в конце сорок пятого. Жизнь понемногу налаживалась, и в начале пятидесятых они переехали в другой дом – такую же развалюху, но размером чуть больше. Они много работали, держали корову, поросят. Картошку и овощи выращивали в огороде: матушка была мастерица по части солений и варений. Они долго не решались заводить других детей.

Я оказался вторым и последним ребенком в нашей семье. А поскольку я был поздним, из положенных мне двух дедушек и двух бабушек в живых я застал только бабушку Ефросинью, которая жила в деревне и умерла через три года в возрасте восьмидесяти лет. Я почти не помню ее. Поздний ребенок – это неправильно. Родители должны быть молодыми, чтобы у детей были дедушки и бабушки. У многих моих сверстников – были. А некоторые проживали с ними. Как же я завидовал этим своим друзьям: им больше доставалось внимания и тепла, ведь родители часто заняты.

Но как уж вышло – так и вышло. И я не вправе упрекать ни отца, ни мать. На меня, как на опору их в старости и продолжателя рода, возлагались все их надежды.

И тогда они начали строить дом.

2

Я подрастал в те времена, когда деньги имели вес и за три копейки можно было купить пирожок с ливером, за пять – вареную кедровую шишку, а за копейку – коробок спичек. Городская газета пестрела отчетами о партийных собраниях, с пьедестала вождь выбрасывал ладонь к гастроному, названному в народе Извековским, а горком КПСС являлся местом, откуда раздавались ухающие и ахающие звуки. Первого мая над городом летал кукурузник и сыпал листовки с призывами.

Радиоприемничек – коричневая коробочка на стене – был всегда включен, и день начинался государственным гимном. И скажу, что это совсем не глупо – знать, что страна на месте, что жизнь в ней идет тем же порядком, что и вчера, позавчера, неделю и месяц назад, и что можно спокойно вставать и заниматься своими делами. Когда на американском западе фермер каждое утро поднимает флаг страны над своим ранчо, чувства у него, я думаю, те же самые.

Хотя улица, на которой мы жили, называлась Болотной, никаких болот вокруг не было, дом стоял на пригорке, на видном месте, и был

подчеркнуто красив. Тогда он мне казался невероятно просторным, светлым и даже горделивым. Матушка иногда ворчала: «Зачем нам в большой комнате четыре окна? Трех хватило бы, а то и двух». Но зато в морозный январский день, когда низко, по краю неба проходило солнце, в комнате было столько света, что казалось, в окна заглянула весна. Я до сих пор удивляюсь: как, живя очень скудно, отец и мать сумели скопить на дом? Тем более что прижимистыми они не были, любили погулять и в праздники собирали большие компании родственников и соседей. Их сходки отличались не богатым столом, а раздольным весельем, песнями и частушками, плясками под гармошку. Как я теперь понимаю, те гулянки были отдушинами от повседневных тягот.

Долго еще после вселения в новый дом мы жили стесненно: родители отдавали долги.

С самых первых лет дом был надежной защитой от всего, что несло угрозу. Дождь хлынул – бежишь домой, старшие пацаны обидели – бежишь домой. Не пожаловаться, нет, а потому, что сюда они не доберутся.

Еда у нас была простая, но сытная – борщ, картошка с салом. А зимой мы рассаживались вокруг стола и лепили пельмени. Их на листах выносили на мороз, а затем ссыпали в полотняный мешочек. Когда матушка набирала их в чашку, чтобы сварить, они гремели, как камешки. Такая еда вовсе не казалась однообразной. В моем детстве картошка была удивительно рассыпчатой. У сваренной в кастрюльке отслаивались чешуйки. Не зная сортов, матушка называла ее по цвету кожицы, как армии в Гражданскую – белой и красной, но различий по вкусу не было никаких. Картошка была хороша в любом виде: и в жареном, и в толченом, и в мундире. К ней на стол подавалось что угодно: и капуста с лучком и растительным маслом, и маринованные огурчики, и помидоры. Любой собранный на скорую руку салат годился к картошке.

А еще у дома были свои, только ему присущие запахи. Родные, привычные, милые запахи. Пах борщ и жареная картошка. Пахло внесенное с мороза выстиранное белье. Еще десяток тонких, едва уловимых

запахов. Прибежишь морозным деньком из школы, скинешь пальто и валенки – и душа нежится от охватившего ее уюта.

3

Частью нашего семейства всегда был кот или кошка. Одни жили долго, другие, поймав отравленную мышь или заболев неведомой болезнью, погибали быстро. Кошки заслуживают особого разговора. Дом без кошки теряет часть уюта. Кошка, даже самая шkodливая, всегда настроена дружелюбно. Каждый из нас любит, чтобы его погладили, но только кошки этого не скрывают. Ее благодарное мурлыканье греет душу. Если в доме имеется кошка, вы уже не одиноки, вам всегда есть с кем пообщаться. Когда у вас плохое настроение, достаточно взять на руки кошку – и оно улучшится.

Вот так мы и жили – росли, выросли и старились под одной крышей.

Однажды крышу пробил молния, отколов от стропила изрядную щепку. Пожара, однако, не случилось. А щепку ту матушка хранила в комод: считалось, что такая щепка оберегает от бед. Беды и впрямь долго не посещали наш дом. Разве что состоялся незапланированный переезд. Улица попала под снос, родители разобрали дом и перевезли его. Была возможность получить квартиру в пятиэтажке, но такой вариант даже не рассматривался. Если кто из соседей и заводил разговор, ответ у матушки был один: как же мы без дома? Мы, как черепаха, тащающаяся на себе панцирь, вместе с домом переехали на новое место. Оно было выбрано в самой гуще близких родственников. По левую руку оказалась матушкина сестра, по правую – племянница, напротив – еще одна племянница.

И на новом месте дом выделялся, он был свеж и, хотя стоял не на пригорке, все равно притягивал к себе взгляды.

Родители жили дружно, время летело незаметно, а события повторялись. Картошку высаживали в конце мая, а копали в сентябре, уголь

и дрова заготавливали в августе, поросят покупали весной, а кололи на мясо в ноябре. Я же подрастал не быстро, летом дотемна гонял мяч, зимой разрывался между лыжами и хоккеем. В пору созревания много думал о девочках и было не до уроков. А мать с приближением выпускных экзаменов лелеяла мечту, что поступлю учиться на инженера куда-нибудь поблизости – в Томск или Кемерово. Однако мы с приятелем рванули на Дальний Восток.

Этот выбор сведущий Колька объяснил так: в Подмоскowie и Донбассе мы прожили (его отец был горным инженером) – там ничего интересного, Сибирь посмотрели, остается – Владик.

Собственно, во Владивосток ринулся Колька, а меня прихватил за компанию. В большом городе наши пути сразу разошлись, но я и сам начал быстро осваиваться. Университет, дальние практики. Затем конструкторское бюро, работа в море. В те дни я был легок на подъем. Здравомысляя, что переночевать везде найдется, а остальное решается само собой, я через пять минут был готов в любую дорогу...

Дальневосточный вояж продлился четырнадцать лет.

4

Я вернулся, потому что по-другому было нельзя. Надо иметь привычку жить в большом городе. Если такая привычка не вырабатывается – все остальное теряет смысл. Мои общежитские комнаты и съемные квартиры редко бывали ниже четвертого-пятого этажа. А это не способствует укоренению. И усиливает одиночество. Одиночество – как палка о двух концах. И благодатное, и тягостное. С годами перевешивает второе. Его или накапливаешь в себе, или порываешь с ним. Я выбрал второе. У меня была жива матушка, и был дом.

Когда поезд мчится вдоль Асинска, из вагонного окна мало что разглядишь. Угольные пласты из-под города вычерпаны, пустоты сомкнулись, и Асинск оказался в яме. Не случайно волны времени прокатывались над ним не задевая.

Дом внешне не изменился. Лишь постарел. К дому, как и к человеку, немощь подкрадывается снизу. У человека слабеют ноги – у дома потрескался фундамент, и нижние два звена сгнили. Я вернулся вовремя: дому требовался ремонт.

Для начала я кликнул родственников, чтоб подсобили. Родственники вежливо отказали, ссылаясь на занятость. Тогда я, не торгуясь, призвал бригаду из трех пенсионеров. Как выяснилось вскоре, с плотницкой работой дело имел только бригадир, да и то отдаленное. Двое других с интересом ходили следом, наблюдая за его манипуляциями. Только тут до меня дошло, что самодеятельность в Асинске не только на сцене... Видя, что я попал впросак, подтянулись и родственники. Они схватили обтесанное за оградой бревно и потащили к дому. Последним прибежал дядя Витя.

– Не так, не так! – закричал он еще издали.

Родственники бросили бревно.

Подбежав, он первым делом спросил:

– Ну и что вы тут делаете?

Как мы, подводя два новых звена под дом, не развалили его окончательно, я до сих пор объяснить не могу.

5

Когда я вернулся, отца уже несколько лет не было в живых.

Дом и отец – они неразрывны. От его взгляда не ускользала ни одна неполадка.

Он иногда говорил матери:

– Люблю я наш дом.

Хотя я чаще вижу во сне мать, но похож на отца. Отец всегда уходил в тень. Если бы в те годы у меня хватало мозгов, я бы больше приглядывался к нему. А что я тогда замечал? Всякую ерунду! Он носил галифе, настолько расширенные кверху, что в ветреную погоду скорость его движения существенно возрастала. Я подсмеивался над этими штана-

ми, а теперь и сам не гляжу на моду, а ношу то, что нравится. Он не читал газет, однако верил тому, что говорили по радио. Но верил отстраненно: мол, если говорят – так оно и есть. Я не могу представить его выступающим на собрании. Он и в компании, выпив, говорить тушевался. Я никогда не хотел повторить путь отца. Я всегда знал, что буду жить по-другому. Мне его жизнь казалась невыразительной.

Я начал понимать отца, когда его не стало. Начал понимать его поэтаенную мудрость и рассудительность. Он не мешал тому, что было устроено без него. Умно это было или глупо, его не интересовало. Доживи он до перестройки, вряд ли бы она его взволновала. Политики были для него фигурами абстрактными; не надеяя их индивидуальными качествами, он никому никаких предпочтений не выказывал. Важным для него было то, что можно охватить взглядом и пощупать руками. Точно так же и с людьми: значение имеют те, кто рядом.

С каждым годом он вырастает в моих глазах. На улице Чапаева стоят тополя. Когда-то отец сказал, что еще до войны высаживал их на субботнике. Я почти забыл об этом, а теперь всякий раз вспоминаю, когда прохожу мимо. Я теперь много чего вспоминаю. Например, то, что, будучи красноармейцем, он служил в Монголии, когда на весь Улан-Батор было два двухэтажных кирпичных здания. Есть фотография, где он с другими бойцами роет лопатой котлован. Что потом построили на этом месте, я не знаю. Возможно, это был дом. У него была цепкая память. Он помнил армейских сослуживцев – всех! – не только по фамилиям, но кто откуда призывался и какие имел отличительные черты. Я же забыл три четверти одноклассников, да и помнить о них не хочу.

Он умирал терпеливо. Болезнь была вроде непогоды, разгулявшейся внутри него, – с ней ничего нельзя было поделать, только ждать, когда все закончится. За неделю до ухода попросил отвезти на кладбище и там распорядился, с какой стороны от умершей годом ранее моей больной сестры копать могилу и куда отбрасывать землю. Он определил это спокойно, по-хозяйски, без какого-либо надрыва.

Сейчас я понимаю, сколь многим в своем характере я обязан ему. Я даже Беккета полюбил прежде всего за облик: он лицом напоминает отца. В остальном ничего общего: никакого Годо отец никогда не ждал.

6

Когда отец умирал, наказывал матушке: не вздумай продавать дом. Она выполнила наказ. Хотя приходилось нелегко: и в доме, и около много работы, особенно с мая по сентябрь – то посадки, то прополки, то сбор овощей и ягод. Но, странное дело, летом она не болела, ей было *некогда*. Болячки наваливались на нее зимой. А летом – какие болячки, тут не до них, и ничего они с ней не могли поделать. Земного срока ей было отпущено восемьдесят пять лет. А теперь в доме живу я с женой.

Вернувшись с работы, переступишь порог, и сердце екает: борщ сварен! Ни с чем не сравнимый аромат разлит по всему дому.

Когда-то я наивно полагал, что самое простое и демократичное кушанье – это щи: мясо, капуста, луковица... Что демократичнее только глазунья (немного растительного масла, два яйца на сковородку, десять минут ожидания и – готово). Вайль и Генис открыли мне глаза. Оказывается, за простецким именем прячется заносчивый аристократ. Щи не приемлют свинину – только говядина. Для них нужны два-три сухих гриба и крупно нарезанные соленые грибы. А забелка готовится из смеси сметаны со сливками. Рядом с этим денди борщ всего лишь лохматая дворняжка. Там всяких овощных кровей намешано. Этакое чучело к столу. Но ведь вкусно, черт побери!

Для того чтобы приготовить борщ, берем некрупно порубленные свиные или говяжьи косточки. Желательно, чтобы на них было мясо. Варим до готовности, время от времени снимая пену. Через полчаса добавляем капусту. Я люблю квашеную, слегка отжатую – борщ тогда получается с кислинкой. Затем отправляем в кастрюлю картофель и свежие помидоры. После того как помидоры поварятся, их надо достать, снять шкурку и размять. На терке натираем морковь и све-

клу. Щепоть свеклы бросаем в бульон. На сковородке на сливочном масле пережариваем лук, позже кладем свеклу, морковь, болгарский перчик и размятые помидоры; не повредят и полторы-две ложки томатной пасты. Когда заправка почти готова, вливаем в нее поварешку бульона и немного тушим. Все это помещаем в борщ, солим по вкусу, доводим до кипения и томим на медленном огне. В конце последний штрих – укроп, петрушка, лавровый лист. Через три-четыре минуты борщ готов. Разлив по тарелкам, обязательно заправим сметаной или майонезом. Борщ должен быть густым и красным. Если чего-то одного нет – это не борщ.

Настоящий борщ возможен только из овощей со своего огорода. В покупных, выращенных чужими руками, да еще и с добавлением разнотравия, вкус уже не тот.

7

Солнечным и жарким июльским вечером нет ничего отраднее, чем выбраться в огород. Я копаюсь в огороде, и, выражаясь высокопарно, капли моего пота смешались в земле с потом родителей, сделав меня сопричастным семейному труду, который не прерывается много лет.

Без огорода дом неполон. Огород одновременно и продолжение дома, и уже не дом. В огороде – своя овощная цивилизация. Зеленое государство в миниатюре. Есть процветающий центр и слабо развитые окраины. Их населяют разные народы. Роль финансовых потоков выполняют навоз и перегной. Они достаются огуречному парничку, грядкам и помидорной теплице. Есть приезжие с юга: слива, яблоня и две вишни.

И что бы я ни выдумывал, огород живет по своим законам. Морковка, свекла, репа... Это все шевелится под землей, раздаваясь в объемах. Произрастая каждый на своей грядке, овощи не конфликтуют, не ссорятся из-за территории, и я даже подозреваю, что они в чем-то разумней нас. Но чтобы картина не была абсолютно благодатной, су-

мятицу вносят экстремисты: осот, мокрец и прочая шантрапа. Так что зло неизбежно даже здесь. Каждое лето я дергаю крапиву, а она кричится, строит рожи, лезет из-под кустов малины и жимолости, выскакивает вдоль стены крытого двора. Избавиться от нее бесполезно: русский бог на стороне юродивых.

Иногда грядки подвергаются нашествию варваров: слизней, колорадских жуков и гусениц. Тут в битву вступаю я. А еще за огородом приглядывает кошачье семейство – Тимка и Тошка. Тошка время от времени вылавливает самозвано объявившихся здесь полевок, Тимка гоняет всех посторонних – от котов до птиц. Наши с Тимкой пристрастия часто совпадают. Путешествуя вдоль грядки морковки с целью выбора одной – нужных размеров, я часто обнаруживаю на другом конце мирно свернувшегося Тимку. Но в отличие от меня вершки устраивают его больше.

А в субботу вечером – баня. Какой дом без бани? Баню следует хорошо протопить, и, конечно же, березовыми поленьями. Жар должен плотно облегать тело, а чтобы он был не ленивый, работающий – надо усердно похлестать себя веничком. Когда оплываешь на полке как свеча и дух заходится от блаженства, вот тогда ты становишься легок и свеж. Не случайно на Руси не столько замаливали грехи, сколько их смывали.

8

Чтобы зимой в доме было тепло, нужен хороший уголь. Привезти хороший уголь – значит, зиму зимовать без осложнений. Если уголь не греет, жизнь превращается в томительное ожидание весны. Хотя и печку топить тоже искусство. Не каждому оно под силу.

У нас в водоканале работал в кочегарке маленький юркий человек по прозвищу Веретешка. Его терпели, даже несмотря на запои. А все потому, что в Веретешкину смену горел не только плохой уголь, но и все, что он швырял лопатой в топку: земля, зола и даже щебенка. Если б он не застрелился (несчастливая любовь), продолжать бы ему кочегарить по сей день.

Для начала требуется взять справку в ЖЭКе – о том, что у тебя свой дом и что ты в нем прописан. С этой справкой едешь в гортоп и выписываешь талон на уголь. Тут же тебя обступают водители самосвалов, которые подрабатывают извозом. Они наперебой предлагают свои услуги, однако цена за подвоз у всех одна и черта с два вам удастся ее срезать. Ты от всех отбиваешься, потому что уголь тебе привезут какой попало. Тут даже Шамову, знакомому с Динамитной улицы, доверять нельзя: два раза жульничал. Тут надо обратиться к Юдину, соседу. Он тоже доставкой занимается.

Юдин берет талон, смотрит в него (он вообще обстоятельный) и говорит:

– Придется подождать. Будет хороший вагон – тогда сделаю.

А тебе куда спешить? Талон действителен сорок пять дней, времени впереди много.

Но проходит месяц – угля нет. Идет второй. Юдин при встрече отрицательно мотает головой. Три, два дня до истечения срока. Ты уже согласен на любой. Остается последний день. Идешь с работы, и – о радость! – возле калитки пятитонная горка угля. И в ней даже просматриваются комочки.

Значит, от морозов как-нибудь отобьемся!

9

Дом не крепость.

Дом – твоя собственная вселенная. Он скорее открыт миру, чем закрыт от него. Но здесь ты все устраиваешь по своему усмотрению. В доме есть все, чего недостает за его пределами. А если все-таки чего-то нет, значит, сам виноват. Какие претензии ты можешь предъявить миру, если не в состоянии обустроить дом? Хотя было время – предъявляли. Все эти засранцы – борцы за счастье народное – прежде всего порывали с домом. Когда ни перед чем нет обязательств, голова полнится идеями. К светлому будущему сподручней маршировать налегке: скарб

не мешает. Поэтому всякий налаженный быт объявлялся мещанством.

Минувший век для России оказался веком бездомных. Разбросанные по стране лагеря и ударные стройки требовали наполнения – и наполнялись. Сорванные с насиженных мест лишались корней. Бараки, вагончики, коммуналки – эти суррогатные замены настоящего дома искалечили миллионы душ.

Возрождение начинается с дома. Не с квартиры на третьем или седьмом этаже, а с твоего дома. С установленного в нем порядка. Вскapывай огород, делай грядки. Хороший урожай огурцов важнее конфликта с Грузией. Конечно, и тут можно все бросить и уехать, но оторваться от своего дома, от своей земли не то чтобы труднее, но – *жальче*.

Любишь Россию? Тогда выращивай картошку и капусту! Если семья – ячейка общества, то дом, огород – сохранение государства на клеточном уровне.

И не думай, что это мелко. Общественный темперамент – вещь подозрительная. Оставь политику прохиндеям. Чем больше их наверху, тем меньше среди нас. Пусть они живут с печалью и гневом и, само собой, с комфортом – не завидуй.

Ведь нам надо жить совсем иначе.

2011

ЗАБЕГ НЕУДАЧНИКОВ

(главы из повести)

Город

Асинску уже исполнилось сто лет

Асинску уже исполнилось сто лет, и не исключено, что будет еще больше. Он вбирает годы, как пчела нектар. Вберет один – и жужжит к другому и опять по месяцам вбирает. И можно ошибочно предпо-

жить, что так всегда и было. Но так всегда, конечно же, не было! Особенно – в момент возникновения.

Я так думаю: чтобы любое дерзкое начинание оказалось успешным, в его основу требуется заложить большую и светлую идею. Была ли заложена светлая идея в основу Асинска? Нет, не была!

Просто не до нее впопыхах было. Удивительно, что он вообще возник. Хотя причиной явился уголек и то, что стали здесь шахты лепить, однако сам Асинск сгустился из необязательных второстепенных частностей: из мглы болотной, из сквозняков и одиночества; сгустился как-то исподволь, как бы между делом, никто из господ горнозаводчиков над ним голову не ломал. Ну, то есть нужно было где-то переночевать, затем воды привезти, чтоб попить, затем какая-никакая больничка и церковь. А лавки с разным товаром, школа, вокзал и полицейский участок выросли сами собой.

Досадно мне, заглядывая в истоки, обнаруживать, что ни один нечесаный хмырь, спрятавшись под телегой от серого дождика, не втолковывал другому хмырю: «Здесь будет город-сад!» И что никто с высокой мыслью «Здесь будет город заложен!» не попираал твердой стопой землю в районе будущей Теребиловки или новой колонии. Но – что есть, то есть... А может, в этом его и счастье, что возник он вот так, по наитию?

Что значит по наитию, я лучше постараюсь объяснить на примере. Для наглядности. Вот выходит на старт бегун. В спортивных трусах и кроссовках. Хлопок пистолета – и он полетел стремглав. Направление и цель ясны, и для него сейчас главное – результат, быстрые секунды... В нашем случае другое. Вообразите, что в глухом лесу у мужика, ни о чем таком не помышляющего, кто-то из зарослей бабахает над ухом. Внезапно, неожиданно бабахает, и дробь со свистом сечет и дырявит листву. Важно ли для него направление, в котором он начнет ошеломленно уносить ноги от этого места? Видит ли он цель, если глаза его оледенели от ужаса? Думает ли он о результате?.. Так и тут. Вы уже знаете: «Тот, кто не ведает своего пути, тот уйдет...» – и так далее. Но

для меня самое существенное, вы только поймите, сколько он при этом дров наломает, сколько кустов сомнет. А тут есть о чем поговорить.

Ведь, возникнув однажды, Асинск сразу проявил себя как город запредельных возможностей. Как было: поначалу там и сям понастроили барачков, приземистых черных барачков, приплюснутых, как кепочки фраеров. «Да, вижу, – сказал Тот, Кто всему на свете ведет учет и следит за всем, – хуже уже не сделаете». – «Запросто», – сказали асинцы и налепили еще барачков, а также пятиэтажек – и кирпичных, и панельных, и из другого б могли, да больше не из чего было, а в центре памятник утвердили – Курасову или, забываться стало, Ирисметову, взбрасывающему над головой кулак. «Экая несуразность, – опять сказал Тот, – на этот раз вы даже себя переплонули!» – «Нет еще!» – сказали асинцы и навтыкали еще двадцать пять памятников – и газетку в руке зажавших, и лихой ус подкручивающих. «Да ну вас! – сказал, испугавшись, Тот и окутался облаками. – Ни в чем вы предела не знаете». – «То-то же! – сказали асинцы. – И не хрен с нами спорить!»

Да, мы такие! Во всем такие: в большом и в малом, вчера и сегодня, отныне и навсегда! Разум у нас коллективный, поэтому нас и несет. А еще мы настолько безотказны, что нас уже никто ни о чем не просит – бояться просить! А видели бы вы, как мы очаровываемся. О-о, как мы очаровываемся! Сила нашей очарованности такова, что самой жестокой пьянкой не заглушить!

Но – идем дальше.

С какой целью сейчас продолжает жить наш изумительный город? Что движет его вперед сквозь толщу времени? Вон в соседнем М. всю бересту с берез ободрали и занялись плетением туесов и хлебниц. Что б нам такое ободрать? Или, по крайней мере, к чему бы начать активно готовиться – ну хотя бы к двухсотлетию Бородинской битвы или к очередной Олимпиаде в Китае, если собственные юбилеи остались позади?

Да, я допускаю, что великой цели может и не оказаться как таковой. А с другой стороны, очертания в виде благородного зверя... Нет, тут голову можно сломать.

Блуждаешь в холоде, в ночи

Блуждаешь в холоде, в ночи, весь продрог, изверился, денег нет, и вдруг – огонек зовущий. Теплый угол, печка гудит, диктор с новостями в телевизоре. И хозяйка кружку чая тебе протягивает.

«Наконец-то! – думаешь. – Наконец-то! Хоть ботинки с онемевших ног сбросить, хоть ступнями пошевелить!»

Каждому углу, приютившему с холода, кто из нас был не рад? Вот и маленькая родина – тот же огонек, теплый угол, чай с малиновым вареньем и ободряющее слово по второй программе, когда оно крайне нужно. И все рядом, рукой только пошарь. А не нашел готовую или такую, как надо, – закатывай рукава и обустройвай ее вокруг себя. Как можешь и как умеешь. С горечью или энтузиазмом. Но без хамства. Не перетаскивая по ночам забор и не попирая чужие маленькие родины. А то Асинска на всех не хватит.

Обустроил – и наполняй маленькую родину своим дыханием, запахом жилья, и она уж точно в долгу не останется. Она явится к тебе ну хотя бы в лице работников налоговых органов и страховой компании и все заактирует и оценит.

Степа Побокин клянется, что Асинск красив только ночью, когда луна в облаках и электричество за неуплату отключено.

– Я люблю его перебирать на ощупь, руки вытянуть и перебирать! Чтобы пальцами, пальцами – вот он. Здесь вот шершавый, здесь – округлый и ворсистый. И не знаешь, куда руки запустил и на что наткнулся!

Суждения человека, чьи глаза скрыты обильной волосатой растительностью, всегда сомнительны.

Нет, Асинск чуден и днем, особенно утром.

Конечно, любой город сильно выигрывает, когда раскинется на берегу реки. Если улочки его грязные и кривые – не беда, можно сесть в лодку, выбраться на стрежень и там замереть душой и восхититься: как же красиво он отражается в воде!

Асинск тоже стоит на крутом берегу Яи, но в четырнадцать километрах от нее. Поэтому с воды виден неотчетливо, а прямо сказать – совсем не виден. И наоборот: из города река не просматривается, маленькая она, но тут-то как раз ничего страшного. Яя – река своя, интимная, ей не надо быть широкой, гнать упругую волну к городским окраинам – зачем ей показуха? Вовсе незачем! А лодочки... Федоринов говорит: «Если бы Яя пробежала прямо через центр, вдоль магазина “Чайка” и службы по трудоустройству, сели бы мы в лодочки, взяли в руки гармошки и свалили куда-нибудь». Надо нам это?

В ранний июльский час, когда заря начинает выплескиваться через горизонт, дремлющий Асинск дышит так тихо, что даже птицы и те кричат деликатно, предупреждая друг друга, что не время устраивать гвалт. Утром не вздумай кашлять, не ходи в башмаках с металлическими подковками, не пинай впереди себя жестяную банку из-под пива «Балтика» – воздержись от всего этого.

И вот когда осторожно, весь внимание, идешь на рассвете по улицам сонным и тебя ничто не отвлекает, тут-то и замечаешь, в чем прелесть Асинска. Она в хрупкости его, в эфемерности. Под грубо сработанной оболочкой скрывается трепетная, отзывчивая душа. Возьми ее в руки, только не урони – иначе упадет и разобьется. Прикоснись к ней хотя бы раз и поймешь: ты здесь, среди этих улочек, не чужой.

Но чем же Асинск отличается

Но чем же Асинск отличается от других, не самых, конечно, последних городов? Заглянем в дальние страны, чтоб легче было понять.

Приезжаешь, допустим, в Рим... Ну, не в Рим – в Грецию, допустим, приезжаешь, в Афины. И сразу идешь смотреть, как тут греки живут. Толкаешься среди прохожих, прикуриваешь у полисмена, оглядываешься кругом. И что при этом видишь? Все окостенело, омертвело в тысячелетней неизменности. И через двести, и через триста лет повись здесь – все Акрополи и Парфеноны, все останется как было, за

исключением разве тех мелких камней, что туристы растащат на сувениры. Все герои и боги давным-давно совершили свои подвиги и впечатались в историю в виде холодных мраморных изваяний. От этой неподвижности возникает нервозность и тревога, как при взгляде на молодежавшие лица отдельных стариков.

А в Асинске – не так, здесь все совершенно по-другому! Здесь же абсолютно ничего нет и все только предстоит: город-сад, пирамида Хеопса и Эйфелева башня. Здесь еще не резали младенца, как в Угличе, и не закрывали грудью ничьих амбразур. И потом, наш кирпич не мрамор какой-нибудь, он же в пальцах крошится! Из того, что уже построено, здесь ничто не дышит вечностью. Ничто! Уж, казалось бы, на что баня № 2 была близка к этому, утесом неприступным стояла, дожди и снега об нее понапрасну бились. Однако даже баня № 2 развалилась! И обломки ее триста лет не пролежат, уж будьте уверены! Я хочу, чтобы Асинск строился и рушился одновременно, только так он сохраняет все свойства живой натуры. Только так! Если кирпич не рассыпается в руках – к чертям такой кирпич!

Теперь о домах наших. Пока они неказисты. Но это лишь пока. Уже разворачиваются другие стройки. С фантазией и прибабасами. И это прямо в точку! Для большей выразительности им и надо прибавлять излишеств! Что-нибудь типа башенок, балкончиков, стройных колонн, а также ерунды какой-нибудь, пустяковины – ажурной решетки перед входом или кованых ворот. И чтоб не атланты с кариатидами, а запечатленные в гипсе Ильи Муромцы с выдающимися людьми города балочные перекрытия подпирали. Я как представляю возле моей двери одного из почетных граждан с вздыбленными руками – моментально готов двадцать восемь раз в сутки входить и выходить из дома!

И вообще сам принцип строительства должен быть не тот. Вот предки наши строили терема. С горницами и светлицами, со столами и лавками дубовыми. И всегда норовили, чтоб солнца и простора в горницах было немерено. Вспомнить только: сидят девки в горнице, пьют чай из блюдец, сахаром хруст-хруст – аж лавки под ними про-

гибаются. А вдали тройки гремят бубенцами, и малиновый звон колоколов по всей округе. Что теперь, сахару мало? Или девки кончились?.. Немцу что, высунет нос с горбинкой в узкое окно, поглядит на тесную штрассе, где дома с боков друг друга жмут да камрад в башмаках с серебряными пряжками по брусчатке топает, – и ему от фатерлянда ничего другого не надо. А нам – нет. Нам надо так вдохнуть, чтоб горизонт дугою навстречу выгнулся. Нам надо так выдохнуть, чтобы один Асинск рухнул, а другой построился!

Именно так я смотрю сейчас на Асинск. И не то чтобы я с возрастом поумнел, просто взгляд у меня сильно изменился – пристальнее стал взгляд. А ведь раньше я смотрел проще, однозначнее, по верхушкам скользил – и все. Стыдно признаться, но что было, то было. Нет, я вам лучше скажу, как я раньше смотрел. Пара примеров, не больше.

В маленьком городочке

В маленьком городочке жизнь как на голой кочке. Здесь все на виду, все само себя кажет. Уж если доброта, так доброта, а уж если что другое, так настолько другое – ни за что не перепутаешь! В маленьком городочке как в историях про Незнайку – коротышки маленькие, а огурцы большие, и из-за смещения перспективы постоянно возникает вопрос: в чем дело?

В маленьком городочке сильные страсти не приживаются, а потому сквозняком проходят.

Парень женщину полюбил. Она старше его, с ребенком. Родители против. Так все запуталось, дальше некуда. Мать кричит: «Женишься – отравлюсь!» Женщина растерялась. Не надо ничего, говорит. Парень пометался-пометался, видит: выхода нет. Сел на мотоцикл, разогнался и со всего маху – во встречный грузовик. Глаза на двадцать два метра отлетели! А город три дня посудачил – чего это он, рехнулся, что ли? – и забыл.

В маленьком городочке маленькие страсти воспринимаются лучше. Сердюковы раз в неделю бьют и ломают мебель, посуду и себя, а соседи часами прикидывают: чем все это когда-нибудь кончится?

В маленьком городочке у неравнодушного человека возникает острое чувство поиска. Он вертит головой и смотрит испытующе. Где добродетельные матери? Рачительные отцы города? Кто ревностно исполняет свой долг? О ком напишут на могильной плите: она говорила по-французски и по-английски как на своем родном языке? Во всех городах мира есть китайцы. В Асинске китайцев нет.

В маленьком городочке значатся четыре поэта, два самостоятельных художника и сорок семь танцевальных коллективов, из чего неопровержимо следует, что культура здесь больше склонна к телодвижениям. А поэтов даже переизбыток. Одного Степы Побоккина за глаза хватит. «Для чего нужен поэт?» – «Чтобы спасти город, конечно...» (Аристофан, «Лягушки»). А вчетвером чего они нас спасают?

В маленьком городочке и продукцию надо выпускать какую-нибудь маленькую и простую. Полки для обуви, например, хлебницы или гантели. Дело лучше идет, если течению жизни соответствует.

Когда заговорили о выпуске на машзаводе джилов, трудно было усомниться, что они будут чуть больше подростковых велосипедов и на двух колесах.

Оказалось, джилов как джипы. По улицам мельтешат, зевая клаксоном пугают, даже пробегом в Монголию смотались с репортером Персицким и «Судом и бытом» в экипажах.

Меня больше всего поражает, что, когда их там собирают и все гайки на место вкручивают, получают именно джилов. Всякий раз – восемь или даже одиннадцать раз – именно джилов. Как заговоренные. А никакие не велосипеды.

Или вот еще...

1999 год в Асинске

1999 год в Асинске – год прихорашивающихся магазинов. До этого года в воздухе то сгущались, то разряжались сомнения и как-то не верилось, что перемены раз и навсегда. И вот неверие рухнуло. Решительно

и сразу. Началась повсеместная перелицовка. В этом году окончательно ушли в прошлое огромные сараи, которых прежде было сляпано изрядное количество. Бывшие те гастрономы теперь поделены стенками, перегородками, пугающая пустота улетучилась, преобразились витрины, прилавки – все сверкает, показывает себя, кичится нарядностью! И совершенно исчезла за новыми прилавками порода горластых и мясистых баб – толстокожих, непробиваемых, что, казалось, будут здесь веки вечные. Куда они подевались? В какую трясиину канули? Как повывелось это стойкое племя кудесниц обвеса и обсчета?

А сразу после бурного расцвета магазинов началась новая замечательная эпоха – великая эпоха Перерезания Ленточек. Лязгающий звон ножниц разлетелся над Асинском! Разве забыть нам наезды почетных гостей и алые полосы ленточек, отчекрыженных их руками? О-о, эта эпоха еще ждет своих кропотливых историков! Своих пристальных и азартных исследователей! Они, я думаю, подмешают сюда красок! Но, обозревая изнутри, сразу скажу: не все было гладко в этой эпохе. Быстро обнаружилось, что легче построить мукомолку-гигант, чем найти нужной длины ленточку. Ленточек катастрофически не хватало, и тогда, пометавшись в поисках выхода, их начали шивать заново. Бессонными ночами, валясь от усталости, безвестные работницы швейной фабрики «Искра-98» красными нитками соединяли ленточки, чтобы днем отвезти их куда-нибудь на открытие Щербиновского разреза или новой автозаправочной станции. Скоро даже всякое строительство в Асинске забросили, плюнули на это дело, а там, где можно, натягивали ленточки и резали их при стечении почетных гостей и ликующих горожан. Натянут – разрежут. Натянут – разрежут. И так с утра до вечера...

Вот как смотрел я раньше на Асинск и на то, что происходит в нем. А потом Федоринов, дивясь моей несообразительности, разъяснил, что к чему. Допустим, с этими ленточками. Уж кому-кому, а ему ли не знать, он-то всегда был в самой гуще. После разрезов, перед банкетом, почти всегда следовали концерты, и он вел эти концерты.

Так вот что сказал Федоринов:

– Запомни: любой многократно повторяющийся процесс надо как можно скорей обесмыслить. Упростить до состояния ритуала. Мало кто знает, в чем заключаются ритуалы, но все, кому надо, их исполняют. Так и с ленточками... Потом, много лет спустя, кто-нибудь, вникая в суть перерезания, дополнит ее своими соображениями. Ритуал от этого только выиграет.

– Но ведь, не зная сути, можно в такие дебри забраться!

Федоринов поморщился:

– Во-во, у тебя всегда так: если один конец веревки привязан к гвоздю, на другом обязательно должен быть удавленник. А это вовсе не обязательно. И перестань докапываться до основ. Не надо их трогать!

– Но почему?

– По кочану. Основательно думать – всегда больно. Голова начинает разламываться. Всякая стоящая мысль приносит страдания. Мучай себя ради чего-нибудь другого.

Кому что

Толик В. не любит американцев. Удивляюсь: где бы ему американцы дорогу перебежали, он на Куйбышева живет, к его дому сосняк подступает, а вот не любит – и все. Говорит: «Зажрались. И мы за ними – туда же». Депутат Балтис по-своему, но о том же: «Асинску ставятся неверные ориентиры – путь материального благополучия. Путь Асинска – духовный путь». Балтис много делает для развития духовности: это он недавно настоял на выделении денег хору ветеранов «Белая ромашка»; другие депутаты его поддержали.

Но путь материального благополучия противен далеко не всем. Пенсионерка Лидия Ивановна – в 11-й школе географию преподавала – плюнула на духовный путь и махнула с семьей в эту самую Америку. Асинские немцы потянулись в Германию, асинские евреи – в Израиль. Среди тех, кто уезжать куда не собирается, спор западников и славянофилов не утихает. Вторые берут числом. Первые – умением.

Вторые всегда числом берут. Даже про испанские чипсы иногда вспоминают. У них память крепкая, хотя и выборочная.

Как-то, поднявшись над суетой, Степа Побокин огляделся и выдал:

– У меня есть предчувствие: мы для асинской земли что-то вроде педикюлеза. И ей глубоко наплевать на наши разногласия. Для нее главное, чтоб мы вели себя аккуратно. Не раздражали.

Насчет того, чтобы аккуратно – спорить не о чем. Но вот чтобы педикюлезом себя ощущать... Зачем ты так, Степа? Круто уж так – зачем?

Франц Кафка

Франц Кафка: «Потерянный день. Посещение фабрики Рингхоффера, семинара Эренфельса, Вельча, ужин, прогулка, теперь 10 часов, я дома».

А я и фабрику Рингхоффера не посещал и на семинаре Эренфельса не был, да и прогулки после ужина не состоялось. Насколько мой день был больше потерянный! Абсолютно потерянный!

И вообще, чем я занимаюсь? Чем все мы занимаемся?

И последнее

Гаснет закат, и сгущается ночь. И вместе с темнотой за окном приходят странные мысли. Они, кабы их точнее определить, малосущественны. Ну да, малосущественны. Есть в них что-то неуклюжее и шероховатое. При свете дня я понимаю, что мысли эти ни для чего не нужны. И названия улиц, и асинские приметы, и судьба бедного М. – к чему они? Никакого разумного объяснения я не нахожу. Может, это попытка уловить и прищипить к бумаге ускользающее время? Попытка разобраться в самой простой и, однако, загадочной вещи: ничто не вечно, но – насколько?.. Не знаю.

Что ж, даже в утешительном забеге я далеко не первый. Никого я не догнал и никуда не втиснулся со своими семечками...

Да и надо ли? Ведь, по сути, вся наша дорога – она, как я думаю, не в погоне за кем-то, она, как все больше убеждаюсь, в поисках человеческого тепла. Нашел – ты царь. И принимай чужое, и делись своим. По-царски щедро и безоглядно – так, как только сердце твое способно. Вот это и есть жизнь. И другой, вероятней всего, не бывает. Но об этом, получается, надо создать совершенную книгу. Таковую, что может сложиться лишь в голове и не будет раз и навсегда законченной, а скорее сродни дереву или кусту: омертвевшие страницы сами собой начнут опадать, а на их месте – вырастать новые.

...И самое последнее

Дожить бы!

1999–2003

Светлана Старовойтова

ВСЕ НУЖНОЕ – В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ...

Малая родина, дом, семья, дружба, творчество... Многое в жизни человека, действительно, требуется в единственном числе. Не по норме или формальному закону, а по душевной потребности человека, по желанию сердца. Творчество Сергея Елизаровича Подгорнова тоже в единственном числе. И, на наш взгляд, нужно читателю, интересующемуся современным литературным процессом. Для чего – решать самому читателю.

Повесть «ЧП в Асинске» – текст, написанный на злобу дня. Так уж повелось, что любого дня в нашей стране, потому что любовь к потемкинским деревням не выбить из русского человека в его любой ипостаси: сидит ли он у руля власти или мечтательно почитывает новости в местной газете. Асинск – это обобщенный образ всякого провинциального моногорода нашей родины. Как у любимого Гоголя – город N.

Легендарная история основания Асинска (лисичка хвостиком махнула, на уголек указала) и реальная биография города, обозначенная в повести местными топонимами (озеро Горячка, бывший стекольный завод, парк «Северный», разрез «Щербиновский»), соединяются автором в образ провинциального городка с особым историческим путем: построенный вокруг шахт, он напрямую зависим от угольных выработок. Но природные ресурсы, в отличие от оптимистичных передовиц газет, исчерпаемы. Здесь автор дает читателю неожиданную аллгорию, сравнивая современное состояние города с состоянием хромоногого львенка в прайде. Мать равнодушна к такому слабому дитю, а вот братья поддерживают его, вопреки неукротимому закону природы о выживании сильнейшего. «Страна должна поджидать и поддерживать маленьких и слабых, таких как мы. Даже львы на это способны», – иронично резюмирует автор устами героя. И действительно, Постановление Правительства № 941 о зоне опережающего развития вносит в жизнь Асинска надежду на возрождение. И размах этих мер сродни предвыборным обещаниям американца Трампа о стене, которой он отгородится от Мексики: «У Трампа воображение – зверь!» Автор подмечает, что Трамп (лев бизнеса) живо интересуется жителей Асинска, любящих рассуждать о далеком и не умеющих решать вопросы собственного бытия. Вот такое исконное свойство души русской!

Однако и в асинских реалиях возможен прорыв, он зафиксирован в сознании некоторых жителей и в речи «Пять шагов к благоустройству моногорода», произнесенной с высокой трибуны прилетевшим в город Председателем Правительства. Писатель выбирает для него исключительно говорящую фамилию – Шумилов (вспоминается бесмертный грибоедовский Репетилов: «Шумим, братец, шумим»). «Вера в великое будущее Асинска» становится своеобразным рефреном текста.

В фокусе зрения автора оказываются три друга: бабушкин внук Ларик Сичкарук; народный талант, левша наших дней по части самогонварения Савва Потапенко и лихой казак без шашки, но художник

(какой русский не любит алогизм так, как любит его Гоголь) Ефим Василяка. Каждый из них занимает прочные мировоззренческие позиции относительно перспектив существования и города, и самих себя.

Ларик, как древние мойры, «прядет нити судьбы». Но делает это он ретроспективно: все номера городской газеты подшиваются на обувной шнурок, в конце года пролистываются, на миг оживляя былое, и сжигаются в печке. Ритуал прощания со старой жизнью очистительным огнем писатель сочетает с рождением будущего, тоже связанного с газетой, где публикуется знаменитое постановление № 941. Имя героя подчеркивает его незрелость, детскость. Ларик до сих пор живет с бабушкой в родительском доме. Трижды неудавшаяся семейная жизнь, потенциальное, но лопнувшее, как мыльный пузырь, знакомство с прекрасной незнакомкой, неожиданное сиротство (смерть любимой бабушки), не пойманный по стечению обстоятельств огромный лещ – все это звенья одной цепи: неприкаянности героя в океане жизни. Возрождение Асинска для него живая потребность души, полновесная мечта, а не формализованный отчет, имитирующий заботу о моногородах и их жителях.

Савва Потапенко – образ свободного художника жизни. Это воплощение творческого потенциала русского народа. Азарт, с каким Савва бросается в авантюру возрождения родного города, узнаваем нами – это обличенная Гоголем еще в XIX веке маниловщина, но такая душевно чистая и теплая, что читатель невольно проникается сочувствием к герою. Талантов у Саввы много, но редкостный – один: умелец творить мир вокруг себя своими руками, герой доводит до совершенства самогонный аппарат и напитки, из него извлекаемые. Эта деталь позволяет автору собирать своих героев в нужном для дегустации продукта месте. Локус свободы мысли неизменен – это пространство кухни. Писатель с улыбкой замечает, что с инакомыслием любой власти нужно бороться большими кухнями, ведь кухня хрущевки самими мизерными объемами располагает к задушевным беседам.

Когда в феврале за таким столом соберутся друзья на дне рождения Саввы, в это же время в Асинск прилетит долгожданная правитель-

ственная комиссия. Честность быта простого человека, открытость его существования автор подчеркнет наигранным пафосом деловых встреч комиссии, описанных языковыми штампами и казенными словами в передовице «Вечернего Асинска». Но сидящие за столом умеют мечтать и воплощать свою мечту в живое слово: «Прямо на глазах потрясенных друзей в зимней ночи возникал другой город! Там, за окном, где зима утопила в сугробах хлипкие домишки и щедро завалила дворы пятиэтажек, а в воздухе порхали безумные снежинки, всего несколько дней назад Шумилов с кавалькадой летал по Асинску».

Композиционно автор заканчивает текст повести постскриптумом. В нем появляется псеводокумент – некое частное послание большого правительственного лица к... «другу Тряпичкину». Данная реминисценция – прямой авторский отсыл к хлестаковщине: «Ты не поверишь: что им ни втюхивай – они всё, всё принимают за чистую монету! Оригиналы страшные. От смеху ты бы умер...» Такая авторская вставка расширяет смысловые возможности названия повести, и читатель задумывается, что же здесь названо ЧП в Асинске.

Рассказ «Опята» наполнен светом осеннего солнца, которое, устав от собственного зноя, после жаркого лета укладывается в устойчивые формы. Так и жизнь главного героя, инженера Набатникова Бориса Мефодьевича, вычерпав бурные и динамичные дни молодости, переходит в размеренность старости. Приближающаяся пенсия, теплица и неспешные походы на рынок, телевизор вместо рыбалки, привычка подводить итоги дня, фиксируя что-то, что может убедить самого человека в значительности проходящего времени жизни. Этот ход времени подчинен такому понятному для читателя желанию дожидаться выходных дней, когда, отложив служение внешнему, человек имеет возможность погрузиться во внутреннее: неторопливо проснуться, заняться заготовками, созвониться с близкими, поехать на долгожданную рыбалку.

Но в самой жизни как будто сломалось что-то очень важное: бумажки заменили работу, деяги оттеснили специалистов, родители и дети разобщены пространством, вместо семей – обломки, вместо

любви – привычка, простая привычка выживать вместе. Новые формы жизни (внуки по скайпу, суррогатное материнство, накаченный юноша с сережками, дешевая еда с помпезным названием) рождают в душе Бориса Мефодьевича недоумение, чувство растерянности от нарушения, казалось бы, незыблемого миропорядка. В этом новом мире «человека можно убить *просто так*, словно курицу, которая необходима для супа». Примириться с таким порядком вещей невозможно, изменить – тоже.

Что же остается для спасения души? Многое. Например, неторопливое чтение любимого Гоголя с его неутолимой жаждой дороги. Книжный мир гоголевских «Мертвых душ» наполняется живой плотью воспоминаний героя о море, о промысле на рыболовецких судах, об особом азарте, если донным тралом пройтись по грунту... Но не только жажда дороги роднит писателей разных веков. Мошенники, когда-то давно припряженные Гоголем, благоденствуют и в Асинске, пытаясь растащить то немногое, что осталось от крепко сколоченной советской родины, ушедшей в небытие. Цикличность жизни, ее странные повороты в пути становятся предметом философских размышлений автора.

А еще есть для спасения души человеческое внимание. Супруга героя, почему-то твердо решившая сварить из собранных опять грибной суп, переживает из-за семейного разногласия и в знак примирения жарит грибы. Этот бытовой пустяк в тексте становится символом: запах жаренных на старой сковороде грибов связан с памятью о маме, о возвращении в отчий дом, о смятенном чувстве счастья жизни, которое мы испытываем в молодости. Он показывает, как важно сохранить тепло семейных отношений, ведь, как справедливо замечает Варя, жена героя, «даже когда ничего уже нет, все равно что-то да остается».

Малой родине и удивительным землякам посвящает писатель не одно произведение. Эссе «Дом» и «Асинск», повести «Девяносто пять», «Ну – будем!», «Счастливые люди», «Забег неудачников» – в этих текстах все о понятном, о родном, о главном. И в каждом – ав-

торская ирония во всем многообразии оттенков: от насмешливо-сатирической до лирично-философской. Родной город и люди, чьи судьбы складываются в пределах фокуса внимания писателя, – источник неистощимого вдохновения, ибо, «возникнув однажды, Асинск сразу проявил себя как город запредельных возможностей». Если хочется в этом убедиться, читайте произведения Сергея Подгорнова, наполняйте «маленькую родину своим дыханием».

Сергей Подгорнов

АВТОБИОГРАФИЯ

Сначала факты. Я, Подгорнов Сергей Елизарович, родился 30 января 1956 года в Анжеро-Судженске Кемеровской области. В 1973 году окончил среднюю школу № 11 и уехал во Владивосток, где поступил в Дальневосточный государственный университет на отделение океанологии геофизического факультета. Во время прохождения производственных практик побывал на Южных Курилах – на островах Шикотан и Кунашир, а также в составе научной группы на научно-исследовательском судне погоды «Волна» в портах Ванкувер, Гонолулу, Сингапур.

В 1978 году после окончания университета по распределению пришел в НПО «Дальтехрыбпром». Организация в дальнейшем неоднократно меняла названия, но деятельность ее оставалась неизменной. Я работал в секторе под руководством кандидата технических наук Э. М. Рыкунова, сектор проектировал распорные средства для траловых орудий лова. Работа была связана с ежегодными двух-, трех-, пятимесячными командировками на промысловых судах, где в реальных условиях на добыче камбалы, скумбрии, сельди, минтая и других рыб проверялись опытные образцы наших изделий.

В 1987 году вернулся в Анжеро-Судженск. До сих пор считаю (для себя, во всяком случае), что возвратиться туда, где родился, необходимо, но перед этим следует посмотреть другие края и получить новый

опыт, впечатления и знания. Вернувшись, устроился в городскую газету «Борьба за уголь» и проработал в ней в должности корреспондента, а затем ответственного секретаря до 1996 года. Газете я благодарен за то, что приобрел навыки быстрого письма и научился доходчиво выстраивать материал. А главное, за то, что все бурные городские перестроечные события прошли передо мной и я, описывая их по заданию газеты, многому был свидетелем. С 1996 по 1999 год работал в конструкторском отделе стекольного завода, который на моих глазах катился к краху. С 1999-го и до прекращения трудовой деятельности в декабре 2021 года работал в городском водоканале инженером по гражданской обороне, инженером по охране труда.

Теперь по существу. Родители мои – Елизар Васильевич и Мария Павловна Подгорновы – оба из крестьянских семей, переехали в город накануне войны. Детей было двое: старшая сестра Люба и я. Отец, вернувшись в 1946 году из армии, работал в пожарной охране, затем в автотранспортном предприятии водителем, мама – домохозяйка. Родители уважительно относились друг к другу и к детям, в семье не было ни скандалов, ни сквернословия. Сквернословие до сих пор не оправдываю, особенно необязательное, которое заменяет разговорную речь. Хотя и сам в свое время, как ветрянкой, переболел им и понимаю, что соленое словцо бывает порою к месту. Например, во время горячей работы, когда выбирается трал из воды или выловленная рыба перегружается на плавбазу.

Воспоминания о школе вызывают двойственные чувства. С одной стороны, учителя в школе были сильные, свои предметы излагали доходчиво, и не случайно многие выпускники из нашего класса продолжили учебу в вузах. С другой – на мое развитие школа почти никак не повлияла. Напичкав знаниями, она не дала толчок уму. Мне повезло с поступлением в университет и с тем новым окружением, которое у меня появилось.

Интерес к сочинительству возник рано. Писать в рифму я попытался во втором классе, и мне это занятие очень понравилось, особенно

когда через пару лет мой стишок был опубликован в городской газете. При газете существовала литературная студия, вел которую журналист Николай Иванович Теплов. Именно он преподавал мне первые уроки стихосложения. Вплоть до окончания школы я продолжал придумывать что-то, отдаленно похожее на стихи. Затем был длительный перерыв, и только в возрасте 26 лет, уже зрелым, повидавшим разное человеком, я пришел во владивостокское литературное объединение «Мастерская». Руководил «Мастерской» Александр Радиевич Радушкевич. Занятия в объединении переросли в дружбу с Сашей, я стал часто бывать в его семье, там велись основательные разговоры о литературе. За два года Радушкевич вытащил меня из невежества, в котором я пребывал, и только после этого отвел к Юрию Иосифовичу Кашуку. Имя Юрия Кашука хорошо помнят на Дальнем Востоке до сих пор. Кашук был мэтром, и он взялся за меня всерьез: за плохие стихи ругал нещадно, за хорошие – скупое хвалил. Именно он внушил мне: если перед собой ставишь цели, то цели должны быть самые высокие. Но чем лучше я постигал ремесло, тем яснее мне становилось: поэзия – это не мое. Вспоминая давно ушедших из жизни Радушкевича и Кашука, я испытываю вину перед ними, потому как не оправдал надежд. Но их бесценные уроки не пропали даром, онигодились мне и в прозе.

Вернувшись в родной город, я еще по инерции продолжал сочинять стихи, но все чаще задумывался: а что же мое? И тут закрутилась перестройка со всеми ее глупостями и нелепостями на местечковом, провинциальном уровне. То, что происходило вокруг, давало уникальный материал для романа. И за пять лет я этот роман написал. А дальше было уже проще. Я начал внимательней приглядываться к той жизни, которая рядом, и стали возникать новые сюжеты.

Что еще сказать о себе? Я не человек коллектива, и это, конечно, свидетельство не в мою пользу. Но я хорошо знаю, что товарищеский круг может обернуться круговой порукой. Я завистлив, люто завидую гениям. Тому, что они могут так, как не получается у меня. Но я все-таки пытаюсь своими словами и голосом рассказать о том, что увидел,

прочувствовал и осознал. Это только кажется, что каждый пишет своими словами и говорит своим голосом. Нет, голоса, как правило, не отличаются друг от друга. Я до сих пор стараюсь прибавлять в мастерстве. Меня не волнует, если кто-то над этим начнет смеяться. «Выхожу один я на дорогу; сквозь туман кремнистый путь блестит. Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, и звезда с звездою говорит». Мне близок Лермонтов. И по-прежнему есть желание выходить на свою дорогу и слушать, что говорят небеса. А если такое желание однажды улетучится, то с писательством надо завязывать.

Я неоригинален в своих пристрастиях. Среди тех, чьи книги всегда под рукой: Гоголь, Бугаков, Ильф и Петров, Гашек. Ну, еще от силы три-четыре писателя, не больше. Достоевского не люблю. Хотя и прочел романы «Братья Карамазовы», «Идиот» и некоторые другие тексты, но, вероятно, пока не дорос до них. Стихи стал читать гораздо реже, когда догадался, что пустоту в них можно выдать за недосказанность, за многозначительность. Среди самых любимых классиков – Лермонтов и Тютчев, поэты Серебряного века. В 1990-х запоем поглощал печатавшиеся в журналах подборки Бродского, Кибирова, Лосева, Александра Еременко («В густых металлургических лесах...») и некоторых других. В начале нулевых был потрясен поэзией Бориса Рыжего. С тех пор больше никаких потрясений не испытывал.

Книги Сергея Елизаровича Подгорнова:

Неторопливая страна : стихи. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1991. – 38 с.

Глубокая вода : лирическая хроника. – Кемерово : Сибирский родник, 1994. – 80 с.

Ну – будем! : повести, рассказы, эссе. – Анжеро-Судженск ; Кемерово : Технопринт, 2018. – 408 с.

Дмитрий Николаевич Хоботнев

26 июня 1978 г., Новокузнецк –

30 апреля 2020 г., там же.

Прозаик, поэт. Член Союза писателей России с 2008 года.

ЗАХОЛУСТЬЕ

Никто не знал, откуда он появился в нашем городе, а это само по себе уже достойно удивления, так как слово «город» я употребил, лишь отдавая дань сложившейся непонятным образом традиции, приучившей нас к этому обозначению.

Штук двадцать неопрятных пятиэтажек да с полсотни частных домов чуть поодаль составляли архитектурный ансамбль дыры, в которой я имел несчастье родиться.

Жизнь здесь очень скучна и незамысловата, поэтому любое, даже самое незначительное событие становится порой на многие дни главной темой разговоров, звучащих под крышей единственной пивной, взявшей на себя функции светского салона.

Впрочем, сплетен здесь не наблюдается, так как малочисленные жители давно уже перемыли друг другу кости и превратились в подобие древней общины, дружно прозябающей на обочине бытия.

В свете всего сказанного выше становится понятным интерес, вызванный появлением среди нас нового человека, появлением к тому же внезапным и странным.

Начну с того, что около года назад умерла моя соседка, старая болезненная женщина, почти ослепшая на последних месяцах жизни. После похорон в городе появился ее сын, которого я увидел впервые, хотя жил рядом с его матерью почти десять лет. Он, несмотря на солидный возраст, оказался человеком не только крепким физически, но и деловито расторопным. Через какой-нибудь месяц квартира, не успевшая еще официально перейти в наследство, оказалась выставленной на продажу.

Стоимость была мизерная даже по меркам нашего нелегкого времени, а я, признаться, давно мечтал о расширении жизненного пространства, становящегося для моей семьи все более тесным по мере взросления дочери. Но для человека, постоянно живущего в долг, кажущаяся незначительность суммы нисколько не облегчала задачи.

Кое-что продав, кое-где призяв, я окончательно погрузил себя в долговую яму, но так и не собрал нужного капитала. После семейного совета было решено отказаться от всего, что не создаст своим отсутствием угрозы для жизни, и таким варварским способом в какие-нибудь семь-восемь месяцев скопить недостающее.

О том, что квартиру могут купить, я не задумывался, зная, что местных жителей она не интересует. Переезд же в наш «мегаполис» чужеземцев и вовсе смешно было предположить.

...Теперь, пропуская все ужасы экономии, я продолжу с того раннего июльского утра, когда я проснулся от звука захлопнувшейся в подъезде двери. Сам по себе этот звук ничего страшного в себе не содержал, и я совсем было погрузился в прерванный сон, как вдруг хлопок повторился, и я понял, что кто-то вышел из квартиры, которую я уже открыто называл своей.

Не в силах отделаться от нехороших мыслей, я торопливо схватил сигареты и выбежал на балкон...

Он был стар. Узорчатый свитер неуклюже висел на тщедушном теле, которое, казалось, и в лучшие годы не отличалось силой. Он был совершенно седым и к тому же прихрамывал, опираясь на зажатую в правой руке тросточку. В левой руке он держал поводок, привязанный к ошейнику большой беспородной собаки.

Уснуть я так и не смог. Я беспрестанно курил, пил крепкий чай, твердил про себя, что все не так уж плохо, что рано делать выводы, однако делал их, бесцеремонно убивая последние ростки рассудительности.

За полчаса до открытия местного почтового отделения, занимавшего длинный одноэтажный барак с прогнувшейся крышей, я уже стоял у его дверей, ощущая приближение нервного приступа.

Междугородный звонок вытащил сына моей бывшей соседки из кровати. Он был зол, груб и прямолинеен. Сказал, что квартира продана и что он не видит причин, почему ей не быть проданной, если нашелся покупатель. Мне нечего было ему возразить. Апатия овладела

мной. Я мог бы узнать, что за человек превратил в пыль те семь месяцев, в течение которых моя семья отказывалась от самого необходимого... Я мог бы... но мне это было без надобности.

К несчастью, мой двухмесячный отпуск едва успел начаться. Я был лишен возможности отвлечь себя работой, и стены моей маленькой квартиры давили и словно сближались с каждым новым хлопком соседской двери. Я стал много пить, сделался придирчивым, циничным. А какие слова произносил я в адрес нового соседа! Но что меня бесило больше всего – так это речи жены, просящей меня успокоиться, говорящей, что сосед – старый человек, не заслуживший подобного отношения. Я не мог это слушать. Я кричал на жену, уходил из дому, напивался и казался себе мучеником.

Мои друзья, не раз слышавшие фразу «моя квартира», подшучивали надо мной. Я готов был убить их.

Так прошла неделя.

Каюсь: сперва я хотел подробно описать ее, рассказать о страшных мучениях, о душевном надломе, о чем-то высоком, трагическом. Мне кажется, я хотел себя оправдать, но из этого ничего не вышло. Думая о той неделе, я понял, что, в сущности, не помню ее. Водка, нецензурная брань, нелепые упреки, адресованные жене, – ничего высокого, низость и стыд, который пришел слишком поздно...

Как-то вечером я встретил его. Он спускался по лестнице. Собака и тросточка дали мне возможность узнать его, хотя меня и шатало от выпитого. Помнится, он произвел впечатление старого, совсем больного человека.

Я уловил мимолетный жест: он хотел со мной поздороваться. Но мой взгляд остановил его. Не знаю, что он прочел в этом взгляде, возможно, пожелание смерти.

Я грубо толкнул его плечом, проходя мимо. Так мы познакомились.

Мне тогда казалось, что прежнее спокойствие никогда уже не вернется. Теперь мне это непонятно. Какие пустяки иногда отравляют существование! Неделя прошла, и ощущения утратили остроту.

Моя семья была со мной, и я был перед ней виноват. Неделя злобной отчужденности сменилась неделями заискивания. Я накупил подарков, говорил красивые слова и на исходе недели получил прощение, после которого заискивание ушло вслед за злобой и начались будни, наполненные привычной скукой, включающей в себя в разумных количествах водку, красивые слова, злобу и любовь.

Единственным, чего я не смог в себе преодолеть, было чувство ненависти к соседу.

Неудивительно, что одновременно с тем пришло любопытство. Мы всегда хотим знать тех, кого ненавидим.

Однако звонить я больше не стал. Один из самых больших моих страхов – это страх показаться навязчивым. Кроме того, я был уверен, что и без звонка все узнаю о нем.

В таких местечках, как наше, у людей не бывает тайн. Рано или поздно под влиянием гипнотической атмосферы захолустья мы начинаем испытывать потребность в общении. А общение не любит повторов и капля за каплей выпивает чашу вашей биографии, пока она не опустеет, а вы не превратитесь в скучного, никому не интересного земляка.

Кому-нибудь может показаться неприятным этот болезненный интерес к чужой личной жизни. Пытаясь хоть как-то оправдать себя, скажу, что девяносто процентов нашего скромного населения ничем не отличались от меня в желании пролить свет на жизнеописание этого человека. Возможно, мы немного расходились лишь в степени желания, но, согласитесь, я, по крайней мере, нашел для себя маленькую причину любопытства, тогда как остальными не руководило ничего, кроме надежды чуть-чуть развлечься, слушая человеческую исповедь, да скоротать время, заполняя пересудами и намеками белые пятна этой исповеди.

Впрочем, никто ничего так и не узнал, и фигура старика, столь незначительная вначале, постепенно обросла сплетнями и приобрела мифологические черты. Сплетни эти, надо признать, не имели под собой даже самого крохотного и шаткого основания и не стояли той бумаги, на которую я мог бы их поместить.

Старик вел неприметнейшее существование. Утром, когда все еще спали, он выводил на прогулку свою собаку и успевал возвратиться до того, как на улице появлялись первые пешеходы, спешащие на работу.

Днем старик и собака ходили в магазин за припасами. Вечером снова гуляли. Эту незатейливую картину я имел возможность наблюдать изо дня в день в течение месяца. Надо отдать ему должное: он был исключительно вежлив, всегда галантно раскланивался со старухами, греющими у подъезда свои кости, справлялся о здоровье и умиленно улыбался, когда они рассказывали о шалостях внуков. У него как-то сразу установились доверительные отношения со всеми обитателями двора. Со всеми, кроме меня.

Пару раз он даже беседовал с моей женой, что оказалось для меня крайне неприятным, хотя это и были пустячные обмены любезностями: погода, особенности местного пейзажа и пр.

В общем, старик на большую часть людей производил достаточно хорошее впечатление своей любезностью и какой-то бросающейся в глаза готовностью помочь по мере сил в любом затруднении. Лишь один пунктик в его поведении казался всем весьма странным – это злостное уклонение от каких бы то ни было откровений. Чуть только кто-нибудь задавал старику вопрос, пусть самый невиннейший, но касающийся его жизни до приезда сюда, как он, добродушно улыбаясь, искусно уводил разговор в сторону или делал вид, что не расслышал. Если же вопрос повторяли, он извинялся и, ссылаясь на спешку, уходил.

Кому-то не нравилась эта скрытность, кем-то она воспринималась спокойно. Но, так или иначе, вопросы скоро стихли, и старик получил право родиться в нашем городе заново, ведя свою нехитрую биографию с того июльского утра, когда я проснулся разбуженный хлопком двери.

В чем же суть рассказа, спросите вы. Кому могут быть интересны серые пятиэтажки захолустья, собаки, сплетни, рожденные скукой, мелочная ненависть автора?

Но не спешите...

Мой отпуск подходил к концу. Близилась осень. Вот уже неделю стояла мерзкая, дождливая погода. Дома в кубышке лежала с таким

трудом собранная сумма, которую решено было не тратить. Я надеялся, что рано или поздно мне все-таки что-нибудь подвернется. То происшествие было совершенно забыто, но ненависть, однажды поселившаяся во мне, так никуда и не делась.

После той встречи в подъезде я еще два раза сталкивался со своим врагом во дворе. Толком уже не понимая причин своего чувства, я смотрел на него огненным взглядом, стараясь вложить в него дополнительно презрение и насмешку. Старик больше не пытался здороваться со мной, он лишь смотрел в мои глаза, и лицо его принимало печальное выражение – печальное и как будто немного виноватое. В те мгновения мне казалось, что он знает причину ненависти, и я испытывал тяжелое наслаждение от подобной мысли.

В тот день я сидел одиноко за столиком пивной, флегматично листал скучнейшую газету и хмуро прислушивался к стуку дождевых капель. На всем лежал отпечаток серости и тоски. Даже пиво, стоявшее передо мной, казалось, приобрело какой-то невыразительный, тоскливый вкус.

Я уже собирался уходить, когда открылась дверь и в пивную вошел старик. На его лице читалась растерянность. Сколько я помнил, он никогда раньше не удостоивал этот зал своим посещением. Собака, с которой он никогда не расставался, должно быть, осталась у входа.

Меня старик сперва не заметил, так как я спрятался за газетой, размышляя, каким ветром его сюда занесло. Час был ранний. За исключением меня, в пивной сидели только два человека – вдребезги пьяные сантехники, находящиеся, как и я, в заслуженном отпуске. Они, бодро жестикулируя, что-то обсуждали, не обращая внимания ни на меня, ни на вошедшего старика, который, потоптавшись нерешительно у прилавка, купил стаканчик портвейна и, к моему удивлению, уселся за мой столик, прямо напротив меня, хотя добрых пятнадцать столиков стояли свободными.

Я опустил газету, и наши взгляды встретились. Если бы он держал свой стакан в руке, то непременно уронил бы его. Я заметил, что первым его побуждением было встать и уйти куда-нибудь. Но он быстро

совладал с собой и, грустно улыбнувшись чему-то, отпил вина, причем рука его почти не дрожала. Так как я не собирался вступать в диалог с этим человеком, мне ничего не оставалось, кроме как уткнуться в газету и сделать вид, что старика не существует, в то же время мысленно проклиная неприятное соседство.

Вдруг он что-то сказал, и голос этот был очень странным.

Я поднял голову:

– Простите...

– Он умер, – сказал старик, глядя не на меня, а на дождь за окном.

Ничего не поняв, я предпочел промолчать.

– Он умер... Понимаете? – повторил старик.

– Кто умер? – спросил я, отложив газету и закуривая.

Я старался, чтобы вопрос этот прозвучал с вежливым безразличием.

– Мой пес, – ответил старик. – Ему было пятнадцать лет. Я называл его Другом... А теперь он умер...

Старик не плакал и не жаловался, он просто констатировал факты.

Много бы я сейчас дал, чтобы слово, произнесенное мною тогда, не было услышано.

– Бывает, – сказал я и усмехнулся.

Он как-то непонятно посмотрел на меня, точно видел впервые, и отпил еще портвейна.

– Да... Бывает... – сказал он медленно. – Собаки умирают... люди умирают... всё умирает... Но он слишком тяжел для меня.

Я молчал. Ждал. Я видел, что в душе старика что-то происходит.

– Помогите мне его похоронить, – выдавил из себя старик, и я понял, чего ему это стоило – унизиться до просьбы к ненавидящему тебя.

То, что случилось потом, называйте сами. Я не могу и не хочу давать этому название. Должно быть, мне почудилось, что настал удачный момент для мести.

– Нет. Не помогу, – раздельно, почти по слогам произнес я и, бросив окуроч в недопитое пиво, ушел.

В моем уме щebetало какое-то идиотское торжество.

Я вспоминаю тот день и те ощущения. Мне казалось тогда, что это был лучший день в моей жизни.

Я стоял на балконе, злорадно глядя, как старик, шатаясь под тяжестью большого мешка, бредет к пустырю, как он возвращается за лопатой. Я представлял, как он копает яму под хлынувшим с внезапной силой дождем, как трясутся немошные руки, опускающие в яму мешок.

...Он вернулся лишь через четыре часа – жалкий, мокрый человек, похоронивший того, кого он называл Другом.

В ту ночь я спокойно спал, и в следующую, и таких спокойных ночей было семь. Я даже не видел, когда его увезли в больницу: меня не было дома. В тот же день он и умер. Пневмония. Я не обрадовался его смерти, не до такой степени я плох. Но, не скрою, мелькнула мысль, что квартира вновь свободна и, возможно, наконец достанется мне, столько из-за нее выстрадавшему.

Отпуск кончился. Я работал. Ходил в пивную по выходным. О старике я забыл, но регулярно покупал газету с объявлениями.

Два дня назад ко мне по почте пришла бумага. Старик завещал мне эту квартиру. У него не было ни единого родственника или друга. Всех их заменял старый пес, про смерть которого я сказал: «Бывает».

Я не знаю, как обозначить то, что я чувствую. Я не могу судить себя: мне кажется, что я к себе слишком мягок. Он мог найти во мне умершего Друга, а нашел убийцу.

Мои мысли путаются. Сбылась мечта... Квартира... Будь она проклята!

Старик отомстил мне своим добром. Как он отомстил!

Я не могу умереть и в то же время не могу жить с этим. Вокруг захламление. Но захламление отныне и в моей душе.

Мне осталось только одно: грязная пивная, в которой я постараюсь хоть ненадолго забыть обо всем.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Вчера была хорошая погода. Сегодня она испортилась. Сумерки поселились в моей маленькой комнате.

С кровати, на которой я лежал, был виден лишь четкий небесный квадрат, и в этом квадрате клубилась и хмурилась серая мгла.

Вчера там сверкала лазурь, и боль, зарождающаяся в глазах, удваивалась, преломляясь через призму моих воспоминаний.

Когда-то, должно быть тысячу лет назад, мы жили в большом добротном доме, в пригороде, в окружении фруктовых деревьев и птичьего пения. Много славного мог я вспомнить о том времени.

И желтый пляж, плавно сползающий к мерцающей глади реки, и красную землянику среди белых берез, и большого черного пса, везущего мои санки сквозь чистую снежную долину. Однако все это меркло и застигалось туманом, стоило лазурной боли коснуться моих глаз. И совсем иное воспоминание вставало предо мной.

...Начало сентября. Ни единого белого завитка в высоте. Я ходил вокруг старой яблони, под ногами уже хрустела листва, но меня мало заботила листва. Урожай собрали. Что-то было съедено, что-то подарено родне, что-то заготовлено впрок, но одно яблоко осталось. Огромное краснобокое яблоко висело на самой верхней ветке и дразнило меня своей недостижимой сладостью. Ни ветер, ни ливень, ни отчаянные броски резиновым мячом не смогли заставить гордый плод спуститься в мои ладони.

Отец рано утром ушел на работу, а мать наотрез отказалась доставать мне яблоко, посоветовав заглянуть в чулан, где тех яблок стоял целый мешок.

Она не понимала, чем отличается яблоко из мерзкого серого мешка от того – омытого дождями, призывно покачивающегося в теплой сверкающей высоте. Ей некогда было понимать: обед был еще не готов, а глупый некормленный сын путался под ногами и мешал.

И мне оставалось только ходить вокруг неприступного дерева и кусать губы.

Но около крыльца стоял старый складной стул. И этот стул подозвал меня и, хитро подмигнув, поведал страшную тайну. Он сказал, что неприступных деревьев не существует. Стоит лишь дотянуться до нижней ветви...

Я понял намек. Я был понятливым ребенком. Бережно, стараясь не шуметь, я подтащил старый стул к яблоневому стволу и начал свое первое великое восхождение.

Оказалось, что это очень несложно. Аккуратно переставляя ноги и подтягиваясь, я мысленно смеялся над собственной недогадливостью. Вместо неприступного дерева подо мной оказалась надежная, удобная лестница, по которой можно было взобраться на небо, будь она достаточно высока. И я взбирался по этой лестнице, видя, как среди черного кружева ветвей покачивается, неотвратно приближаясь, огромный красный плод.

Я был очень легким тогда, но ветки гнулись и похрустывали под ногами, становясь все тоньше и тоньше. И чем тоньше они становились, чем сильнее они гнулись, чем громче похрустывали, тем сладостнее и призывнее покачивалось проклятое яблоко.

Мне было шесть лет, девять месяцев и девятнадцать дней, когда я протянул руку с ликующим смехом и рванул, испытывая торжество человека, покорившего Эверест. Страшный оглушающий хруст раздался в ответ. Надменное ослепляющее солнце промелькнуло и ухнуло куда-то ввысь. А потом раздался еще один, *последний* хруст. Он был совсем тихим, но куда более страшным. То был хруст моего позвоночника, соприкоснувшегося с выступающим из земли морщинистым корнем побежденной яблони.

Я помню, как лежал на этой теплой земле. Сверкающая высота снисходительно смотрела на меня, но это была уже другая высота. И красное яблоко лежало в двух шагах от меня. Но это было уже совсем не то яблоко. И старый стул стоял неподалеку, делая вид, что он со мною не

знаком. Мое первое великое восхождение закончилось первым великим падением, разделившим мою жизнь на крохотное «до» и вечное, убийственное «после». Впрочем, было еще короткое и резкое, словно нарисованное мультипликатором, «между». Я лежал и смотрел сквозь паутину ветвей в нависшие надо мной небеса. Подул легкий теплый ветер, и откуда-то из-за горизонта степенно поплыли красивые облака. А сорванное яблоко лежало в двух шагах от меня, и мне хотелось встать и поднять его, но ноги не отвечали на мои приказы. Мне было шесть лет тогда, и понять их странное непослушание я не мог.

Потом была больница. Был орущий на рыдающую мать отец и бородатый врач, виновато разводящий руками.

Тот добротный дом в пригороде родители продали следующим летом. Отцу дали двухкомнатную квартиру в спальном районе, а на вырученные деньги меня возили в столицу, где вновь была больница, неудачная операция и новые слезы, бесконечные слезы близких. Слезы, на которые я с тех пор не могу смотреть.

Хорошо помню возвращение и переезд на новую квартиру. Я жил у тети, пока там все приводили в порядок и расставляли мебель.

За мной приехали поздним октябрьским вечером. Мелкий дождь моросил на улице. Было холодно и немного грустно. Но когда машина остановилась перед новым нашим жилищем и отец, взяв меня на руки, пошел к единственному подъезду, я испытал страх. Подобно сказочному утесу передо мной возвышалась мрачная шестнадцатитажка. Однако не это испугало меня, а то, что в огромном здании не горело ни единого огня. Что-то злое и беспощадное смотрело на меня из мертвых оконных проемов, что-то знающее о моей беспомощности и готовое ей воспользоваться.

Помнится, я стал хватать отца за шею и упрашивать вернуться назад, а мать гладила мои волосы и объясняла, что это просто отключили свет, что все наладится, что мне будет хорошо здесь. И какие-то жидкие колышущиеся отблески мелькали в черных проемах. Там ходили

люди со свечами, и мне казалось, что дом подмигивает, обещая нечто отнюдь не хорошее.

По подъезду первая шла мать, чиркая спичками, а отец осторожно поднимался следом и кого-то проклинал.

Это было мое второе восхождение.

Тени плясали на стенах, и тянулись, тянулись бесконечные лестничные марши, ведущие туда, в ту комнату на шестнадцатом этаже, где меня, раздев, положили на кровать. И это было мое второе падение, разделившее на две части вечное, убийственное «после» – на ту часть, где еще была жива надежда, и ту, где осталась только кровать и четкий небесный квадрат, по которому я определял погоду.

Разумеется, перемены погоды были не единственными переменами в моей жизни. И кровать была не единственным местом моего пребывания.

Я рос, постигал школьные науки благодаря репетиторам, на которых уходила большая часть родительских денег. Менялись размеры одежды и размеры коляски, сидя в которой я иногда гулял по улицам города вместе с кем-нибудь из близких. Но такие прогулки со временем становились все реже, потому как мне казалось, что весь мир смотрит на меня и ухмыляется моей беде.

Все чаще этим прогулкам я стал предпочитать долгое, неподвижное сидение на нашей просторной лоджии. Когда мне исполнилось восемнадцать, я сказал отцу, что хочу начать курить, и на лоджии появился маленький столик и красивая стеклянная пепельница. Никто не возражал. Здоровье? Кому нужна эта жалкая игра в здоровье?

Друзей у меня не было. Так, какие-то двоюродные ровесники заглядывали иногда проведать убогого. Моим другом стала эта лоджия, на которой я сидел в своем кресле, окруженный завитками дыма, и смотрел в лежащую подо мною пропасть.

На дне пропасти стояли маленькие игрушечные дома и крохотные автомобили юрко сновали по тоненьким асфальтовым лентам, одина-

ковые микроскопические люди ходили на своих распроклятых ногах. Я мог часами наблюдать за этой муравьиной суетой, и тогда-то появились у меня эти мысли. Мысли о моих двух великих восхождениях и падениях.

А потом я начал задумываться: так ли они велики на самом деле? Муравьи снуют на дне каменной пропасти, и никто из них не знает ни обо мне, ни о моих падениях. Кто я для них? Что я сделал, кроме как неудачно сорвал яблоко много лет назад?

И бешенство колотило меня от этих мыслей, и хотелось кинуться туда, где игрушечные дома и весь этот игрушечный мир, отторгнувший меня как нечто ненужное. Кинуться и разбиться, довершить то, чего не смог сделать торчащий из земли корень старой яблони.

Я знал, что никогда не познаю женщину, никогда не сыграю в футбол, никогда не сяду за руль и не скачусь на лыжах со снежной горы и даже не смогу сходить нормально в туалет. Пусть все это – призраки игрушечной суеты. Но я мечтал об этих призраках, и их у меня отняли, ничего не оставив взамен.

Какое-то время я много читал. Однако скоро забросил это занятие.

Все было написано о них. Любовь, война, поиски высшего смысла и справедливости, предательство, благородство и другие ценности из разряда вечных. К чему мне все это? Мои две ценности и так со мной навсегда – две пропасти, между которыми стоит кресло на колесах и клубится табачный дым.

Два месяца назад мне исполнилось двадцать лет, а вскоре после этого печального события я заметил, что у матери растет живот.

Родители были уже немолоды, и я начинал надеяться, что это никогда не случится. Но это случилось: игрушечный мир с наглой ухмылкой ворвался в мою келью, чтобы отнять у меня последнее право – спокойно созерцать и думать.

Скоро, очень скоро я и здесь стану лишним и здесь начнется суета. Только она уже не будет казаться такой незначительной и жалкой, как

с высоты. Она будет греметь, выворачивая наизнанку мою душу. И у меня не останется путей для отступления, кроме третьего, на этот раз действительно великого падения.

Я лежал и смотрел, как в небесном квадрате клубится и хмурится серая мгла, когда в комнату вошла мать. Живот сделался очень большим за эти два месяца. Ждать осталось недолго.

Мать сообщила мне, что им с отцом надо на часок-полтора отлучиться в больницу, и показала на свой живот, словно я и без того не знал, чем она больна.

Мать спросила, не нужно ли мне чего, на что получила отрицательный ответ, и, поцеловав меня в лоб, исчезла. Вскоре хлопнула входная дверь и ключ повернулся в замочной скважине.

Небесный квадрат сделался совсем страшным и черным. Что-то должно было случиться, и я начал догадываться, что именно.

Медленно, будто огромный нелепый червь, я переполз в кресло, стоящее у кровати, и поехал к своей любимой лоджии, ловко манипулируя колесами.

Но на половине пути словно вспышка огня обожгла мой мозг. Я вспомнил, что обоим моим падениям предшествовали великие восхождения. Так как же я мог нарушить этот неписанный закон? Как я мог кинуться в пропасть, сначала не поднявшись над ней?!

Вторично щелкнул замок. Коляска тихо поскрипывала под моим весом, катясь к пожарной лестнице. Подняв голову, я увидел зияющий черный проем: дверь на чердак была открыта. Оставался сущий пустьак – два лестничных пролета, двадцать ступеней, десять секунд для любого из них. Ухватившись за перила, я сполз на холодный бетон, а потом, корчась и извиваясь от жутких усилий, покрывая себя грязью и пылью, обдирая кожу на руках, начал свое третье восхождение.

Чердак встретил меня почти непроницаемой темнотой. В бледном прямоугольнике подъездного света едва различимы были низкие чердачные своды, засыпанный песком пол и массивные стальные балки, но неразличимым оставалось главное – люк, ведущий на крышу.

Мною овладело беспокойство, я чувствовал, как жуткая решимость, победившая два лестничных пролета, сменяется усталостью.

И вдруг что-то сверкнуло метрах в пяти от распластавшегося на песке альпиниста и следом чудовищный громовой раскат ухнул, отзывавшись болью в моих ушах. Показалось, что даже толстые тяжелые балки загудели от этого гневного звука.

Я понял, где выход, и, подобравшись к нему, нащупал сваренную из арматуры лестницу. Цепляясь за прутья и ощущая, как стонут непривыкшие к усилиям мышцы, я стал медленно подтягивать к люку неповоротливое, бесчувственное тело, моля весь мир о том, чтобы на люке не оказалось замка.

Упираясь головой в жесткую шершавую поверхность, я сжал зубы и почувствовал, как крышка немного приподнялась. Еще усилие. Мышцы шеи сделались твердыми, точно канаты. Крышка отошла еще немного, и все – я понял, что больше ничего не смогу сделать. Откинуть крышку мне не удастся: для этого надо иметь упор под ногами. Упор был, но не было ног. И тогда я просунул руку в образовавшуюся щель и, словно мертвец из-под своего надгробия, начал выползать на крышу.

Первым, что я увидел, было небо. Огромная, лохматая, как зверь, туча висела надо мною, и мне на секунду почудилось, что у этого зверя есть глаза, которые хищно смотрели на выползающего из могилы червяка.

Правая нога застряла и никак не желала освободиться. Я рванулся. Кажется, где-то хрустнуло. Возможно, я сломал лодыжку, но эти ноги не знали боли, и в этом было мое преимущество перед игрушечными муравьями.

Я победил, я взошел на свой последний утес.

Моя жуткая решимость удвоилась, помноженная на торжество.

И тут небо обрушилось на меня ревущим непроницаемым водопадом. Огромные ледяные бичи хлестали по моей спине и плечам, точно поторапливая, подгоняя к обрыву.

Огляделся. Отчаянье безжалостно и грубо вышвырнуло из души торжество.

Крыша была квадратная, залитая гудроном, слегка скошенная от центра к краям. В центре на бетонном постаменте возвышалась огромная, ошестинившаяся металлическими прутьями антенна, походящая на страшное, вставшее на дыбы насекомое.

По периметру пролегли водостоки, и сейчас в них бурлило, клокотало и пенилось.

Огненные зигзаги бессмысленно и злобно кромсали небесное полотно, раскаты сливались, образуя непрерывный пушечный грохот.

А крыша была обнесена высоким и мощным бетонным парапетом. И ни малейшего шанса дотянуться до края этого парапета не было у меня.

Пропасьть отвергала меня. Насмешливо отмахнулась, как от назойливой мухи. И я перевернулся на спину и закричал. В другую пропасьть, еще более бездонную и могущественную.

Электрические разряды свирепо метались в высоте, будто выискивая добычу. И я кричал им: возьмите меня, это я, я добыча. Один удар – и горстка пепла, которая смешается с бурлящими потоками воды, уйдет в водосточные трубы и через них соединится с землей, обманув ненавистный парапет. Я орал и слал в небо мольбы и проклятья, а оно лишь безумно ревело в ответ, озаряя город огнем. И эта пропасьть отвергала меня. И здесь я оказался лишним.

Я замолчал, я успокоился. Я просто лежал под дождем и смотрел, как постепенно стихает гроза.

Я лежал, и что-то непонятное происходило во мне. Что-то менялось, какие-то новые невиданные мысли готовы были вот-вот обрести очертания, когда я услышал стук.

Откинулась крышка люка, и на крыше оказался отец. Нежно и бережно он поднял меня с мокрого гудрона и, прижимая к груди, точно потерянное и вновь обретенное сокровище, понес домой.

Когда он осторожно опускал меня в люк, передавая в чьи-то добрые руки, серая небесная мгла приоткрылась и ослепительный золотой свет хлынул с небес.

И тогда обрели очертания мои мысли. Я вдруг понял, что безумно хочу жить. Хочу видеть этот свет, хочу гулять по улицам города, хочу читать книги, хочу найти друзей, хочу, чтобы мать подарила мне сестру или брата.

Меня несли вниз. Это было мое третье падение. У меня все получилось. И я знал, что последует за ним.

За ним, как это всегда бывает, начнется восхождение. Мое четвертое великое восхождение – последнее восхождение. И оно будет длиться и длиться, пока наконец не приведет в отвергнувшие меня сегодня небеса.

2008

Любовь Никонова

РАЗГАДЫВАЯ ТАЙНУ ЧЕЛОВЕКА

Дмитрий Хоботнев – молодой новокузнецкий прозаик, работающий в тонкой интеллектуально-психологической манере. В начале 2000-х годов он впервые пришел на занятия городского литературного объединения «Гренада». Тогда его небольшие романтические новеллы напоминали чем-то прозу Александра Грина, рассказы Рэя Брэдбери. Шесть гренадских лет (поиск своего голоса, работа над стилем, постоянное общение с коллегами по перу, регулярные чтения и обсуждения написанного) дали превосходный результат: несомненный литературный талант Дмитрия получил необходимую шлифовку, атмосфера доброжелательного внимания способствовала творческому росту молодого автора. Но самое главное совершалось, конечно, в нем самом, в его душе и сознании. Будучи человеком впечатлительным, он испытывал влияние разных литературных мэтров, и «Гренада» становилась свидетелем его увлечения Булгаковым, Фолкнером, Кафкой, Камю...

Дмитрий пробовал себя не только в прозе, но и в драматургии (пытался писать пьесы) и в поэзии. Отдавая должное его прозе, все же скажу: для меня он в первую очередь блестящий поэт. И достоинства его рассказов, их выразительность, точность языка, возможно, выкристаллизовались на основе поэтического дара. Например, рассказ «Пыль» только внешне можно отнести к эпическому жанру. На самом деле это явная поэзия. По ритму построения, циклическому рисунку повторов, «хронометражу» действия, концентрическому размещению образов – это пронзительная, композиционно безукоризненная экзистенциальная поэма. Ее тему можно выразить библейским словом: «Вся наша жизнь – прохождение тени».

В 2002 году в журнале «Огни Кузбасса» была опубликована поэма Дмитрия Хоботнева «Шах Акбар», по которой можно судить об особенностях незаурядного дарования автора. И сразу можно сказать: это – поэт. Но предпочтение было отдано все-таки прозе, причем сначала Дмитрий брался за повести, писал даже роман, каждая глава которого напоминала отдельную новеллу. Как-то на «Гренаде» мы посоветовали ему преобразовать эти главы в автономные новеллы или просто взяться всерьез за рассказы (от чего он сначала отмахивался). И так получилось, что Дмитрия Хоботнева читатели теперь знают преимущественно как новеллиста.

Лучшие его рассказы построены на весьма узнаваемом материале: в них промелькивают реалии умирающих маленьких городов, полузаброшенных горняцких или рудничных поселков, истощенных территорий, печального захолустья, безрадостных «лунных ландшафтов»... «Ржавчина, гниение, неухоженность давно уже перестали пугать и превратились в привычку». Внешне серая жизнь вскипает среди всего этого угасания неожиданными душевными бурями, «невидимыми миру» страстями, непредсказуемыми странными поступками героев, их ожесточенным отчаянием и самоубийственным одиночеством. Психологизм на фоне «запустения и прогрессирующего распада»! В этом смысле показателен рассказ «Путешествие». Герой, живущий в

неперспективном городке, крайне ограничен в возможностях (болезни, одиночество, мизерный заработок) – и поэтому не может вырваться из охваченного тлением мирка. Но он находит утешение на окраине, у обочины дороги, созерцая деревянный столбик с привинченной жестяной табличкой: «Граница города».

Сделать шаг – и ты «за границей». Перейти границу. Попасть в другой мир... Герой абсолютно слаб, но он вдруг обнаруживает в себе некую силу: «Как передать это чувство власти над границей? Как объяснить ощущение решающего шага?...» Сначала «власть над границей» проверяется в пространстве: герой то переходит ее, то возвращается в свою сторону. Но в момент безысходности (утери последних денег) власть над границей разрешается во времени: герой добровольно пересекает границу, отделяющую жизнь от смерти, – и «времени больше не будет», как говорится в Апокалипсисе.

В сентябре 2006 года новокузнецкий журнал «Домино» опубликовал интервью с Дмитрием Хоботневым «Такова реальность». На вопрос корреспондентки «Почему ваши произведения такие... грустные?» молодой писатель ответил: «Сами рассказы и поднимаемые в них темы не подразумевают счастливых финалов... Я реалист. Меня как автора интересуют не какие-то глобальные проблемы, а проблема личности, “маленького человека”, который и жить в этом мире не может, и не жить не может. Он просто не знает, куда ему податься и что делать. Поэтому основной мотив – это мотив одиночества».

«Маленький человек» пришел к Дмитрию Хоботневу не только из нынешней реальности, но и из большой гуманной русской литературы. Старик из рассказа «Захолустье» или герой рассказа «Змеи» вряд ли посетил бы наш нынешний мир, не будь гоголевских Башмачкина («Шинель») и Поприщина («Записки сумасшедшего»), не будь «Бедных людей» и «Униженных и оскорбленных» Достоевского... Причем важны даже не сюжеты, не внутреннее сходство «жалких» личностей – важна традиция авторского сочувствия ко «всякой душе, скорбящей и озлобленной». «Милости хочу, а не жертвы!»

В наше время эта традиция в литературе глушится волнами агрессии, шествиями монстров, химер, вампиров, драконов, черных магов, рыцарей смерти, сверхлюдей, сверхдьяволов, сверхбогов – и кажется, до реального человека со всеми его болями и страданиями никому дела нет: затопчут его эти чудовища – и следа не останется.

Тем более ценно, что Дмитрий Хоботнев не просто помнит о человеке, но и живет исключительно им. Повествование в большинстве рассказов идет от первого лица. Автор вживается в образ главного героя «до упора», исследует его личность через собственное «я» (даже если герой на редкость неположительный), идет с ним до конца. Этим он захватывает читателя, не прибегая ни к каким спецэффектам. По собственному признанию Дмитрия, в современной литературе ему не нравится жанр фэнтези: «Мне кажется, что все это глупости: играть в выдуманные существа... Меня удивляет, когда взрослые люди этим увлекаются...»

Не пишет Дмитрий и «про любовь» (в расхожем понимании этого слова). Ни одной строки не посвятил сексу. Имея склонность к иронии, не превратил ее в постмодернистский балаган или шабаш (хотя, например, материал рассказа «Зал ожидания» вполне мог дать повод для иронических извращений, но сама культура письма автора уберегла его от таких перегибов).

Не применяя гипноза фэнтези, не пользуясь дурманом гиблой некрофической мистики, не приманивая читателя сладкими эротическими ядами, он тем не менее легко находит путь к читателю, особенно молодому.

В молодежной творческой среде Новокузнецка ценятся его рассказы, есть спрос на пока еще не опубликованные повести и даже просто главы незаконченных произведений (их выпрашивают у автора в рукописных вариантах). В чем причина такого успеха у молодежи? А в том, что честная юность мгновенно отзывается на голос правды, пусть даже печальной. Дмитрий ищет и пишет правду. А как писатель он хорошо владеет ключевыми средствами для ее донесения до людей.

«Человек есть тайна, – писал Достоевский. – И эту тайну надо разгадать». Писатель Дмитрий Хоботнев причастен к разгадыванию тайны человека. Книга рассказов «Мост» свидетельствует о серьезных намерениях автора.

2008

Михаил Анохин

«ПОЛЫЕ ЛЮДИ» ДМИТРИЯ ХОБОТНЕВА

В третьем номере журнала «Огни Кузбасса» за 2005 год опубликованы рассказы Дмитрия Хоботнева из тех, что «обжигают сердца» художественной правдой. Дмитрий Хоботнев – несомненное открытие журнала да и вообще кузбасской словесности! Он знает, как надо писать, и умеет это делать, что совсем немаловажно! Но самое главное, ему уже есть что сказать! Почему «уже»? Да потому, что мы живем в век инфантильных старцев, и это несомненное взросление в 27 лет радует и тревожит. Радует, что Господь не обходит своей милостью Россию и в ней появляются люди, поднимающие окружающих их людей силой своего творчества – кого с брюха, кого с колен, кого на гору зовет!

А тревожит то, что личные судьбы всех творческих людей, особенно «поднимающих нас в гору», везде и всегда были трагичны. Потакать инстинктам гораздо легче и выгоднее, чем противостоять им.

Итак, вопрос: что происходит с человеком, «полым внутри», но у которого голос совести еще не задушен практикой выживания в обстоятельствах, не способствующих заполнению этой «полости» тем, против чего его совесть не возражала бы?

В конечном счете это вопрос о поступке и ответственности за этот поступок. Ответственности не перед законом человеческим, а перед индивидуальной совестью. Совестью, находящейся на смертном одре. Давно замечено: закон сколько угодно может кричать, а совесть будет

молчать, и наоборот. На самом-то деле в этом разрыве между совестью и законом живет человек, и этот разрыв есть предмет литературного исследования от Родиона Раскольникова, поставившего вопрос: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» И до лесковского Левши, который и в смертном бреду думал о пользе для Отечества. И в первом, и во втором случае закон и совесть вступили в непримиримый конфликт, разорвавший Раскольникова и Левшу.

Именно переживанием о поступке и заполняется полость в душе человека, и он становится личностью. Вот почему мне смешно читать такие строчки: «...они калечат личность молодого человека». Это совершенно то же самое, что говорить о личности плода. Поскольку молодой человек еще не личность, а всего лишь потенция личности и находится в процессе становления, он необычайно, до болезненности чуток к любой фальши! Ложь книг и фильмов и правда жизни – вот разрывающий надвое пыточный станок, сквозь который проходит молодость. На этом станке и при помощи этого станка формируется личность.

Становление человека и есть переживание себя и наполнение себя пережитым. Такому «наполненному человеку» есть что противопоставить давлению внешних обстоятельств, но до наполнения еще нужно дожить или, как поется в одной из песен Игоря Талькова, «повисеть на кресте»...

В рассказе «Захолустье» есть надежда на выздоровление через заполнение пустоты фактом переживания ситуации. До самой своей смерти герой будет переживать, раз за разом возвращаясь в пивбар и воскрешая в памяти образ этого старика, поступившего с обидчиком по евангельской заповеди. В последующих рассказах Хоботнев не оставляет «полым людям» никакого шанса на выздоровление.

Невозможно писать о рассказах Хоботнева без «попутных мыслей». В том и ценность его рассказов, что они порождают попутные мысли. Это верный признак того, что перед нами факт подлинной литературы!

Татьяна Киреева

БИОГРАФИЯ ДМИТРИЯ ХОБОТНЕВА

Поэт, прозаик, драматург Дмитрий Николаевич Хоботнев родился 26 июня 1978 года в Новокузнецке. Место рождения – горняцкий микрорайон Абашево Орджоникидзевского района. Отец Николай Николаевич и другие родственники были шахтерами.

В 1996 году Дмитрий окончил школу № 61. Ныне это средняя общеобразовательная школа № 61 им. Ильгизара Александровича Касакина. Дмитрию прочили продолжение семейной рабочей династии. Он действительно зарабатывал на жизнь шахтерским трудом, работал горнорабочим очистного забоя. Однако своим призванием он считал литературное творчество.

Первым его ценителем была мама – Ольга Леонидовна. В доме была большая библиотека, а писать Дмитрий начал в четыре года. Как он сказал в одном из интервью: «Помню точно, что первым было стихотворение. В книжке увидел какую-то картинку и под впечатлением от нее написал. Прозу начал писать, когда пошел в первый класс. Начал сразу с романа. По-моему, под влиянием Стивена Кинга что-то про динозавров, про машину времени» (Кузнецкий рабочий. 2011. 27 октября).

Четыре года Дмитрий Хоботнев учился в Сибирском государственном индустриальном университете. Поняв, что техническая профессия ему неинтересна, Дмитрий поступил туда, куда его звала душа, – в Кузбасскую государственную педагогическую академию (ныне Кузбасский гуманитарно-педагогический институт КемГУ) и окончил там в 2005 году факультет русского языка и литературы. Благодаря учебе в КузГПА и домашней библиотеке он много читал. Зачитывался Голдингом, Кафкой, Фолкнером, Достоевским, Маяковским. Среди любимых писателей также были Булгаков, Замятин, поэты Серебряного века.

Важный этап в творческой жизни Дмитрия Хоботнева – новокузнецкое литературное объединение «Гренада» под руководством известного поэта и прозаика Любови Алексеевны Никоновой. Он пришел в «Гренаду» в 2000 году с рассказами романтического и фантастического содержания. Позже он говорил, что в свое время литературная студия очень много дала ему для творческого развития, «в замкнутом пространстве сидеть нельзя», «без “Гренады” я бы не двинулся с места».

Дмитрий также был членом клуба любителей фантастики «Контакт», работавшего при Центральной библиотеке им. Н. В. Гоголя под руководством Николая Калашникова.

Ярчайшим событием литературной жизни Кузбасса стала книга Дмитрия Хоботнева «Мост». Она вышла в начале 2008 года как приложение к журналу «Огни Кузбасса». Дмитрий готовил свое детище к печати два года. Книга вызвала бурную реакцию в литературной среде региона. Мнения о ней разнились: от «потрясающей своим горьким лаконизмом» до выражающей «беспросветный пессимизм», а также – «лучшая книга из написанных в области в XXI веке, одна из лучших в России».

В августе 2007 года Дмитрий Хоботнев принял участие во Всероссийском совещании молодых писателей, проходившем в Каменске-Уральском. На прошедших в рамках семинара занятиях его творчество было оценено столь высоко, что он был рекомендован в члены Союза писателей. В ноябре 2008 года в Доме литераторов Кузбасса Дмитрию Николаевичу Хоботневу был вручен членский билет Союза писателей России. В последующие годы он был участником VIII, IX, XI, XII, XIII, XIV форумов молодых писателей России (2008, 2009, 2011–2014) в подмосковном городе Липки.

Писал в разных жанрах. В творческом наследии Дмитрия Хоботнева есть рассказы, стихотворения, сказки, драмы, детективы, психологические и фантастические повести, роман. Писатель развивал интеллектуально-психологическое направление современной прозы.

Главной темой своих произведений считал внутренний мир человека.

Высокую оценку его поэтическому мастерству дала Любовь Алексеевна Никонова: «Отдавая должное его прозе, все же скажу: для меня он в первую очередь блестящий поэт. И достоинства его рассказов, их выразительность, точность языка, возможно, выкристаллизовались на основе поэтического дара».

Вот одно из его стихотворений:

Вновь костры у славянской избы
Разожгли чужеземные люди,
И за вкрадчивой песней судьбы
Слышен гром стенобитных орудий.

Снова старый безумный колосс
Наступает на ржавые грабли,
И среди белокожих берез
Засверкали монгольские сабли.

Мы идем, что нам сабли и гром?
Пережито давно и не ново.
Наша цель – в самый маленький дом
Занести подзабытое Слово.

Не споткнуться бы нам на пути,
Не сломаться под тяжестью неба
И на дальний рубеж донести
Знамя с запахом черного хлеба.

На вопрос, что для него предпочтительнее, Дмитрий отвечал, что это проза, стихи пишет редко, бывает, что вставляет их в прозаические произведения, когда того требует сюжет. Является ли герой рассказов Хоботнева героем нашего времени? Сам писатель так отвечал: «Я ду-

маю, что таков герой не нашего времени, а, может быть, всех времен... Но я бы не сказал, что в рассказах моих мой герой из массы. Все-таки это человек специфический, о смысле жизни думающий. Таких людей на самом деле немного. Хотя они не какие-то сверхчеловеки, а обычные люди. Может быть, неудовлетворенные чем-то, чего-то в жизни не нашедшие. То, что они видят вокруг, им не надо, а что надо – не знают».

Писал Дмитрий Хоботнев по ночам, после работы на шахте. Иногда, если приходило вдохновение, мог просидеть и до утра. А утром, не выспавшись, шел на работу. Компьютер не признавал. Считал, что в нем «нет души», «когда стучишь по клавишам, никаких мыслей не появляется». Повесть «Пастораль» в рукописи занимает двести пятьдесят тетрадных страниц в клеточку. В 2010 году на Форуме молодых писателей России она получила высокую оценку столичных мэтров литературы и была рекомендована к изданию отдельной книгой.

Печатался в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Балтика» (Калининград), «Северная Аврора» (Санкт-Петербург), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), в альманахах «Университет культуры» (Кемерово), «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк), «Кольчугинская осень» (Ленинск-Кузнецкий), в газетах «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк), «Кузбасс» (Кемерово), «Литературная газета» (Москва) и др. Публиковался в сборниках «Новые писатели» (Москва, 2014), «Гренада» (Новокузнецк, 2006), «Познавать с годами начал категорию добра...» (Новокузнецк, 2021). С 2014 года был членом редколлегии альманаха «Кузнецкая крепость», курировал раздел «Проза».

В 2008 году Дмитрий Хоботнев удостоен первой премии альманаха «Огни Кузбасса» в номинации «Приз “Дебют”» на конкурсе на лучшие произведения прозы, поэзии и публицистики (за книгу прозы «Мост»). Лауреат областной литературной премии «Энергия творчества» (2008). В 2012 году за участие в работе Всероссийского семинара молодых писателей удостоен государственной стипендии Ми-

нистерства культуры Российской Федерации. Награжден кузбасской медалью «За веру и добро» (2009).

Дмитрий Хоботнев был скромным, немногословным, застенчивым человеком. В людях ценил общительность, простоту. Оставил много неопубликованных произведений; был готов к печати роман «Почта-льон», повесть «Что наша жизнь... игра» и др. Они ждут своего издателя.

Всю жизнь трудился горнорабочим очистного забоя на шахте «Ольжерасская» (Междуреченск). В 2017 году ему пришлось уволиться по состоянию здоровья.

Скончался 30 апреля 2020 года, похоронен на Кузнецком кладбище города Новокузнецка.

Личный фонд писателя (рукописи, документы) передан его родной сестрой Еленой Хоботневой на хранение в Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк).

Книги Дмитрия Николаевича Хоботнева:

Мост : рассказы / вступ. ст. Л. Никоновой. – Кемерово : ИНТ, 2008. – 80 с. – (Прил. «Огни Кузбасса» ; № 32).

Людмила Михайловна Яковлева

6 февраля 1939 г., Тайга.

Прозаик, поэт, журналист. Член Союза писателей России с 2007 года.

БОГОРОДИЦА, ИСУСИК И ДРУГИЕ*

Повесть

Самый главный и самый первый хороший человек для меня моя мать. Я и сейчас сверяю многие свои поступки по маме. И успокаиваюсь при мысли: мама поступила бы на моем месте так же, и терзаюсь от сомнений: не хватило мне в данном случае выдержки. Или такта. Или терпения. Или доброты...

А еще мне повезло на соседей. Жили мы на тихой окраинной улице маленького городка. Знали не просто пофамильно или в лицо всех в округе, но и были в курсе всего, что волновало, печалило или радовало соседей. Приходили на помощь друг другу, отдавая порой последнее.

Годы прошли, столько лет, а бывшие соседи дороги мне, словно кровно родные. И когда кто-то из них уходит из жизни, от известия этого долго саднит на душе. Счастлива я и дружбой с настоящими преданными людьми. Счастлива, что пронесла через годы радость общения с ними.

Однако, оглядываясь на прошлое, я совсем не намерена таять от умиления: ах, какие все люди, которых я знала, были хорошие! Всякие встречались: злые, несправедливые, просто черствые, которым нет дела до чужих переживаний. Но, говорят, в природе все разумно. Так, может быть, и эти самые плохие тоже не зря на земле живут, а как живой пример для неподражания? Важно только, чтобы всегда рядом с ними были хорошие и чтобы их было больше.

К чему это я? А вот к чему. Один период своей жизни, а точнее, своего детства – детдомовский – я привыкла считать черным. Но сейчас, когда добрая половина жизни прожита, мне вдруг по-иному взглянулось на мое детство.

Вспомнила детдом и его обитателей. Сначала взгрустнулось. Застарелые обиды в памяти ожили, но уже не черные – посеревшие от вре-

* Печатается в сокращении.

мени. А потом заголубело, потеплело на сердце. И вот уж розовая заря в полнеба разлилась. Богородица вспомнилась. И Исусик... Но, наверное, лучше обо всем по порядку.

1

Наша мама неожиданно тяжело заболела. Утром она не смогла встать с постели. А мы-то с братом знали: если такое с мамой случилось, то это настолько серьезно, что и подумать страшно.

– Игорь, – обратилась мама к моему брату, как к старшему из нас двоих, – забеги перед школой в поликлинику, вызови врача на дом, не могу встать, совсем ноги распухли.

В тот же день маму увезли в больницу. А на другой день мы с братом сидели на стуле возле маминой больничной койки. Двух халатов в санпропускнике не нашлось, и нам с Игорем выдали один на двоих. Стул, между прочим, в палате был тоже один. Так мы и сидели на нем белым двухголовым существом.

Мама дождалась, пока медсестра вышла из палаты, и кивнула на тумбочку, стоящую у кровати:

– Я там кашу от обеда вам оставила... Только ложка одна. Ну как-нибудь, по очереди ешьте.

Игорь, стыдливо озираясь по сторонам на других больных, достал из тумбочки тарелку с холодной овсяной кашей. Ложка мне, ложка ему. Торопливо уплетали мы скользкую овсянку, боясь, как бы кто из персонала больницы не заглянул в палату. Со вчерашнего вечера ничего не было у нас во рту.

– Да как же вы будете без меня? – спросила мама. – Я, наверно, долго проваляюсь.

Игорь поставил пустую тарелку в тумбочку, спросил:

– Мама, а что у тебя болит?

Мама пошевелила белыми пальцами:

– Вот видите, руки какие тонкие, а ноги наоборот – как бревна разнесло. Поправилась на одну половину, – невесело пошутила мама. Потом вздохнула: – Война все...

Она помолчала. Потом сказала:

– Не знаю, ребятки, что и делать. Может, в детдоме поживете? Доктор советует мне в детдом вас пока определить. Ну а что делать? Придется. Не будете же голодать. Да и зима началась. Печку надо топить утром и вечером. А где же вы натопите? Да и вообще... одни в доме. Бедные вы мои детки...

Поникшие шли мы с братом домой.

Игорь размышлял вслух:

– Война... При чем тут война? Она уж вон когда кончилась, больше трех лет назад. И голода сейчас такого нет. Хлеба сколько хочешь, и картошка есть, и капуста. Кашу видишь в больнице какую дают, с маслом.

Я молча кивала головой. Прав Игорь, во всем прав.

– Ну и что, поедем в детдом? – спросила я робко.

– А что делать? – сказал брат совсем по-маминому.

Насчет детдома очень скоро договорился главврач больницы, в которой лежала мама. Для нас даже выделили привычную для того времени санную упряжку с полусонным сивкой-буркой.

На прощанье мама притянула меня и Игоря к себе, прикусила губу и отвернулась. Потом пошарила рукой под подушкой:

– Ох, чуть не забыла. Денег вот заняла немного для вас. Спрячь, Игорь, подальше, не потеряй. Может, пригодятся на что. Зря не тратьте.

Игорь затолкал помятую десятку в карман штанов.

– Ладно, мама, ты поправляйся скорее. О нас не беспокойся, – сказал брат, будто взрослый.

– Чего об них беспокоиться? – поддержал его дед Василий, которому поручили отвезти нас в детский дом. – На все готовое едут. И оденут их в приюте, и обуют, и сыты будут каждый день. Там так же, как в больнице, только вольней.

– Вы уж, Василий Кузьмич, не заморозьте ребят в дороге, – попросила мама.

– Эге! – весело сказал старик. – Гляди, еще жарко будет. Я полные розвальни сена настелил да овчинный тулуп из дома прихватил. Не хуже, чем на русской печи, покатым.

– Как Емеля-дурачок? – вспомнила я недавно слышанную от мамы сказку.

Брат укоризненно ткнул меня в бок, а взрослые, в том числе и мама, рассмеялись. Только все – весело, а мама как-то грустно, болезненно скривила губы.

Под тулупом действительно, несмотря на мороз, было тепло. Ехали мы с братом лежа, утопая в сене. Край тулупа, которым укрыл нас Василий Кузьмич, побелел от инея. На волосах, выбившихся из-под моего платка и шапки Игоря, на наших ресницах тоже осел иней.

– Не замерзли, воробы? – спрашивал изредка дедушка Василий.

– Жарко, – отвечал Игорь.

– Это не страшно, жар костей не ломит, – говорил старик. – Скоро, версты через две, привал сделаем, – продолжал он. – Сами горяченького похлебаем и конягу подкрепим малость. Путь-то еще неблизкий.

В деревенской закускойной накормил нас дед гороховым супом, напоил горячим чаем, а потом задержался у буфета.

– Вяленый язык, – произнес Василий Кузьмич, причмокивая губами, – знатная штука. Кинь-ка мне, милая, рыбины три, – обратился он к сонной и медлительной буфетчице.

Игорь следил за «клювиками» весов, за пальцем буфетчицы, стреляющими костяшками счетов.

– Семь рублей. – Тетка шлепнула языем на прилавок. – Бумаги нету, заворачивать не во что.

Кузьмич сгреб в пятерню рыбки хвосты:

– Донесем без завертки, было бы што нести. – И обернулся к нам: – Пошли, воробы.

– Подождите, – попросил Игорь и шагнул ближе к весам: – Тетя, и мне три рыбины.

Вяленные язи шлепнулись на прилавок. Буфетчица, подавив зевоту, сказала:

– Семь рублей. Бумаги нету.

Игорь, засунув сдачу с маминой десятки в карман, обеими руками собрал рыбу с прилавка.

– На что вам в приюте рыба? – спросил старик с укоризной в голосе. – Язь с пивом хорош или с отварной картошкой. А там вас, поди, будут строго по режиму кормить, как у нас в больнице.

– Да я не себе – маме, – сказал Игорь. – Вы передадите ей, бабушка? Мама рыбу любит.

– Пошто не передать? Передам, раз такое дело, – пообещал дед Василий и отчего-то пригорюнился. А потом вдруг сердито закричал на лошаденку: – Спишь, зараза, на ходу?! На мыловарню захотела?

Я подумала, что после такой угрозы коняга сразу прибавит шагу, но лошадь шла все так же, ни шатко ни валко, и розвальни плавно скользили по наезженной дороге. Мы с Игорем не заметили, как уснули.

Проснулись от хриповатого голоса деда Василия:

– Ну вот и Варварино. Где он тут, ваш приют, или как его по-нонешнему – детдом?

К детскому дому – длинному бараку со множеством окон – мы подъехали уже в сумерках.

– Новеньких привезли! – крикнул кто-то пронзительным голосом.

Захлопали двери, на крыльцо высыпала ватага ребят. И несмотря на резкий женский крик «Куда раздетые?» – никто из девчонок и мальчишек не двинулся с места. «Сколько? Какие?» – слышались голоса. И стоящий впереди всех мальчишка отвечал:

– Двое вроде. Ну да, двое. Пацан и девчонка... Фу-ты, я думал, маленькие. Нет, большие уже.

Нас, подталкиваемых сзади Кузьмичом, обступили ребята.

– Ступайте, ступайте, – ласково напутствовал нас старик. – А я пойду. Тут у меня свояк живет. Переночую у него, а завтра утром – домой. Рыбу я вашей мамке передам, не сумлевайтесь.

Дед Василий тронул вожжи и пошел рядом с розвальнями. А у меня стали мокрыми глаза. С уходом старика словно оборвалась ниточка, связывающая нас с родным городком, с мамой.

Захотелось разреветься в голос. Только неожиданно яркий свет коридора, куда нас втащили ребята, помешал, да сами ребята отвлекли расспросами. Нас хотели было покормить, но мы отказались. Есть не хотелось, клонило ко сну.

– Э-э, да они спят на ходу, – сказала воспитательница, которую ребяташки называли Зоей Ивановной. – Да и всем уже спать пора. Давайте быстро по спальням!

Тут мы до утра расстались с Игорем. Почему-то я не думала, что на ночь нас с братом разлучат. Дома у нас была всего одна комната. И спали мы в ней все трое: мама, Игорь и я...

От матраца и подушки, набитых сеном, пахло розвальнями деда Василия. Примешивались и другие запахи: чистого лежалого белья, мыла и каких-то лекарств. Я вспомнила маму, больницу, всплакнула немного и не заметила, как заснула.

2

А потом состоялось более близкое знакомство с новыми друзьями. Как мы узнали, детдом этот только-только организовали и первая группа ребят вселилась сюда всего за три недели до нашего с Игорем приезда.

Из взрослых здесь были: воспитательница Зоя Ивановна, одноногий завхоз Степан Никитич да повариха Тоня. Со дня на день ждали приезда директора, пока что никому не известной Клавдии Осиповны Ломакиной. Назначена на эту должность она была с момента основания детского дома, но что-то задерживало ее в городе.

Детдомовцев вместе со мной и братом насчитывалось на первых порах четырнадцать человек. Четверых ребят Анисимовых, осиротевших в годы войны, сдала в детский дом их бабушка. Галю и Олега

Двоеглазых доставил сюда милиционер. Отец этих ребят погиб на фронте, а мать, которая работала продавцом, посадили в тюрьму за недостачу, как сказала мне после Галя. Особняком держались двое деревенских мальчишек – Мишка и Кешка. Были они постарше других, было им уже по тринадцать лет. Может быть, потому так и важничали, на наши игры и ребячью возню смотрели снисходительно.

Была здесь еще болезненно застенчивая девочка Зина Коровина, худенькая, большеглазая, вся в золотушных коростах. И еще – трехлетняя Любочка, самая маленькая и потому всеми опекаемая. Старшие девочки любили возиться с Любочкой, умывать ее, одевать, укладывать спать, водить за ручку в туалет и столовую.

Мы жили такой небольшой семейкой, и было нам в детдоме хорошо. После уроков в школе каждый занимался чем хотел. В первые дни мы с удовольствием изучали и осматривали наш новый дом, ходили по длинному гулкому коридору, заглядывали в пустующие комнаты, засиживались в библиотеке, отыскивая самое-самое интересное. Впервые я прочитала тогда о приключениях деревянного мальчишки Буратино и решила, что это лучшая в мире книга.

Читать мы любили в столовой. После ужина, когда уже отключали электричество от сельского движка, повариха Тоня приносила сюда две-три керосиновые лампы, ставила их на длинный голый стол, и мы лепились у этих ламп, забираясь с ногами на стулья. Тоня сидела с нами. Иногда она тоже читала книгу, но чаще вязала на спицах или пряла куделю.

Тоня... Почему мы все звали ее просто по имени и обращались к ней на «ты»? Было нашей Тоне, может, тридцать, может, за тридцать. Мне было трудно судить о возрасте взрослых. Но думаю, что была она не моложе наших воспитателей и директора Клавдии Осиповны, которая вскоре приехала в детдом. Но вот всех мы звали по имени-отчеству, а Тоню – просто Тоней. Почему?

Ей можно было говорить «ты», как отцу и матери, как самому близкому человеку. Ее любили, ей доверяли все и безоговорочно. Она

старалась накормить нас посытней и повкусней. Мы видели не раз, как приносила она что-то из собственного дома. Однажды кончились в детдомовской кладовой жиры и Тоня прихватила из дома крынку смальца. Я до сих пор не знаю толком, что кроется под этим загадочным словом, но наша повариха именно так называла тот светло-желтый, вкусно пахнущий жир, которым сдабривала супы и каши. А как-то в воскресный день нам вдруг выдали на завтрак манный пудинг с малиновым вареньем.

– Наварила литров тридцать, – говорила Тоня так, словно оправдывалась за что-то, – а есть некому. Сама я не великая охотница до сладкого, а в доме, кроме кошки, никого. Да и та варенья не ест. – И вздыхала: – Гриша мой сладкое любил. Особенно после бани. Намешает, бывало, с холодной водой, пьет и нахваливает... К чаю тоже. Вот и варю каждое лето. А то заявится мой муженек домой, а на стол и поставить нечего будет.

Мы уже знали, что Тоне еще в сорок четвертом на мужа принесли похоронку. Но она, рассказывали, не заплакала, не заголосила на все село, как другие бабы.

– Не видела я Гришу мертвым, не хоронила. Мало ли чего напишут. Там, на фронте, тьма тьмущая народу, немудрено затеряться. Ранили – может быть, но чтоб убили – не верю, – говорила она.

Так и не поверила той черной бумаге. Сосед, бывало, кивнет на Тонин домишко: чего-то он на сторону заваливаться начал, подправить бы надо.

Тоня махнет рукой, скажет беспечно:

– Совсем не завалится. Постоит еще. Придет Гриша и подправит.

Односельчане поудивлялись, посудачили о нездоровой, как казалось им, этой уверенности Тони в том, что муж вернется, да и привыкли, замолчали.

Долгое время жила наша повариха без всякого прозвища, а их мы давали всем, иногда вовсе несуразные и даже обидные. Это уже после, когда новенькие в наш детдом прибыли, Тоню Богородицей окрести-

ли. Митя Наумов так ее первый назвал. Так и пошло: Богородица да Богородица.

Вообще-то новичками оказались не они, а мы – все те четырнадцать девчонок и мальчишек, что находились в детдоме. А эти шестьдесят провели в детских домах уже не один год. Кое-кто попал туда с самого рождения. Все эти ребята были из одного переполненного детского дома, расположенного в областном центре. С открытием детдома в Варварине их из города перевели в село. И нашей веселой жизни сразу пришел конец.

А ведь мы с нетерпением ждали приезда этих ребят. И когда неуключий автобус подкатил к воротам детдома, мы высыпали на крыльцо радостные, возбужденные. Валом валили мимо нас девчонки и мальчишки, кто не замечая, кто задирая нас на ходу.

– Насчет пожрать тут, наверно, не очень, – бесцеремонно сказал какой-то долговязый пацан, оглядываясь на нас. – Ишь, какие они все дохлые.

– И чо-то все в коростах, – сказал другой, с гримасой отвращения разглядывая Зину Коровину.

Последние слова заглушил громкий смех приехавших. Зина втянула голову в плечи, часто-часто заморгала и попятилась к двери.

«Почему они такие злые?» – подумала я о приехавших ребятах. И стало ясно, что Зине, мне да и всем нам четырнадцати придется нелегко. Снова с прежней, угасшей было тоской вспомнилась мне мама.

Я пошла за Зиной Коровиной. Нашла ее в коридоре, прижавшуюся к стене, встала с ней рядом. Прикоснулась молча к Зининой руке, она отдернула руку и спрятала ее за спину.

– Деточки, – раздался рядом с нами вкрадчивый голос, – где тут у вас умыться с дороги можно?

Я оглянулась. Почти взрослый парень. Худощавый, высокий. Можно сказать, приятный. Только калека. Левая нога короче правой и вывернута ступней наружу. Я этого парня заметила, еще когда он из автобуса выходил. Спрыгнул на землю, неловко крутнулся на здоровой

ноге, поджав изуродованную левую и опираясь на самодельную резную трость.

«Бедный», – подумала я тогда о нем с жалостью.

– Я тебе что, сиротка, представление бесплатное? Чего глазки вылипла? От тебя что требуется? Ответить на вопрос, где в этом заведении находится туалет, ну, и умывальник тоже...

– Уборная на улице, – сказала я угрюмо, снизу вверх глядя на парня. – А умывальник вот тут, – ткнула пальцем на одну из дверей.

– Вот и умница, сиротка, – сказал долгоязыый.

– Я не сиротка! – отрезала я, наливаясь ненавистью к хромому.

– Да уж нет, малышка, – сказал тот с кривой усмешкой. – Если Митя кому-то дал имечко, это железно. Поняла? С сегодняшнего дня ты у нас Сиротка, а подруга твоя, – он кивнул на Зину, – Коростой будет зваться. – Вскинул вверх трость, шаркнул уродливой ногой и ушел.

В тот же вечер случилась у меня еще одна неприятность. Войдя в спальню, я увидела, что на моей кровати лежит девчонка из вновь прибывших. Место, выбранное мной, мне очень нравилось. Кровать стояла в углу у стены. Рядом тумбочка, в которой я хранила зубную щетку, порошок, учебники, тетради и, главное, два маминых письма. Я осталась у кровати, вопросительно посмотрела на девчонку, лежащую поверх одеяла.

– Чего смотришь, влюбилась? – спросила девчонка насмешливо, а потом догадалась: – А, наверно, ты тут спала, да? Ну, поспала и хватит. Теперь я тут спать буду. Ясно? А ты вон туда иди, где барахло твое лежит. Видишь?

Остальные девочки были заняты своими делами: кто в порядок постель приводил, кто укладывал в тумбочку вещички, а кто и перед маленьким карманным зеркальцем наводил красоту. На меня даже внимания никто не обратил. Я поняла, что вступать в спор с девчонкой, захватившей мою кровать, бесполезно, тем более что была она на вид года на четыре старше меня. Поздно уснула я на новом месте. Не развеселило и наступившее утро.

С нетерпением все ждали линейку, на которой нам предстояло наконец-то познакомиться с директором детдома, а заодно и с прибывшими вчерашним автобусом новым воспитателем и пионервожатой.

Из слов директора Клавдии Осиповны запомнилось мне немногое, хотя говорила она долго. О том, как заботится наше государство о детях. О нас, значит. Вроде бы хорошо говорила, но почему-то с самого первого раза чем-то не понравилась мне. Я смотрела на нее, и мне казалось, что говорила она одно, а думала совсем другое.

А вот пионервожатая Наташа мне сразу понравилась. Она засмущалась, покраснела и, всех оглядев, развела руками:

– Я думаю, ребята, мы будем друзьями.

Мы с ней действительно после подружились.

Тогда же, на линейке, был выбран староста детдома. Выбран не нами, а Клавдией Осиповной.

– Уверена, что лучшей кандидатуры на пост старосты, чем Дмитрий Наумов, не найти. Я присмотрелась к нему вчера в автобусе. Митя пользуется авторитетом среди товарищей, серьезный да и старше всех воспитанников по возрасту. Так что быть ему моим первым помощником, – заявила директриса.

Митя вполне оправдал доверие Кобылы. Прозвище это – Кобыла – дал директору не Митя. Все в детдоме получали клички именно с его легкой руки, а Клавдию такой кличкой окрестили девчонки. Кто-то, когда заговорили о директрисе, сказал: «Ну и лошадь», а Надька, та, что выжила меня с моей кровати, сказала: «Какая там лошадь, форменная кобыла». Так и приклеилось это словцо к Клавдии Осиповне.

3

Наши девочки неохотно дежурили на кухне, а мне нравилось помогать Тоне. Да и работа здесь – чистка картошки, мытье посуды – была для меня делом знакомым, домашним, напоминала о маме. И даже ког-

да все дела были переделаны и Тоня предлагала мне побегать на улице, подышать воздухом, я иногда просила:

– Можно я посижу с тобой? Я не буду мешать.

Тоня живо соглашалась:

– Сиди, конечно, если хочется. Чего тут мешать-то? И мне веселей, когда душа живая рядом. А то ведь, не поверишь, иной раз с котлами и сковородками разговариваю. Не могу я долго молчать. Мысли разные в голову лезут... Что-то ты, Танюша, хмурая в последнее время стала. Или случилось что? В школе-то как, в порядке? Двоек нет?

– В школе в порядке, – отвечала я. – А двойки у меня еще никогда ни одной не было. И троек нет... Просто домой сильно хочется.

– А ты терпи, Танюша, терпи. Поправится мама, Бог даст, и придет за вами. И вот я скажу тебе, девонька, ты веришь там, не веришь, а когда-нибудь возьми да и помолись перед сном Богородице. Скажи так: «Богородица-заступница, пожалей ты меня и моего братца, подними нашу мамоньку, от болезни избавь». Детская молитва святая, чистая, авось и дойдет до Боженьки... Я, Таньча, сама сроду в Бога не верила. Да нашлись добрые люди, надоумили. Мне, когда на Гришу похоронку принесли, сон привиделся. Будто стою я на краю крутой горы и гляжу вверх. А там, на вершине, мой муж, Гриша. Я сама подняться к нему не могу, ноги не слушаются, и его зову не дозовусь. Смотрит он будто в мою сторону, а меня не видит. И вдруг начал Гриша в землю уходить. Сперва по колено, потом по пояс, по грудь. Тут как кинулась я наверх, схватила Гришу за руки и этак легко рывком выдернула из той погибельной земли, да и скатились мы с ним вниз с горы на зеленую лужайку... Проснулась я тогда, сердце колотится, вот-вот выскочит из груди. Едва утра дождалась, побежала к Марье Федотовне – старушке одной – сон разгадывать. Федотовна у нас мастер по этой части. Вот она мне и сказала: «Живой твой мужик, Антонина. Только раненый, а может, и контуженый какой. Бывает, отшибет в контузии память человеку, он и не помнит ни тяти, ни мамы, ни откуда родом. Ты давай-ка, – сказала мне еще Федотовна, – спасай своего Гришку, молись за него

денно и ночью. Вишь, как по сну выходит: гора – это горе. И он, Григорий твой, – говорит Федотовна дальше, – на волоске от гибели, а ты его с горя вызволила, сдернула с горы на лужайку. Зелень к радости снится, к спокойствию. Молись только». С тех пор и молюсь. Какие молитвы от старух выучила, какие сама составляю. Помолишься, и легче на душе, и верится: вернется Гриша. Живой он.

В тот вечер перед сном и я молилась. Глаза зажмурила, накрылась одеялом, будто сплю, а сама истово заклиная Богородицу: «Боженька, миленькая, если Ты есть, сделай так, чтобы мамочка моя родненькая скорее поправилась, чтобы приехала за нами с Игорем и увезла нас домой. Да и Гриша Тонин, если живой, пусть поскорее возвращается к Тоне. Война уж когда кончилась. Верни ему память, Боженька, пусть про Тоню вспомнит и приезжает».

<...>

6

Однажды, когда мы, детдомовские, шумной гурьбой возвращались из школы, кто-то из ребят крикнул:

– Ого, какой, смотрите!

И все обратили внимание на огромного рыжего с белыми пятнами на боках и спине быка.

– Его к нам в детдом гонят! – крикнул тот же мальчишеский голос.

А мы уже и так видели: в детдом. Наш старый одноногий завхоз Степан Никитич придерживал рукой калитку, а какой-то незнакомый дядька в брезентовом дождевике, надетом поверх фуфайки, загонял быка в детдомовский двор. Бык оказался огромным, могучим, но не страшным, очень мирным. Мы проводили его на зады двора. Ребята спешно побросали в красном уголке, где выполняли домашнее задание, сумки, портфели и высыпали на улицу. Смотреть на быка. Все обрадовались, что он появился в нашем хозяйстве.

– Будем ухаживать за ним, гонять на пастбище, – решили мальчишки.

Я уже упоминала, что был в детдоме Чалый – старый облезлый конь. Но не припомню, чтобы на нем что-то возили. Разве что позже, летом, когда опухоль на узловатых его суставах опала, начали впрягать конягу в телегу, чтобы навозить сена ему же, Чалому, на корм.

На заднем дворе вокруг быка собрались уже все работники детского дома. Пришла и Клавдия Осиповна. Не было здесь только Богородицы и пионервожатой Наташи. А теперь и ребята нахлынули сюда, окружив быка плотным кольцом. Был здесь и дядька в дождевике, пригнавший быка. В руках он держал почему-то колун.

– Детишек отослать бы надо, – сказал он Клавдии Осиповне.

– А-а, – махнула та коротко рукой. – Это жизнь. Она им еще и не такое преподнесет. Пусть смотрят, тут они хоть все на глазах, и можно быть уверенным, что за это время не сожгут детдом. Давайте!

Грязно-серый дождевик двинулся к быку. Не знаю, что почувствовали в этот момент другие ребята, но мне стало вдруг очень страшно и захотелось бежать отсюда. Я почувствовала, что должно произойти что-то ужасное, но еще не знала толком, что именно. Никто из ребят не двигался с места. Может быть, причиной тому были слова Клавдии Осиповны? Осталась и я.

Дядька остановился перед самой мордой быка, взмахнул колуном и, громко крикнув, с силой ударил им в лоб животного. Из бычьего горла вырвался хриплый рев. Бык качнулся, передние ноги его подогнулись, и он тяжело опустился на грязный подтаявший апрельский снег.

В голове моей помутилось, перед глазами все поплыло. Наверное, я бы упала, если бы меня не отвлек резкий болезненный крик. И я, и все остальные повернули головы на этот крик. На мокром снегу корчилась в припадке Катя Соловьева.

Про Катю мне рассказывали девочки. Ее папа погиб в первые дни войны, а мама в толпе беженцев решила выбраться подальше от фронта с четырехлетней Катей на руках. В дороге эшелон с беженцами разбомбили фашистские самолеты. А когда после налета собирали убитых

и раненых, под телом мертвой матери нашли нашу Катю, которая едва не задохнулась под тяжестью трупa. После этого долго – год или больше – в детдоме, куда привезли девочку, ее били припадками. Обычно случались они по ночам. Катинь соседки по детдомовской спальне каждый раз вскакивали с постелей и бежали за дежурным воспитателем.

Потом девочку вылечили, а вот сейчас припадок у Кати повторился. Мы не знали, что делать.

– Фельдшера надо! – крикнула Клавдия Осиповна. – Ну-ка, мальчики, кто-нибудь живо сбегайте в медпункт!

Но от детдомовского корпуса простоволосая, в галошах на босу ногу бежала к нам Богородица.

Она властно отстранила от Кати воспитательниц и директрису, как будто только она одна и могла помочь, опустилась перед Катей на корточки и сказала:

– Девочка ты моя милая! Что же это делается, а? Господи, господи... – Тоня взяла Катю на руки, легко поднялась с ней во весь рост и сказала, с осуждением глядя на Клавдию Осиповну: – Вам это зачтется, помяните мое слово, зачтется. Бог не потерпит такого, чтоб вот так над детьми измываться.

– Иди, иди! – прикрикнула грубо на Тоню Клавдия Осиповна. – Не корч из себя юродивую. Тоже мне... Богородица. Мы с тобой о твоём Боге и лично о тебе не здесь – у меня в кабинете побеседуем... Забывает головы воспитанников религиозным дурманом.

А Тоня была уже далеко. С притихшей Катей на руках подходила она к двери своей кухни.

На следующий день я дежурила на кухне.

Богородица, гремя кастрюлями, разговаривала по привычке сама с собой:

– Ой, нет, нет! Что же это делается? Целого быка растащили, как крысы, а на кухню – одну требуху. И кого обобрали? Сирот горемычных. Нет, хватит с меня. Хва-а-атит! Уйду я. Сколько можно глядеть на все это безобразие! Нет больше моего терпения. Уйду!

От этих слов я заплакала, вытирая слезы посудной тряпкой. Как жить дальше, думала я, если Богородицы не будет в детдоме?

Тоня вдруг обратила внимание на мое сопенье и всхлипывание и кинулась ко мне:

– Ты чего это, девонька?

– Если ты, Бого... ой, если ты, Тоня, уйдешь... – Я не договорила, разревелась пуще прежнего.

Тоня обняла меня сильной рукой, прижала к своей груди и неожиданно засмеялась:

– Вот и эта туда же. Директорша вчера Богородицей назвала, теперь ты. Это вы, стало быть, прозвище мне такое дали? Мыслимое ли дело! Грех ведь это, поди-ка. – Она поглаживала меня по плечу, и я видела, хоть и выговаривает Тоня за «Богородицу», а лицо ее так и светится от удовольствия. – Богородица, – повторила она с улыбкой и сказала: – Ну, да Господь все поймет и простит. С глупого да малого какой спрос?

И заглянула мне в лицо:

– Э-э, наревела глаза. Поди умойся. Не уйду я, Таньча, никуда. На кого вас всех оставляю? На эту? Уж нет! Ее надо гнать отсюда метлой поганой.

Но не прошло и получаса, наверно, после нашего с Тоней разговора, и я только-только успокоилась до конца, как Тоню вызвали к директору. Обычно, если что надо было – распорядиться насчет продуктов, узнать, готов ли обед, – Клавдия Осиповна заглядывала на кухню сама.

А тут притопала Зоя Ивановна и сухо сказала:

– Антонина Степановна, вас Клавдия Осиповна вызывает.

– Ох ты, страсти-мордасти какие, – пробурчала себе под нос Богородица, потом вытерла руки о фартук, взялась было за тесемки с намерением развязать их и снять фартук, да передумала, махнула рукой: и так сойдет.

Очень долго не возвращалась Тоня из директорского кабинета. Я переделала в кухне все, что могла: домыла посуду, выскоблила большим

широким ножом деревянные разделочные доски, протерла столы и до блеска отдраила стиральной содой алюминиевую мойку для посуды. А когда Тоня вошла в кухню, я уминала веселкой тесто в большой глиняной корчаге.

– Лезет и лезет, – сказала я о тесте слегка виноватым голосом.

Тоня запрещала нам близко подходить к своим кастрюлям и котлам, когда в них что-то готовилось.

На этот раз, обедая быстрым взглядом кухню, она сказала:

– Ай да умничка! Вот это хозяйюшка! Хорошо, видно, мамка воспитывает вас с братом. Вишь, какую помощницу себе вырастила.

Я расцвела от Тониной похвалы, а она принялась проворно разделывать тесто. Насыпала на чистый стол небольшую горку муки, разровняла ее ладонью.

Я следила за мельканием Тониных рук. Вот она оттянула левой рукой клейкое тесто, взмахнула правой, в которой держала нож, и уж летит на стол, шлепается в муку белый колобок. Просто удивительно, до чего одинаковы эти колобки по размеру. Так вот как получаются знаменитые Тонины булочки! Вот бы научиться делать такие самой...

– Чего сидишь? Ну-ка, помогай! – опять веселым голосом кричит мне Тоня. – Руки чистые? Давай, обваливай колобочки в муке, катай, вот так, и на противень сажай. Только не лепи друг к дружке, оставляй место для расходу.

– Какого расходу? – спрашиваю я.

– Обыкновенного. Тесто в печи от жару расходиться начнет, пухнуть. Раза в два каждый колобок больше станет. В пампушках-то что внутри? Во-оздух. Потому они и пухлые такие.

– Тоня, – говорю я робко, укладывая колобки на металлический лист, – зачем она тебя вызывала?

– Вызывала зачем? – Тоня еще проворнее, даже яростнее, что ли, шлепает на стол кусок теста за куском. – Ругала. Что ей остается делать? Кричала, что не-пе-да-го-гично поступаю, плохо влияю на воспи-

танников. А еще требовала, чтобы я извинилась перед ней при всех на линейке. Иначе, мол, выгонит меня с работы.

Искося я поглядела на Тоню. Нет, не смогла я представить ее лепечущей слова извинения.

– Я ей извинюсь, уж я ей извинюсь! – опять с какой-то веселой злостью в голосе пообещала Тоня.

С замиранием сердца ждала я в тот день вечернюю линейку. Как, интересно, будет извиняться наша Богородица? Но на линейке ее не оказалось вовсе. Тоня ушла домой сразу после ужина.

Клавдия Осиповна была невозмутима. Как и всегда, она дала свои «наставления». Витальке Круглову напомнила, что, если его постель утром опять окажется мокрой, он будет сушить матрац и стирать простыни сам, тут ему нянек нет. Олега и Вовку отчитала за то, что курят, да еще тайком, в постели. Если сами сгорят, сказала она, так туда им и дорога, но так ведь можно спалить весь детдом. Тем линейка и кончилась.

А на следующий день Тоня на работу не явилась. Обед с большим опозданием приготовила нам какая-то тетка. То ли на самом деле все было невкусно, то ли так казалось, но почти во всех мисках остался суп, а пшеничную кашу вообще никто есть не стал, потому что она была горькой и пахла гарью.

Когда эта новая стряпуха заглянула в столовую, пацаны зашумели и устроили барабанный бой ложками по металлическим тарелкам. Тетка быстро попятилась к двери и убралась из столовой.

– Дома-то я сготовлю – пальчики оближешь, – оправдывалась она перед явившейся на шум директрисой, – а тут такие котлы, к ним приноровиться надо. Одно недоложил, другое переложил, вот и...

<...>

Случилось так, что приезд нового директора, Ивана Захаровича, мы прозевали. Накануне вечером еще ничего не знали о нем, а утром

нам объявили: после завтрака пройдет короткая пятиминутка, на которой состоится знакомство с новым директором.

Я доедала густую горошницу с маслом и думала: «Какой он? Поскорее бы посмотреть».

Дежурные еще не успели убрать со столов посуду, когда в столовую вошел Иван Захарович. Я так и впиалась в него глазами. Худой, высокий, в темно-синем костюме. Хмурый с виду, не улыбкавый. Кожа на лице желтая, под глазами темные круги.

Окинул всех неторопливым взглядом, сказал негромко:

– Здравствуйте, ребята. Садитесь.

Сердце мое забилось учащенно: вроде добрый, хороший! В тот же день старшие мальчики по распоряжению Ивана Захаровича снимали чуть не все лозунги и плакаты Кобылы, стихи о чистоте, «Правила поведения» и другое. Солитеров с аскаридами из столовой тоже унесли.

А еще через день нам, несколькими ребятами, довелось побывать у Ивана Захаровича в кабинете.

Дина Ильинична во время обеда объявила, заглядывая в бумажку:

– Двоеглазовы, Ракитины, Морозов, Рубцова, Меньшиков, как только пообедаете, зайдите в кабинет директора.

Сердце мое по привычке екнуло. Ведь раньше к директору вызывали только на разнос. Но тут же подумалось, что ничего плохого с нами на этот раз не случится. И осталось только любопытство: для чего вызывает нас Иван Захарович? Гуськом вошли мы в кабинет и остановились у двери, сбившись в кучу.

– Проходите, ребята, садитесь на диван, на стулья, кому где удобнее, – сказал директор.

Это было ново для нас. Клавдия Осиповна никогда садиться не предлагала. Сама-то она, если хотела, сидела, а мы должны были стоять перед ней навтыжку, сколько бы ни длилась беседа. Исключение делала директриса разве что для Мити.

– Я вот что хотел спросить, – продолжал Иван Захарович. – Почему адресованные всем вам открытки оказались на этой стене?

Тут я заметила, что стена, которая еще недавно была густо залеплена открытками, стала голой. И только многочисленные прямоугольнички выделялись на общем фоне голубоватым оттенком.

Все подавленно молчали.

Иван Захарович взял со стола самую внушительную стопку открыток и спросил:

– Игорь и Таня Ракитины здесь?

– Да. – Игорь поднялся со стула.

– Возьми, это ваше... Двоеглазовы?

Галя и Олег поднялись со своих мест одновременно.

– Заберите.

Раздал Иван Захарович и остальные открытки. Кому пять, кому три, Жене Морозову – одну, а в нашей пачке мы насчитали с братом шестнадцать открыток! Иван Захарович оглядел нас усталым взглядом. Потом тяжело откинулся на спинку стула и начал расстегивать ворот кителя. Почему-то долго не мог справиться с верхней пуговицей.

Хотел что-то сказать, но только махнул рукой:

– Ладно, идите, ребята. Попросите кто-нибудь Антонину Степановну, пусть мне стакан холодной воды принесет.

Я первой бросилась на кухню:

– Тоня, Иван Захарович холодной воды просит.

Богородица поспешно кинулась к бачку с водой.

– Видно, плохо ему? – спросила она с тревогой.

– Плохо, наверно, – сказала я.

В спальном корпусе уже шло обсуждение последних событий. Галя Двоеглазову плотным кольцом обступили девочки.

– Вот Кобыла! – горячится Галья. – Представляете, мамка наша пишет нам, ответа ждет, а эта падла лепит себе открыточки на стену и помалкивает. Убивать таких надо... А вот и Танюха! – оживляется моя подруга еще более, завидев меня. – Им с Игорем вообще штук сто, наверно, директор отдал. Правда, Тань?

– Шестнадцать, – поправляю я ее.

– Шестнадцать?! – ахают девчонки. – Ничего себе.

– А мы всё с Игорем думали: что это мама нам редко пишет? – говорю я, ободренная поддержкой девчонок.

– Конечно, будет редко, если не отдавать письма, – горячатся они. До самого вечера у меня было очень хорошее настроение.

А вот интересно: дадут или не дадут пацаны кличку новому директору? А если дадут, то какую? Мне, например, совсем не хочется, чтобы у Ивана Захаровича появилось какое-нибудь дурацкое прозвище. Проходит неделя, другая, а Иван Захарович все еще просто Иван Захарович, и только.

Опять ввели у нас вечерние линейки. Правда, проходить они стали теперь по-другому. Раньше, бывало, нас выстраивали в три ряда вдоль стены в красном уголке и воспитатели в течение нескольких минут выравнивали нас: «Встали в линеечку, в линеечку». Потому, я думала, и называются линейки линейками, что стоять на них надо ровняя носки ботинок точнехонько по половицам пола, по линеечке то есть.

Иван Захарович, оглядев нас, сказал:

– Давайте не будем каждый день парадов устраивать. Мы же дома у себя. Сядем, поговорим по-домашнему, по-семейному, кто чем живет, кого что волнует. Садитесь, ребята, на стулья, размещайтесь поудобнее. И я вот тут присяду, – взял он крайний стул.

Пока мы рассаживались, к Ивану Захаровичу подошел Митя и протянул ему листок бумаги. Мы знали, что это рапорт, в который староста записывал наши проступки. Так уж повелось при бывшем директоре. В рапорт староста нередко записывал такие небылицы, что мы, ребята, только диву давались. Просто, если хотел Митя проучить кого-то из воспитанников за неповиновение или какую-то другую провинность перед ним, он придумывал и записывал в свой рапорт разные проступки. Клавдия Осиповна ни разу даже не подумала их проверить, и «виновных» наказывали черной работой или утомительным стоянием на ногах в красном уголке, в то время когда другие были заняты играми или чтением книг.

Конечно, проучить человека, чем-то не угодившего Мите, он мог и сам, без посторонней помощи. Но ему непременно надо было выставить «провинившегося» на общий позор. Все мы знали эту нечистую Митину игру, но не было случая, чтобы кто-то из ребят заявил, что это неправда, вранье, Митина прихоть.

Однажды в такой рапорт попала и я. Случилось это сразу после того, как я назвала Митю шпионом и предателем. После ужина мне понадобилось зачем-то сбежать в спальню. В темном тамбуре – вечно там перегорают лампочки – меня схватили чьи-то цепкие руки, сорвали с моей шеи пионерский галстук. А на следующий день в Митином рапорте появилась запись: «Ракитина потеряла галстук». Ох и досталось же мне тогда на линейке и позже, на дружинном сборе. Ребята, казалось, искренне возмущались моим проступком, а я готова была провалиться от стыда, бессилья и – молчала. Даже лучшей подруге Гале не рассказала я о случае в темном коридоре, боялась Митю и его подручных.

Я долго потом мучилась: почему все мы, и я в том числе, молчим, позволяя Мите клеветать на любого из нас? И еще я думала: может быть, Митя просто забавлялся по-своему, сочиняя свои рапорты-небылицы, и издевался не только над нами, ребятами, но и над нашими воспитателями, дурачил их?

Так вот, на этот раз Иван Захарович взял из Митиных рук бумажку, пробежал глазами написанное и с недоумением спросил:

– Что это?

– Рапорт, – скромно сказал Митя. – Я, как староста...

– И что, давно у вас практикуется такое? – спросил Иван Захарович.

– Давно. Как приехали, – сказал Митя.

Директор сложил бумажку пополам и вернул ее Мите со словами:

– Не пиши больше ничего подобного. Отменяю твои рапорты. Понял?

– Понял. – Митя криво усмехнулся, сунул бумажку в карман и отошел.

Уходили мы из красного уголка с легким настроением.

«Может быть, теперь начнется в нашем детдоме совсем другая жизнь?» – думала я.

А когда шли всей ватагой к спальному корпусу, я вдруг услышала Митин голос:

– Тоже мне, Исусик нашелся, порядки наши ему не понравились. Терпеть таких не могу. Сразу видно, всю войну в тылу отсиживался. Люди на фронте кровь проливали, а такие, как Исусик этот, штаны в кабинетах протирали.

Исусик... Все, огорчилась я, теперь Иван Захарович будет жить с этим прозвищем. Так оно и вышло. Сначала «Исусика» можно было услышать только от Митиной троицы, потом словцо это стало проскакивать в разговорах других мальчишек и девчонок: Исусик велел, Исусик сказал, Исусик похвалил. Правда, беззлобно говорилось это, без насмешки, необидно. Так же точно звучало в устах ребят и настоящее имя директора. Для краткости, что ли, пользовались детдомовцы прозвищем или по глупой привычке? Я же всегда звала нашего директора только по имени-отчеству.

10

Вот и отсеялись и отсадились. Теперь на огород можно не заглядывать, пока не появятся всходы, не полезут сорняки. Занятия в школе закончились. Теперь мы целыми днями пропадаем в лесу. Иван Захарович отпускает нас, только предупреждает, чтобы не ходили на болота, там могут быть трясины. Девочки слушаются директора. Да и зачем нам эти болота? Сразу за колхозным полем лесок, а в нем есть все, что нас интересует: колба, медунки, цветы. Начало июня. Распускаются огоньки. А еще, если повезет, можно найти крупные, очень красивые цветы, которые Богородица называет марьиными кореньями.

Медунки съедаем на месте. Надо только очистить сочные стебли от покрытой пушком кожицы – и в рот. Колбу отнесем Тоне на кухню. Она нарежет ее, поджарит с жиром на сковородке, добавит сваренных

вкрутую рубленых яиц и таких пирожков напечет с этой начинкой – пальчики оближешь! Сколько ни ешь, все мало.

Мальчишки же так и норовят удрать к болотам. Потому что не решается ходить туда, что ли? А когда мы возвращаемся домой, нагруженные колбой и цветами, пацаны догоняют нас. Все они что-то тащат в своих картузах.

– Вон сколько мы колбы набрали, – говорю я Игорю.

– Колбы. – Брат презрительно хмыкает. – Вот мы набрали так набрали.

– Чего? – спрашиваю я.

– Яиц. Сколько гнезд на болотах, ужас просто.

– А чьи гнезда? – спрашиваю я.

– Утиные, чьи же еще? – говорит Игорь. – Подходишь – и прямо из-под ног утки вылетают. Здорово!

– А зачем яйца? – спрашиваю я опять.

– Как зачем? Отнесем Богородице, она на ужин яичницу сделает, а то и на пироги с колбой пойдут. Знаешь, сколько мы их набрали? Больше полсотни. Вот, поди, обрадуется Богородица, да?

– А как же утки? – спрашиваю я, глядя себе под ноги. – Вернутся к гнезду, а там ничего нет.

– Ерунда, – говорит Игорь. – Еще нанесут, если им надо.

Я успокаиваюсь. Если нанесут еще, тогда ладно. Но Тоня при виде мальчишеской добычи всплескивает руками и кричит:

– Вы что же наделали, паразиты несчастные?! Яишницы им захотелось! Сколько птицы загубили. О том не подумали, что яйца эти давным-давно насижены. Утята из них вот-вот должны вылупиться, а вы...

– Да ну, – недоверчиво говорит Борька Заяц.

Он берет одно яйцо и стучает им о край стола. Скорлупа легко лопается, разваливается, из нее на Борькину ладонь выливается мутная слизь с кровяными прожилками. Заяц брезгливо морщит нос и губы.

– Что за собрание? – раздается над нами голос директора.

– Ой, ой, Иван Захарович, вы только поглядите, чего они натворили! – горестно причитает Тоня.

– Понятно, – медленно говорит Иван Захарович. – Ходили все-таки на болота?

Мы, притихшие, ждем грозы. Но директор, помедлив, решительно говорит:

– Ладно, что-нибудь придумаем... Антонина Степановна, вы нам и поможете.

– Как? Что надо делать? Назад, что ли, их тащить, эти яйца?

– Нет, конечно. Я не знаю, сколько именно, но нужно срочно достать кур-наседок. Бывает же, что квохчет курица, а хозяйка ее на яйца садить не хочет. Так вот, нам бы во временное пользование... Сколько надо наседок, как вы думаете?

– Пятьдесят два яйца, – размышляет вслух Тоня. – Думаю, кур пять-шесть надо. Только зря все это. Поди-ка, птенцы уже погибли без подогрева. Кто знает, сколько они, – Тоня кивает на притихших мальчишек, – с ними по лесу шарахались.

– Нисколько мы не шарахались, – говорит кто-то. – Как набрали – сразу домой.

– День сегодня теплый, – сказал Иван Захарович. – Может, и обошлось.

Тоня, накинув кофту и платок, побежала на село. А мы в это время сгрудились вокруг стола над картузами и фуражками и принялись усиленно дышать на яйца. Тоня скоро вернулась и привела с собой пять женщин. В руках у каждой из них было по курице.

Иван Захарович радушно улыбнулся им, сказал:

– Вот спасибо, не отказали!

– Но глядите, – предупредила одна из женщин, – как надобность отпадет, чтобы мне мою квочку – в целости и сохранности.

– Только так, только так, – закивали остальные тетки. – Только с таким уговором и даем.

– Обязательно вернем, – успокоил женщин Иван Захарович. – Ну а в случае, если хоть с одной наседкой что приключится, рассчитаемся с вами по всем правилам. Только, думаю, ничего случиться не должно. А, Антонина Степановна?

– Да ну, что им сделается? – ответила Тоня.

В закутке завхозовской кладовой поставили ящики, картонные коробки, настелили в них соломы и положили в устроенные лунки по десятку яиц. Три наседки, будто только этого и ждали, сразу сели на яйца; оставшиеся две для виду потоптались, принялись клювами подправлять кладку и гнездо. Но и эти наконец успокоились.

– Как бы зря их старания не пропали, – опять высказала сомнения Тоня.

– Испыток не убыток, – сказал Иван Захарович.

<...>

Дней через десять в нашем птичнике стало шумно и весело. Всего у нас вывелось сорок шесть утят! Только из пяти яиц, сколько их ни держали под наседкой, ничего не вывелось.

Что там огород? Вот где было настоящее дело! В наш птичник любили заглядывать все ребята, от самых маленьких до самых больших. Однажды даже Митя пришел взглянуть на утят. Он остановился у порога и с интересом стал наблюдать за птенцами. Они к тому времени покрылись серым пушком и стали прехорошенькими. И что было удивительно – каждый выводок тянулся за своей наседкой. Меня это умиляло. Малюсенькие, а такие умные.

Я посмотрела на Митю, и что-то увиделось в нем новое. Нет, он не совсем, наверное, плохой, этот Митя. Вон какое лицо у него сейчас подобревшее, и улыбка чуть приметная, слабая, но тоже добрая, а не ехидная, как всегда.

– Живут, – сказал Митя, ни к кому не обращаясь, и покачал удивленно головой.

<...>

Над Варварином летит самолет. Почему-то мальчишки называют его однокрылым. Ясно же видно: два у него крыла, слева и справа по одному. Высыпали на улицу всем детдомом, подняли носы к небу, следим за самолетом. Митя Наумов тоже здесь. Опираясь на трость, подпрыгивает на здоровой ноге, чтобы лучше утвердиться на земле, провозжает, как и все, взглядом самолет.

– На этот не страшно смотреть, да? – обращается Митя к своей троице, но слушают его все. – А вот на фронте, бывало, «мессер» или «юнкерс» вырулит прямо на тебя, прозевашь чуток – та-та-та, прошьет из пулемета или бомбочку кинет, был – и нету. Там смелый не смелый, герой не герой, как услышишь: «Воздух!» – падаешь, где стоишь, и лежишь не дышишь. Иначе капут и ауфвидерзеен.

Опять я, слушая Митю, многое готова ему простить. Подумать только: он воевал на фронте, когда ему было столько лет, сколько сейчас мне, ну, может, чуть-чуть больше.

Из задумчивости меня выводит голос Ивана Захаровича.

– О, так ты, оказывается, тоже фронтовик? – говорит он Мите. – В каких местах воевал? Может, мы соседями были с тобой или даже однополчанами?

В голосе Ивана Захаровича слышится едва уловимая насмешка. Зачем он так? Конечно, трудно поверить, что Митя успел повоевать, но мы-то все знаем, что он был сыном полка. Митя почему-то медлит.

«Говори, говори!» – мысленно прошу я его.

– Где воевал, там меня сейчас нет, – говорит Митя, глядя мимо директора.

– Ну понятно, – бросает Иван Захарович и уходит.

– Ох уж этот мне Исусик, – говорит Митя, делая глубокий вдох. И добавляет, озираясь вокруг, как бы ища поддержки: – Чего он ко мне цепляется, а?

– А чо ты ему не ответил? – спрашивает Колька Гвоздь. – Сказал бы: там-то и там воевал, а то еще подумает Исусик, что ты все заливаешь.

Митя угрожающе подступает к Кольке:

– Что ты сказал? Я?! Заливаю?!

– Мить, ты чо? – Колька испуганно пятится от Мити. – Я же говорю, что Исусик может так подумать.

– А я чихал на тебя и на всех исусиков, вместе взятых. Понял? Я буду перед ним, крысой тыловой, распинаться?.. «Однополчане», – передразнивает Митя директора. – Ведь видно же по его роже, что и близко от линии фронта не был. С войны во какими приходят! – кричит Митя, хлопая себя по бедру изувеченной ноги. – А у этого ни царапины. И туда же: воевал!

Все молчат. А что возразишь? Действительно, не видно на Иване Захаровиче никаких царапин. И ноги-руки на месте. Только врать-то он не станет, что воевал. Не такой Иван Захарович человек. Просто повезло ему на войне, не ранило, вот и все.

Митя успокаивается, вернее – просто затихает. А губы его опять вытягиваются в ядовитой усмешке. Глаза прищурены, смотрят куда-то вдаль, мимо ребят. Кажется мне, что Митя сейчас обдумывает что-то важное для себя и нечистое. Какое-то беспокойство начинает вдруг точить меня. Пытаюсь понять причину этого беспокойства. Ну что он мне сделает? Или Игорю?.. Нет, не это! Иван Захарович... Но при чем тут Иван Захарович? Что может сделать директору детского дома этот прыщавый Митя? Чем может насолить большому, сильному, умному взрослому человеку? Ничего он не может, подумала я решительно, прогоняя беспокойство.

А оказалось – смог... Как-то в свободное время, в час творчества, как у нас это называлось, все ребята занимались в красном уголке каждый своим любимым делом, кому что больше по душе. Я, например, читала интересную книгу. Называлась она «Рыжик». Судьба Рыжика, мальчишки-подкидыша, потрясла меня. Я настолько увлеклась книгой,

что не замечала девчонок, рисовавших акварельными красками, не слышала споров мальчишек, которые играли в шашки.

Оторвалась я от чтения только тогда, когда раздался непонятный грохот. Я обернулась на шум и увидела, что на полу валяется стул, а рядом лежит и, опираясь на руку, пытается подняться Валерка Изотов – болезненный худенький мальчишка лет десяти.

Над Валеркой стоит Митя и, тыча своей палкой в его плечо, говорит негромко:

– Ты что же, пропастина, не видишь, куда садишься? Ведь это мой стул! Посмотри на него хорошенько и запомни. А чтобы лучше запомнил, отныне будешь его повсюду таскать за мной.

Все мы были так ошарашены этой сценой, что не заметили, когда и как в комнату вошел Иван Захарович.

Директор подошел к Мите, крепко взял его за руку повыше кисти.

– Если ты, – тяжело выдохнул Иван Захарович, глядя на Митю, – еще раз обидишь малыша... я не знаю, что с тобой сделаю.

Знакомым движением Иван Захарович прижал руку к груди, с усилием вздохнул раз, другой и медленно двинулся к выходу. Когда за ним закрылась дверь, мы услышали какой-то неясный звук, как будто в коридоре уронили что-то мягкое, но тяжелое. Помедлив, кто-то из пацанов – кажется, это был Мишка Онучин – выскочил за дверь.

– Иван Захарович, Иван Захарович! – услышали мы взволнованный мальчишеский голос и, повскакав с мест, высыпали в коридор.

Наш директор лежал на полу вниз лицом, неловко поджав под себя правую руку. Кто-то бросился в кухню за водой, кто-то побежал на село за фельдшером. А Богородица опустила около Ивана Захаровича на колени, осторожно повернула его на бок, потом на спину, прислушалась, дышит ли. И сама вздохнула облегченно: живой.

В тот же вечер увезли нашего директора в райцентр, в больницу. Тоня сопровождала его туда. Вернулась она утром на следующий день и рассказала, что дела Ивана Захаровича плохи, что предстоит ему сложная операция и сами врачи не уверены в ее благополучном исходе.

Около детдомовской изгороди собралась кучка деревенских женщин. Они стоят по ту сторону калитки, а Тоня – по эту.

Женщины горестно качают головами, жалеют Ивана Захаровича, говорят:

– Это ж надо... Господи, и с чего бы? Операция... Такой здоровый с виду мужчина.

– Здоровый? Да какой же он здоровый? – говорит со слезой в голосе Тоня. – Израненный он весь. Рассказывал Иван Захарович, снаряд возле него на фронте разорвался. Осколки от того снаряда у него в спине, в легких засели. Сколь вынули врачи тех осколков, и не счесть. А один, совсем махонький, не смогли достать, потому как около самого сердца он сидел. Сидел себе тихо и сидел, а тут вот... Потрясение, говорят. Он, осколочек, сдвинулся от этого потрясения. Теперь хочешь не хочешь, а резать надо, вынимать его... Только ненадежно это, ох ненадежно.

– Еще бы надежно, – поддерживает Тоню женщина. – Сердце. Шутка ли в деле?

Спрашивают также колхозницы насчет родных директора. Может, вызвать кого надо? На этот раз подошедшая к калитке воспитательница Дина Ильинична поясняет, что жена Ивана Захаровича и их маленькая дочка в Ленинграде в блокаду умерли с голоду. А родителей он еще ребенком лишился, в детдоме рос.

Значит, Иван Захарович тоже детдомовец? И почему мы всего этого раньше не знали? Уж мы бы поберегли его, мы бы... Я стояла в толпе девчонок и, сдерживая слезы, слушала все, что говорилось об Иване Захаровиче.

Опустел, осиротел детдом без директора. И ночью я опять горячо молила забытого мной на время Бога: «Боженька, миленький, я тебя очень прошу, сделай так, чтобы Иван Захарович поправился. Пусть он живет, Боженька. Сделай так! И я тогда поверю, что Ты есть».

После завтрака я послонялась в одиночестве по детдомовскому двору, посидела в спальне. Хотела было навеститься на кухню к Тоне, но передумала. Не нравилась она мне в последнее время. С тех пор как

проводила Ивана Захаровича в больницу, Тоня ни с кем не разговаривала, даже на меня внимания не обращала. Сердито ворочала кастрюли, гремела крышками и только изредка вздыхала, приговаривая: «Господи, Господи, как же это Ты допускаешь такое, Господи?»

Когда же становилось совсем неважно, я шла к своим уткам. Как выросли они за полтора месяца! Расправляют крылья, пытаются взлететь, вспархивают на края кормушек, корыт и шлепаются на землю. Даже если и совсем станут взрослыми, не улететь им отсюда. Вверху-то, над загоном, тоже натянута сетка.

«Вот он спас вас, – говорю я мысленно уткам, – вы живые, здоровые, радуетесь. А Иван Захарович лежит сейчас со своим осколком у сердца. Операцию ему будут делать. Это значит – резать будут острым-острым ножом...» Кажется особенно страшным, что – острым.

К птичнику со скорбным лицом подходит Богородица. Она принесла кастрюлю с кормом для утят.

– Знаешь, Танюша, – говорит она мне, – я думаю, надо уточек этих всех до единой на волю отпустить. Пора им к своим приобчаться. Не знаю, для чего их Иван Захарович сберег, но, поди-ка, не для того, чтобы в котел с похлебкой отправить.

– Нет, Богородица, ой, Тоня! Нет, что ты! Иван Захарович – и что в котел... Нет!

– Отпустить, что ли, советуешь? Думаешь, не осерчает он, когда вернется?

– Не осерчает! – говорю я убежденно.

И на душе у меня становится радостнее от Тониной уверенности, что Иван Захарович к нам вернется.

– Завтра и решим всё с ребятами, – говорит Тоня. – Снесем их на озеро, пусть живут, Ивана Захаровича благодарят. Опять ты, Таньча, меня Богородицей назвала... Только вот что я тебе скажу... – И шепотом: – Нету Бога. – А потом громче, со слезой: – Нету!

Постояла Богородица, вцепившись в сетку загона пальцами, помолчала и сказала:

– Если бы был Он, Бог, разве бы допустил, чтобы Иван Захарович такие муки мученические переносил? Звонили, что перевезли его в областную больницу, не решились операцию в районе делать. Нет, ты подумай, всякие навроде Кобылы этой живут в свое удовольствие, и земля их носит, не разверзнется. А Иван Захарович... Или мамонька твоя. Для чего Богу надо было, если есть Он на белом свете, на столько время ее в больницу укладывать, здоровья лишать да вас с братом заставлять горе мыкать? А Гриша мой... Сколь я слез пролила, сколь молитв Богородице вознесла! А где мой Гриша? Нету его, Таньча. Ой, права та похоронка проклятая. Нету.

Тоня горько заплакала, склонив лицо к своему плечу.

А я, наливаясь жалостью, гладила ее полную мягкую руку и умоляла:

– Тонечка, родненькая, не плачь, не надо.

Все детдомовцы с горячим одобрением встретили Тонино предложение отпустить утят на волю.

<...>

12

Не помню точно, кто принес в детдом весть о том, что Ивану Захаровичу сделали операцию и прошла она удачно. Но лежать ему до полного выздоровления еще долго. Все гадали, кого поставят, пусть даже временно, директором, и опасались, как бы опять не вернулась Кобыла. Но из районо пришел неожиданный для всех приказ, которым обязанности директора возлагались на старшую пионервожатую Наташу, Наталью Сергеевну.

– Ой, что они придумали! – ужаснулась Наташа. – Какой из меня директор?! – Она буквально хваталась за голову и твердила: – Не смогу, не сумею.

А я подумала: Наташа славная, значит, сможет...

* * *

Ну вот и подошел к концу мой рассказ. Да, а ведь я еще о Мите забыла рассказать. После случая с Иваном Захаровичем он как-то сразу лишился своей свиты. По привычке, что ли, троица по-прежнему держалась вместе, но уже без Мити. Стоило ему появиться возле них, как пацаны заводили меж собой оживленный разговор. Как бы увлеченные им, они совершенно не замечали Митю. Несколько раз он пытался заговорить с ними, вставлял словечки вроде «это вы про кого?» или «а кто такой?». Бывшие холопы не удостоивали его ни вниманием, ни ответом. Митя, желтая от злости, отходил, забивался в угол и молчал. Понимал, что не справиться ему одному с тремя друзьями, каждый из которых, наверное, не уступал Мите по силе. И еще мы заметили: садиться теперь Митя стал на любой стул, какой был к нему поближе, хотя его стул по-прежнему никто не трогал.

Я не верила в Митину покорность, все ждала, что затишье должно кончиться. Так и случилось. Однажды, когда перед ужином все собрались в столовой, громко хлопнула дверь и на пороге появился Митя. Вид у него был необычный: всегда гладко зачесанные волосы были взъерошены, пиджак расстегнут. Трость Митя волочил за собой, и от этого его хромота была заметнее.

– Стул! – гаркнул Митя.

Никто не шелохнулся. По голосу Мити, по тому, как качнулся, цепляясь за стену, стало ясно, что он пьян.

– Я сказал: стул мне!

«Святая троица» не двинулась с места. Зато на Митин крик в дверях появилась Тоня.

Она строго посмотрела на него, сказала с осуждением:

– Что, неймется? Такого человека чуть в могилу не спровадил, и все не урок тебе. Ты на ребятишек голоса не повышай. Вот не погляжу, что убогой, да перетяну тебя когда-нибудь твоей же палкой пониже спины.

– Тихо, Богородица! – выкрикнул Митя. – Ты на меня не клепай. К Исусику я никакого отношения не имею. Сама же говорила: осколок. Но... виноватым я себя чувствую. Слышь, Богородица и вы все?! Потому и напился. Казенное полотенце, ха-ха, в деревне на самогон променял... Знаешь, что меня доконало, Богородица? То, что Иван Захарович в самом деле на фронте был. А я не верил ему, думал, заливают. Ведь у него и награды есть. Наташа их в столе его кабинета нашла. А он даже ни разу не надел их, чудак... Вот я тоже воевал. Да, воевал! Кто-нибудь сомневается? – спросил Митя, злобно прищурившись, и оглядел лица ребят.

Все молчали, и только Тоня сказала с укоризной:

– Будет тебе, Митя, дурачить всех. Ну пошутил, поиграл в войну и будет. Не дите уже, вон в какую орясину вымахал.

– Ты чего это? Ты, Богородица, лишнего не мели! – слабо выкрикнул Митя. – Как это – поиграл в войну?

– Да не ерепенься, не ершись, – осадила его опять Тоня. – Долго ты будешь ребят своими баснями морочить? Давно уже известно, что ни на каком фронте ты не был.

У меня от Тониных слов мурашки побежали по спине. Как это не был? Все знают, что Митя был сыном полка... Ой, что сейчас будет!

Митя помолчал, буравя Тоню взглядом, и вдруг откинул голову назад и с надрывом расхохотался:

– Ха-ха-ха! Я вам всем заливал, что был на фронте, а вы и уши развесили, дураки! Не был. Выкусили? Не был!.. Куда я с этой падлой? – Митя ударил палкой по изувеченной ноге и застонал, скривившись от боли. – Кому я нужен был с ней на фронте? И про осколок я натрепал, и родичей своих в глаза не видел, а заливал, что они погибли в бомбежке. Не было у меня их ни-ко-гда. Может, из-за этого, – он опять, но на этот раз несильно ткнул в больную ногу, – и кинула меня моя мамочка.

Митя опустил на пол и заплакал.

Тоня наклонилась к нему, пытаясь поднять, стала тянуть за руку:

– Вставай, горе ты мое горькое. Давай поешь горяченького и – в постель. Выспишься – человеком будешь.

– Богородица, – говорил Митя расслабленно, шмыгая носом, – я тебя люблю. И Исусика люблю. Не веришь? И этих всех, – он окинул взглядом ребят, – я жалею и люблю. Не веришь, Богородица?

– Верю я, верю всякому зверю, – сказала Тоня и повела поднявшегося на ноги Митю к столу. – Ты вот спасибо скажи, что воспитательниц наших нету за ужином, домой побежали свою ребятню кормить, на меня вас оставили. Давай ешь по-скорому, а не хочешь, так в спальню ступай, пока наши мадамы не вернулись.

...Не знаю, как сложилась дальше жизнь детдомовцев, потому что дня через три после Митино выступления за мной и Игорем приехала мама. Она совсем поправилась. Только я сначала не узнала ее: вместо длинной косы появилась у мамы короткая стрижка. Это в больнице ей волосы укоротили.

Когда мама расписалась за нас с Игорем в каких-то бумагах, когда мы, сопровождаемые толпой ребят, уже вышли из детдомовских ворот, нас остановил голос Тони:

– Обождите-ка, эй, обождите!

Меня так и обдало стыдливым жаром. На радостях я совсем забыла попрощаться с Богородицей.

Тоня быстро подошла к нашей маме, протянула ей руку:

– Здравствуйте. Поправились, значит? Слава Богу, дождались деточки светлого часа. Хорошие у вас ребята, – сказала Тоня, прижимая к себе мою голову свободной рукой.

В другой она держала бумажный сверток, от которого исходил аромат свежее испеченных булочек.

– Вот, возьмите, – Тоня протянула сверток маме, – перекусите в дороге, пока до дому доберетесь.

Мама поблагодарила, стала укладывать сверток в сумку, а Тоня присела на корточки, притянула меня обеими руками к себе и сказала тихо, так, чтобы слышала только я:

– Я, Таньча, давеча тебе про Бога говорила, что нет Его. Наверно, нету. Никто ведь Его никогда не видел. Только ты все равно так живи,

как будто Он есть. Не знаю, поймешь ли меня, мала еще. Но помни: в душе у каждого человека должна быть вера, без нее нельзя... Ну все, беги. Мамка-то ждет, еще заревнует, поди.

– До свиданья, Богородица, – сказала я, пятясь от нее.

Потом повернулась и побежала к маме. Взяла ее за руку и еще оглянулась. Тоня медленно махала нам рукой...

Почему в конце концов приходится расставаться с теми, кто нам так дорог?

1986

Вера Яковлева

СЛОВО ОБ ОДНОФАМИЛИЦЕ

Мы не родственницы с Людмилой Михайловной Яковлевой. Однако в связи с распространенностью нашей фамилии иногда нас с ней воспринимают как одну личность. Путают. Случаются несуразные ситуации. Порой я выслушиваю комплименты за книги, которых не писала. Лет пятьдесят назад, наоборот, меня остановили на улице две женщины и стали упрекать: мол, никакого толку от вашей статьи – колонка как не работала, так и не работает! Ошарашенная непонятной инвективой, я растерялась. Спас прохожий, объяснивший негодующим землячкам, что гнев не по адресу: это секретарь горкома ВЛКСМ, а корреспондент «Тайгинского рабочего» совсем другая Яковлева! И она наверняка хочет вам помочь, но редакция не всесильна. Тем миротворцем был директор завода минеральной ваты Александр Брунович Гарнец. Он знал суровую правду жизни.

Колонку отремонтировали. На публикации в прессе тогда все же реагировали. Да и Людмила Михайловна была ответственной, деятельной и целеустремленной журналисткой. Но и замечание об ограниченных возможностях газеты, увы, справедливо! Писательница сама

сокрушается об этом в одном из рассказов. Обратился в редакцию рабочих. Его, чуть выпившего после смены в честь сорокалетия сослуживца, забрали на улице в медвытрезвитель, избили, унизили, утром выписали штраф. Хотел сразу рассчитаться – денег в куртке не оказалось! Сотрудники учреждения «изъяли» всю зарплату! Вот такие перегибы наблюдались в борьбе с пьянством! Людмила Михайловна откликнулась всей душой, но оказалось, что милиционеры неприкасаемы! Придя в следующий раз, человек этот по виноватому виду корреспондентки понял, что о возмездии циничным обидчикам придется забыть. Повернулся и ушел со словами: «Значит, и вы ничего не можете?» Людмиле Михайловне сказать было нечего. Она страдала. Через десятилетия этот случай стал сюжетом для небольшого рассказа. То, что было невозможно на газетной полосе, реализовалось в художественной прозе. Рассказ назвала символично: «Где вы, дяди Степы?». Далеко этим ретивым наглецам до любимого героя детворы.

Вообще-то Людмила Михайловна не робкого десятка. В этом можно убедиться, читая ее книги, пронизанные автобиографическими мотивами. Вот она, пятнадцатилетняя, читает сказку младшим сестренкам. Мать ушла на родительское собрание. В незапертую дверь входят два незнакомца с перепачканными кровью руками. Люда, боясь испугать малышей, не проявляет страха, а находчиво интересуется у вошедших мужчин: не к папе ли они? Хотя папы давно в семье нет. Затем продолжает чтение. Злодеи спрашивают, где рукомойник, моют руки и уходят, удивившись стойкости девочки. Только советуют: «Ты закрывайся, нельзя так сидеть. Зайдет какой-нибудь дурак, обидеть может». Утром выяснилось, что они зарезали, выпотрошили и украли соседского поросенка. Случилось это на севере Томской области, в Колпашеве, в 1954 году, а в 2009 году стало рассказом под названием «В компании с “душегубами”».

Героиня рассказа «Как я “Юрку” спасала» выручает из беды незнакомое парня, которого избивают в темном закоулке Томска хулиганы.

Окликает его первым пришедшим в голову именем: «Юра, кто это? За что они тебя?» Бандиты, обнаружив ошибку, поняв, что не того бьют, бросают жертву. Насчет рассказчицы же уважительно замечают: «Такая девушка хоть кого защитит!» Произшло это в 1958 году, когда автор рассказа была девятнадцатилетней студенткой. В художественный текст воплотилось в 2010 году.

С детских лет и до сих пор Людмила Михайловна убеждена: «Мне всегда казалось, что в любой, даже самой опасной ситуации я сумею найти нужные слова, сыграть на чувствах даже какого-нибудь бандита, убедить его не причинять зло». Судьба не раз предоставляла ей возможность доказать эту «максиму». Можно вспомнить бесчисленных «незваных гостей», во время визитов которых ей не изменяло холодно-кровие. Это было и на Озерной улице, и на углу Телеграфной и Красноармейской, и сейчас в центре города, на улице Тилемзейгера, где писательница живет на первом этаже в окружении книг.

«В подъезде хлопнула входная дверь, а затем послышались шаги, которые, кажется, затихли за моей дверью. В тот же миг ко мне постучали...» Такова завязка рассказа «Ночной гость “с сумками”» (2012). Тревожное начало! Жалобным голосом человек рассказывает, что приехал к старенькой больной маме, привез подарки, продукты, фрукты. Все это в двух таких тяжелых сумках, что даже «руки оттянул». И просьбу излагает: хочет оставить на время одну из сумок. Обещает за это фруктами угостить. Но рассказчица неподкупна. Дверь не открывает, но выражает готовность позвонить в милицию – попросить «покараулить» сумки. Визитер осознает, что его монолог сердобольного отклика не вызвал, пинает дверь, нецензурно изливает эмоции и спешно покидает подъезд. В окно видно: никаких сумок при нем нет.

Смелая Людмила Михайловна! А еще щедрая и милосердная. Эти черты заметны как в ней самой, так и в ее героинях. Много примеров приводить не буду, ограничусь одним. На страницах произведений, где раскрывается тема детства, присутствует образ матери – доброй,

заботливой, бескорыстной. Суть ее характера именно в том, что она мать! Вспоминаются повести «Золотые стрелы», «Долгое лето детства», «Дом на Озерной». Мать даже в военное лихолетье пытается накормить, обогреть, уберечь от невзгод сына и дочку. Даже праздник новогодний устраивает! Старой корзиной на рыхлом снегу прокладывает следы к дому, будто Дед Мороз приходил и положил на окно подарки. И жалеет она всех: и цыганскую семью, отставшую от табора, и соседей Чирковых, у которых в избушке крыша обвалилась, и бывшего моряка, потерявшего семью в блокадном Ленинграде.

А черным периодом писательница называет время пребывания в детском доме. Без мамы. Она заболела – пришлось на год ребятишек отдать в воспитательное учреждение. Об этом повесть «Богородица, Исусик и другие». Писательница меняет имена Женя и Люда на другие: Игорь и Таня. Благодаря этому жизненный эпизод обретает обобщенный смысл. Но личностное начало остается: в героях по фамилии Ракитины легко узнаются прототипы – Никитины. Повествование ведется от первого лица. Рассказчица – Таня. События происходят через три года после окончания войны, но живется по-прежнему трудно. Разные люди вокруг. Жестокая директриса Клавдия Осиповна по прозвищу Кобыла, культивирующая в детдоме физическое и моральное насилие. Чего стоит ее манера не отдавать детям письма от родных! Издевательство! Хорошо, что ее уволили. К счастью, в детдоме встречаются взрослые, любящие детей. Это повариха Тоня, которая из дому приносит варенье, чтобы дети полакомились. Новый директор Иван Захарович, отменивший «рапорты» доносчика Мити и вернувший письма адресатам. Его педагогические принципы гуманны, направлены на пробуждение в воспитанниках добрых чувств. Ребята прозвали их Богородицей и Исусиком. Эти прозвища совсем не обидны: в них есть даже ореол святости. Умная девочка Таня резюмирует для себя: «Друзей намного больше, чем врагов». В финале приезжает выздоровевшая мама. И это настоящее счастье!

Безграничная душевность, чуткое отношение к людям, потребность в чтении, любознательность, трудолюбие – все эти черты унаследовала Людмила Михайловна от своей мамы. Но не только. Еще и любовь к творчеству – дар слова. Вера Захаровна Пром тоже писала заметки в газету, стихи, книги. И Людмила Михайловна начинала с лирики. Классический путь в литературу. На наших ежегодных городских конкурсах чтецов часто звучат ее стихотворения «Город детства», «Цена Победы», «Мы помним», «Листопад», «Каникулы!». По-моему, стихи являются естественным самовыражением ее романтической натуры. О чем они? О детстве и зрелости, о временах года и путешествиях, о войне и благодарной памяти народа, о великой стране и малой родине.

Тайга – это запах смолистого ветра,
Упорство и верность людей.
Тайгинцы надежны и стойки, как кедр,
И друга не бросят в беде.

Тайга – это рельсы, звенящие песней,
Кантата летящих колес.
Природы нигде не отыщешь чудесней:
Здесь царство рябин и берез.

Патриотические строки. Это не весь текст, но и по фрагменту можно понять, как горячо Людмила Михайловна любит Тайгу. И эта любовь взаимна! Стихотворение «О родном городе» 1981 года заинтересовало нашего композитора Виктора Семеновича Стифутину. Так родился гимн, который исполняется на торжествах, праздниках, школьных уроках музыки. Большинство знает слова наизусть.

В глубине России,
Где рассветы сини,
Где зимой такие
Чистые снега,
Где как песня вёсны,
Летом травы росны,
Город мой неброский –
Милая Тайга.

Искренним проявлением любви к городу можно считать деятельность писательницы как редактора ежегодного альманаха «Тайгинские зори». В 2022 году вышел четырнадцатый номер!

Людмила Михайловна охотно встречается с читателями, дарит свои книги. Я с удовольствием приглашаю ее в нашу школу № 34, где она давным-давно отучилась, правда, только в первом классе. Обычно мы ставим небольшие спектакли – инсценируем забавную «Сказку про бабу Ядвигу» или главу «Егоровна и брусника» из повести «Золотые стрелы». Ребята читают стихи, задают вопросы. Как-то спросили о любимом писателе. Людмила Михайловна назвала Константина Георгиевича Паустовского: привлекает прозрачность, поэтичность, одухотворенность прозы и мудрые мысли в письмах.

В нашем кабинете литературы хранится подаренная писательницей рукопись повести «Долгое лето детства» с автографом: «Моим дорогим читателям – девочкам и мальчикам – ученикам когда-то родной для меня школы № 34, а также их учителю Вере Васильевне Яковлевой».

С каждым поколением школьников читаем, размышляем, проникаемся светлыми думами нашей писательницы. И любим «милую Тайгу», как она.

Валерий Плющев

«И ЧУВСТВА ДОБРЫЕ Я ПРОЗОЙ ПРОБУЖДАЛА»*

Так могла бы сказать о своей книге «Калейдоскоп судьбы» Людмила Яковлева из города железнодорожников Тайги. Томик тиражом в 300 экземпляров вышел в Кемерове как раз к 75-летию автора. Писатель в коротеньких рассказах (помните детскую игрушку калейдоскоп, предлагающую бесчисленное количество самых причудливых узоров из осколков цветных стеклышек, отражающихся в зеркалах?) предлагает свою жизнь и судьбу с самых первых детских впечатлений до времен наступления человеческой мудрости. Один из знаменитых режиссеров нашей страны записал: «...уметь чувствовать... Это значит – принимать чужие страдания как свои собственные». Людмила Яковлева умеет чувствовать по-настоящему.

Автор не чурается темных сторон бытия, но и сеет радость, обильно насыщая свои рассказы добрыми чувствами. Хотя все помнят цитату из большого поэта: «Для веселия планета наша мало оборудована». Поэт, конечно, прав, но без радости и восторга жизнь тоже не в жизнь, что душой понимает Яковлева (не все, ох не все пишущие демонстрируют такое мировосприятие в своих творениях). Как затронуть внутренние душевные ресурсы (иногда говорят – струны) читателя, повести его за собой к свету и созиданию мира – то тайна творчества. Судя по книге «Калейдоскоп судьбы», это творческое таинство автору ведомо. И писательский язык для подобной прозы требуется такой, чтобы растапливать людские сердца. Вообще-то это главная забота любого автора: именно вокруг языка живет или не живет воображение, не говорим о закипании крови в жилах. И конечно, без чувства доверия к написанному – никуда. У Яковлевой с этим все нормально. Наш автор пишет просто, без нанизывания эпитетов-метафор и использования прочих красочных приемов; эта проза реалистична, лаконична и

* Рецензия на книгу.

экономна в языковом материале. Кто-то может и утомиться от писательской простоты, мне об этом намекали некоторые друзья-читатели. Но отчего временами незатейливые случаи из жизни, явленные этой прозой, заставляют улыбнуться, а то и рассмеяться, и в то же время – сопереживать жизненным испытаниям многочисленных героев, когда спазм в горле? И еще: без образного мышления искусства нет – это аксиома. У автора за каждым рассказиком стоят такие полнокровные писательские образы – успевай вглядываться-вчувствоваться.

Писатель погрузил в текст глубоко личное. Вот прозаик вспоминает самые первые годы сознательной жизни в начале книги: «Впереди были еще холодные, голодные зимы сорок пятого, сорок шестого и сорок седьмого годов. И жестокая болезнь нашей мамы, и год, который мы с братом провели в детском доме. А самое главное – папа не вернулся к нам с войны». Такие вот всплохи памяти, если еще добавить, что отец бросил семью, заведя новую. И еще из детства рассказик, как чужая бабуля Митревна (бабушка Морозиха – так называли ее дети за неожиданный новогодний подарок к зиме) подарила брату валенки, а ведь бегали в сентябре – октябре в школу босиком, растирая руками подошвы ног, а дома сразу залезая на русскую печь, чтобы согреться. «А я всю жизнь, долгие десятилетия вспоминаю с благодарностью в канун каждого Нового года добрую, давнюю нашу нежданную гостью». Если обобщить, это извечное добро нашего народа так и передается от поколения к поколению, и тем, я думаю, жив и будет всегда жить народный дух.

Писательница подробно описывает свои платья – этого мужикам не понять. Я вообще плохо помню неказистые наши одежды: жили бедновато. Так мы и идем неспешно вслед за писательницей по времени, разглядывая и вспоминая ушедшее. И как же радостно узнать-ощутить в книге свое, увидеть себя, узнать в лицо то, что живет внутри тебя.

Автор не ломает действительность на первый взгляд, только отображает. Однако удивительным образом действительность пластично преобразуется. Одна история проходит, следом другая, и все они –

жизнь, где все намешано: прошлое, настоящее, будущее, хорошее, дурное. И остается нравственное послевкусие чистоты, радости и счастья от бытия. А еще из страниц встает целый мир, бесконечность, в которых множество человеческих жизней. И томительное читательское желание знания о чужих жизнях, историях, всматривание сквозь окна, рубленные автором. Можно войти в этот мир или остаться по другую сторону, спрятавшись за «ничего никому не скажу». Вам выбирать: включить воображение или пригасить...

Есть ли тоска от прочитанного? Совсем чуть. Остается прежде всего светлое чувство от пережитого. Тем более что в этой прозе в наличии юмор – легкий и светлый, необидный для героев, воздушный.

Вся жизнь советского человека с его тихими радостями и печалью панорамно разворачивается перед нами. Бытие тех, кого ныне некоторые презрительно называют «совком», что для Яковлевой просто неприемлемо. Я бы сравнил количество ее персонажей с тем, сколько их, наверное, у Чехова: тьма людей перемешивает пространство. Тут тебе и работники-сослуживцы, и колоритные старики (злых среди них нет), и бездомные, и преступники, и безумные – весь круг жителей малых городов и сел, с которыми сводила судьба писателя. Из kaleidoscopic картинок-стеклышек бытия складывается широкая панорама жизни миллионов людей нашей страны в самых разных регионах, сказочные картинки: повернешь немного – уже другие, и так до бесконечности. Жили хуже, чем в странах народной демократии? Да, подтверждает Яковлева, рассказывая о дружбе по переписке с девочкой из Чехословакии и уже о взрослых поездках в гости за рубеж с детьми. И что с того?..

Эта книга включает в себя богатую россыпь реалистических зарисовок (очень похоже на интернет-блог), большинство картинок в духе опять-таки незабвенного Антона Павловича, когда за скупостью характеристик каким-то чудом появляется человеческая глубина. Яковлева пытается не расплескать свет, который излучает ее солнечная проза. Не искусственное освещение, а – свет!

И вдруг такая жалость протяжная о судьбе Евдокии из рассказа «Сруб нового дома». Опять общеизвестное: в сыновьях и дочках улада и надежда на то, что жизнь не напрасно прогорела. А если сын по тюрьмам и никому крупницы добра от него не было?.. Отсюда вытекает (а таких примеров не один, не два): у прозаика шествуют не одни херувимы – и браки по расчету совершаются, и «квартирный вопрос их испортил», и на преступления некоторые готовы – это их жизнь, какая им была дана. Вот так и текли годы тихонько, иногда убыстряясь, добавляя мудрости с возрастом.

А еще большой плюс подобной прозы – любовь во всем ее величии, сладости чувств, когда сердце замирает от сочувствия и нежности к героям.

Есть еще один вопрос из извечных русских: насколько труден нравственный выбор между добром и злом?.. Или все совершается случайно? У нашего автора есть и такой ответ: зачастую выбор-то главный – в случайности. Вот идет женщина, а на нее нападает пьяный насильник и грабитель, которого она узнает как школьного друга своего сына, служащего в армии. А потом суд, и через семь лет ей передают отобранное башибузуком обручальное колечко. «Тюрьма лечит!» – вывод пострадавшей. А все мучения нравственные и физиологические далеко за рамками рассказанной жутковатой истории.

Людмила Яковлева имеет за плечами приличное количество изданных книг, в которых есть место и повестям с романами, но, думаю, ее излюбленный писательский жанр все-таки небольшие рассказы, в которых еще надо умудриться исследовать вершины добра и глубины зла, чтобы ни грана тайны не осталось – ни светлой, ни темной.

Есть ли претензии к «Калейдоскопу судьбы»? Есть. Когда ближе к концу писатель начинает искать причины в «политике» и «политиках». Последний десяток, а может, и два десятка лет настолько противоречивы, что писателю-лирику (а Яковлева – безусловный лирик в прозе, кто-то может назвать ее бытописателем – пусть их) лучше поостеречься скользких политических дорожек.

Людмила Яковлева

АВТОБИОГРАФИЯ

Родилась я 6 февраля 1939 года в городе Тайге (ныне Кемеровской области). Мама, Вера Захаровна Ус, тоже уроженка Тайги (1914 г. р.), окончила семь классов общеобразовательной школы № 32 (хорошее образование по тем временам), поступила в фабрично-заводское училище. Спустя два года получила свидетельство на право работать токарем. В неполные 18 лет начала трудиться токарем в инструментальном цехе Тайгинского паровозного депо. Той же дорогой рядом с Верой шел и мой будущий отец – Михаил Степанович Никитин.

Семь лет учились мои родители в одном классе, сидели за одной партией, вместе окончили фабрично-заводское училище. В двадцать лет влюбленные (к тому времени оба сироты) расписались в загсе. В августе 1936 года родился сын Евгений, спустя два с половиной года – дочь Людмила.

В 1940 году отца забрали в армию. Отправили на учебу в артиллерийское училище. В 1941 году досрочно присвоили звание младшего лейтенанта и отправили на фронт. Отец прошел с боями всю войну, командовал в течение трех лет боевым расчетом легендарной «катюши». В конце 1944 года в нее попал вражеский снаряд. При взрыве погиб весь расчет. Выжил только мой отец. Его в бессознательном состоянии отправили самолетом из Пруссии в Москву, в военный госпиталь. Через полгода отец сообщил, что не может вернуться в Тайгу: медсестра Наташа ждет от него ребенка.

Благодаря маме мы пристрастились с братом к чтению книг. Буквы и чтение по слогам я освоила в пять с половиной лет. А в шесть уже самостоятельно перечитывала сказки и книжки со стихами Барто и Чуковского. Многие стихи выучила наизусть. Длинные истории про Тараканище, доктора Айболита и Бармалея могу прочесть по памяти

без запинки и сегодня. Тогда же, в неполные шесть лет, твердо решила для себя: «Вырасту – обязательно стану писателем!»

Окончив школу в городе Колпашево Томской области, подала документы в Томский коммунально-строительный техникум. В институте пришлось бы учиться пять лет. В техникуме – вдвое меньше. На помощь с маминой стороны я не рассчитывала. Ей бы, думала я, самой продержаться с двумя маленькими девочками, нашими сестренками, которых мама родила от нашего с Женей отчима. Мама вышла второй раз замуж (с нашего разрешения) в 1948 году за латыша Андрея Венедиктовича Прома, бывшего узника лагерей Колымы (где провел десять жутких лет). Они были знакомы с мамой еще до войны, по комсомольской работе. Так в свои девять лет я оказалась на Колыме. Мама зарегистрировала брак с отчимом, и я долго переживала по поводу того, что мама взяла себе эту чужую фамилию – Пром.

После техникума я успешно трудилась в проектной конторе Томска техникум, через полгода – инженером. Довелось поработать и мастером на строящейся шахте в Донбассе близ города Первомайска, где родилась у нас с мужем Валентином вторая дочь, Света (старшая Оля появилась на свет в Томске). В 1969 году вернулись в родную Тайгу. Здесь я восемь лет трудилась инженером в сметной группе отделения железной дороги. Отсюда по предложению главного редактора городской газеты Павла Антоновича Сергиенко перешла работать в редакцию корреспондентом. В то время много писала не только для газеты, но и для «большой литературы». Копила рукописи повестей и рассказов «на потом», складывая их в большую красочную коробку из-под китайских яблок. Чуть не доверху набила эту копилку папками с рукописями. Изредка удавалось засветиться в городской или областной газете, в журнале «Огни Кузбасса».

В 1974 году, благодаря помощи редактора Кемеровского областного книжного издательства Людмилы Владимировны Глебовой, вышла моя первая книжка для ребят школьного возраста под названием «Зо-

лотые стрелы». Тираж ее составил 15 тысяч экземпляров. Сейчас бы нам такие тиражи! Отзывы на эту книгу приходили мне даже из дальних городов. А в городе Бежецке (Тверская область) в начале тяжелейших девяностых «Стрелы», к моему изумлению, напечатали в нескольких номерах городской газеты под названием «Верю». Это стало реальным началом моего долгого и – теперь с полным правом могу сказать – успешного, хоть порой и тернистого писательского пути.

В 1989 году по предложению известного прозаика Владимира Михайловича Мазаева повесть «Богородица, Исусик и другие» была включена в коллективный сборник «Субботний рейс». Вошли в него произведения восьми авторов. Семеро из них – мужчины, и только одна женщина – это я. В 2003 году при материальной поддержке губернатора А. Г. Тулеева увидела свет моя первая «толстая» книга повестей и рассказов «Быть любимой». За нее я была удостоена областной литературной премии им. Александра Волошина. В 2006 году заняла второе место во Всероссийском литературно-публицистическом конкурсе «Спасибо тебе, солдат!». Постепенно было издано еще около двух десятков книг. В 2007 году принята в Союз писателей России.

Всем, чего достигла в жизни, я обязана вниманию со стороны братьев по перу. В первую очередь это кемеровский поэт, к сожалению рано ушедший из жизни, Владимир Ширяев. В жестокое время конца восьмидесятых, когда всем нам пришлось несладко – не пелось, не писалось, и казалось, что уже никогда и никому не нужны будут стихи и вообще книги, – так поддерживали меня письма моего дорогого товарища! Володя не требовал, а заклинал: «Не кисни, пиши, твори! Все образуется, поверь!»

Поддерживали меня добрым словом прозаики Владимир Мазаев и Геннадий Емельянов, поэты Игорь Киселев, Валентин Махалов, Александр Катков, литературный критик Евсей Львович Цейтлин. Валентин Махалов, будучи уже больным, задержал меня за руку в коридоре Дома литераторов и сказал проникновенно: «Ты, Люда, давай не ле-

нишь, пиши и пиши, пока есть желание и работает голова. У тебя хорошо получается». У меня болезненно сжалось сердце. Это была моя последняя встреча с поэтом... Особая благодарность товарищам по писательскому цеху поэтам Борису Бурмистрову и Сергею Донбаю. Высоко ценю их творчество и душевную щедрость. Сердечное им спасибо за поддержку на протяжении десятков лет.

Награждена медалями «Ветеран труда» (1989), «За служение Кузбассу» (2006), «За веру и добро» (2007), «70 лет Кемеровской области» (2012), «За вклад в развитие города Тайги» (2019). Лауреат VII Кузбасской литературной премии им. святителя Павла Тобольского (2021).

Книги Людмилы Михайловны Яковлевой:

Золотые стрелы : повесть. – Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1974. – 40 с.

Небо начинается с земли: о летчиках – воспитанниках Краснознаменного тайгинского аэроклуба ОСОАВИАХИМа / Л. Яковлева, Г. Валитова. – Тайга : [б. и.], 1994. – 120 с. ; Кемерово : Кузбассвуиздат, 2010. – 156 с.

Быть любимой : повести, рассказы. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. – 284 с.

Ох уж эти мужики... : роман, повести. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2003. – 198 с.

Долгое лето детства : повести, рассказы. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2004. – 161 с.

Я буду ждать : повесть. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. – 68 с.

Звонкий город детства : стихи. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. – 79 с.

О житье-бытье : рассказы. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2006. – 223 с.

Наедине с собой : роман. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2007. – 181 с.

Взгляд назад : повести, рассказы. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2007. – 200 с.

Про зверят и про ребят : рассказы. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. – 64 с.

Почти полвека в строчках дневника. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2008. – 283 с.

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КУЗБАССА

- Про бабу Ядвигу : сказка. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2009. – 24 с.*
О тебе и обо мне. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2010. – 232 с.
Хотите – верьте... – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2011. – 155 с.
Вы мне писали. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2012. – 226 с.
Калейдоскоп судьбы. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2014. – 319 с.
Встречи : рассказы. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2016. – 319 с.
Листопад : стихи. – Кемерово : Кузбассвуиздат, 2016. – 127 с.

ЧАСТЬ II

Сергей Сергеевич Адодин

22 декабря 1977 г., Кемерово.

Прозаик, поэт. Член Союза писателей России с 2016 года.

МОЛЕБЕН

Рассказ

– Эх, да чтоб меня! – досадливо хмыкнул дед Лазарь, выйдя поутру на крыльцо веранды.

Его взору предстала нерадостная картина: поникшие бабкины георгины, утонувшие анютины глазки, всюду мутная жижа. Некогда аккуратные, высокие, грядки были подмыты водой, лук лежал в грязи. Оставленные вчера на бетонной плите перед верандой калоши не уплыли только потому, что в них была вода. Трезор, цепной пес, услышав хозяина, высунул было рыжую морду из будки, но, уловив его настроение, быстро спрятался.

С неба струилась, нет, лилась почти сплошным потоком вода.

– Хоть рыб запускай, – горько усмехнулся старик, вспомнив слова внучки-библиотекарши.

Та что-то говорила про какую-то иностранную книгу, мол, такой же дождь там шел месяца три, что ли.

– Ну, тогда мы здесь все уплывем, – бормотал он, выволакивая тяжелую скамейку с веранды на крыльцо – под навес.

Дед медленно сел, щадя больную поясницу. Вытащив из кармана трико раскрытую пачку «Примы», постучал синим ногтем о торец, чтобы легче достать сигарету. Покатав ее между пальцами, сунул в рот, прикурил от спички. Зажигалкам он никогда не доверял – считал, что газ портит табак. Затянулся, выпустил дым в серое мрачное небо. Закашлялся, вызвав этим краткий интерес Трезора, сплюнул в грязь. Загрустил.

Дождь длился уже шестнадцатый день. Последний раз такое было году в пятьдесят восьмом: тогда лило недели три подряд. Траву скосить не успели, картошка вся сгнила в земле, Каменка поднялась и затопила понтонный мост, а также несколько огородов, расположенных близко к реке. В общем, хлопот было...

Из соседнего дома вышла Тамара Михайловна – местный фельдшер.

– Томка, а ты куда это собралась-то? Воскресенье же как-никак. А сапоги надо повыше носить. А то что это? Баловство одно. Эх, скоро будем на лодках по деревне разъезжать, как в этой, Венеции.

– И тебе доброго утра, Федосеич! Как спина? Почему без бандажа ходишь? По уколам соскучился?

– Дык я, это... покурить просто вышел, ненадолго... Чего ругаешься?

– Ага, ненадолго, а как скрючит, так сразу по-другому запоешь.

Тут женщина поскользнулась на мокрой доске крылечка и ухватилась рукой за перила, чтобы не упасть.

– Ну ядрить твою перекись через медный купорос! – выругалась она. – Да сколько же можно лить-то? Веришь, нет, я вчера к капусте подойти не смогла! Воды – почти по колено. Сгниет все напрочь!

– Точно, будем картошку в магазине закупать. Втридорога. Да ты собралась-то куда?

– Да одного прокапать надо. Дочь его позвонила, попросила.

– Это, случаем, не Николаича? Почтальона? Так он, говорят, запил вроде.

– Ну вот и пойду из запоя выводить. Ему пенсию скоро разносить.

Тамара раскрыла над головой мужнин черный зонт, взяла пакет с лекарствами и, выйдя за ворота, направилась в сторону клуба.

Докурив сигарету, Лазарь Федосеевич, единственный на весь район печник, бросил окурок в жестяную банку из-под кофе, стоявшую на крыльце, медленно, в три приема, поднялся со скамейки и зашел в дом.

– Ну, чего там, солнца не видать? – спросила из своей комнаты Зинаида Никифоровна – его жена.

– Да какое там? Забудь про солнце. Все заволокло – ни просвета.

– А вчера в «Вестях» погоду передавали: по всей области дожди идут.

– Так возьми да позвони им, пусть хорошую погоду передадут в новостях, – пошутил дед, ставя чайник на газ.

– А сегодня поп наш молиться будет, чтоб дождь перестал, – сказала бабка Зинаида, заходя на кухню.

– Во дает, циркач! А ты почему знаешь?

– Да мне Ильинична сказала, у ей внук там работает, в церкви.

– Митька, что ли? Так он школу-то еще не окончил вроде.

– Да он там по воскресеньям работает да во время каникул.

– Никак в попы решил записаться? А парень-то вроде толковый, в технике всякой разбирается, ему бы ехать поступать в университет какой. Эх, пропадет! – Дед Лазарь сокрушенно махнул рукой, покачал головой и поставил на застеленный вышарканной клеенкой стол два бокала.

– Да чего он пропадет-то? Вон, говорят, попы получают хорошо, живут богато, – возразила жена, вытаскивая из буфета небольшой тазик с булочками.

– Ну, не знаю, может, где-нибудь в Москве они и хорошо живут, а по нашему-то и не скажешь. Сколько видел его, все в одном и том же ходит, да и попадая его тоже не щеголяет. Хорошо еще, что детей у них нету. Да и развезжал бы он тогда на машине, а не на лисапед. Садись давай за стол, я вон налил уже.

Завтракали супруги молча, время от времени поглядывая в окно.

* * *

– Здорово, Митяй! Ты куда это с утра пораньше?

– На рыбалку, поди, пошел.

– А чего ходить? Можно прямо тут ловить, карась подплывает прямо к забору!

Дмитрий обернулся. Над высоким зеленым штакетником торчали две головы. Одна из них, рыжая, принадлежала Антошке, вторая, лысая – Сережке. Оба брата счастливо ухмылялись.

– Сами-то чего не спите, караси? Детское время еще, баиньки надо.

– Да он щютник! – округлил глаза Сережка.

– О-хо-хо! Держите меня! Ржу – не могу! Насмешил. Похвально. Бить не будем. Помилуем, – простонал Антошка, делая вид, что утирает слезы.

– Не, в натуре, ты куда?

– В церковь.

– А че, праздник какой-нибудь?

– Ну, в принципе, каждое воскресенье – малая Пасха, – терпеливо объяснил Дмитрий.

– Че, надо говорить: «Христос воскрес»? – делано удивился Антошка.

– Да нет, необязательно, – смутился Дмитрий.

– Да ладно, не бери в голову. Слушай, а что, правда батек сегодня Богу будет молиться, чтобы дождь перестал? – заинтересовался Сережка.

– Ну, молебен будет после литургии. Отец Владимир всех приглашал.

– Скажи ему, что мы не придем, – захихикал Антошка.

– Ага, и да поможет ему Гидрометцентр! – фыркнул Сережка.

– Да ну вас на фиг! – отмахнулся Дмитрий.

– Ой, он что – так сматерился на нас?

– Да нет, слышалось. Ты че, ему ведь так нельзя говорить, Боженька накажет.

Махнув рукой, Дмитрий поспешил в храм, стараясь не обращать внимания на дальнейшие реплики одноклассников.

* * *

Литургию отец Владимир совершал со смешанным чувством радости и горечи. Радостно ему было всякий раз, когда он, облачившись, становился перед престолом и зычно возглашал: «Благословен Бог наш...» А горечь была оттого, что в новенькой кирпичной церкви, отстроенной богатым спонсором – бывшим директором совхоза, а ныне

преуспевающим бизнесменом, совсем не было народу. Люди не хотели ходить на службы.

Отец благочинный, открывая приход, докладывал архиерею, что в деревне полным-полно верующих христиан, жаждущих духовной жизни. Спонсор докладывал, что приход священника прокормит. Получив указ о переводе, отец Владимир ехал в гостеприимную деревню добрых христианских традиций. Приехал – ни прихода, ни жилья. Первые полгода с матушкой жили в бане. Потом сняли небольшой домик. На первой же службе понял, что будет трудно: храм пустовал. В последующие две недели ситуация не изменилась. Прислушавшись к совету своего друга – настоятеля поселкового храма, ходил по дворам, познакомился с жителями. Посещал все деревенские мероприятия, первое время ходил только в рясе. Пока не понял, что, изодрав эту, другую пошить не сможет: не хватит денег. Затем устроился в одну компьютерную фирму в городе, стал собирать системные блоки за три тысячи рублей в месяц. На жизнь стало хватать. С клиросным пением, уборкой храма, бухгалтерией справились вдвоем с матушкой. Потом в храм стал ходить соседский парнишка Дима. Дело пошло. Втроем было уже веселее.

Два дня назад батюшка развесил по деревне несколько объявлений о том, что после воскресной литургии в храме св. Дмитрия Донского состоится молебен о прекращении дождя. Зная обо всех трудностях деревенского жителя, связанных с затяжными дождями, отец Владимир надеялся, что теперь-то люди придут. Но литургия уже подходила к концу, матушка Лидия уже пропела «Отче наш», а во всем храме их было только трое. Он, жена и Дима.

Причащалось двое – он сам и Дима. Лиду исповедовать он не мог, а другой священник находился в сорока километрах. Проповедь звучала для худого застенчивого мальчишки и любимой супруги.

– Господу помолимся! – возгласил отец настоятель перед заключительной молитвой, оглядев пустой храм.

– Господи помилуй! – пропели в ответ два молодых голоса.

Жители деревни не сразу поняли, что произошло. Вроде бы ближе к полудню появилось солнце, но дождь не переставал. Затем кто-то сказал, что над церковью дождя вроде бы нет. Ему не поверили, но народ стал постепенно подтягиваться к храму. Братья Коноваловы – Антон и Сергей прибыли первыми и стояли тихо. Молчал и Витька-комбайнер – первый в деревне безбожник и остролов. Была молчалива и Валентина Семеновна – учительница биологии, воинствующая атеистка. Подходили молодые и старые. Пришел и дед Лазарь – в вязаной фуфайке, препоясанный дырявой шалью, в полиэтиленовом дождевике. Вскоре только самый больной или ленивый не стоял у церковной ограды, разинув рот.

Вовсю сияло солнце. На сухой церковной крыше сидели отец Владимир с Димкой. Перепачканные с ног до головы, они спокойно красили оцинкованное железо в синий цвет. Внизу стояла матушка Лидия и, щурясь, давала указания, как лучше красить. На собравшихся людей они вроде бы не обращали никакого внимания. Только изредка счастливый Димка украдкой бросал взгляд на притихших земляков, поливаемых дождем.

(«По дороге вечной», 2007)

ПЯТЬ МЕСЯЦЕВ ЖИЗНИ

Рассказ

Пробуждение из небытия было долгим и неясным. Чувств еще не было, но было смутное осознание своего «я». Был Свет. Он был совсем рядом и нежно ласкал юную, только что созданную душу, удивленную собственным существованием. От Него исходила любовь, согревая кро-

хотное, размером в одну клеточку, тельце, питая жизнью, окружая заботой и наполняя необъяснимой радостью и спокойствием...

* * *

Юное существо училось управлять обретенным сознанием, которое работало пока только на восприятие, давая возможность впитывать происходящее, как губка впитывает воду. Ощущалось присутствие Бога. Дав жизнь, Он поддерживал ее, наполнял смыслом и дарил Самого Себя. Время вытеснялось вечностью, прерываемой частыми снами. Они давали отдых от ярких впечатлений, несли что-то необъяснимое, сладостное. Была легкость, какую ощущают лишь птицы небесные, скользящие в струях летнего ветра...

* * *

Вскоре ощущение полета стало незаметно проходить. Изо дня в день становилось все тяжелее, сны менялись, чувство вечности ускользало: наступало Время. Хотелось удержать уходящие впечатления, вернуть в прежнем объеме, но оказалось, что это невозможно. Росло тело. Рост притуплял чувства и несколько изменял способы познания окружающего. Становилось как-то неловко и тесно, но с течением времени вчерашние ощущения улетучивались из крошечной памяти, живущей только настоящим. В снах появлялись цветковые гаммы, обрисовывались смутные контуры внешнего мира...

* * *

С каждым днем Божье создание обретало все больше уверенности, что его тело является чьей-то маленькой частицей. Кто-то питал его и заботился о его безопасности.

Кто-то шепнул ему новое слово: «мама». Оно породило в душе новое чувство, которое стало нарастать и скоро захлестнуло сознание

сладостным волнением, чувство, укрепившееся навсегда, – нежнейшая любовь к той, что называлась мамой...

* * *

Человек! Он был человеком, притом мужского пола. Мальчик. Правда, тело еще не сформировалось, ведь ему было еще только семь недель со дня пробуждения к жизни, но пол был уже определен уникальным набором генов, как и многое другое, например цвет глаз, голос, характер. Он будет любить петь, у него будет сочный баритон и тонкий музыкальный слух.

Сны обретали все более четкие контуры, несли все больше информации...

Интересно, знает ли мама о моем существовании? Ведь я – внутри, и она не может видеть меня. Но она должна чувствовать мою любовь. Да и вес мой растет, и потребности в пище увеличиваются. Из снов я теперь знаю, что есть небо, облака, солнце и деревья, и хочу увидеть все это собственными глазами. Но больше всего мне не терпится увидеть маму. Я знаю, что она самая красивая и добрая. Скорей бы наступил день моего рождения! Он должен быть весной – через шесть месяцев.

Весна. Какая она?..

* * *

Малышу снился чудный сон. Он с мамой был в зоопарке, но звери не сидели в клетках, а свободно гуляли по украшенной сочной травой территории. Жирафы подозрительно обнюхали их и, покрывшись от нетерпения разноцветными пятнами, стали ожидать угощения. Мартышки же от бананов отказались и, смешно кривляясь, умчались догонять старого бегемота, мирно дремавшего в луже, заросшей тиной. Мальчик хотел было поиграть с кудлатыми медведями, что шумно возились, отбирая друг у друга банановую кожуру и кусаясь, но вне-

запно пошел сильный холодный ливень и мама, подхватив сынишку на руки, поспешила укрыть его под навесом...

Сон прервало появление ангела. Малыш видел ангела впервые, но он ему очень понравился. От него исходил свет и любовь.

Внезапно все тело пронзила жгучая красная боль. Во сне мальчик не заметил, как к нему подобрался острый инструмент. От него пахло смертью. Ножницы стали методично отсекал крохотные ручки и ножки, заставляя ротик малыша открываться в беззвучном крике.

Мама, мамочка, беги отсюда, спаси меня, мама!

Хищно изогнув свой клюв, приблизился крючок Брауна к головке малыша и отделил ее от четвертованного туловища. Маленькое тельце еще раз судорожно дернулось и затихло...

С ужасными воплями налетели было полчища бесов, почуявших смерть некрещеного младенца, но ангел отогнал их властным движением руки. Он взял трепещущую от страха пятимесячную душу и, нежно прижав ко груди, начал свое восхождение к Богу.

Малыш же, прильнув к любящему сердцу ангела, думал о маме...

(«Книжка для своих», 2018)

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ МАТЬ, ТОМУ И БОГ НЕ ОТЕЦ

(миниатюры из цикла

«16 белок и прочее разумное пространство»)

Одному семинаристу преподаватель гомилетики велел на Сретение явиться в храм, где он служил, чтобы принять проповедь в качестве экзамена.

Студент писал всю ночь. Но когда он, выйдя на амвон, вместо знакомых физиономий ухмыляющихся семинаристов увидел незнакомые

лица доброй сотни прихожан, то совершенно забыл все, что собирался сказать.

– Братья и сестры! – сказал он и ясно прочитал в глазах людей немой вопрос: «Ты, мальчик, кто вообще?»

– Сегодня, то есть нет, две тысячи лет тому назад состоялась встреча...

Тут третьекурсник запнулся, потому что увидел, что клирос в полном составе куда-то удалился, а бабушки, что стояли позади, как по команде полезли в свои пакеты и стали чем-то сосредоточенно шуршать.

«А ведь препода предупреждал, что так будет», – подумал будущий пастырь и понял, что сейчас завалит экзамен.

– Ветхий Завет! – громко выпалил он, да так, что бабушки перестали шуршать и испуганно посмотрели на него, а регентша даже выглянула из-за стены. – С Новым Заветом встречается Ветхий! А кто из вас читал Ветхий Завет целиком? – спросил проповедник и сделал паузу, оглядывая каждого прихожанина.

Все молчали, пребывая в недоумении.

– Что? Никто? Тогда что мы сегодня празднуем? Сретение – это встреча. Симеон читал Ветхий Завет, между прочим! Вот он и встретил Христа. А если в нас самих этой встречи двух Заветов не будет, то и праздника тоже не будет! Маранафа, то есть аминь! – сказал семинарист и зашел в алтарь с красным лицом, ни на кого не глядя.

Между прочим, получил пятерку.

* * *

Заметив, что во время всей первой седмицы Великого поста в алтаре использовали самый дешевый ладан, по запаху больше напоминавший канифоль, юный пономарь спросил о том дьякона.

– Это чтоб Господь тоже попостился, – важно ответил отец Лука.

* * *

Один священник часто высмеивал привязанность старушек к дачам, от которой они выпадали из церковной жизни на целое лето.

– Не причащаться целое лето! Как же можно называться христианами после такого? – возмущался он.

И вот, после того как его жену отправили в отпуск без сохранения зарплаты, семейный бюджет затрещал по швам. Все деньги уходили на коммуналку и кредиты, а на еду уже не оставалось ничего.

Тогда сердобольные старушки стали приносить ему овощи и соленья прямо домой, поскольку ходить в храмы им не рекомендовалось по примеру Марии Египетской.

Пересмотрев приоритеты, батюшка навсегда зарекся обижать прихожан и говорить не подумав.

* * *

Один монах возмечтал о епископстве.

– Развелось начальников кругом! – говорил он. – Тут игумен, там эконо́м, поди туда, принеси это. Стать бы архиереем! Сам себе начальник. Наверху лишь один патриарх. А уж если стать предстоятелем, то...

Дальше воображение просто останавливалось.

Будучи человеком целеустремленным, он трудился порядка десяти лет, отказывая себе в отдыхе, чтобы уменьшить количество начальников.

И вот он епархиальный архиерей. Глядь, а количество командиров вдруг резко увеличилось, да так, что преосвященному стало дурно. Заперся владыка у себя в резиденции и никого не пускал целых четыре часа. Дольше не получилось ввиду особенностей нового служения.

Новых целей по продвижению наверх епископ перед собой уже не ставил.

– Я все понял, Господи, – говорил он, получая очередные указания из синодальных отделов и иных высоких мест.

* * *

В ожидании епархиального собрания три сельских настоятеля стояли на улице и обсуждали вопросы языка богослужений. Один ратовал за перевод на русский, другой стоял на консервативных позициях, третий был просто за адаптацию церковнославянских текстов.

Тут к ним подошла одна согбенная старушка:

– Батюшки родненькие, а когда память святого Бебонага?

– Кого-кого? – оторопели попы, переглядываясь. – Нет такого святого у нас. Может, католик он?

– Какой еще католик? – рассердилась бабушка. – Да он в одной лодке с апостолами рыбачил, а потом епендитом препоясался и ввержеся в море Христа ради.

– «Симон же Петр, слышав, яко Господь есть, епендитом препоясая, бе бо наг, и ввержеся в море», – осенило одного из троих.

– Да, вот он, родимый.

– А, ну так его еще не прославили, матушка, – ответил догадливый поп. Старушка заахала и отошла.

– Понял теперь? – было сказано консерватору.

И спор разгорелся с новой силой.

* * *

– Почему христиане так нетерпимы друг к другу, выискивая в ближних недостатки? – спросили учителя ученики.

– Это все потому, что ничто так не обесценивает нашу праведность, как праведность ближнего, – ответил учитель.

* * *

Одна прихожанка постоянно осуждала окружающих за разврат. А развратничали, по ее мнению, многие. Кто делами, кто мысленно, а кто внешним видом.

– Я так понимаю, разврат – это все то, что обошлось без вашего участия? – дружелюбно спросил отец Михаил, заслужив гневный взгляд и славу главного развратника епархии.

* * *

Одному новонаначальному монаху однажды пришел помысел, что он победил свои страсти. Лицо его так просветлело, что отец Тигрий зажмурился и послал того насельника за хворостом через речку.

– А весла? – спросил монах.

– Так ты пешком иди, тут недалеко, – посоветовал игумен.

– Так тут же брода нет, да и холодно, – недоумевал чернец.

– Да ты прям по воде, брат, ступай, – махнул рукой настоятель. – Вода – она же только грех топит, как при Ное. Ты и ботинок не намочишь.

Посмотрел брат на быстрое течение – тут-то его помысел и прошел.

* * *

– Мы знаем, что Бог благ. Почему же вокруг столько несчастных людей? – спросили ученики учителя.

– Проблема в том, – ответил учитель, – что, получая от Бога жизнь в подарок, большинство его так и не разворачивает.

* * *

Выслушав жалобы незамужней прихожанки на мужиков-козлов вместо принцев, отец Михаил заметил:

– Видишь ли, моя хорошая, в сказке принц достался Золушке, а не кому-то еще в королевстве. Может, стоит попробовать сперва стать Золушкой? От такой девушки ведь ни один принц не откажется по доброй воле.

* * *

– На что похоже счастье? – спросили ученики своего наставника.

– На очки, которые ищешь повсюду, пока они находятся на твоём носу, – ответил учитель.

* * *

– А что, отче, вы ведь филолог по первому образованию? Помогает ли в духовной жизни литературный багаж? – спросил отца Тигрия один госчиновник, посетивший монастырь по принуждению жены.

– Ещё как! – ответил игумен.

– А взять хотя бы басни Крылова. Какой в них духовный смысл? – оживился дядька.

– «Ворону и Лисицу» помнишь?

– Как не помнить? Учили в школе.

– Цена свободы слова: клюв раскроешь – сыр потеряешь, – поучительно поведал священник.

Чиновник хмыкнул:

– А «Стрекоза и Муравей»?

– Артистка в беде и немилосердный министр.

– «Свинья под дубом»?

– Губернатор-временщик.

– «Мартышка и очки»?

– Глава департамента по культуре.

– «Кукушка и Петух»?

– Чиновники ленточку режут.

– А «Квартет»?

– Ротация чиновников по должностям.

– Да что же у вас все про госслужащих-то выходит? – рассердился дядька.

– Так то Крылов. Ну, будь здоров! – сказал игумен, перекрестил паломника и удалился в свою келью.

* * *

Отцу Тигрию сообщили, что новоназначенный монах странно себя ведет в собственной келье. Братья затруднялись в формулировках, но были явно смущены.

Не в правилах настоятеля было подслушивать, тем не менее он, встав у двери, напряг свой слух.

– Господи, слава Тебе за красоту фрактальной геометрии, за свечение азота и кислорода в полярном сиянии, за биолюминесценцию и пустынные миражи, за коронные разряды огней святого Эльма и пение колец Сатурна, за гейзеры и водопады, текущие вверх, за Глаз Сахары и Шоколадные холмы, за китов, пингвинов и бессмертную медузу. Спаси, Господи, и помилуй раба Твоего Александра Пушкина за его стихи, помяни и всех славных поэтов и писателей, что умягчили сотни тысяч сердец человеческих.

– И раба Твоего Гервасия Псальмова упокой, Христе Боже, – прошептал игумен, кандидат филологических наук, уже стоя на коленях под дверью кельи.

– Помяни, Господи, рабов Твоих Марка Нопфлера за его гитарное мастерство, боголюбивого Иоанна Златоуста Моцарта за его музыку вкупе с Бахом, Бетховеном и Вивальди...

Потихоньку встав с колен, отец настоятель перекрестился и на цыпочках удалился восвояси, задумавшись о тех вопросах, что нужно не забыть спросить у Бога при встрече.

* * *

Один непростой человек возглавлял солидную компанию «Горпромснабзаготгриб» и благоволил Христу. Прочитав в церковной книжке о мытарствах, он завел молескин, куда вносил сведения о своих грехах и добродетелях. Шифровал, конечно, чтоб посторонний глаз не соблазнился количеством его добрых дел, ибо оно преобладало над злыми.

Судите сами:

«1 убийство – 4 построенных храма,
2 измены – 38 паломнических поездок,
3 украденные тонны денег – 14 тыс. Иисусовых молитв».

И так далее. Приснилось солидному господину, что он умер, а черти его к Богу не пускают, мол, наш ты. Тот им под нос молескином тычет, а те копытами разводят, мол, у нас тут иной счет грехам, а добродетелями мы и сами полны. Вон, гляди, котлы только до семидесяти градусов нагреты вместо ста, а на вилах зубцы затуплены во избежание проникающих ранений.

Стал глава солидной компании ангелам пенять на бездействие, а те руками разводят, мол, чертей тоже понять можно, а от Бога никаких указаний не поступало.

Проснулся господин в холодном поту и решил еще построить монастырь. И жалованье положить монахам, чтоб вымаливали его от страж бесовских поусерднее.

* * *

Один дядька любил, чтобы все было на своем месте. Мужики чтоб служили, бабы – рожали, попы – благословляли, господа – правили, воры – рассуждали, земля – кротам, небо – орлам.

А чтобы было так, а не иначе, приходилось всех ставить на место. Кого мягко, а кого и жестко. Понемногу вокруг дядьки порядок восстанавливался, а вот друзья куда-то подевались. Правду, видать, не любили.

* * *

Один строгий настоятель не одобрял светский Новый год, признавая лишь церковное Новолетие – в сентябре.

– Что вы хотите праздновать? – вопрошал он с амвона прихожан. – Пусть мирские люди отмечают, а у нас с вами нет никакого особенного праздника, ибо мы люди Божии.

Православные понуро расходились по домам и все равно встречали Новый год с родными за столом, под бой курантов, но как-то с затаенным чувством вины.

А спустя некоторое время архиерей благословил служить на новогоднюю ночь всем желающим, и суровый протоиерей насторожился. А когда благочинный подхватил эту инициативу, тут, конечно, Сам Бог велел служить.

Теперь настоятель уже грозно обличал всякого, кто не почитит его храм своим присутствием с тридцать первого на первое, ибо ночных служб в году всего-то четыре теперь и кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец.

Испугались православные канонических прещений и пошли на ночную службу, выслушав массу неприятных вещей от своих нецерковных домашних.

А чего еще от них ожидать? От нецерковных-то.

* * *

Ученики спрашивали учителя, допускает ли он вероятность существования инопланетян.

Отвечал учитель:

– Я не знаю, есть ли разумные существа на иных планетах, домысливать не стану, но на этой их точно нет.

* * *

Один человек слезно молил Бога о миллионе. Долго ли, коротко ли, не помню. Суть в том, что так вымолил.

Деньги пришли настолько легко, что радость вскоре сменилась осознанием того, что с таким же успехом можно было просить сто миллионов. А просить вторично было боязно. А может, стыдно. А на сто миллионов-то... Всю жизнь вспять. Или вперед. А если не рублей,

а долларов? Как бы тогда запели все те, кто его презирал! Попросить еще или уже все – лимит, экзамен? Тварь ли я дрожащая?

Как вы понимаете, кончилось все это тем, что человек сошел с ума.

* * *

Однажды отец Михаил подменял дьякона на огласительной беседе. Креститься хотел деловой дядька, в пиджаке, с замашками большого начальника.

– Слышь, отец, а давай как-нибудь договоримся без бесед, – начал он без обиняков.

– А ты чем заведуешь, мил человек? – поинтересовался катехизатор.

– Фирма у меня строительная, – ответил начальник.

– А возьмешь меня на четверть ставки к себе?

– А образование строительное имеется? – спросил дядька.

– А давай как-нибудь договоримся без этого, – предложил отец Пью.

– А-ха-ха, – погрозил пальцем строитель, – подловил ты меня. Ну хорошо, смотри, мне бы просто креститься, я все равно как бы соблюдать все не собираюсь.

– А креститься-то зачем хочешь? – спросил протопоп.

– Ну на всякий случай, там, для подстраховки, что ли. Вдруг правда Бог есть. Надо же предусмотреть все варианты.

– Согласен, – поскреб бороду священник, – дальновидность еще никому не помешала. Только как ты себе это все представляешь? Познакомился ты с прокурором. Дело нужное. Мало ли как в жизни все повернется.

Дядька понимающе закивал.

– Только вот сколько придется вкладываться в эти отношения, подумай, – продолжал отец Михаил. – Сколько нужно с прокурором выпить, сколько ему одолжений, чтоб в случае чего посреди ночи важный звонок сделать. А ты хочешь, познакомившись с Христом, тут же о Нем забыть? А потом в час смертный – такой, типа, вот он я, помоги?

Дядька серьезно задумался, несколько раз открывал рот, чтобы что-то сказать, но всякий раз снова закрывал.

– Ну и задачку ты мне задал, – наконец промолвил он. – Вот не готов я сейчас с ходу ее решить.

– Ну так и не торопись, подумай, – предложил пастырь.

– Пожалуй, что так, – ответил директор строительной фирмы, попрощался за руку и ушел.

Думать, наверное.

* * *

Одна женщина раздала обязательства, оставила больную мать и последовала за Христом иноческих одежд ради. Ибо ничто мирское ею уже не обладало.

А бывшей подруге пришлось ухаживать за ее лежачей матерью-старушкой, поскольку погрязла в суете гибнущего века сего и не была достойна зваться от народа «матушка монахиня».

* * *

– Церковь говорит о торжестве православия, а давеча один батюшка с амвона такую непроходимую ересь нес! – упрекнул отца Михаила семинарист дядя Миша.

– Возможности медицины тоже, знаешь ли, резко ограничиваются конкретным врачом, – ответил пастырь. – Озаботься, брат, тем, чтобы самому православие не позорить ни с амвона, ни из замочных скважин.

(Огни Кузбасса. 2020. № 5, 6)

Адодин Сергей Сергеевич (протоиерей отец Сергей). Поэт, прозаик. Член Союза писателей России с 2016 года. Родился 22 декабря 1977 года в городе Кемерово. В детстве хотел стать космонавтом, потом

астрономом, дипломатом, переводчиком, рок-музыкантом и, наконец, врачом-хирургом. С детства много читал. Чтение помогало ему открывать для себя жизнь во всем ее многообразии. Среди любимых авторов были Р. Акутагава, Э. Ремарк, Э. Хемингуэй, Г. Маркес, М. Булгаков, В. Набоков, Р. Брэдбери и др. После школы поступил в Кемеровскую медицинскую академию, проучился два года. Окончил Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва) и Смоленский государственный университет по специальности «теология», а также Кемеровский государственный университет по специальностям «генетика», «зоология и биоэкология». До принятия священного сана работал техником гемодиализа и искусственной почки в больнице.

С 1999 года – священнослужитель Русской православной церкви. Служил в церкви Св. Пантелеимона г. Кемерово при Православном сестричестве св. жен-мироносиц. С 2018 года – штатный священник храма Св. Ап. Иоанна Богослова, руководитель отделов Смоленской епархии по работе с молодежью и по экологии и природоохранной деятельности, преподаватель Смоленской духовной семинарии, клирик Кемеровского храма Казанской иконы Божией Матери. В настоящее время – настоятель храма Архангела Михаила (Кемерово).

Творческой деятельностью Сергей Адодин занимался со школьных лет. Свою первую новеллу написал в десятом классе. С того времени его стихи и рассказы неоднократно публиковались в общероссийских и областных журналах: «Огни Кузбасса», «Наследник», «Фома», «Алтай», «Университет культуры»; в газетах «Кузбасс», «Шахтерский край», «Знамя шахтера», «Шахтерская правда». Произведения напечатаны в коллективных сборниках «Собор стихов», «Неслучайные “случайности”, или На все воля Божья». По благословению преосвященного Аристарха, епископа Кемеровского и Новокузнецкого, издал в 2007 году первый сборник стихов и прозы «По дороге вечной». Автор книг стихов и прозы «Ворваться в рай» (Кемерово, 2016), «Цветоворот» (Кемерово, 2016), «Быть попом. Не-

жалобная книга» (Москва, 2017), «Книжка для своих» (Смоленск, 2018), «Орто.docx. Записки непрозорливого священника» (Москва, 2019). Священник Сергей Адодин – лауреат литературного конкурса «Энергия творчества» (2016), Кузбасской литературной премии им. святителя Павла Тобольского (2016), областного литературного конкурса «Новая книга» (2015). Награжден медалью «За веру и добро» (2015), почетной грамотой Администрации Кемеровской области, почетной грамотой православного молодежного журнала «Наследник». Живет и работает в Кемерове.

Виктор Степанович Арнаутов

25 мая 1951 г., с. Пудино, Томская обл.

Прозаик, публицист, литературный критик.

Член Союза писателей России с 2002 года.

ПРИОТКРЫЛИСЬ РОДИМЫЕ ДАЛИ...

(главы из повести)

Доброй памяти бабушки

Анастасии Ивановны

1

На рыхлом голубоватом снегу четко вырисовывались три дорожки свежих следов. Они то расходились и шли рядом, то вытягивались в одну извилистую цепочку. Следы вели вдоль заснеженных кромок полей и полянок, на которых осанисто стояли стожки сена и скирдушки соломы в белых беретах. Вот все три следа сошлись возле золотистого бока скирды, образуя неровные утопанные площадочки. На одной из площадок валялась темная стреляная гильзочка от тозовки-мелкашки. Еще правее, в снегу, виднелись три маленькие дырочки, оставленные точно такими же гильзами.

От скирды следы побежали вразброс к большой ветвистой березе, что была метра в сорока от нее. Береза стояла на отшибе, зазнаисто отдалясь от других деревьев, плотно обнимавших поляну. С верхних веток березы были сбиты снежные одежки, а внизу снег будто поперчили шелухой от почек и сережек. А еще под березой виднелось с десяток ямок с застывшими возле них светло-коричневыми шматочками: косачи ночевали, оставив свои нехитрые автографы. Шагах в четырех от шершавого ствола березы просматривалась еще одна ямка с матовыми бусинками крови.

От березы следы повели дальше, сначала к краю поляны, а потом и вовсе в рямный лесок. Похоже, охотники гнались за табунком косачей, перелетевшим в согру* и рассевшимся по нестройным осинам и сосенкам. Следы опять перешли в короткие, осторожные, крадущиеся.

* *Сóгра, рям* – угнетенный лес на заболоченной местности.

Стояла вторая половина ноября. Стремительно сужающийся ноябрьский денек торопился в долгую сибирскую зиму, шестнадцатую послевоенную.

Родившаяся после войны детвора все еще играла в наших и немцев.

После вчерашнего снегопада установилась тихая погода с морозцем градусов под двадцать. В рямном редколесье перепархивали синицы и какие-то серые птицы, изредка посвистывая и обклеывая заплутавшиеся рябинки.

Следы охотников пересекались то со стежками лисьих, то с петельками заячьих. Косачи раз пять уже подпускали к себе азартных охотников, но бдительные стражи уводили табунок дальше, не дав сделать более ни одного выстрела.

Из согры трое подростков снова вышли на поля, остановились, разопREVшие от ходьбы по бездорожью. Валенки и штаны навывпуск у всех троих были выбелены сухим снегом. И лишь на пузырьчатых колесках штанов образовались ледяные коросты.

Старший из ребят, четырнадцатилетний Лёка, снял из-за спины обшарпанную тозовку, присел на корточки, поставив приклад винтовки между коленей, громко по-лосиному хоркнул и смачно выплюнул толстыми губами с кончика языка комок слизи. Через расстегнутую фуфайку, откуда-то изнутри, достал помятую пачку папирос «Байкал», вынул тоненькую папироску, пережал гармошкой и сунул в левый уголок рта. Чиркнул спичкой, затянулся и стал картинно пускать изо рта сизые кольца дыма, глухо, по-рыбийи шлепая губами.

– Лёка, дай закурить, – попросил второй паренек, лет двенадцати, со старомодным именем Сидор.

– Свои надо иметь, – куражился Лёка.

Сидор небрежно отбросил в сторону убитую тетерку, которую таскал за лапки от той самой березы, снял рукавицу, набрал в горсть снега, скомкал его и откусил. От снега заняли зубы.

– Не ешь, – посоветовал третий, самый младший, десятилетний Мишка Штырбу, – горло заболит.

Как и все, Мишка был одет в полинявшую фуфайчку. На руках шерстяные вязаные варежки, обшитые сверху темно-синей фланелью, они едва доходили до костяшек запястий. Ноги обуты в теплые легкие катанки, подошвы которых на днях он впервые подшил самостоятельно капроновыми нитками, надерганными из комбайновых ремней. Голову Мишки украшала новая магазинная черная ушанка из длинной кучерявой овчины. Мишка снял шапку с головы, шапка слегка парила своим нутром. Он стал завязывать тесемки, завернув на затылок шапки ее лохматые уши.

– Лёка, давай хоть в цель постреляем, – предложил опять Сидор. – А то скоро стемнеет. Я у папки стырил из пачки десять патрончиков.

Сидор залез правой рукою в карман штанов и вытащил оттуда горстку патрончиков. Патрончики Сидора были совсем другого цвета, не пульки, конечно, – гильзочки. Они отливали красной медью, а на самой шляпке четко проступала чеканная звездочка.

– Спортивные, – компетентно заявил Мишка. – У нашего отца тоже такие были: из Новосибирска мамин брат присылал. Ништяк бьют! Летом мы ими щук глушили. А попадешь – так полторушку за-просто пополам рассекали, четвертушку* – и подавно... Не то что твои пукалки, – добавил он, намекая Лёке на плохие патроны, у которых, видать, вышел срок годности или вовсе порох отсырел.

– Куда стрелять-то будем? – поинтересовался Лёка, опять с шумом харкнув в снег.

– Как куда? По косачу! Что, я зря его таскаю все время? Ты же мне его не отдашь, так хоть пальнуть по нему дай, – отозвался Сидор.

– Ну да! Так я и дал вам свою тетерку портить... Опосля все зубы свинцом переломаеть...

– Зато наспигуем ее, как колбасу салом, – хохотнул Сидор-книго-чей. – Будем влет стрелять по ней. Мишка подбросит – я пальну!

* Четвертушка – рыба размером в четверть метра, полторушка – полторы четвертушки.

– В случае чего пульки те можно будет и на грузила использовать, – подыграл Сидору Мишка.

– Молчи уж, Кнобзя! – обидно обозвал Мишку Лёка.

...На охоту с Лёкой Мишка не собирался. Сидор сманил. Сидор первым заметил, как Лёка крадучись, с тозовкой под фуфайкой, прошмыгнул огородами к колхозным амбарам, что стояли на самом обрыве. Между амбарами и обрывом узкой тропинкой Лёка вышел к силосной яме, а от нее вела тропинка вниз, вдоль согры к кузне. А уж от кузни, что стояла на самом краю деревни, куда хочешь иди – никто не заметит.

Кроме Лёкиной тозовки, ни у кого из охотников другого оружия не было. Да и Лёкину-то тозовку, что нашли они как-то на чердаке в пустом доме уехавшей молдаванки Тамарьяны, милиционер Ламинов едва не отобрал, когда приезжал из райцентра в Краснояр. Ладно, тогда спрятал ее Лёка в сеннике – участковый все углы обшарил в их доме, даже в баню заглядывал. Соседи на Лёку донесли: озорничает пацан – кошек стреляет, собак, куриц, почти всех голубей поизвел.

В тот день Сидор с Мишкой и Толькой Кичигиным после уроков жуланов ловили решетом от веялки под навесами колхозных амбаров. Насыпали горку овса с пшеницей на ровный стылый земляной пол, над ней палочкой настроили квадратное, в метр, решето с продолговатыми дырочками от ручной веялки. К той палочке веревку привязали, а сами в укрытие спрятались. Серенькие воробьи, зеленобокие синицы-жуланчики, малиновые снегири спархивали с любопытством поодиночке к решету. Мелкими прыжочками сбивались под решето к насыпанному зерну-приманке, сторожко клевали дармовщинку.

По очереди ребята дергали за палочку, когда под решетом оказывалось с пяток пташек. Решето падало и накрывало их. Подержав в руках пойманных жуланов и снегирей, отпускали их снова на волю, высоко подбросив вверх.

А недавно все тот же Лёка придумал новую забаву – игру в фашистские подбитые самолеты. Под навесом амбаров стоял маломощ-

ный карбюраторный движок, который иногда подключали к веялке или соломорезке. Лёка выдергивал резиновый патрубок, из которого сочился бензин, и подставлял под струйку бензина хвостик жулана или воробья. Снегирей было нельзя – красногрудые, стало быть, наши, советские! Вся ватага направлялась с облитыми бензином птахами за амбары, к обрыву. Там Лёка подносил спичку к хвостику пташки и, горящую, бросал вверх. Птаха вспыхивала и, охваченная пламенем и копотью, пикировала под гору, как подбитый вражеский самолет... Следом летела другая.

Забаву эту, как и многие другие, быстро пресекали взрослые. «Кто выдумал?!» – «Лёка!» – валила все на Лёку детвора. И опять на Лёку участковому Ламинову жалоба.

Только Лёке все как с гуся вода. Упрется бараном, набьется, глядит исподлобья. Отпирается, на других сваливает. Может и обещания дать, что не будет больше никогда такого делать. Лишь крупная бородавка на мочке левого уха, как серьга, рубином загорается. Не помогали, однако, ни укоры тетки Анисьи – матери Лёки, ни обещания отца Вацлава выпороть хулигана, ни воспитательные беседы учительницы Анастасии Фоминичны...

– Айда со мною, – предложил Лёка Сидору, – косачей за кузней видели.

– Что, прямо за кузней? – засомневался Сидор.

– Ну, не за кузней – за могилками... Можно за овраг сходить или на Попово... Там-то уж верняк!

– Пойдем с Лёкой! – предложил Сидор. – Жуланы надоели уже. У меня и патрончики есть, хоть постреляем там!

– Не, я не пойду, – сразу отказался Толька Кичигин. – Я еще дров не наколот дома. И стихотворение не выучил...

– Миха, а ты? Тоже не выучил стишок?

– Да ладно, идем...

Оставляя косые длинные тени от деревьев, стожков и перепиравшихся охотников, солнце падало к горизонту. Скоро темнеть начнет.

– Давайте тогда уж по шапкам стрелять, – перепаснул Лёка предложение Сидора. – По убитой тетерке неинтересно... Сидор, ты хотел стрелять своими... спортивными. Бросай свою шапку!

Сидор стащил с головы суконную шапчонку, близоруко оглядел ее и снова нахлобучил на голову.

– Че, жалко? – ехидно сказал Лёка. – Или боишься, что из нее решето сделаю? Будете тада с Кнобзей жуланов ловить ею... Тада пусть он свою кидат.

«Издевается, паразит! И зачем только согласился идти с ним на охоту? Свяжись только с этими Кубеками... Знает ведь, что шапка новая, всего неделю, как привез ее папка из Парабели... Дразнить начнет еще, что боюсь папки», – подумал Мишка, а вслух произнес:

– Тогда уж и стрелять я буду в нее сам.

Для себя Мишка решил, что нарочно будет мазать по шапке, пусть хоть забросается губошлеп Лешек. Он снял свою шапку, кинул Лёке. Лёка зачем-то развязал тесемки. Уши шапки снова повисли, как у гончей собаки.

Мишка взял тозовку, щелкнул снизу вверх и назад затвором, взял у Сидора патрончик, вставил его через щелку справа, легко подал вперед и вниз никелированный шарик затвора, взял навскидку.

– Бросай!

Лёка размахнулся и со всей силы подбросил вверх лохматую ушанку, похожую теперь на черного косача, расправившего крылья. Мишка специально выждал, когда шапка пойдет вниз, и нажал курок. Словно сучок сломанной ветки в морозный день хрустнул. Мишка уловил едва заметный запах пороховой копоти.

Сидор подбежал к шапке, поднял ее, осмотрел и передал Лёке:

– Промазал...

– Мазила! – язвительно произнес Лёка. – Стрелять сперва научись... А еще в мою тетерку хотел...

– Сам-то кто? Сколько раз по сидячим косачам мазанул?

– Кто, я?

– Ну не я ведь.

– Дак до них, кажись, метров сто было, – оправдывался Лёка.

– Ка-ки-е сто?! Пятьдесят шагов разве... Спорим!

– Спорим! Только на... – Лёка замялся. – Спорим, что попаду... в твою шапку с первого разу.

– Нашел дурака!

– А шапка будет у тебя на голове, – неожиданно добавил Лёка.

– Как Вильгельм Телль – в яблоко на голове своего сына? – хихикнул книжечей Сидор.

– Не знаю, какой там Хель стрелял... А я – попаду! Ну, давай, давай – на спор! – распаляясь, шлепал губами Лёка. – На что хошь?

– Прوماхнешься – тозовку отдашь?! – вдруг сказал Мишка, еще не веря своей дерзости. – Насовсем!

– Я разбиваю, – подбежал Сидор.

«Зачем это я согласился? Все равно ведь не отдаст тозовку, даже если и промахнется, это ж Кубека!»

О том, что пуля может угодить в него самого, Мишке сначала и в голову не пришло. К тому же он все еще надеялся, что Лёка не станет, сам побоится стрелять.

Лёка шумно вдохнул в себя, схаркнул, взял у Мишки мелкашку:

– Только твоими патрончиками, Сидор.

– С одного разу, – уточнил Сидор. Потом засомневался: – А может, не надо?.. Еще в Миху угодишь...

– Да он ведь все одно сдрейфит, – подначивал Лёка.

– Кто сдрейфит?

– Ты, конечно... Или забыл?

«Гад, припомнил. Теперь всю жизнь изгаляться будут». Досада и горькая обида за себя глодали Мишку. И тут вырвалось:

– Да ты и сам, поди, не выстрелишь... Мазила.

Лучше бы не говорить этого Мишке, а задиристому Лёке не слышать, глядишь – и обошлось авось.

– Сидор, ну давай свои патрончики, – настаивал Лёка. – Посмотрим, кто не выстрелит.

Сидор нерешительно разжал руку. На красноватой от холода руке Сидора покоились свинцово-пунцовые смертинки. Маленькие такие, сантиметра по два с половиной в длину. Стреляными их можно было хорошо присасывать на язык.

– Так, значит, с первого разу? – уточнил Сидор. – А со сколько метров?

– Меряй двадцать пять шагов, – подумав, сказал Лёка.

– А может, метров с трех да с подбегом? – съязвил Сидор.

Он стоял в нерешительности и смотрел то на Лёку, то на Мишку.

– Черт с ним, – произнес Мишка, – отмеряй двадцать пять шагов.

Сидор побрел по снежной целине, отсчитывая шаги. Каждый про себя считали шаги Сидора и Мишка с Лёкой. Улегшееся на горизонте солнце с любопытством наблюдало за происходящим, высвечивая спину Сидору.

Сидор остановился, повернулся к Лёке с Мишкой:

– Двадцать пять! Хватит?

– Хватит, – ответил губошлеп. – Иди к Сидору, – кивнул он Мишке.

«Кубека-немека», – пробурчал Мишка и побрел Сидоровой тропинкой. Дошел до него, остановился.

– Миха, не дурачься, не давай по себе стрелять, – тихонько посочувствовал Сидор. – Давай деру дадим! Лесочек вон рядом...

– Я вам удеру! – пригрозил Лёка. – Че, сдрейфили?

Захохотал...

«Неужели и вправду будет стрелять по шапке? А что, как понизит? С него станется... Или все ж испытывает он меня? Ну пострадал, испугал – и будет», – вертелось в голове Мишки.

Мишка потоптался на месте, повернулся лицом к Лёке, приподнял на своей голове повыше шапку. Шапка едва держалась лохматыми вислыми ушами. Сидор отошел от Мишки в сторонку, шагов на десять. Его взгляд лихорадочно близоруко бегал от одного к другому. Впервые любопытство и озорство сменились у него искорками испуга. Даже страха.

Морозное солнце огромной раскаленной сковородой коснулось деревьев. Мишка глянул прямо на него. Солнце ослепило. Мишка зажмурился, а когда открыл веки – сначала было совсем темно, потом в глазах забегали мурашки. Он уже не воспринимал Лёку целиком, проявлялись лишь фрагменты: то мочка его уха с отвисшей бородавкой, то толстые губы, то нерешительно дрожащие руки, то темный зрачок тозовки...

– Стреляй же! – осипло выдавил Мишка.

У него все еще теплилась надежда, что этого не случится, что Лёка не выстрелит, что можно стряхнуть все это как кошмарный сон и проснуться с чувством свалившегося с тебя давящего кома.

Лёка клацнул затвором, зарядил патрончик, вскинул тозовку. Его правая щека прижалась к облупившемуся прикладу мелкашки. Зажмурил левый глаз, веко которого стало тут же дергаться. Правый глаз через прорезь планки прицела искал мушку и, совместив их, стал выцеливать шапку на голове Мишки, как совсем недавно черного косача на самой верхушке березы. Руки Лёки от волнения предательски дрожали, и мушка плясала, перескакивая с шапки на освещенное красками солнца лицо Мишки Штырбу. Мерзлый курок пощипывал подушечку вспотевшего указательного пальца Лёки.

– Сейчас, дай дыхание перевести, – произнес Лёка, отводя ствол от Мишки.

Он опустил на правое колено, на левое поставил локоть с винтовкой и опять стал выцеливать шапку. И опять что-то внутри помешало Лёке нажать спусковой крючок. Он отлепил мелкашку от щеки, глянул на планку прицела. Стояло «100 метров».

«Еще понизит», – подумал Лёка. Указательным и большим пальцем одной руки он слегка нажал на щеки планки и передвинул на отметку «25».

«Упасть, что ли? – думал Мишка, пока Лёка возился с прицелом. – Зарыться с головой в снег, как те косачи под березой. Черт с ними, с Кубеками, пускай обзывают трусом... Ну че он копается?»

Щелчка тозовки Мишка Штырбу не услышал. Просто кто-то незримый мягко шлепнул по его шапке спереди, а в самое темечко будто шершень жогнул...

Мишка театрально упал на снег, раскинув руки. С головы его свалилась шапка. Он заметил, как наутек кинулся Сидор, а к нему уже бежал Лёка, держа в руке винтовку дулом вниз. А еще до него донесся истошный, испуганный вопль Лёки:

– Стой! Сидор, стой! Назад! Обоих порешу! В снегу зарюю!

С перекошенным от страха лицом Лёка подбежал к Мишке, упал подле него на колени в снег, бросил винтовку в сторону, стал тормозить его.

– Живой?! Живой?! – шлепал губами.

Лицо Лёки было невиданно бледным. Даже бородавка-серьга отличала теперь не рубином, а мерцала тускло-матовой сизоватой ледышкой.

– Да живой, живой я, – пытался улыбнуться Мишка. – По-па-а-ал... Тозовка у тебя останется...

Он снял варежку, дотронулся правой рукой до темечка, где пощипывало слегка. Почувствовал под рукой в волосах что-то мягкое, склизкое. Поднес к глазам руку – липкие пальцы были в крови.

– Че это? – спросил он Лёку.

– Кажись, задел малость, – испугался тот. – Ну-кась, покажь... – Он осмотрел голову Мишки, потрогал пальцами ранку, прошлепал губами: – Ерунда! Царапина всего лишь...

– Больно? – поинтересовался у Мишки подошедший Сидор.

– Не шибко.

– Надо снег приложить, – посоветовал он, – кровь остановить.

– Только дома помалкивайте! – в приказном тоне заговорил Лёка.

– А что сказать, если увидят? – выдавил Мишка.

Он уже поднялся со снега и искал глазами свою шапку.

– Скажем, что сучком поцарапал, – выдумывал на ходу Лёка. – Гнали за косачами, у тебя слетела шапка, ты запнулся и поцарапался сучком...

– Думаешь, поверят? – засомневался Мишка. – Ты плохо знаешь нашего папку.

Лёка первым поднял шапку Мишки. Осмотрел ее. Две дырки, спереди и сзади. Спереди было почти не заметно, прикрыто лохматой черной шерстью – в аккурат над самым козырьком, что был оттопырен, как у фуражки. Если пришить козырек на место, дырку никто и не заметит. А вот сзади... Сзади дырка была что надо! Вырвало клоч овчины вместе с ватой от подкладки. Лёка вертел в руках шапку и пытался замаскировать обе дырки клочьями шерсти.

– Попал ведь? Попал?! А вы – сомневались, мазилой обзывали... Я ж говорю: патрончики мои были дрянь... – Нервное напряжение Лёки перешло в издевательский смех.

– Попал, попал! Герой! Ламинов теперь тебя значком наградит! Ворошиловский стрелок! А кабы чуть ниже? – наседали осмелевший Сидор. – Да Мишкин батяня, Тодорыч, тогда тебя самолично бы придушил. И Ламинова дожидаться бы не пришлось...

– Кабы да кабы – не растут во рту грибы, – зубоскалил Лёка. – Ладно, Миха, шапку твою мы у нас дома зашьем, никто и не узнает... Только чур – помалкивайте!

– А с головой как? – спросил Сидор.

– А че – с головой? Не шибко и видать. Глянь-ка, уже и кровь перестала... Договорились ведь: на сучок напоролся, поцарапал... А ты-то трухнул небось, – осмелел Лёка.

– Сам бы постоял – посмотрел бы на тебя... – отозвался Мишка в сердцах и добавил едва слышно: – Кубеки и есть, беляки недобитые...

– Кто беляки недобитые? – взъерепенился Лёка.

– Кто-кто – дед Пихто да твой дедка Вацлав!

– А твой-то дед кем был? Сказывали, у Деникина да у румынов служил... Че, съел? Обзывается еще, молдаван...

Домой шли в сумерках, молча, понуро. Каждый размышлял: как скрыть от взрослых произошедшее, как отговориться в случае чего...

И все же героем шагал не Лёка – Мишка: не струсил, не убежал, не захныкал – а мог бы... Тогда-то уж Лёка точно стрелять не стал бы... Все же выдержал! Не струсил! Не сдался!

12

Второй год уже служил на границе рядовой Михаил Штырбу. Освоился, по привычке жить вроде постоянно сжатой пружины. Непокойно стало на границе в последнее время. Что ни день, то сюрпризы со стороны китайцев. Так и нарываються на провокации. А с наступлением холодов лед на Уссури в сплошной мост превратился – переходи где хочешь. Одно хорошо: сопки прибрежные оголились – просматривается все на километры. Вдоль берега Уссури торчат лишь голые ветки лимонника и колючего элеутерококка, треплет пронизывающий ветер высохшие веревочки лоз дикого винограда. На сопках по склонам вразнобой маячат дозорными пограничниками одни дубки-карлики.

Сидит Мишка в секрете с биноклем, по долине реки – обзор на несколько километров. И китайцы совсем рядом, рукой подать, на том берегу Уссури, всё копошатся и копошатся чего-то, как муравьи. А то вдруг толпиться начинают. На груди у рядового Михаила Штырбу автомат АКМ, полный подсумок патронов на правом боку, коричневая телефонная трубка полевого аппарата рядом. В случае чего – сразу же сигнал на заставу, а там одно для всех: «Застава, в ружье!»

Смотреть-то Мишка смотрит, наблюдает за происходящим, только в голове его всегда мысли-воспоминания крутятся, будто сами по себе, отдельно от рядового погранзаставы живут. И приказать им ни сержант Лабанов, ни старший лейтенант Мельников, ни замполит Торопов не смогут. Сам Мишка – и то не всегда им хозяином бывает. Или вдруг песня привяжется какая-нибудь, крутится в голове нескончаемой пластинкой, одной-двумя строчками. Вот и теперь никакого покоя не дает та, что пел в казарме вчера вечером под гитару годок Мишкин, сержант Юрка Лабанов из Кемерова:

Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали...

Говорил Юрка, что стихи будто бы сам Есенин написал. Здорово! Душевно! Только вот никак у Мишки не вяжется: почему это вдруг позабылись родимые дали? Ему так, наоборот, вспоминаются, приоткрываются! Да так ярко, так отчетливо! Особенно когда письмо от мамы из дома получит... В последнем написала, что баба Тася совсем расхворалась. Одними только надеждами и живет – дожждаться, увидеть своего Мишеньку. Опасается мама, что не дотянуть бабе Тасе до осени... И на похороны, поди, Мишку в такую даль к ней непустят... Ничего, не так уж и много осталось ему служить, чуть больше полугода: весна да лето, осень и в счет брать не стоит.

Вспоминаются, открываются в памяти Мишке родимые дали: поляны, озерца, овражки, кедрачи, покосная делянка на болоте, на Второй стлани... Там он впервые в руки литовку взял после пятого класса, баба Тася и косить учила мягкое болотное разнотравье. И Чузик коричневый... Совсем не такой, как мутная своенравная Уссури. Посредине Уссури остров, наш остров, Даманский. Ничего, правда, особенного. Длинной в километр-полтора. Позарос весь, как сопки, непроходимым кустарником с ивняком. Нет, определенно, что-то не так написал поэт Есенин: разве можно забыть родимые дали?

После Нового года стал рядовой Штырбу помаленьку, втихаря от дедов, дембельские вещички к осени готовить из золотистой рандоли*. И альбом дембельский. С рисунками, вырезками из журналов и газет, с фотографиями – видами Уссури, острова, сопок, заставы, китайской стороны, корешей-годков. Мама ему и фотоаппарат «Смена-6» с бритвой электрической выслала из дома. Накапливаются помаленьку фотки к альбому. И домой высылает который раз. Будет что показать своим друзьям на гражданке, не только одни павильонные, в парадке. Да и где тут, на заставе, ателье взять?

А еще после Нового года все чаще стала раздаваться команда «Застава, в ружье!». Весь личный состав заставы тогда в считанные секунды высыпает из казармы на плац-построение и с него уже – по местам, на оборонные точки.

Темных фигурок китайцев, что ни день, все больше и больше становится, контрастируют на белом снегу вроде косачей. И окапываются, зарываются, как косачи, в свои норы. Лопочут что-то на своем, выкрикивают угрозы в адрес пограничников, размахивают над головами серыми листками дацзыбао, цитатниками Мао, советскими автоматами Калашникова. И полкилометра не отделяет их порой от наших пограничников. День ото дня все наглее становятся, агрессивнее, буром прут на заснеженный лед Уссури; на нейтралку выбегают, к нашему острову подбираются все ближе и ближе.

На политзанятиях замполит лейтенант Торопов разъяснял: дескать, китайцы претензии на Даманский имеют, будто бы он их исконный. Дался им этот остров! Он и нам-то столько же нужен: ни пахать, ни сеять на нем не будешь. Клочок суши посредине реки, затапливаемый почти полностью в половодье дикой Уссури.

Пару раз получал уже рядовой Штырбу приказ: открыть предупредительный огонь. И он стрелял из своего автомата поверх голов одичавших фанатов. Автомат гулко стрекотал, градом рассыпая стреляные гильзы и наполняя воздух пороховой гарью.

* Рандоль – медный сплав, похожий на золото.

Приближалась весна. Днями на солнце подтаивать стали дозорные тропинки, асфальтовый плац. В затишье от ветров в сопках стали нагреваться черные бока каменюк. Ожилились длиннохвостые пестрые фазаны, готовясь к токовищам.

Первого марта 1969 года казарменный дневальный подал команду «Подъем!». Дежурный сержант выстроил заставу в две шеренги, вывел перед строем молодого пограничника. Тот поздравил дедков с наступлением весны. Стало быть, и всем остальным до дембеля на одно время года меньше служить осталось. Хорошо как-то на душе сделалось у Мишки Штырбу с самого утра. И корешок Юрка Лабанов, всегда серьезный, тоже дурачится, над молодыми подтрунивает. Говорит, что на гражданке хулиганистым был.

Второго марта после утреннего развода передал сержанту Лабанову Мишка свою «Смену», попросил пощелкать его, если китаезы опять на лед сунутся, а он будет из своего «калаша» стрелять предупредительными.

«Застава, в ружье!» – прозвучало около полудня, как-то даже уже привычно для пограничников. Высыпали на плац в белых маскхалатах. Автоматы с ручными пулеметами лишь чернеют спереди да подсумки с патронами на боках. Заняли поотделенно точки обороны.

На той стороне Уссури сотен пять хунвейбинов собралось против тридцати наших погранцов. И яркое солнце вычерчивает на голубом снегу черные тени, отчего китайцев кажется еще больше.

Весенними ручейками хлынули в Уссури хунвейбины, к острову потекли. Хлесткие щелчки автоматов и короткие очереди раздаются уже со стороны толпы. И в руках фанатов сегодня не только цитатники и дацзыбао – наши же автоматы через одного. И скандирование на непонятном языке. Синхронно вверх вздымаются над фигурками китайцев сжатые в кулаках руки, совсем как у дикарей Полинезии или Центральной Африки – воинственно-ритуальные скачки с воплями...

Дрожь, мандраж у Мишки от такого психоза. И не только у него одного. Да только виду не подают пограничники, дают, как тараканов,

внутри себя нарастающие страх и тревогу. Закурил Мишка сигарету «Шипка» – руки ходуном ходят, когда прикуривал от спички. В три затяжки сигарета кончилась. Поспокойней вроде стало.

Четверых солдат подозвал к себе старший лейтенант Мельников. Лабанову приказал прикрытием с материка командовать. В числе четверых и рядовой Штырбу.

Двинулись в белых маскахалатах впятером, с командиром заставы во главе, с автоматами на груди к берегу Уссури, к китайцам, вроде парламентариев. На лед вышли, развернулись цепью, как охотники на зайцев, в сажени друг от друга.

Командир расчета прикрытия сержант Лабанов автомат свой в сторонку отложил. Быстренько достал фотоаппарат Мишки, взвел его, поставил метраж на бесконечность, глянул в глазок видоискателя. Выхватил в кадре заснеженную Уссури, толпу китайцев и пятерых пограничников – со спины, шагающих к середине реки. Между толпой хунвейбинов и пограничниками оставалось уже не более пятидесяти шагов. Нажал сержант Лабанов на кнопку фотоаппарата. Есть кадр! Классный! В альбом пойдет. Дубль решил сделать. Перевел пленку на следующий кадр, взвел затвор, щелкнул.

В ответ донеслись сухие автоматные очереди китайцев.

Рядовой Михаил Штырбу шагал навстречу бессмертию, проваливаясь неуклюжими валенками в рыхлый снег поверх льда Уссури.

Как и на берегу несколькими минутами раньше, его тело пронзал озноб, совсем как тогда, когда он шел к Сидору, а позади него оставался Лёка с тозовкой в руках. Теперь перед ним была орущая толпа китайских фанатов, а в голове отдельными кадрами мелькали с невероятной быстротой и отчетливостью эпизоды его недолгой жизни. И всё почему-то из детства: то Лёка целится в него из мелкашки, то он стоит перед отцом и Спутником, как партизан на допросе, то его вытаскивает из ледяной воды дружок Серега Димитров, то он падает с кедра...

Рядовой Штырбу шел крайним слева, пересиливая себя и гася тревогу и нахлынувший животный страх. Он все еще надеялся на то, что

все обойдется, что так не бывает, чтобы по ним стали стрелять. А на него почти в упор смотрели, выцеливали десятки смертоносных лучиков автоматов китайцев. И они, узкоглазые, плосколицые, смуглые, казались ему все на одно лицо, вроде рыжиков дядьки Стаха.

«Сейчас выстрелят! – будто кто подсказывал ему изнутри. – Падай на снег, занимай боевую позицию!» Но он, как и четверо его спутников, шел вперед, не отставая ни на шаг. Шаг, еще шаг...

Мгновенной фотовспышкой мелькнули огоньки из автоматов китайцев. И еще он успел уловить автоматный треск.

Его ударило в грудь. Он повалился на сверкающий снег Уссури. И почему-то сразу стало трудно дышать. Как подкошенные упали и остальные четверо пограничников...

«Заметался пожар голубой», – померещился ему голос Юрки Лабанова.

А Лабанов уже вел прицельный огонь по китайцам, приняв на себя командование заставой.

...Приоткрылись ро-ди-мые да-ли... – застыли неподвижные голубые глаза рядового Михаила Штырбу на запрокинутом навзничь безусом лице.

Хлынули китайцы к пятерым поверженным пограничникам, лежащим на снегу в красных лужах. Озверело пинали, топтали их, кололи штыками, стреляли в упор в уже успокоившихся.

Но Мишка совершенно не чувствовал боли.

И ему уже было совсем не страшно...

2001

Арнаутов Виктор Степанович. Прозаик, публицист, поэт, литературный критик. Член Союза писателей России с 2002 года. Родился 25 мая 1951 года в селе Пудино Томской области, в семье спецпереселенцев. Детские и школьные годы прошли в Нарымском крае среди богатой сибирской природы. Служба в рядах Советской армии про-

шла в Приморском крае (пос. Раздольное), в морской пехоте. Окончил Кемеровский государственный институт культуры и аспирантуру Ленинградского государственного института культуры на кафедре информатики. Более двадцати лет (до 1996 г.) преподавал библиотечно-информационные дисциплины в Кемеровском институте культуры, позднее работал в службе безопасности АО «Кемвод». Автор книг прозы, публицистики, критики, изданных в Новосибирске и Кемерове: «Вариации на тему “Вокруг рыбалки”» (1999), «Кольцом едины» (2000), «От Ленинграда до Курил» (2001), «Где Чузик мой коричнево змеится...» (2002), «На рифах памяти...» (2004), «Деревья обрастают мхами с северной стороны» (2007), «Предприниматель» (2011), «Лето в январе» (2012), «Тайский вояж» (2012), «У слияния трех рек» (2013), «Как слово наше отзовется...» (2013), «Песнь моя колыбельная...» (2014), «Гоа – это тоже Индия!» (2014), «Пхукет – остров спасенный» (2015), «В стране миллионеров» (2016), «Этюды на предлагаемые обстоятельства» (2017), «Нячанг – белые дома» (2018), «Муйне – ветер с моря» (2020), «О времени и о себе» (2020), «Мы – пудинцы!» (2020), «Параллели» (2020, в соавторстве с Владимиром Арнаутовым). Автор сборника стихов «Клад вдохновений» (2007). Издал четыре книги дневниковых записей «Литературная хроника» (2018–2020) о литературной жизни в Кузбассе с 2001 по 2019 год. Автор-составитель библиографических изданий «Указатель содержания журнала “Огни Кузбасса” за 2000–2013 годы» (2014), «Писатели Кузбасса: 55 лет (1962–2017)» (2017), а также документально-краеведческой книги «Из недр кузбасских кладовых – горящий газ метан» (2015, совместно с С. С. Золотых и Е. В. Суриным). Печатался в журналах и альманахах «Охотничьи просторы» (Москва), «Южная звезда» (Ставрополь), «Врата Сибири», «Тюмень литературная» (Тюмень), «Сибирские огни» (Новосибирск), «Начало века» (Томск), «Енисей», «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Красная Горка», «Университет культуры», «Огни

Кузбасса» (Кемерово), «Образы жизни» (Сан-Франциско, США), «Новый Свет» (Виннипег, Канада). Постоянный автор региональной газеты «Охотник и рыболов Сибири». В 2004–2021 годах – член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Лауреат областной литературной премии «Энергия творчества» (2009, 2013, 2014) и журнала «Огни Кузбасса» (2011, 2017). Живет и работает в Кемерове.

Николай Алексеевич Башев

*20 октября 1946 г., с. Ольговка, Кемеровская обл.
Прозаик, поэт. Член Союза писателей России с 2017 года.*

РЫЖИК*

Повесть

Весна – изумительное время года! Особенно ее вторая половина. Когда уже измученная за зиму морозами земля окончательно освобождается не только от снегов, но и от воды, обильно покрывающей ее после таяния этих самых снегов. Одновременно освобождаясь от накопившихся нечистот и покрываясь изумрудным ковром молоденьких всходов разнотравья невероятной красоты. Ласкают глаз яркими красками соцветий разбросанные на взгорках и полянах нежные хрупкие цветочки. Березовые листочки, только что распустившиеся, еще покрытые первородной смолой, вздрагивают от налетевшего ветерка, не издавая ни звука.

Все в природе устремляется к жизни, к воле и любви. Всякая животина – зверушка, птица, насекомое – стремится скорее выбежать, вылететь, выползти из своего укрытия в поисках этой самой любви и воли.

Всем этим невероятно обильно насыщен весенний воздух, и где бы ни находилось живое существо, ему не удастся избежать благотворного влияния этого чуда природы. Оно везде проникает – с ветром, с дождем, с солнечными лучами.

Вот и красавец племенной жеребец по кличке Янтарь, выведенный конюхом в вольер на прогулку, расширив ноздри, всей грудью хватил этого тревожного, возбуждающего чуда. Подняв высоко голову, протяжно заржал и, чего с ним никогда не было раньше, разбежавшись, перемахнул через забор вольера. Не останавливаясь, широко, иноходью, разбрасывая ноги, помчался в поле, к виднеющейся вдали березовой рощице, оставив позади родной конезавод с его привередливыми чистопородными кобылами.

Чувствуя легкость во всех мышцах и необыкновенный душевный подъем, он быстро добежал до рощи. По инерции залетел в густо раз-

* Печатается в сокращении.

росшийся березняк, ощущая ласковое прикосновение нежных листочков к своей бархатной, покрытой блестящим ворсом коже, и замер. Широко раскрыв ноздри, он вдыхал смесь чистого воздуха, запаха цветов и березовых листьев.

Вдруг в этой ароматной смеси его необыкновенно чуткий нос уловил нечто другое. Что-то очень родное и в то же время отдаленно дикое, но не отталкивающее, а, наоборот, завораживающе притягивающее смог почувствовать этот избалованный чистокровный жеребец.

Медленно раздвигая березовые листочки, он начал пересекать рощицу. На это много времени не понадобилось: сделав несколько шагов, жеребец вышел на край леска с другой стороны. Здесь запах чувствовался все острее, все явственнее. Взору его открылось поле, покрытое нежной густой травой. Вдалеке виднелся табун лошадей. А прямо поблизости, всего в десяти шагах, отбившись от табуна, паслась рыжая, по сравнению с ним небольшая, но крепкая кобыла.

Запах явно исходил от нее. Янтарь сделал два шага вперед, она настороженно подняла голову, перестала жевать траву и недовольно мотнула головой, словно предлагая ему уйти. Он, удивленный таким приемом, сделал еще один шаг в ее сторону. На своем конезаводе жеребец привык к покорности предлагаемых ему кобылиц. Их заводили в вольер чисто вымытых, с заплетенными гривами и с одинаковым искусственным запахом. Янтарь механически выполнял свою работу, без особого желания, просто знал, что после «этого» его накормят и вкусно, и сытно, чтобы не терял своей формы.

Эта же рыжая кобыла пахла необыкновенно: к запаху пота примешивались запахи травы, горькой полыни, конюшни и воли. Ее никто не подводил на поводке покорную и безотказную. Наоборот, она не хотела, чтобы этот холеный жеребец, так бесцеремонно нарушивший ее трапезу, находился рядом. После того как Янтарь приблизился еще и оказался в двух-трех шагах от нее, кобыла тревожно заржала, показывая ряд крепких зубов.

* * *

В отличие от людей Рыжуха уже давно знала, что внутри нее зародилось и с каждым днем увеличивается живое продолжение того красавца жеребца с конезавода. А последние три-четыре месяца это чудо стало ощутимо проявлять свое присутствие толчками в стенки живота, словно желало поскорее выскочить наружу. Рыжуха не первый раз была жеребая, но ее прежние беременности протекали тяжело. Видимо, потому, что те жеребята были большими и тяжелыми потомками жеребцов-тяжеловозов. А этого, от заводского скакуна, она носила легко и бережно; неудивительно, что для многих ее беременность оказалась незаметной.

Прошел еще месяц, снова наступила прекрасная весенняя пора. В очередной раз Рыжуха, как обычно в последнее время, притащила телегу с нагруженной на нее соломой, была распряжена и, разморенная солнечными лучами, дремала лежа.

Вдруг острая боль резанула ее в области брюха. Кобылица жалобно заржала. Судороги, сопровождаемые резкой болью, сотрясали ее тело. Глубоко вздохнув, Рыжуха набрала в легкие побольше воздуха и с силой начала тужиться. В какой-то момент брюхо ее резко уменьшилось, и со стороны хвоста слышался жалкий звук, похожий на кошачье мяуканье.

Кобылица подняла голову и посмотрела назад. Там на соломе беспомощно барахтался мокрый рыжий жеребенок. Она встала на ноги, развернулась и стала облизывать свое «грешное» потомство. Свободные от работы лошади и молодняк, находящиеся в загоне конного двора, окружив роженицу, с удивлением пялили глаза на нее и ее младенца. Наверное, их поражало необычное строение новорожденного, его тонкие ноги и вытянутая высоко шея. Да и весь он был необычайно тонок и легкий.

Столпившиеся у роженицы лошади, как бы понимая, что новорожденный вроде бы и их соплеменник, но не совсем, тревожно заржали и начали агрессивно сжимать кольцо вокруг Рыжухи.

Услышав необычное возбужденное ржание в загоне, из сарая показался колхозный жеребец Битюг. Лошади расступились, пропуская его вперед. Взгляд его, скользнув по Рыжухе, опустился на жеребенка. Увидев непривычные формы новорожденного, жеребец злобно оскалил зубы и громко заржал. В нем инстинктивно проснулась ревность, ведь в сотворении этого заморыша он участия не принимал. Битюг взвился на дыбы, еще миг – и злополучный жеребенок принял бы смерть от копыт разъяренного ревнивца. Но совершить расправу жеребцу не удалось.

В толпе лошадей стоял мерин Каштан. Они с Битюгом были однолетки. Когда они подросли до двухлетнего возраста, потребовалось выбрать, кто из них будет оставлен для продолжения рода лошадиного. Выбор пал на Битюга, и не потому, что у Каштана было больше недостатков, а просто пьяный Серега почему-то ткнул пальцем именно в его сторону. Каштана тут же кастрировали. И он с тех пор возненавидел Серегу и Битюга.

Взвившись на дыбы, Битюг успел краем глаза поймать мелькнувшую огромную тень и тут же рухнул на занавоженный пол загона, получив страшный удар в бок железными подковами. Неловко засучив ногами, он медленно поднялся и со злобным ржанием удалился в сарай.

Мерин Каштан, закрыв своим мощным телом Рыжуху и жеребенка, неласковым взглядом уставился на столпившихся кобылиц. Увидев такую надежную защиту, лошади стали неохотно расходиться. Рыжуха благодарно лизнула Каштана в нос и подтолкнула его морду в сторону жеребенка, словно пригласила порадоваться вместе с ней появившемуся потомству.

* * *

– Ну вот, видишь, до чего довела твоя нерасторопность, – заворчал на Серегу Аким. – Давай, бери Рыжика и неси его в отдельный станок. А я приведу Рыжуху.

– Ага, разбежался. Ты видишь, как этот бугай Каштан смотрит в мою сторону? А если он так же, как Битюга, саданет меня? – забухтел Серега. – И что еще за Рыжик? Ты что, этого уroda так назвал? Зря, бригадир все равно по-своему его назовет.

– Ладно, вали отсюда, сам справлюсь, – рассердился Аким. – Пусть назовет, а для меня он будет Рыжик.

Он перелез через забор, подошел к Рыжухе, погладил ее по холке. Потом похлопал Каштана по спине, поднял на руки жеребенка и понес его в дальний станок конюшни. Рыжуха и Каштан двинулись за ним. Все лошади конного двора любили спокойного, неторопливого Акима, и даже жеребец Битюг никогда не пытался ему навредить, несмотря на свой ретивый нрав.

Поместив своих подопечных в станок, Аким еще раз погладил по спине мерина Каштана:

– А ты молодец. Защитил. Теперь иди в загон, что ты будешь здесь торчать? Никто не посмеет их больше обидеть. Мы с тобой не дадим.

* * *

Рыжику Аким отвел место в свободном углу, настелив свежей соломы. Обещанную бригадиру молочной фермы работу он так и выполнил за пять дней, особо не утруждая Рыжуху. Рыжика Аким подпускал под кобылу с утра и, дождавшись, когда он вдоволь напьется материнского молока, уносил его на новое место жительства; такое же кормление повторялось в обед и вечером.

Первые несколько дней Рыжик, скучая по матери, начинал верещать в «конюховке» тоненьким голоском, мешая захмелевшему Сере-

ге дремать, но скоро освоился на новом месте и привык к такому режиму. Серега тоже привык к новому жильцу и иногда даже пытался его погладить, но Рыжик, учуяв запах перегара, недовольно прядал ушами и взбрыкивал.

– Вот шкет, еще что-то из себя выкаблучивает! – недовольно ворчал конюх и, отвернувшись к стенке, продолжал дремать.

Аким, вывезя навоз с фермы, упросил бригадира Михаила Алексеевича, чтобы тот Рыжуху закрепил за конным двором, так как Соловуха не могла уже выполнять здесь основные работы.

Выезжая в поле косить траву для лошадей, Аким брал жеребенка с собой – вот тогда-то Рыжик и узнал, что же такое вольная воля. Вокруг зеленела трава, шумела растревоженная ветром березовая листва, и жеребенок во весь дух носился по полю, не отбегая, впрочем, от телеги слишком уж далеко.

Прислушиваясь к щебетанию разных птиц, Рыжик со временем понял, что люди не ржут, как лошади, а произносят звуки, как птицы. Когда собирается несколько человек вместе, они щебечут, как воробьи. Когда они начинают кричать друг на друга – каркают, как вороны. А если встречается несколько человек с тонкими голосами и с длинными волосами, они тараторят, как сороки.

Когда же начинал говорить Аким, Рыжик сразу представлял филина, который частенько им встречался в дальней роще. Подслеповато глядя на него, эта странная птица пыталась Рыжика напугать своим уханьем. Жеребенок поначалу действительно пугался, но постепенно привык и понял, что филин – птица не злая.

* * *

Прошло около трех месяцев. Рыжик, подрастая, крепчал и начинал уже кое-что понимать. В отношениях с Акимом все было ясно: они любили друг друга. А вот с Серегой дружбы у Рыжика не получалось. Мало того что от конюха всегда несло перегаром, Серега еще не выпу-

скал изо рта самокрутку, и когда он дежурил, в «конюховке» постоянно стоял едкий махорочный дым. Жеребенок чихал и выскакивал во двор, благо дверь открывалась свободно. А Серега злорадно смеялся, приговаривая:

– Что, антилигент, не нравится – вали на конюшню, обоим там место, вместе с твоим хозяином!

Но Акима он побаивался и потому, немного покуражившись, все же загонял жеребенка на место.

Рыжик заметил, что иногда в «конюховке» появлялись какие-то мешки, чем-то наполненные. Затем эти мешки Серега грузил на телегу и куда-то увозил. Вернувшись, он заносил авоську с несколькими бутылками беловатой жидкости, напоминающей молоко. Садился за стол, открывал одну из бутылок и начинал поглощать эту жидкость. Вокруг распространялся отвратительный запах – и от бутылок, и от Сереги. Через некоторое время конюх пытался встать из-за стола, но сделать этого не мог и, завалившись на бок, начинал храпеть.

Однажды, когда Серега в очередной раз занес таинственный мешок, а сам куда-то вышел, любознательный Рыжик не выдержал. Он подошел к лежащему мешку и прокусил его своими острыми зубами. В мешке оказался комбикорм, и жеребенок, прорвав дырку побольше, начал поедать довольно вкусную смесь. Но тут послышались шаги Сереги, и Рыжик лег на свое место. А нужно сказать, что в «конюховке» электричества не было и основным освещением в темное время являлись отблески огня из печки. Ничего не подозревающий Серега схватил мешок, поднял его, и все содержимое через проделанную дыру вывалилось на пол.

– Это какая же тварь порвала мешок?! – захлебнулся конюх в страшной злобе.

А поскольку жеребенок притих и прикинулся спящим, не совсем трезвый Серега решил, что сам где-то зацепился за гвоздь. Долго он в темноте собирал в новый мешок рассыпавшийся комбикорм, не пере-

ставая ругаться при этом. Затем, взвалив на плечо мешок, куда-то ушел. Рыжик услышал скрип тележных колес, удаляющийся от конного двора.

Вернулся Серега к утру, когда уже занималась заря. В руке у него была авоська с бутылками. Он уже было расположился за столом, чтобы похмелиться, но снаружи донесся звук шагов. Конюх вскочил и быстро спрятал авоську с бутылками в ближайший висящий на штыре хомут.

Дверь заскрипела, и на пороге появился Аким.

– У, дьявол угрюмый, – заворчал Серега, – я-то думал, бригадир идет...

Ничего не ответив, Аким уселся на лавку к печке. Облегченно вздохнув, Серега потянулся к хомуту за авоськой, но за дверью опять послышались тяжелые шаги и в избушку зашел бригадир Михаил Алексеевич. На улице уже рассвело, через единственное окно в «конюховку» пробивалось достаточно света, и остатки рассыпанного комбикорма на полу сразу бросались в глаза.

– А что это у вас здесь за мельница, откуда комбикорм? – строго спросил Астахов.

Аким молчал, и тогда Серега, заморгав красными глазами, залопотал:

– Так это, Алексеич, я тут хотел жеребца Битюга подкормить, да вот малость рассыпал.

– Не бреши! – нахмурился бригадир. – Где же тогда этот мешок с остатками комбикорма? Не ночью же ты его кормил, ты днем-то путем ничего не делаешь. – Поглядев на молчащего Акима, бригадир повернулся к жеребенку: – Ну что, Рыжик, из всех здесь проживающих ты, видимо, самый умный. Может, ты мне скажешь, что тут было?

Что в этот момент нашло на Рыжика? Трудно сказать. То ли он просто хотел избавиться от ненавистной авоськи, а может, впрямь решил отомстить Сереге за все перенесенные издевательства. В общем, как бы то ни было, он вдруг подошел к висящему на стене хомуту и зуба-

ми выдернул из него авоську. Бутылки с грохотом свалились на пол и разбились, «конюховка» наполнилась отвратительным самогонным смрадом.

– Так вот, значит, что здесь происходит! – пришел в ярость Астахов. – Воруешь комбикорм на ферме, сволочь, и обмениваешь его на самогон. То-то мне Василий Афанасьевич жаловался, что мешки по ночам с фермы пропадают!

– Алексеич, прости, больше никогда не буду, только председателю не говори! – упал на колени Серега. – Они меня и так за человека не считают...

– А ты сам-то себя человеком чувствуешь или нет? Встань с колен, ты вон даже жеребенку своими выходками надоел. Что толку председателю на тебя доносить, все равно ничего тебе не будет. Но знай: еще раз попадешься – я сразу напишу заявление в милицию!

И, громко хлопнув дверью, бригадир ушел запрягать коня.

Угрюмый Аким поднялся с лавки, презрительно глянул на напарника и тоже вышел: пора было кормить лошадей.

* * *

Вот так неожиданно Рыжик стал главным героем в истории с разоблачением горе-конюха.

После этого случая отношение к жеребенку окружающих людей изменилось. Аким твердо уверовал, что сознание Рыжика довольно близко человеческому и по умственному развитию тот находится на одном уровне с людьми. Поэтому в присутствии жеребенка он стал теперь более осторожен в своих действиях и словах. Все неприличное вообще отменил. И потребовал от Сереги не только перестать ругаться, но и курить выходить на улицу.

Серега после этого какое-то время ходил трезвый либо чуть-чуть навеселе и мешки с комбикормом на конный двор уже не таскал. По

привычке матюгнувшись, с опаской оглядывался на Рыжика, словно боялся, что тот все расскажет Акиму.

Бригадир Михаил Алексеевич приходил в «конюховку», садился на лавку, доставал кусочек сахара и, протягивая его на вытянутой руке, подзывал Рыжика:

– Ну, иди ко мне, милоч, поговорим. Больше-то здесь разговаривать не с кем.

И Рыжик начал понимать, что этот человек, как и Аким, тоже Добрый. Он подходил к бригадиру, осторожно брал губами сахар и, похрустывая им, довольно махал хвостом. Астахов гладил жеребенка по спине, холке, по высоко поднятой голове и что-то говорил – приятное, ласковое.

Но однажды бригадир, зайдя к конюхам, обратился к Акиму другим тоном – озабоченно:

– Ну что, Аким, я понимаю твою любовь к Рыжику, но ему уже скоро полгода будет, смотри, какой он большой, четвертую часть вашей избушки занимает. Да вот и Серега мне все время жалуется, места ему мало. Надо Рыжика переводить в конюшню к остальным жеребятam.

– Сам знаю, мне этот иуда тоже надоел своими жалобами. Боюсь я, обижать его там наши толстяки будут. Пусть побудет еще дней десять, и уберу.

* * *

Аким окончательно уверовал, что всех его любимых лошадей – и Соловуху, и Рыжуху, и Рыжика – ему послал Господь. Но кто такой Господь? Сам он своим недалеким умом об этом никак додуматься не мог. Аким представил только, что это какое-то всемогущее существо, которое лучше не гневить, и старался этого не делать.

Рыжика он продержал в «конюховке» еще месяц, но жеребенок настолько подрос, что приходившие за лошадьми колхозники начали ворчать:

– Ты, Акимка, еще бы жеребца Битюга завел сюда, совсем бы уж конюшня была. Нам скоро места здесь не будет. И чего это бригадир смотрит на все сквозь пальцы?

Но бригадир все видел, и в один из дней, когда Аким отсутствовал, они вместе с Серегой отправили Рыжика в общий загон. Там находилось еще голов двадцать жеребят, приблизительно одного возраста. Жеребчики и кобылки пока содержались вместе.

Они-то жили в одном табуне почти со своего рождения и давно привыкли друг к другу, а тут вдруг появился чужак – высокий, с длинной выгнутой шеей и аккуратной головой. Совсем непохожий на них – коротконогих, толстоватых, с широкими черепами «битючков». Естественно, прием Рыжика в их общество оказался не самым теплым. Каждый жеребчик старался толкнуть его своей тяжеловесной головой либо лягнуть толстой ногой с широким копытом. Особенно старался один из них, по кличке Валет. Он был выше и шире других, чувствовал себя вожаком среди этого стада и, видимо, в скором времени должен был заменить стареющего жеребца-производителя Битюга. Валета, конечно, бесило то, что неожиданно нашелся соперник такого же роста и не совсем обычного обличия, как он считал – уродливого. Но кобылки, находящиеся в табуне, бросали на чужака восхищенные взгляды, и это особенно не нравилось ему – «хозяину». Валет всячески старался навредить Рыжику. Пытался отбить его от кормушки. Вытолкнуть из теплого сарая под падающие с неба снежные хлопья. Или, наоборот, прижать в углу и давить своим не по возрасту тяжелым весом.

Но Рыжик недолго терпел такое хамство. Он был легок на ногах и отлично владел своим точеным телом. Сначала он только ловко уворачивался от тумачков, но, осознав, что намного проворней своих соплеменников, стал не только избегать ударов, но и наносить ответные – хлесткие и довольно болезненные. Постепенно, почувствовав превосходство Рыжика, жеребчики приняли его в свой табун. Не успокоился один Валет: он был сыном Битюга и перенял отцовский характер вожака-собственника.

Масла в огонь вражды двух лидеров подлила привязанность Рыжика к серой в яблоках кобылке. Она хоть и была тоже дочерью Битюга, но отличалась стройностью и даже некоторой тонкостью телосложения. Рыжик всегда старался подойти к ней поближе, как бы невзначай касался своими тонкими губами ее шеи, головы, носа. Если они оказывались рядом во время кормления, он своим носом подталкивал ей лучшее зеленое сено либо овсяные зерна. И она отвечала ему симпатией, оказывая мелкие, но очевидные знаки внимания.

Однако и Валет для своего будущего окружения в качестве фаворитки тоже выбрал именно эту серую кобылку по кличке Зорька. Заметив, как Зорька и Рыжик, сблизившись, обмениваются любезностями, Валет грубо втискивался между ними, стараясь при этом отбросить легкого по сравнению с ним Рыжика подальше. Поворачивался задом, пытаясь ударить соперника копытом в голову. Быстрый Рыжик отскакивал, не понеся урона, и сам бил копытом по коротким толстым ногам Валета. Тогда тот, в бешенстве развернувшись, всем телом наваливался на обидчика и запускать крепкие зубы в подвернувшиеся части тела. Разгоралась битва не на шутку, иногда до крови.

На шум приходил Аким, разгонял дерущихся жеребят и, сочувственно глядя на Рыжика, гудел:

– Ничего, милый, терпи, тебе полезно. Учись выходить победителем, жизнь – тяжелая штука!

По простоте душевной он надеялся, что красота этого молодого жеребчика все-таки поразит души руководителей колхоза и они согласятся оставить Рыжика жеребцом-производителем.

Рыжик, словно понимая желание своего друга, все яростнее защищал свою честь и право быть любимым Зорькой. Скоро между соперниками должна была состояться решающая битва. И она состоялась. Но позже.

Прошло несколько месяцев. Рыжик все так же любил серую кобылку, пока любовью платонической. Все так же отбивался от нападков Валета. Но оказать должного сопротивления он не мог, так как в табуне

было тесновато и не хватало места для совершения боевого маневра. А для Валета, наоборот, такое положение было выгодным: ему, имеющему значительный вес, было легче в тесноте зажимать противника в углы, наваливаясь на него всем телом и используя при этом острые зубы на крепких челюстях.

* * *

Всю ночь конюх не спал, то и дело забегал в станок к Рыжику, обглаживал его. Чувствуя, что жеребец горит от высокой температуры, сокрушенно мотал головой, ругал. От этого коню лучше не становилось, к утру шея его и бока покрылись крупным потом, ноги задрожали, и он опустился всем телом на пол, вытянув больную ногу перед собой.

Аким, убитый состоянием жеребца, сел на бревно около станка и, обхватив голову руками, замер. Он не замечал ничего – ни того, что давно рассвело, ни того, как рабочие запрягали лошадей, разъезжаясь по своим делам. Не заметил он и того, как к нему быстрой, легкой походкой подошел худенький паренек, по виду – школьник-старшеклассник.

– Дядя Аким, – обратился к нему этот мальчишка, – я теперь у вас буду работать ветврачом, и мне директор обещал выделить коня для служебного пользования.

– Какого коня? – очнувшись от тяжких дум, спросил Аким. – А ты кто такой?

Он совсем не узнавал парня, да и как он мог его узнать, если раньше почти не видел, а последние четыре года тот вообще учился в городе.

– Я Бажков Николай, – представился паренек. – А коня мне нужно хорошего, чтобы я мог на нем ездить верхом.

«Значит, вот он какой, этот новый ветеринар, – подумал Аким. – Больно уж, мне кажется, шустрый. Доверить ему Рыжика или нет?»

– Бажков, значит, ветеринар, – сказал он вслух. – Алексея Афанасьевича сын. Отец-то у тебя надежный мужик. А ты как?

– Пока еще не знаю. Да и как я могу сам о себе сказать, надежный я или нет? – смутившись, ответил паренек.

«Молодец, правильно ответил», – одобрительно подумал Аким.

– Вот что, Николай, – решил он. – Лошадь для тебя есть отличная, жеребец, Рыжиком кличут. Да вот беда, больной он. Вылечишь – будешь ездить, а я буду за ним ухаживать и кормить. Никому более не дам прикоснуться к нему.

– Где он, Рыжик этот? Показывайте.

– Да вот он, здесь, – открыл дверь станка Аким.

Паренек быстро зашел в станок, смело пробежался по телу жеребца цепкими пальцами, подавил ладонью вокруг раны. А потом поднял возмущенный взгляд на конюха:

– Дядя Аким, он же ранен из огнестрельного оружия, и притом давно! Что ж вы дотянули до такой степени, там уже образовался абсцесс. Немедленно нужно делать операцию!

«Вот тебе и зеленый, – подумал Аким. – Видимо, пацан разбирается в своих делах».

– Да, это моя вина, я, полоротый, сразу не определил, что рана серьезная, – признался он Николаю. – Этот жеребец принадлежал убитому управляющему. Слышал, наверное, о том, что у нас произошло?

– Конечно, меня как раз за день до этого приняли в ваш совхоз. Вот что, дядя Аким. Я сейчас схожу за инструментами и медикаментами, а ты найди хороший фонарь. А то в этой клетушке темновато.

* * *

Аким, отыскав керосиновый фонарь, взволнованно расхаживал по загону в ожидании ветврача.

«Кто его знает, чем все это закончится? – тяжело размышлял он. – Спасителя ли Бог послал или практиканта, которому все равно – будет этот жеребец жить или нет? Надо же ему на ком-то руку набивать».

Примерно через полчаса Николай, покрасневший от быстрой

хотьбы, перепрыгнул через забор загона и с ходу распорядился:

– Так, дядя Аким, хватит страдать! Открывай станок, зажигай фонарь!

Сам он стал раскладывать на чистой простыне инструменты и медикаменты. Аким, почувствовав решительность в тоне и движениях Николая, немного успокоился. Затаив дыхание, он внимательно следил за действиями хирурга.

– Дядя Аким, ты чего замер? – прикрикнул на него Бажков. – Стоять некогда, будешь исполнять обязанности санитара, то есть помогать мне!

От такого обращения Аким окончательно уверовал в благоприятный исход операции. Облегченно выдохнув, он превратился в послушного и старательного санитаря.

Произведя обеззараживание операционного поля этиловым спиртом, Николай обезболит рану путем обкалывания новокаином, внутривенно тоже ввел новокаин. Подождав несколько минут, острым скальпелем рассек поврежденную мышечную ткань. Брызнула кровь, и из раны стала вытекать скопившаяся дрянь. Углубив рану и почувствовав, как скальпель задел за металл, хирург наконец-то извлек пинцетом картечину – крупную дробину с неровными краями.

Глядя на все эти безжалостно производимые манипуляции, Аким пару раз чуть не крикнул возмущенно: «Что ты делаешь, пацан, ему же больно!» Но, видя сосредоточенное лицо ветврача, не посмел открыть рта. Да тот, увлеченный своим делом, скорее всего, и не услышал бы конюха.

Промыв рану и обработав ее соответствующими медикаментами, Николай начал послойно зашивать разрез кривой хирургической иглой. А потом, оставив несколько сантиметров разреза книзу ноги незашитыми, вставил в него кусок стерильного бинта.

И вот тут уж конюх не выдержал:

– А это зачем? Что же, он теперь так и будет ходить – с тряпкой в ране?

– А это называется дренаж. Он не позволит всякой дряни скапливаться в ране, дорогой мой санитар! – улыбнулся Бажков, довольный хорошо проведенной операцией. – Позже мы и его удалим.

– Да, я, конечно, не знаю, что дальше будет с Рыжиком, – покачал головой Аким, – но ты, парень, далеко пойдешь! Страху в тебе нет!

– В нашем деле страх – последнее дело. Кто боялся, того еще с первого курса отчислили, – объяснил Николай. – Вот что, дядя Аким. К вечеру дашь коню полведерка теплой воды, завтра к вечеру – килограммов пять хорошего овса. Он к тому времени должен подняться. Я буду приходить два раза в день – вводить антибиотики.

– А это что за такое – анти... эти самые?

– Антибиотики разные плохие микробы убивают, ты теперь должен знать, санитар все-таки, – пошутил Николай.

«Да, парень надежный, как отец!» – подумал Аким. И, взяв чистую тряпку, начал стирать с жеребца пот.

Рыжик, ослабленный болезнью и парализованный обезболиванием, ни разу за все время операции не сделал резкого движения. Глаза его застилала мутная пленка, все происходящее он видел как во сне.

* * *

Прошло время. Рыжик окончательно поправился и окреп. Уколы, к которым он уже привык, Спаситель делать перестал, но и сам куда-то исчез. Вот уже несколько дней его не было видно, и Рыжик затосковал. Нет, он не разлюбил своего друга Доброго, но ему явно не доставало присутствия Спасителя. Когда Добрый, напоив его и задав корма, удалялся, Рыжик, прохаживаясь вдоль забора загона, высоко задрав голову, внимательно смотрел на дорогу.

И вот однажды его ожидание оправдалось. Ранним утром, поедая насыпанный в кормушку овес, Рыжик вдруг уловил звук знакомой легкой походки. Он перестал жевать и прислушался: «Не ошибся? Нет!» Шаги быстро приближались. Рыжик выбежал из-под навеса в загон.

Перепрыгнув через забор, к нему приближался Спаситель. Жеребец, радостно заржав, кинулся навстречу, сунулся неловко мягкими губами в его лицо. Затем, как бы засмущавшись, опустил голову и уперся в грудь долгожданного гостя лбом. В ответ Спаситель обхватил обеими руками эту повинную голову и, поглаживая ее, что-то зашептал на ухо – ласковое, приятное.

– Ну вот, встретились наконец-то болезный с лекарем, – раздался сзади голос Акима.

– А, дядя Аким, привет! – обернулся Николай. – А я за Рыжиком пришел, надоело на перекладных до гуртов добираться. Их в совхозе уже больше десятка, да и расположены далеко один от другого. Помнишь наш уговор? Я лечу Рыжика, а ты его закрепляешь за мной. Или забыл?

– За кого ж ты меня держишь, Николай? – обиделся Аким. – Не только не забыл, я рад, что хозяином у него будешь ты. Теперь Рыжик в надежных руках. Надевай на него узду. И подожди, я сейчас вернусь.

Аким скрылся в «конюховке», через минуту вышел наружу, держа в руках новое красивое седло.

– А это тебе мой подарок, – застенчиво опустив к земле глаза, прогудел конюх. – Сам шил, от чистого сердца, езд на здоровье. Только вспомни и вторую часть нашего уговора: никому Рыжика больше не давай. Будет принадлежать нам с тобой, ты используешь его по своим делам, я же чищу, кормлю и пою его.

Оба были согласны, и уговор вступил в силу.

И длился ни много ни мало почти пять лет...

* * *

Несколько дней Рыжик с нетерпением ждал, что вот сейчас откроется дверка его станка и на пороге появится Спаситель. Но он не появлялся. Дверь открывалась, жеребец радостно оборачивался, а на пороге стоял либо Аким, либо Серега. (К тому времени, за несколько

лет совместного «проживания», Серега и Рыжик подружились тоже, тем более что конюх во время дежурства перестал употреблять «химию».) Они задавали жеребцу корм, поили его, чистили, пытались разговорами и лаской утешить Рыжика. Но все их усилия были напрасны.

Рыжику не давала покоя одна мысль: «Неужели хозяин обиделся за ту выходку с лужей?» Но они же вроде помирились на следующий день. А кроме того, не он же первый начал раздор, хозяин тоже его обидел...

Рыжик стал плохо есть, похудел и никого, кроме Акима с Серегой, к себе не подпускал. И работу теперь выполнял лишь изредка и мелкую – по обслуживанию конного двора. А что особенно странно, стал он необычайно пуглив, вздрагивал на всякий громкий стук или скрип; во время выезда с конного двора, стоило пролететь через дорогу какой-либо бумажке, он взвизывал на дыбы и потом мчался сломя голову, не разбирая дороги.

На кобылиц он уже не обращал никакого внимания, даже серая в яблоках Зорька не прельщала его больше своей красотой.

Так прошла зима, наступила весна. Одним ясным солнечным днем Аким и Серега решили напилить в ближайшей ложбинке осинника: навес над загонем совсем обветшал и давно уже требовал ремонта. Запрягли Рыжика в дрожки, положили в них веревку, пилу и топоры и двинулись к намеченному месту – всего метрах в пятистах от конного двора. Управились быстро: навалили осинника, обрубил сучья; оставалось только стянуть волоком готовые бревна в одну кучу. Аким привязал к хомуту веревку. Для того чтобы спуститься в ложбину, нужно было обогнуть три березы, стоящие на пути. Обогнули, и теперь веревка, зацепившаяся за березы, свободным концом своим поползла жеребцу навстречу.

Рыжик сделал несколько шагов. Вдруг перед ним зашуршали прошлогодние листья, он вздрогнул и широко открытыми глазами уставился в ту сторону. В траве что-то шевелилось и двигалось, извиваясь, прямо к нему. И в этот миг Рыжик увидел веревку.

«Змея!» – сразу понял он. Хотел взвиться на дыбы, но в груди вдруг что-то оборвалось, острая боль отдалась звоном в голове, и тело его медленно осело на траву.

– Рыжик! Что с тобой?! – бросился к нему Аким, схватился за уздечку.

Попытался поднять голову жеребца, но та снова безжизненно опустилась на землю.

– Все, конец. Умер, – проговорил Серега. – Куда его теперь?

Но Аким не ответил. Отвернувшись, он прижался головой к березе, и плечи его вздрагивали.

Через некоторое время мужики вернулись на конный двор, взяли с собой Зорьку, прихватили лопаты. Долго рыли здесь же, в лесочке, у этих злополучных берез, большую яму. Затем аккуратно перевернули в нее Рыжика, засыпали землей, обложили могилу дерном. Аким нашел маленькую рябину, выкопал ее и посадил на образовавшийся холмик.

Зорька, наблюдая за действиями конюхов, недоуменно хлопала глазами, словно хотела спросить: «Зачем это все?»

Аким больше не проронил ни слова. Мужики молча запрягли Зорьку в дрожки, погрузили осинник, привезли на конный двор, разгрузили. После этого Аким вдруг развернулся и, закрыв за собой ворота, побрел в сторону деревни, тяжело переставляя ступни. На другой день он на работу не вышел. Заболел. У него отнялись ноги.

* * *

Прошло три года. Осенней порой, когда природа, расплескав яркие краски и наполняя душу приятно щемящей тоской, ласкает последним солнечным теплом, от орловского конного двора в сторону леса медленно двигался старик. Большая узловатая кисть руки, сжимающая палку, на которую он опирался, напоминала о былой мощи этого человека. Однако время беспощадно... Забрав всю его стать и силу, оставило только исхудавшую согбенную фигуру с низко опущенными плечами,

длинные седые лохмы на трясущейся голове да такую же седую бороду. Старик часто останавливался, шумно втягивал носом чистый воздух, всматривался в сторону ближайшего леска и, убедившись в правильности выбранного маршрута, двигался дальше.

Вот он вошел в лесок, пробежал глазами по окружающим деревьям. Сделал еще несколько шагов и остановился на краю ложбины у трех мощных берез. Взгляд его отыскал рябиновый куст, выросший уже в два человеческих роста, и еле заметный холмик, покрытый пожухлой травой и желто-красными опавшими листьями. Постояв немного и отдышавшись, он опустился перед холмиком на колени.

– Ну, вот и я – Аким, – произнес старик. – Прости, Рыжик, не приходил я к тебе, не мог, болел. Ноги отказались носить. Если бы не наш друг Николай Бажков, я бы и сегодня к тебе не пришел. Он теперь в области большой человек, приехал в прошлом году на машине и забрал меня в областную больницу. Я не хотел: ни к чему уже, жизнь прожита. Но он чуть не силой усадил меня в машину. Привез и врачам наказал, чтоб меня лечили, как начальника какого-то. И сам часто приходил ко мне. Нет для меня теперь человека роднее его. Вот вроде ходить начал. Хотя что толку, сердчишко никудышнее, колотится, как заячий хвост, задыхаюсь – воздуху не хватает.

Аким глубоко вздохнул, наклонился вперед и погладил дрожащей рукой могильный холмик.

– О тебе он тоже спрашивал, горевал сильно, что тебя не стало. Мы тебя часто вместе вспоминали. Жизнь нас связала и развела... – Старик смахнул набежавшую слезу широкой ладонью, потом что-то вспомнил и продолжил: – Да, Михаил Алексеевич, бригадир бывший, вернулся в деревню. На пенсию вышел, но дома сидеть не стал. Конюхом вместо нас с Серегой работает: всю жизнь коней любил. А Серега-то помер в прошлом году, на старости лет решил с пьянкой завязать, и, видно, зря. Сердце привыкло самогон по жилам гонять, а тут раз – и нет этой гадости, оно и остановилось.

Аким неумело перекрестился, посмотрел вокруг. Взгляд его уперся в разросшуюся рябину.

– Рябинка-то как вытянулась. Сколь лет-то прошло, как мы с Серегой и Зорькой ее посадили? – Подумал немного и перескочил на другое: – Да, Зорьку-то нашу недавно свезли. Куда? Сам знаешь куда. За-немогла, болезная, вот ее и того... А Битюга и Каштана еще в прошлом годе отправили туда же. Сейчас на конном дворе лошаденки так себе, дрянненькие. Никому они не нужны. Все трактора да машины, весь белый свет закоптили.

Он снова глубоко вздохнул, помолчал немного, взялся рукой за тощую грудь, словно пытаясь утихомирить вновь разыгравшееся сердце.

– Ну, кажется, ничего не забыл...

«А Соловуха как же?» – послышалось ему. Медленно поворачивая голову, Аким огляделся: «Кто же это спросил? Неужели Рыжик?»

– Соловуха... – тихо начал он.

И вдруг ему показалось, что вокруг разыгралась метель, на расстоянии вытянутой руки ничего не видно. Аким испуганно вглядывался в снежную муть, и в это время из пурги показалась конская голова.

– Соловуха! – обрадовался он. – Соло...

Замолкнув на полуслове, Аким медленно завалился навзничь, глядя широко открытыми глазами в осеннее небо.

Вскоре желто-красные листья, облетающие с деревьев в последнем танце, плотно прикрыли эти глаза.

* * *

Хоронили Акима всей деревней.

Оказалось, он был не прав, когда думал, что не любит людей, а они в ответ платят ему тем же. Сам того не подозревая, всего лишь добросовестно исполняя свою работу, он любовь свою передавал людям через лошадей, которые благодаря его стараниям всегда были сыты и ухоже-

ны. А эти лошади исправно помогали односельчанам трудиться в совместном хозяйстве и содержать свое личное подворье, что позволяло людям жить, растить детей...

На прибитой к кресту дощечке местный художник Мишка Котов вывел красивыми буквами:

«ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ АКИМ ФРОЛЫЧ БЫЧКОВ – ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК».

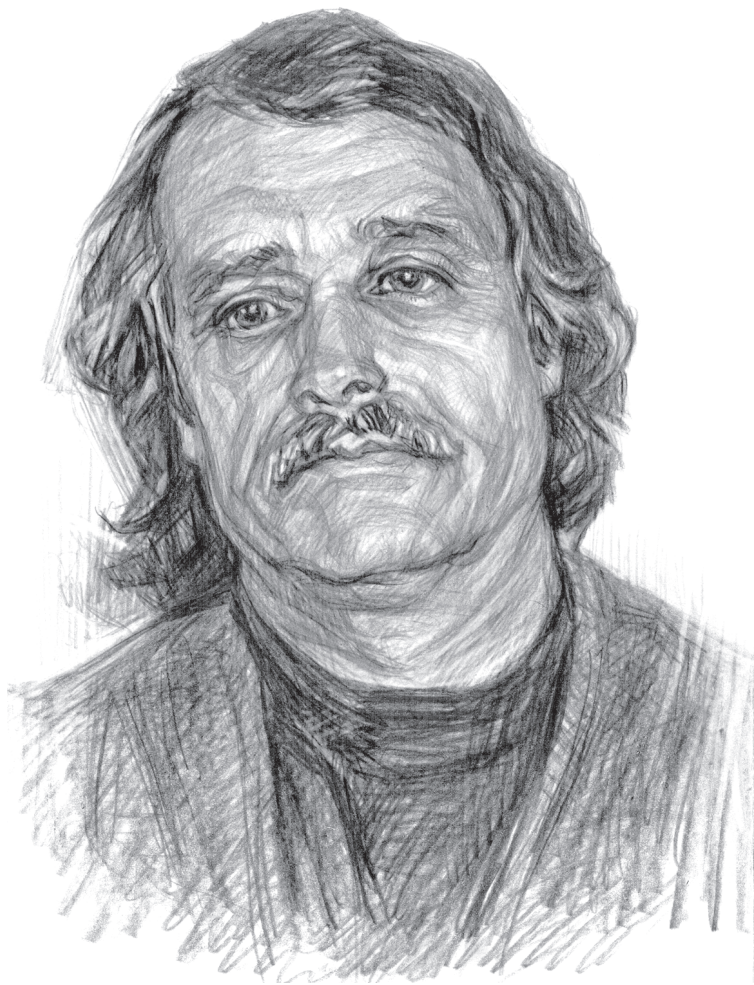
Какой-то сельский шутник позже приписал карандашом:

«ПРИЕМНЫЙ СЫН СОЛОВУХИ».

(Огни Кузбасса. 2021. № 3)

Башев Николай Алексеевич. Прозаик, поэт, баснописец. Член Союза писателей России с 2017 года. Родился 20 октября 1946 года в селе Ольговка Яйского района Кемеровской области. С 1963 по 1967 год учился на отделении «Ветеринария» в Мариинском сельскохозяйственном техникуме. С 1967 года работал ветеринарным врачом в совхозе «Яйский», во втором отделении в Ольговке. В 1973 году поступил на факультет «Зоотехния» Новосибирского сельскохозяйственного института. Работал зоотехником, директором сельскохозяйственных предприятий Кузбасса, в тресте «Птицепром». Первое стихотворение «Река Яя» было написано в 1972 году, в 1980-м написана первая басня «Я и Мы». Автор книг стихов и прозы «Разговор с Богом» (2011), «Откровение» (2012), «И это время со мной...» (2013), «Басни» (2015), «Про жизнь» (2016), «Эпоха аритмии» (2018), «Повесть о рыжем коне» (2019), «За околицей метель» (2023). Финалист Национальной литературной премии «Поэт года» (2020). Его басни вошли в сборник «200 поэтов 2020», изданный в Москве в 2021 году. Лауреат областного конкурса профессиональных писателей «Иная среда» (2020) в номинации «Проза» (за повесть «Рыжик»). В 2020 году награжден памятной медалью «150 лет Ивану

Бунину». Почетный гражданин Яшкинского района (2022). Избирался народным депутатом СССР, с 2013 года член областного штаба Общероссийского народного фронта. Награжден медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса», «За служение Кузбассу». Живет в селе Колмогорово Кемеровской области.

Александр Николаевич Брюховецкий

19 ноября 1954 г., с. Новоандреевка, Семипалатинская обл.,
Казахская ССР.

Прозаик, публицист. Член Союза писателей России с 2004 года.

ЛЕТЯЩИЙ МУЖИК

У художника Пронькина не шла картина. Застряла она на кончике кисти. Была даже куча эскизов к ней, и в голове вроде все сварилось, а как подойдет к холсту – все, хана, опускались руки.

– Не твое все это, – встревала жена. – Чего выкобениваться, мазал бы потихоньку свои пейзажи, а то выдумал: летящий мужик... Надо же, а? Насмотрелся на всяких придурков с ихними заходами... Глянешь на ту мазню, и тошно делается.

– Не пыхти, не пыхти, дорогуша! – горячечно прыгал он вокруг мольберта. – Вот глянь-ка, – и он потрясал эскизом, как первоклассник своим дневником с первой пятеркой, – вот слева и справа две большие березы, а между ними на фоне неба мужик в кирзачах и фуфайке летит, руками машет. А внизу, значит, баба голову задрала и удивляется... Стайки тут видны и прочее...

– Ну и чево он летит? Што, нельзя по дороге? – развела она руками. – Не понимаю. Разви бывает так?

– Бывает, еще как бывает! Тут просто должны появляться некоторые ассоциации, понимаешь. Мужик, может, от бабы своей ушел. Надоело ему все, осточертело! – восклицал художник. – Одно и то же, одно и то же каждый день: скотина, сено, навоз... А ему хочется уйти от всего этого, отключиться... – И Пронькин отключался, по-гусяному вытянув жилистую шею и жмуря глаза. – Вот глянь внимательно, вишь, как баба рот раззявила, глядит на него, а мужик, как и она, всамделишный, но летящий. Вот ты, к примеру, как бы толковала это?

– А никак. Надоело ему – разводись, и все.

Пронькин схватился за голову:

– Боже мой! Неужели непонятно тебе, што это и не мужик вроде, а душа его, понимаешь, ду-ша-а?!

– Я вижу только мужика, – возмущалась жена. – И при чем тут фуфайка, мог бы и приодеть его, как президента, раз он счастливый такой.

– Ну это уже горячо, это ближе! – обрадовался художник. – Каждый будет по-разному воспринимать. Летит, понимаешь, президент и кричит: «Скоро я вам зарплату дам, держитесь... мать нашу! Россия будет великой!» Ну, дошло, а? – И Пронькин наклонился к полу, махая руками, как крыльями.

– По-моему, у тебя сдвиг по фазе пошел, – осторожно покосилась она. – Займись лучше природой, это понятней.

Пронькин нервно забегал по комнате.

– Я решил поменять жанр, у меня тут давно что-то накипело, – тыкал в грудь он прокуренным пальцем, – надо только решиться, перейти этот психический барьер. Сломать его к чертовой матери!

– Нарисуй мне лучше лебедей.

– Нет-нет! Лебеди – это слишком конкретно, и лирика это, сантименты... Должно быть несколько абстрактно. Сюрреализм... Во! – И он поднял палец.

Жена тяжело вздохнула и исчезла на кухню, загремев там посудой. А Пронькин не унимался:

– А может, весна на улице, почки набухают, травка лезет, теплынь кругом, и мужик вспорхнул от радости, вобрал в себя природу и...

– А чево он в фуфайке-то, коли теплынь? – донеслось с кухни.

– Ты меня с толку не сбивай! Без фуфайки образа нет. А так он весь тут. Он к тому же поэт – тонкая натура, прям из дерьма вознесся... Сколько же ему в навозе ковыряться?

– Щас без этого нельзя, не выживешь.

– Без чего нельзя?

– Я говорю, без своего хозяйства с голоду сдохнешь!

– Мать моя женщина! – простонал художник. – Я тебе про ассоциации. «Летающий мужик» – это условно. В жизни он не летает, разве что в самолете.

– Щас полетишь в самолете... На поезд денег не хватит, к сестре вон уже три года не ездила. Все обнищали, а цены, цены...

Пронькин протопал на кухню, сопя паровозом.

– Дорогуша ты моя! Если ты меня хоть немного уважаешь, то постарайся понять: мужик мой как бы ненастоящий, и при чем тут поезд и деньги? Ну вот как я – с тобой и не с тобой, рвусь куда-то... Ну а конкретно: взял я тебя из крестьянской семьи, думал, ты к свету потянешься, книжки умные читать будешь, самообразованием, понимаешь, заниматься.

– Ах вот ты об чем?! – подбоченилась она. – А ты откуда вышел? Разве не из колхозников? Ишь, интеллигентом прикинулся... Да, я институтов не заканчивала, но и в твоём образовании шибко сомневаюсь! Заочно и то не мог доучиться. Садись вон опять на трактор! Я и в огороде, в стайке, – и ее пальцы, до белизны в косточках, сжались в приличные кулаки, – а он картинками балуется...

Пронькин понял, что переборщил.

«Щас будет “летающий мужик”», – струхнул он. Отметелила она его как-то пьяного, с тех пор страх и закрался.

– Ты мне Париж обещал, помнишь? А я, как дура, поверила... Всю работу на себя взвалила, комнату под мастерскую ему дали. А где Париж? Двадцать лет туда уже едем, а все никак не доедем! – все пуще распалялась супруга.

– Все, милая, все! Успокойся! Я ж не то хотел сказать, ты... ты у меня баба нормальная, работающая. Живем мы с тобой неплохо, вот только...

– Што только?

– Ну, как тебе мягко сказать... – замялся Пронькин, – зациклилась ты маленько, фантазии, что ли, не хватает.

– Вот те раз! – Она тяжело опустилась на стул. – А сварить чево – это што, не фантазия? Каждый раз думаю, как из г... конфетку сделать да тебя, живчика, накормить. А где деньги от твоих картин, а? – И она сисясто повисла над доморощенным художником, плюгавеньким и робким. – Где деньги, живчик?

Пронькин резиново отпрыгнул:

– Время щас не то, не берут картины!

– А может, художники не те? Кто это будет на стену летящих мужиков вешать? Цветы... природа там должны висеть.

– Ну, может, это... иностранцы, они любят такое.

– Отстань, все! Мне посуду перемыть надо. Малюй своего мужика, может, прослависси, а ко мне не приставай. Не понимаю я это.

Пронькин поковырялся кистью в палитре, но первый мазок так и не решался положить.

«Сейчас бы сто грамм пропустить, – подумал он, – для смелости». Пошарился в пиджаке, пересчитал: «На чекушку хватит». Тихонько выскользнув из мастерской, он ударил «Ижа» по кикстартеру.

Из открытой форточки донеслось:

– Мужик, ты куда полетел?

– Щас я, быстро...

Он неся к магазину и тепло возмущался: «Ну есть же, есть у нее ассоциации! Я ведь не полетел, я поехал! Хе-хе...»

(«Летающий мужик», 2000)

КРЫЛЬЯ

В детстве Касьян Птахин, как и все мальчишки, мечтал о небе. Он часами мог лежать где-нибудь на полянке и, заложив руки за голову, наблюдать за полетом всего крылатого. Даже зеленая навозная муха приводила его в восторг.

«Все летает, – возмущался он, – а человек нет!» И ему становилось очень грустно, но когда вспоминал, что не летает его любимая королева Марта да ишак одноногого деда Василя, все же делалось легче. «Не летают, конечно, дома, телеги, машины и деревья... Да много чего не летает. Но раз у меня такая фамилия, то я ведь должен летать!» И он, вскочив на ноги и подражая высоко парящему коршуну, раскинув худые руки, носился до изнеможения, скашивая ладошками ярко-желтые цветы зверобоя.

Часто он получал от матери тяжелые шлепки по острым ягодицам, за то что гниют под деревьями яблоки, переспела малина и не метен двор, а его где-то черти носят.

Касьян терпеливо переносил побои матери, а когда устанавливалось перемирие, то он дергал ее за рукав и спрашивал, широко раскрывая небесного цвета глаза:

– Мам, а почему люди не летают?

Сорокалетняя женщина с огрубевшими от работы руками, на минуту задумавшись, отвечала:

– А бог его знает, Касик. Кто-то ж должен и по земле ходить. Отец твой тоже хотел летать, а пришлось работать крановщиком.

– Мам, а отчего он умер?

– Разбился он, сынок. Высоту любил, оттого и разбился.

– А почему он упал на землю?

Мать не отвечала. Слишком сложным для нее был этот вопрос.

Свет пролил на это дед Василь, когда он, засидевшись у Птахиных, ударял кулаком по столу и, хмельно набычившись, гудел:

– Выпимши он был, выпимши! Ежели б не это дело, – дед Василь тыкал желтый прокуренный палец себе под клочковатую бороду, – то он бы не оборвался.

– А почему он упал на землю? – не унимался малец.

– Гм-м... Пойду я, однако, пока тоже не упал. – И дед Василь, скрипя деревянною ногой, убирался восвояси. Уже в дверях, обернувшись, добавлял: – Шутка ли! В ём весу, поди, с центнер было. Куда ж ему падать? Все земля-матушка притягиват...

«А я ведь не тяжелый, – думалось Касьяну. – Я не должен разбиться».

После этого он забирался на высокую черемуху и со страхом глядел вниз. Земля казалась далекой и недобро звала его в свои объятия, а небо было перед глазами, рядом, и он шагнул в него, раскинув руки. Чувство полета было изумительным, но недолгим. Касьян зацепился

лямками шорт за толстый сук и повисел на нем часа два, пока его не обнаружила мать.

– Ох, ирод! Ты что же там делаешь?

– Висю, мам.

– Опять, поди, летать вздумал, да? Ну, счас ты у меня полетаешь! – Она принесла огромную перину и, расстелив ее, приказала: – Лети! Расстегивай лямки и лети!

– Не буду! Ты побьешь меня! – Касьян плакал.

– А как ты хотел? Разве можно так над матерью издеваться?! Ты забыл, что прошлым летом я тебя еле отходила... Надумал, стервец, с зонтиком с крыши сигать!

– А я все равно буду летать! Я, может, в летчики пойду!..

– Конечно, сынок, в летчики! Куда ж тебе еще?! – соглашалась мать, пряча за спиной тонкий прутик.

Прошло много лет. В небольшом городке С., что на левом берегу большой сибирской реки, проходило яркое цирковое представление. Все жаждали увидеть знаменитого крылатого человека по фамилии Птахин. Говорили, будто у него псевдоним такой, но двое пожилых людей из первого ряда знали, что это его истинная фамилия, определившая всю его дальнейшую судьбу. Зал бушевал, когда на манеж выбежал стройный молодой человек с большими голубыми глазами. За спиной он нес два больших белых крыла, которые расправлялись высоко под куполом, придавая воздушному акробату образ парящей птицы.

– А он хоть за что-нибудь держится или так летает? – в страхе обращалась пожилая женщина из первого ряда к своему соседу, старику на деревянной ноге.

Старик морщил гармошкой лоб и отвечал не сразу:

– Так просто не полетаешь... Там всякие штуковины есть для поддержки, а евовные крылья до спины привязаны.

А в это время акробат складывал крылья и резко пикировал, бросая в дрожь простодушного зрителя, но тут же, у самого низа, опять взмывал под купол. Женщина бледнела и хваталась за сердце. Старик

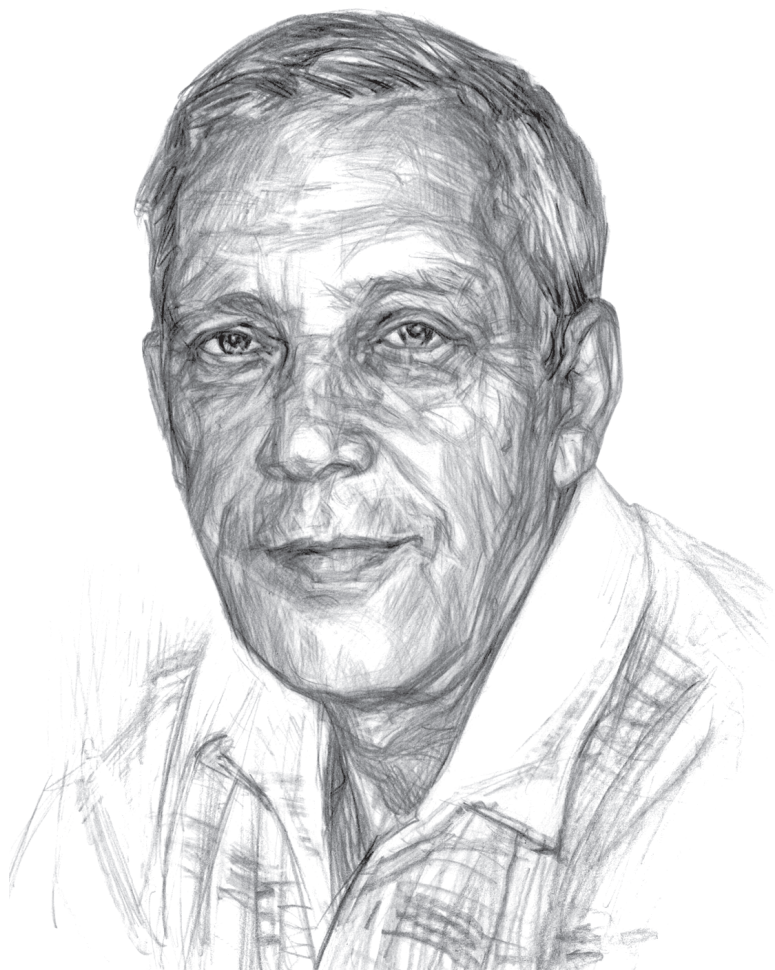
же убедительно доказывал ей, что видел все-таки эти тонкие, но надежные шутовины для поддержки.

Потом, перекрестившись, добавлял:

– А может, и так летат. Бог его знает!..

(«Летящий мужик», 2000)

Брюховецкий Александр Николаевич. Прозаик, публицист, художник. Член Союза писателей России с 2004 года. Родился 19 ноября 1954 года в селе Новоандреевка Урджарского района Семипалатинской области (Казахстан). В 1983 году окончил Алма-Атинское художественное училище им. Н. В. Гоголя. Работал художником-оформителем, преподавателем в школе искусств г. Текели (Казахстан). Участник различных выставок в Республике Казахстан, России. Член Творческого союза художников России и Международной федерации художников ЮНЕСКО, автор более 500 живописных и графических работ, часть которых вошла в альбом «Другая грань» (2020). В начале 1990-х годов переехал с семьей в село Колмогорово Яшкинского района Кемеровской области. Работал преподавателем в школах искусств с. Колмогорово, г. Зеленогорска, в настоящее время – в пос. Яшкино. Автор книг прозы и публицистики «Летящий мужик» (2000), «Камень» (2002), «Красиво живем» (2011), «Поехать в небывалое» (2015), «Запах солнца» (2019). Печатался в журналах «Молодая гвардия» (Москва), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Вологодский лад» (Вологда), «День и ночь» (Красноярск), «Содружество» (Яшкино). Лауреат Всероссийского литературного конкурса им. В. М. Шукшина «Светлые души» (2008). Лауреат премии журнала «Огни Кузбасса» (2014). Победитель литературного конкурса «Энергия творчества» (2015). Награжден медалью «За веру и добро» (2015). Член Союза композиторов Кузбасса, Александр Брюховецкий является победителем 8-го Межрегионального фестиваля авторской песни (Калтан, 2010) и дипломантом II степени Регионального конкурса самодеятельных композиторов (Кемерово, 2021). Лауреат международных конкурсов «Золотая лира» (2023), «Возрождение» (2023). Живет в с. Колмогорово.

Виктор Федорович Коняев

18 февраля 1952 г., Новокузнецк.

Прозаик, публицист. Член Союза писателей России с 2015 года.

ЗА РОДИНУ УМЕРЕТЬ НЕ СТРАШНО*

*Добровольцам, вставшим на защиту земли Русской
под Донецком и Луганском, павшим и живым,
автор с любовью посвящает*

В Сочи наши олимпийцы, вопреки всем прогнозам, показывали чудеса спортивного мастерства и высоты человеческого духа. Роман, поначалу не смотревший репортажей с Игр, теперь не отрывался от экрана, когда выступали наши. Но мир двоился, разделялся на праздник спорта и праздник смерти. В Киеве продолжалось кровавое противостояние. Двадцать первого февраля президент Янукович приказал вывести с киевских улиц «Беркут», это была фактически капитуляция, что и подтвердил на следующий день его побег. На улицах Киева замелькала фашистская свастика.

В день рождения Красной армии закончилась Олимпиада, закончилась безоговорочной победой России. Там, в Сочи, наперекор всем обстоятельствам, русские показали миру, как надо соревноваться, как выкладываться и преодолевать себя. Лыжная мужская гонка на 50 километров стала апофеозом всех Игр. Роман и Поля смотрели ее забыв обо всем. Полина, до того вообще не смотревшая ни одного соревнования, в азарте кричала: «Ну давай, давай!», кусала губы. А когда наши победили, заорала и запрыгала по комнате.

И в этот же день и. о. президента Украины назначили Турчинова, уже получившего прозвище Кровавый Пастор. Бедная, заблудшая Украина, не тормозя, покатилась в кровавый хаос, где слезы, кровь и горе. А в Крыму продолжалось брожение, там очень не понравились народу майские хлопцы в балаклавах и с железными цепями. На Западной Украине бандеровцы, почуввав безнаказанность, меняли власть, вышвыривали из кабинетов градоначальников, ставили их на колени, избивали. И эта вакханалия катилась по всей стране, подкатывалась к Крыму.

* Отрывок из повести «Остаться в живых не обещаю...».

Крым наливался гневом, он чувствовал себя чужеродным в новой украинской реальности, а внутри волновались крымские татары, подзуживаемые эмиссарами из Турции. Донбасс просыпался и уже начал оказывать сопротивление майданной власти. В глазах майданщиков плясали багровые отблески костров. Бандеровская власть тянула окровавленные руки к Крыму, жители отбивались как могли. Противостояние нарастало. Американский эсминец вошел в Черное море.

Вскоре на волне сопротивления во власть на полуострове пришли патриоты, люди из народа, и автономная республика объявила о своем выходе из состава Украины. Война грозно нависла над Крымом. События на Украине и в Крыму обретали лавинообразный характер. Чума национализма захлестывала одну область за другой, проникала в Новороссию, а там набирал силу протест жителей. В Крыму прошел референдум, русский дух из полуострова так и не вышибли: народ проголосовал за жизнь с Россией. Восемнадцатого марта у Романа текли счастливые слезы, когда он смотрел по телевизору, как руководители Крыма и Севастополя подписывали в Москве договор о вхождении в состав России.

* * *

Второго мая у Полины день рождения, намечали посидеть вечером, она приехала утром после смены и легла спать. Глебка убежал на улицу.

Роман после обеда включил телевизор, хотел посмотреть новости и увидел страшные кадры из Одессы. К этому шло, к этому вела бесчеловечная сущность национализма, именно из него рождался колониализм, фашизм и современный американский империализм. Но как ни подготавливай себя, а видеть людей, выпрыгивающих из горящего здания с высоты пятого-шестого этажа, видеть, как их потом добивают битами и арматурой, – это страшно. И если ты нормальный человек, равнодушный к чужому горю, то у тебя обязательно родится ненависть к ублюдкам, ставшим орудием в чьих-то кровавых руках.

«Мрази, мрази, фашисты проклятые! – твердил про себя Роман. – А где же народ, почему он не поднимается на свою защиту? Ведь это Одесса – город-герой! Неужто стерпят? Неужто не понимают люди, что их ужасом приводят к покорности?»

Ненависть родилась, черным сгустком легла в сердце, она не рассосется, будет лежать и подавливать сердечную мышцу, ждать момента, выплеска. Это не противоестественная ненависть, переродившаяся из присущей Божественной природе человека нетерпимости к греху и порокам именно из-за греховности человеческой, а естественная, сущностная, изначальная, активно не принимающая сатанинское зло. И она выплеснется только на источник зла.

У Романа впервые мелькнула мысль о том, что ему придется поехать туда, на Украину, воевать с нечистью. В сорок пятом фашизм мы не добились, не выжгли огнем эту заразу, союзнички не дали. Они держали фашизм полузадушенным, чтобы самим не пострадать нечаянно, держали для нужного момента войны с Россией, и вот сейчас этот момент настает.

«Может, хоть сейчас, после этих страшных событий на Украине, в Донбассе-то уже тоже начинает литься кровь, народ русский поймет наконец, что жить только ради пуза и счета в банке нельзя, это дорога в пропасть».

...Роман и Глеб ужинали вдвоем. Мальчишка, конечно, догадался, что мать дома. Догадался и о другом, но не спросил, ему хватало внимания отца. Они сидели рядом на диване, смотрели телеканал «Звезда»: вечером события в Одессе показали здесь более подробно. Роман крепко сжал руку сына, когда смотрели, как девушка повисла на руках, а потом полетела вниз с четвертого этажа, упала и не встала. Может, это было жестоко, но он не позволил сыну уйти, заставил его досмотреть, как добивали выпрыгнувших из окон, как стреляли в метавшихся по горящему зданию обреченных людей.

А потом сказал заплакавшему Глебу:

– Смотри, сын, и запоминай: так фашисты убивают безоружных людей.

* * *

Где же ты, Малороссия, воспетая Гоголем и силою его таланта влюбившая в себя всю Россию, казалось, на века? Где вы, милые хохлушки и хохлы, наивные и хитрованные, щедрые и прижимистые? Где вишневые садоочки у хаток, протяжные и грустные малороссийские песни? Куда все кануло?

Дым пожарищ все гуще заволакивает небо Украины. Но неужели погибнет она? Неужели не одумаются люди, неужели ради призрачного европейского праздника живота продадут общее со всем русским народом великое и горькое прошлое, совместную жизнь, общую Победу?! Не хочется верить в это. А верится, что встрепенется Украина, одумается и вновь вольется в необъятный, как космос, Русский мир. И останется этот страшный, обморочный отрезок ее истории уроком для всех, увы, бывших республик Советского Союза, наглядно показывающим, что нельзя предавать самих себя. И станет катализатором объединения всех в новое единое государство. Но раньше надо добить вновь поднявший голову живучий фашизм.

* * *

Он ехал на Украину, в Славянск, где с каждым днем все яростнее разгорались бои. Ехал, чтобы помочь ополченцам Донбасса в их борьбе против профашистской киевской власти. Сгусток ненависти в нем так набряк, что стало невыносимо жить в безопасной дали, невозможно дышать полной грудью, начало тошнить от людского смеха, от проявлений обычной радости. Все казалось неуместным, гадким и предательским. Сгусток рос на человеческом горе, набухал от слез избиваемых стариков в городках и поселках Новороссии, от крови раз-

давленных пьяными боевиками на бэтэрах мирных жителей, от мук изорванных осколками детишек.

Была и еще одна причина, а точнее мечта, которая тоже тянула его в Донбасс. В Новороссии люди не только стремились избавиться от власти националистов, они еще и жаждали социальной справедливости. И Роман втайне надеялся, что там, в огне сопротивления, зародится новый Союз, объединяющий людей на основе справедливости, на законах любви, а не капиталистических джунглей. Вот бы поучаствовать в построении такого Союза!

Ему повезло, он купил билет до Краснодара (еще оставались билеты на верхние и боковые места). Ничего, оттуда до Ростова недалеко, доберется как-нибудь. И вот он стоит в тамбуре вагона один, а вагон трясется-покачивается, увозя его в неизвестность.

* * *

Вспомнил Роман и вечер, когда решил сказать своим домочадцам об отъезде. Они с Глебом смотрели советский военный фильм, он пригласил сына к такому кино. Вышла Поля из спальни, где в последнее время проводила большую часть времени – спала или сидела у компьютера.

Сейчас шла на кухню или в туалет, но Роман, неожиданно приняв решение, позвал ее:

– Поля, подойди.

Она остановилась, оглянулась. Смотрела вопросительно.

– Ну, подойди, сядь, разговор есть.

– Да некогда мне.

– Подойди, разговор серьезный.

С неохотой подошла, присела на самый краешек дивана:

– Говори.

– Я скоро уезжаю в Донбасс.

Припухшее лицо жены не выразило удивления или волнения, лишь рука взялась за широкие отвороты халата и заперебирала пальцами ткань. А вот заданный ею вопрос поразил Романа, показался ему абсолютно неуместным, совершенно из другого измерения жизни:

– У тебя там кто-то есть?

– В каком смысле?

– В прямом. Ты же едешь к женщине?

Чтобы совместить разные измерения, видимо, надо говорить медленно и очень отчетливо.

– Я еду в Донбасс воевать против украинских нацистов.

– Папка, ты поедешь убивать фашистов? Ур-ра! Пап, возьми меня с собой, я тоже хочу стрелять в буржуинов, как Мальчиш-Кибальчиш!

Глеб тянул его за руку, требуя к себе внимания.

Роман обнял сына за плечо:

– Сынок, ты должен сначала вырасти. Я думаю, твоему поколению тоже придется защищать Родину.

А Полина мыслила какими-то своими категориями:

– Значит, ты нас бросаешь?

– Ты говоришь глупости. У меня скоро отпуск, и я решил на время отпуска поехать помочь ополченцам. Я же тебе сто раз говорил, что, если мы не остановим фашизм на Украине, он придет с войной сюда.

Но разрушить стереотипы ее мышления невозможно.

– А как же мы – я, Глеб и наш ребенок? Тебя же могут убить! Значит, ты нас все же бросаешь?

Встала и медленно пошла из комнаты. А Глеб засыпал Романа вопросами, он был возбужден, будто действительно собирался с отцом в поход. Но вдруг лицо его побледнело, глазенки округлились, он замолчал.

– Глебушка, что с тобой?

Слова сына прошелестели тонко-жестяно, как крылья мертвой стрекозы от дуновения ветерка:

– Папа, а если тебя убьют?

Роман прижал к себе Глеба и погладил по голове:

– Ну-ну, сынок, меня не так просто убить, я же ловкий, верткий. Нет, не убьют. Мы с тобой еще порыбачим по-настоящему, когда я приеду. Ага?

Про рыбалку Глебу всегда интересно, но не сейчас. Сейчас он лишь вяло поддакнул:

– Ага.

Выпростал голову из-под отцовской руки и задрал ее вверх, ища его глаза.

– Пап, скажи, а за Родину умирать не страшно?

Роман рад: растет человечек в духовном плане, раз задал такой вопрос. И ему, отцу, подсказал ответ.

– Умница ты у меня, сыночек, ты задал самый важный вопрос для любого мужчины. И я тебе отвечу серьезно, как мужчина мужчине. За Родину умереть не страшно, если ты любишь Родину. Не страшно умереть за мать, за отца, за тебя, за друга, потому что ты их любишь, а любовь сильнее страха, сильнее смерти. Любовь, сынок, сильнее всего на свете. Она правит миром, точнее, должна править.

Я вот недавно прочитал одну очень хорошую статью, там как раз есть мысль о трех категориях людей, вынужденных воевать. Запомни эти слова, Глеб. Первая категория – обыватели, ну, то есть люди, которым свое брюхо дороже всего на свете. Так вот они, когда их заставят защищать страну, всегда будут жестоки и беспощадны, потому что постоянно боятся за свою шкуру. Вторая категория по природе бойцы, эти воюют достойно, но очень любят награды и почести, для них это едва ли не главное. А есть третья категория – воины. Лишь они являются настоящими носителями воинской доблести. Для них погибнуть за Отечество и за своего товарища – высшая честь. У них нет ненависти к конкретному противнику, потому что они уничтожают не его, а носителя зла. Вот и я хочу стать таким воином.

Глеб слушал так внимательно, что Роман был уверен: он запомнит эти слова навсегда.

Полина, когда Роман пришел в спальню, тихо лежала на спине, укрытая простыней до подбородка.

Роман лег, положил руку ей на грудь, но тело жены осталось каменно-неподвижно.

– Полюшка.

– Не трогай меня, пожалуйста. Ты предатель.

– Ну, опять ты за свое.

– Да, самый настоящий предатель! Ты предал меня и нашего ребенка.

– Да чем я предал-то?

– Тебя убьют, и останемся мы одни.

– Ну что ты меня заранее хоронишь? Я погибать не собираюсь.

– Ну, тогда найдешь себе ополченку, горячую хохлушку, они наверняка слетятся туда в поиске женихов.

– Ты подумай, о чем говоришь. Там стариков и детишек убивают, а у тебя одни амуры в голове. Плетешь, не зная что.

Она резко повернула к нему голову:

– Ах, я плету?! Убирайся отсюда, я спать хочу!

Роман рывком поднялся с постели, ушел в зал на диван. Он там спал, когда они ссорились.

* * *

Вот и заканчивалась последняя перед отпуском смена. Рома сидел один в слесарке, глотал горячий чай и оглядывал все вокруг. Многое здесь сделано его руками: обшивка стен, стеллажи под инструмент, полочки, ящики. Раньше всего было еще больше, с изрядным запасом, однако в последний год хозяева начали внедрять программу «Шесть эс», и немало доброго инструмента и запчастей пришлось просто выкинуть в металлолом. Делал это Роман с зубовным скрежетом, считая подобную «оптимизацию» расточительством. Но сверху настаивали на исполнении, и по цеху нередко шныряли разные проверяющие.

«Я будто прощаюсь со своей слесаркой, – думал он сейчас. – Да глупости это, нет у меня никаких скверных предчувствий. Просто уезжаю в неизвестность, и сознание хочет запечатлеть в памяти милые сердцу места».

В приоткрытую дверь развалистой походкой вошла Гуля – так он назвал прибывшую с конца зимы голубку. Умная птица, пару раз покормленная крошеным хлебом, поняла, что здесь ее привечают, и прижилась в цехе. Когда Роман приходил после раскомандировки, она уже ждала его у двери. Торопливо склевывала утреннюю порцию и куда-то удалялась, но строго к моменту прихода Романа из столовой уже была тут как тут. Третий раз являлась она перед концом смены. Иногда, если Роман работал в ремзоне, Гуля садилась на трубу вентиляции или на какую-нибудь деталь оборудования и наблюдала за ним.

Вот и сейчас Роман хотел встать, достать хлеб и покрошить гостю, но не успел. Гуля довольно проворно подошла к нему, неожиданно взлетела и села на колено. Растроганный, Роман замер, а голубка смотрела на него и ворковала. Она вытягивала шею, поворачивала головку в стороны, а потом снова смотрела на человека.

Роман осторожно протянул руку и провел пальцами от головки голубки по шее и ниже. Птица не испугалась, она будто ждала этого, под ладонью человека она еще сильнее вытянулась и шагнула к нему ближе.

– Ах ты, моя хорошая, добрая Гуля!

В ответ прозвучала нежнейшая рулада.

«Неужели она чувствует, что в понедельник меня уже не будет? Возможно, тогда она прощается со мной».

* * *

В последний вечер перед поездкой Роман долго молился. Он не просил сохранить ему жизнь. Он просил укрепить дух его, даровать ему мужество и терпение. Горячо молил Спасителя не оставить его престарелых родителей, его жену, сына и еще не родившегося ребенка.

Поезд отходил в девять часов утра, и встали они рано – невыспавшиеся после бурной ночи. Тяжкой еще и из-за резких перепадов в настроении Полины. Она то безудержно ласкала Романа, то заливалась слезами и обвиняла его в предательстве, повторяя: «Убьют же тебя, дурака, убьют».

На перрон они вышли сразу после объявления о начале посадки в поезд. Глеб нес пакет с продуктами отцу в дорогу.

Все последние дни он не отходил от Романа. Вместе они вскапывали землю под грядки у тещи, вместе чинили теплицу. Глеб даже на улицу перестал убегать. Долгими теплыми раннелетними вечерами они беседовали. Отец рассказывал ему о великих русских полководцах, ученых, писателях – обо всех, кто составил славу России. Сын внимал благоговейно, зернышки попадали на благодатную почву, и Роман был счастлив.

За два дня до отъезда он отогнал машину в гараж, и там Глеб вволю покрутил руль и посигналил. Потом они поехали к старикам. Мама загостилась у бабы Груни из соседнего дома, отец остался один, и так было даже лучше: меньше слез.

Роман отдал ключи от машины и гаража. Отец все же «расходил» свою ногу и собирался даже сесть за руль, был весел, угощал их пирогом с рыбой. Но дрогнула рука Бориса Савельевича с чайником, плеснул он кипятком на клеенку, а одутловатые бледные щеки сразу покрылись нездоровой краснотой, когда сын сказал:

– Все, батя, послезавтра уезжаю.

Отец не глядя поставил чайник на стол и грузно осел, хорошо, хоть не мимо стула.

– Все ж таки едешь? А я надеялся, что передумаешь.

– Нет, батя, нельзя передумывать.

– Я телевизор гляжу: там войница начинается серьезная. Боюсь я за тебя, сына.

Отец как-то сразу поник, голос зазвучал печальнее и тише. А Роман старался говорить бодро:

– Батя, мне нельзя погибать. У меня жена молодая да вот и сынишка малый, мне из него еще надо человека вырастить. А на подходе еще один. Так что я должен жить долго.

Но не убедишь отца одним только бодрым голосом.

– Там же не разбирают, у кого жена, у кого сын, косят всех подряд, – сказал Борис Савельевич. – Вон вчера показывали: в Славянске и Донецке много мирных людей погибло. Страшно мне, опять Россию в войну затянут.

– Вот я и еду, чтобы война до нас не дотянулась.

– Не обученный ты войне, а такие первыми погибают.

– Научат немного, а так-то я ловкий.

При этих словах Глеб отвлекся от вкусного пирога:

– Папка у меня самый ловкий, самый сильный!

Дед с любовью посмотрел на мальчишку.

– А его не жалко оставлять? – спросил он у сына. – Он, гляжу, прямо прирос к тебе.

– Батя, не рви душу! Я просто поеду в отпуск и через месяц вернусь. Матери пока не говори ничего, я сам ей позвоню с дороги.

Отец достал начатую чекушку, они выпили.

А когда уже уходили от стариков, Роман задержался в двери и тихо сказал отцу:

– Ну а если все же со мной что-то случится, не бросайте мою семью. Хорошо, батя?

Борис Савельевич обшлагом рукава клетчатой рубашки вытер мокрые глаза.

* * *

У вагона скопился народ, ждали проводника. Роман стоял с Полей и Глебом. Настю он увидел издалека, когда та еще шла по деревянному настилу между рельсами. Да ее трудно было не заметить: одета она была в куртку и брюки камуфляжной окраски, за плечами тоже пятни-

стый рюкзак. Волосы коротко острижены, на ногах ярко-синие кроссовки. И шла Настя твердым мужским шагом, отмахивая в такт рукой.

– Ну что, дядь Ром, всыпем бандерлогам? – сказала она, подходя.

– Не понял! – оторопел Роман. – А ты куда собралась?

Настя рассмеялась, сняла рюкзак с плеч, поставила у ног.

– Что непонятного-то? Я еду с тобой, мне очень не нравятся бандеровцы. Я когда увидела, как сжигают людей в Одессе, сразу решила: еду туда. У папанышки своего карточку банковскую стырила, пароль я знала, сняла двадцать пять штук – и на вокзал. Переплатила, но билет взяла. Это какой вагон? – повертела она головой, ища номер. – Третий, а у меня пятый.

– А как же Машенька, мать, отец, парень твой? – продолжал недоумевать Роман.

– А как же Поля, Глеб и тот, неродившийся? – в ответ спросила Настя.

– Но я-то мужик! А ты что там делать будешь?

– Вас, мужиков, перевязывать, если ранят. А если научат, так и воевать буду не хуже тебя. Ладно, пойду определюсь с местом, потом подойду.

Пришла проводница, проверила билет. Роман с Глебом зашли в вагон, а Поля осталась на перроне.

Внутри он нашел свое место, убрал рюкзак под нижнее сиденье, снова вышел. Глеб все это время крепился, хотя на его чистое личико то и дело набегала хмарь душевной тревоги.

Оставалось пять минут до отправления поезда, проводница предложила зайти в вагон. И тут детское сердчишко не выдержало.

– Папочка! – пронзительно вскрикнул Глеб. – Во вскинутых глазищах – бездна отчаянья. – Как же я без тебя?!

Полина кусала скомканный носовой платочек, молодая проводница указательным пальцем смахнула со щек слезинки. Роман подхватил сына, посадил на левую руку, тот прижался к его щеке, ручонкой крепко обхватил за шею.

Молитвенно-жаркие слова ребенка кромсали отцовское сердце:

– Папочка, ну возьми меня с собой! Я буду тебя всегда слушаться и помогать тебе! Мы же с тобой так мало были! Мне плохо будет без тебя...

У щеки Романа разразились рыдания. А он катал желваки по скулам, кусал губу, глотал и никак не мог проглотить ком в горле – надо было самому удержаться от слез.

Наконец совладал с собой, повернул голову Глеба к себе, поцеловал в мокрые глаза:

– Сынуля, ну перестань, ты ж у меня мужик, будущий солдат. Ты остаешься за старшего, должен теперь маме помогать во всем. А я через месяц приеду, и мы с тобой сразу поедem на рыбалку, с ночевкой. Ух и натаскаем хариусов. Договорились?

Отчаянье нелегко покидало детские глаза, но все же ушло. И сквозь пелену слез заблестел интерес.

– Здоровенных?

– Само собой!

– Гражданин, пройдите в вагон, поезд отправляется! – напомнила проводница.

– Все, сына, пора. – Роман поставил Глеба, обнял Полину, ткнулся губами в ее губы, жестко сжатые: – Через месяц с небольшим приеду.

Она кивнула головой спокойно, словно была уже далеко от него.

– Он вас как на войну провожал, – заметила проводница, закрывая вагон на ключ.

– А мы на войну и едем, – откликнулась Настя из-за спины Романа.

Взгляд у обернувшейся проводницы был тягучий и скорбный – как у русских женщин в сорок первом году.

* * *

«Так, вроде все сделал, что нужно было», – думал Роман, стоя у вагонной двери.

Банковскую карточку он оставил Глебу, записал ему код. Денег им должно хватить. Себе на пропитание и обратную дорогу он снял двадцать тысяч. Немного, но надо думать о семье. Позвонил Галине, просил помочь Полине и Глебу, если в том будет надобность. Пришлось ей сказать, куда он едет.

Галя кричала в трубку:

– Рома, братишка ты мой ненаглядный! Я буду молиться за тебя. Будь спокоен, Ромочка, я все сделаю, только возвращайся живым!

Насколько он знал, Галина в Бога не верила.

«Вот Толяну забыл позвонить», – спохватился он. И тут же звонок, будто его мысли услышали:

– Ромка, дружище, привет!

– Привет, Толь!

– Слушай, Ром, ты уже в отпуске?

– Да.

– Тогда у меня есть предложение. Собирай семейство, садись на свою «четверку» и дуй ко мне. Гарантирую, Ром, отдохнете прекрасно. Ну, как тебе мое предложение?

– Замечательное, и я бы с радостью так сделал.

– погоди, Ромка, только не отговаривайся делами. Мы вам уже и комнату приготовили, так что никаких возражений не принимаю.

Голос Анатолия напирал, в нем бурлила радость от предстоящей встречи. Тяжело давались Роману ответные слова, да еще и связь была плохая.

– Алло, алло, Толя!

Тишина. Потом голос из тягостной пустоты:

– Ром, ты слышишь меня?

– Да, да, Толя, слышу. Прости, друг ты мой, но я не смогу к тебе приехать.

– Ром, ну что за дела?! Так хочется повидаться, поговорить! Почему не сможешь?

– Я еду в поезде.

Связь опять пропала.

– Алло, Толя!

– Да, да, говори.

– Я еду в поезде!

– Куда?

– На Украину.

– У тебя там родня?

– Нет, Толя, я еду воевать за Родину, бить фашистов.

После паузы у далекого друга осекшийся голос:

– Тебе это очень нужно?

– Мне это жизненно необходимо.

Связь снова прервалась.

– Алло, алло, Толя!

Долгая-долгая пауза. Наконец снова голос Анатолия:

– Да, Рома, я слышу. Возвращайся живым. – Голос обретал силу, полноту звучания: – Я горжусь тобой, Роман, друг ты мой единственный. Я очень тебя прошу: вернись живой. Слышишь? Живой!

– Слышу. Я не могу обещать, там же война, но я постараюсь.

Сказано все.

– Прощай, Толя.

– Нет, не прощай, до свидания.

«Вот, оказывается, кто друг мой настоящий, – подумал Роман. – А понял я это поздно, когда расстояние разделило нас».

* * *

Роман Купавин стоял в тамбуре вагона. Солнце уже скрылось, синева летнего неба из ярко насыщенной постепенно переходила в мягкую просинь, напиваясь крадущейся темнотой, а ближе к горизонту отдавала зеленоватым. Тайгу сменили степи, недалеко проплывали длинные озера, они сливались в темнеющем воздухе с плоской равниной, поросшей молодой травой.

И все это есть Россия.

Внезапно мощно и жарко затолкалось сердце. Эх, крылья бы! Взмыл бы он тогда в поднебесье и еще выше – так высоко, чтобы увидеть всю Россию от края и до края, великую и прекрасную, родную и любимую!

Роман сильнее сжал пальцами металлический прут. Если бы ему сейчас сказали: «Ты готов умереть за Родину свою, умереть в муках и страданиях?» – он бы, не медля ни секунды, ответил: «Да, я готов. Это же счастье – погибнуть за Отечество, за землю родную и приложиться к народу своему русскому, которого тьмы и тьмы сложили головы в битвах с врагами».

Он ехал туда, где враг снова огнем и мечом пытается завоевать землю Русскую. Вагон сильнее потряхивало, поезд вкатывался в ночь, пришедшую с запада.

(Огни Кузбасса. 2022. № 2)

Коняев Виктор Федорович. Прозаик, публицист. Член Союза писателей России с 2015 года. Родился 18 февраля 1952 года в г. Сталинске (Новокузнецке) Кемеровской области. В 1969 году поступил на химический факультет Томского государственного университета. Летом 1970-го был участником Всесоюзного студенческого строительного отряда, который возводил объекты в г. Стрежевом Томской области. Оставил учебу, поняв, что химия не его призвание. В 1972–1973 годах работал на строительстве Кольской атомной электростанции в Мурманской области. Вернувшись в Кузбасс, заочно учился на факультете русского языка и литературы в Новокузнецком педагогическом институте (не окончил). Работал на шахтах им. Орджоникидзе и «Байдаевская», трудился газосварщиком на Западно-Сибирском металлургическом комбинате (1980–2019). Писать стал еще в школе. Был членом новокузнецкого литературного объединения «Гренада». Автор книг прозы «Глаза, распахнутые в жизнь» (2007),

«Высвет... лики... лица» (2008), «Дыхание души» (2010), «Сердечко стонет» (2012), «Непогасимая лучинка» (2014), «Остаться в живых не обещаю...» (2016), «Запах жареной совести» (2019), «По делам своим» (2020). Печатался в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Сибирь» (Иркутск), в альманахе «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк), в газете «День литературы» (Москва). Награжден медалью «За веру и добро» (2007). Лауреат премии «Энергия творчества» (2009, 2014). Живет в Новокузнецке.

Геннадий Васильевич Косточаков

7 апреля 1959 г., Междуреченск.

Прозаик, поэт. Член Союза писателей России с 1997 года.

ПЕЧАЛЬ КАНДЫКА

Вышел кандык из земли на опушке леса, зацвел фиолетовым цветком под теплым весенним солнцем.

Но радости особой почему-то не было. Даже более того, пригорюнился кандык. Он был не один, вокруг него было целое поле кандыков. И все они были немного печальны.

Кандык цвел, печалился и упорно думал:

«Все изменилось до неузнаваемости. Я теперь никому не нужен. Раньше хорошо было: приходили люди, выкапывали меня, ибо мой корень был лакомой для них пищей. Выкапывали и наслаждались мной, и я наслаждался тем, что мной наслаждались. Теперь никто не приходит, а если кто случайно и забредет, то непременно начинает топтать меня, вдавливая в грязь. Что я ему сделал плохого? Нет чтоб обойти поле цветов, куда там, идет напрямик и не глядит под ноги. Или наши хрупкие тела ничего не значат? И я ничего не значу? Равнодушный слепой век идет через нас!

Теперь я никому не нужен не то что кушать, но даже в качестве цветов – все теперь предпочитают чужеземные розы, хризантемы, тюльпаны. Не опускаются теперь до лесных цветов! Я стал беден, невзрачен и недостойн, чтоб меня сорвали в качестве подарка любимой женщине. Какой подарок, если я валяюсь теперь под ногами?! Наклониться, склониться ко мне, отдать поклон – никто не хочет, даже не думает.

Пусть я раньше и жил недолго, но зато выполнял свое предназначение, служил пищей своему народу, а теперь и мой народ от меня отворачивается, отвернулся, не замечает. Он предпочитает злаки, которые называет своим хлебом. Покупные злаки, позабыв свой родимый уса-тый ячмень и мои хлебные корни стерев из памяти. Корни для всего живого – это вопрос вопросов. А они от моих корней, нет, от своих корней нос воротят! Господи, кандычный бог, помоги мне!

Да и не стало рядом с нами людей. Опустела тайга, моя земля опустела – как оставленный, брошенный, забытый дом. Не живут теперь

около меня люди, они перестали здесь жить, словно здесь зараза какая завелась, тьфу! Лишь мы, кандыки, еще есть на родной земле, стоим и одиноко любимся красотой своей отчизны.

Сейчас я живу долго, но бесполезно: поцвету, поцвету и увяну без всякого толку. Вот о чем моя печаль...»

Поэтому не случайно говорят, мол, кандык в последние годы стоит склонив свою головку низко, почти до самой земли. Это он так печалится.

Но никто не видит его печаль, потому что и людей-то нет рядом.

2004

КУКУШКА И СОЛОВЕЙ

Села на ветку кукушка, а рядом с нею оказался соловей. Оба начали петь.

Скоро кукушка замолчала и перелетела на другую ветку. А соловей этого не заметил, он был весь в своей песне.

Песня у соловья кончилась, и только тут он заметил, что кукушки рядом нет. Его заинтересовало, почему кукушка улетела, и он отправился ее искать.

Найдя кукушку на опушке леса, соловей спросил у нее:

– Кукушка, мы пели с тобой вместе, но ты улетела от меня. Почему?

– Потому, – ответила кукушка, – что ты берешь слишком высокую ноту. Если я попытаюсь петь высоко, как ты, то у меня сразу же начинает болеть голова.

– А ты бери свою ноту и сочетай с моей. Разве это невозможно? – поинтересовался соловей.

– Невозможно. Когда я слышу тебя, то сразу же начинаю думать не о песне, а о своем голосе. Мой голос намного хуже, чем твой. Мне становится обидно, что природа меня так обделила. Улетай, без тебя мне лучше. Без тебя я не думаю о своем голосе, а думаю о песне.

– Ты говоришь непонятные слова. Я всегда думаю только о чувстве, которое вкладываю в свою песню. А о голосе своем я никогда не думал.

– Твой голос, – ответила кукушка, – это само переживаемое чувство. Поэтому ты и не думаешь о нем. А у меня противоречие: голос мой толст, а чувство мое тонко. Я как будто всегда фальшивую. Поэтому и говорят люди, что мое пение – это не наслаждение, а черное предсказание. Все спрашивают: сколько, мол, кукушка, осталось нам прожить лет? И замирает их сердце с тревогой, если я вдруг замолчу. Нет восхищения, а есть только тревожное молчание с их стороны. А слушая тебя, люди радуются, словно они в раю побывали. Это несправедливо!

– Ты мудрая птица, – сказал соловей, – ты много думаешь, а я глуп, но счастлив. И люди тоже бегут от мудрости: они хотят быть глупыми, но счастливыми. Но ведь ни ты, ни я не обделены вниманием публики. Почему же ты сердишься? Почему не поешь со мной? Глупость и мудрость – это две стороны жизни, они не могут существовать друг без друга. Давай будем петь в два голоса! При слушании твоего голоса сердца людей будут тревожно замирать, а как я затянусь – сердца отойдут, смягчатся, раскроются навстречу радости. И наоборот. Это ведь лучше, чем петь с разных веток.

– Ты прав, – сказала кукушка, – это хорошо для людей. Но мне плохо рядом с тобой. Я ощущаю свою неполноценность.

И кукушка улетела в глубь леса.

С тех пор кукушка и соловей никогда не поют вместе.

2004

ВЕТЕР

Ходил по дорогам ветер, хулиган был: то с одного шапку сорвет, то с другого пальто снимет, то начнет какую-нибудь девушку обнимать и уводить в сторону. Нет никакой управы на ветер. Иной раз так разбуянится, что деревья валит, крыши с домов срывает, стекла в окнах бьет. Никто не может его успокоить.

Пошли люди к каму-шаману, стали просить у него помощи и защиты. Кам-шаман утром обещал сказать. Всю ночь камлал, обращался к Кудая-богу. Утром пришли люди в дом кама-шамана, а он сидит в углу дома, взлохмаченный, худой и с лицом суровым.

Он сказал людям:

– Нет управы на ветер, он сын Эрлика, хана подземного мира, а потому никто не может его обуздать. Но есть защита от ветра. Она в родной земле: чем крепче человек связан с родной землей, тем надежнее защищен от ветра. Родная земля, если ее любят, выставляет против ветра горы и густой лес, и потом они навсегда остаются преградой. Если случится ветер, родная земля крепко прижмет тебя к себе, как мать, и тем спасет от необузданного ветра...

И еще надо лучше и добросовестнее строить. То, что построено от души, не сдует ветер! И надо менять старое на новое. Все в мире должно обновляться – для стойкости и надежности!

Ветер – проверщик не только нашей любви к родине, но и нашей собственной крепости и надежности, спаянности людей друг с другом. Любите друг друга – и все стеной защитят тебя и себя от ветра!

Люди задумчиво и светло уходили от кама-шамана.

2004

БОГ И ХУДОЖНИК

Надоело богу Кудая быть невидимым для людей. Он призвал к себе художника, чтоб тот нарисовал его портрет.

Художник прибыл к Кудая, вошел в его золотой дворец, но хозяина нигде не увидел. Некоторое время он терпеливо сидел, потом стал раскладывать перед собой краски, кисти, бересту, чтоб на ней писать. Наконец не выдержал, стал ходить по дворцу и искать хозяина.

Кудай скоро сам появился перед художником. Вернее, самого образа видно не было, но стал слышен его голос.

Кудай сказал художнику:

– Я хочу, чтоб люди знали меня в лицо, поэтому ты нарисуешь мой портрет.

– Как же я нарисую, если вы незримы? – ответил художник.

– Нарисуй по моему голосу.

– Ваш голос похож на человеческий, стало быть, вы похожи на человека, не правда ли?

– Твоя правда, я похож на человека. Рисуй меня как человека.

– Люди бывают разные, а ваш голос мне дает представление о крепком старике с бородой цвета остывающего пепла.

– Хорошо, пусть я буду стариком. Рисуй же скорей!

– Но глаза, какие у вас глаза? Без глаз нет портрета.

– Глаза у меня самые острые, как у орла. Ведь я вижу все, даже то, что людям не видно.

– Хорошо, – сказал художник. – Глаза у вас будут зоркие, как у орла. Но ведь глаза на портрете выражают еще и душу. Какая у вас душа?

– Душа у меня, конечно, добрая. Нарисуй мою душу доброй, как это принято у людей по отношению ко мне.

– Ладно, я добавлю в глаза сопереживание и страдание. Но у меня возникло противоречие: сопереживающий и страдающий взгляд обычно слеп, потому что он не видит ничего, кроме предмета своего сопереживания и страдания. Добрые люди – это во многом слепые люди, они мало что видят вокруг, а что видят, то видят размыто. Только недобрые люди всё видят точно и подробно.

– Рисуй меня добрым, но всевидящим. Это у вас, людей, слепота и зоркость не соединяются, а у меня они в единстве. Я все вижу, но пока не многому даю свою оценку.

– Все, портрет ваш готов, – вскоре произнес художник. – Не желаете ли взглянуть?

Кудай взглянул. Некоторое время молчал, потом произнес:

– Ты же, кажется, пришел рисовать меня, а у тебя получился автопортрет. Почему?

– Потому что вы – это и есть я. Кроме меня, в этом дворце никого нет. Я разговаривал с вами, а на самом деле разговаривал с самим собой. Я рисовал вас, а на деле рисовал себя самого. Так часто бывает у художников: мы рисуем лучшее в нас самих. Ведь никто не видит себя плохим, не так ли? А вы себя каким видите?

– Я – как и вы, люди: я себя только ощущаю. Конечно, ты создал мой портрет, потому что передал свое ощущение. Спасибо! Я – это ты, лучшее в тебе. Теперь знайте: я – это каждый из людей, лучшее в каждом из вас.

Художник, уходя из дворца, прошептал про себя:

– Зачем ходил куда-то? Зачем искал кого-то? Мог бы нарисовать на месте... В зеркало всмотрись: Куда-то всегда в твоих глазах и – за тобой.

2012

ИСПОВЕДЬ ЗОЛОТОГО КОРНЯ

Я очень люблю горы. Потому что родился там. Моя родина высоко в горах, в долине ручья Высокогорного, место мое чуть выше каскада водопадов на этом ручье.

Там почти всегда лежит снег, а душе моей холодно и одиноко. Но я привык к такому ощущению души, потому что это испытание, которое непременно нужно выдержать. Ради трех месяцев, когда я действительно бываю счастливым.

Это месяцы моего счастья, это то, ради чего я терплю снег и холод. Счастье приходит вместе с теплым ветром снизу и теплым солнцем сверху. Снег начинает таять, появляется вода, в которой отражается синь высокого неба.

Я очень люблю воду, ее должно быть не много, я не рис, но и не мало, я не перекасти-поле. Воды должно быть достаточно. Мои корни всасывают весеннюю воду, она хоть и холодная, но уже таит в себе радость и тепло.

У меня распускаются почки, начинает завязываться золотой цветок. Этот цветок все время смотрит на солнце, как подсолнечник. Поэтому я свой цветок называю солнечным цветком.

Солнечный цветок мой не очень красив, в нем нет каких-то изысков, пестроты, яркости, бархата или шелка. Но мой цветок все равно красив, потому что некрасивых цветов не бывает, каждый красив по-своему. И мой цветок, стало быть, красив по-своему.

Однако цветок во мне не главное. Главное во мне – корень.

Неслучайно и меня называют по моему корню – золотым корнем. Золотым, потому что цвет корня – золотой, бархатно-золотой. И вместе с тем мой корень очень ценен. Его часто сравнивают с женьшенем.

Я, конечно, не возвращаю людям молодость, как женьшень, но силы и бодрости дать могу. Если кто-нибудь, мелко накрошив мой корень, заварит из меня чай, который обладает вяжущим вкусом, то после одной чашки почувствует в себе прилив сил.

Помнится, много лет назад несколько парней заварили из меня чай и после него отправились на Большой Зуб, а это почти два километра высотой. Не очень даже устали, по их собственному признанию.

Кто-то готовит из меня настойку на спирте или водке и тоже всегда чувствует прилив сил. Прилив сил и молодости. Наверное, я тоже по-своему возвращаю людям их молодость.

Есть легенда, в которой Кудай-бог предложил человеку на выбор два напитка: «арага» и «алтын тазыл». «Арага» – это водка, самогон. А «алтын тазыл» – это настой золотого корня. Кудай-бог сказал: «Если хочешь быть вечно старым, немощным и смешным – пей “арага”, если хочешь быть вечно бодрым, сильным и счастливым – пей “алтын тазыл”».

В этом счастье мое и – несчастье.

Счастье – потому что польза людям приносит мне чувство удовлетворения. Несчастье? А оно приходит ко мне с новыми туристами. Они воспринимают меня как чудо и, найдя меня, начинают варварски меня уничтожать, а мою землю – топтать.

Ничего не остается от некоторых моих плантаций по Высокогорному ручью. А ведь, нарвав меня по полрюкзака, туристы порой и не знают, что со мной делать. А проверка содержимого рюкзака в Амзасе заставляет людей сбросить меня где-нибудь на подходе к поселку. И валяюсь я, и гнию где-нибудь в кустах возле вод славного Амзаса. Мать-река, конечно, меня сохранит, мои заросли появились кое-где и внизу, где Амзас впадает в Томь. Увидите маленькие солнечные цветочки на влажности у дороги на Зубья – это я вам улыбаюсь.

От моей родины почти ничего не осталось! Мои места по Высокогорному истоптаны и унижены, мои места в Золотой долине тоже едва живы. На всякой моей территории вместо родины лежит след туристического ботинка, заплывший водой. А вместо меня остаются лишь воспоминания: здесь, мол, когда-то была отчизна золотого корня, алтын тазыл.

Меня занесли в Красную книгу. Но это, к сожалению, не спасает меня от полчищ туристов и всяких других свободных, то есть наглых людей.

Увы мне!

2012

Косточаков Геннадий Васильевич. Прозаик, поэт, переводчик, фольклорист, специалист по шорской литературе и языку. Член Союза писателей России с 1997 года. Родился 7 апреля 1959 года в городе Междуреченске Кемеровской области в шорской семье. Вырос в поселке Сыркаши. Окончил Междуреченский горностроительный техникум по специальности «горный мастер». Больше года отработал помощником машиниста экскаватора. Отслужив в армии, поступил на филологический факультет Кемеровского государственного университета, который окончил с отличием и был приглашен работать в КемГУ на кафедре русской литературы. Первые публикации Г. Косточакова появились в университетской многотиражной газете «Путь в науку», а также вошли в сборник «Поэты университета» (2004). Творческую и профессиональную судьбу изменила встреча с Андреем Ильичом Чудояковым, выдающимся шорским ученым и общественным деятелем.

Переехав в Новокузнецк, стал преподавать на кафедре шорского языка и литературы Новокузнецкого педагогического института, позже – Кузбасской государственной педагогической академии (КузГПА). С 1992 года учился в аспирантуре при Казанском государственном университете, в 1995-м защитил диссертацию «Историко-лингвистическое исследование шорской антропонимии». С 1996 года – кандидат филологических наук, с 1998-го – доцент КузГПА. Является одним из самых значительных специалистов в Кузбассе и России по шорской культуре, автор более 30 научно-методических работ, многие из которых посвящены возрождению шорского языка. Перевел на шорский язык Евангелие от Марка (2004), Детскую библию (2006), Евангелие от Иоанна (2011), «Рассказы об Иисусе Христе» (2012). Издал первый «Шорско-русский словарь» объемом около 3 тысяч слов. Автор научно-популярного издания «Словарь шорских фамилий» (2005). Составитель и автор единственной хрестоматии по шорской литературе «Ульгер» (1995). Редактор шорских и русских текстов книги «Духовная Шория. Шорский фольклор в записях и из архива профессора А. И. Чудоякова» (2008). Организатор городских и региональных литературных фестивалей, встреч, конкурсов. Кроме стихов на русском и шорском языках пишет прозу. Автор пяти сборников стихов на шорском и русском языках: «Ала тагларым» (1995), «Меен карагым сени тегди» (1997), «Сеен чурегин мени тегди» (1998), «Я последний шорский поэт» (2003), «Ветка родимого кедра» (2013). В 2020 году издано трехтомное собрание стихов и прозы «Отчизна моя таежная». С 2003 по 2006 год был председателем Шорской организации Союза писателей России, членом редколлегии альманаха «Кузнецкая крепость» (Новокузнецк). В 2015–2019 годах – председатель Кемеровского областного отделения писателей юга Кузбасса Общероссийской общественной организации «Союз писателей России». Награжден медалями Кемеровской области «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени (2003), «За служение Кузбассу» (2004), «За особый вклад в развитие Кузбасса» II степени (2007), а также почетным знаком «Золотая Шория» (2015). Живет и работает в Новокузнецке.

Михаил Александрович Кривошеин

*12 ноября 1951 г., с. Кривошеино, Томская обл.
Прозаик, поэт. Член Союза писателей России с 2014 года.*

ИВАНОВ САД

Рассказ

У Ивана был слабый характер. Так как отец погиб на фронте, мать воспитывала его одна. Сгребется, бывало, ребятня во дворе что-нибудь делить – и до драки. А мать Ваньке:

– Отступись, отдай, не дерись.

Вот он и привык уступать, да так и вырос. Женился Иван на корявой Фене. Была она лицом корява, но душой чиста, и жили они в мире да согласии. Как-то так незаметно появились у них два парнишки, которые росли-тянулись к солнышку.

Работали Иван с женой в пекарне. Феня была знатная стряпуха, а Иван кочегарил. Так что хлебушек в их доме был всегда, не голодали. Зарплата, правда, низкая, и материальный прогресс отставал от соседских. По улице уже тут и там закачались, высясь, телевизионные антенны, затрещали «ижаки», а Иван кое-как велосипед себе справил. Люди начали приобретать стиральные машины, холодильники, а Феня все вручную стирала. И видимо, Бог их наконец-то заметил.

А началось с того, что Иван по весне пошел на озеро порыбачить и наткнулся на выводок утят. Весна стояла холодная, и утка выщипала из себя все перья, утепляя гнездо. Иван изловчился и поймал ее, потому как летать без перьев она уже не могла. А затем и утят всех переловил. Сложил утят в садок, который брал под рыбу, утку за пазуху – и домой. Дома запустил утку с утятами в сарай, отдельно от кур, и стал их терпеливо растить.

Сначала утка сильно дичилась – забьется в угол и утят всех под крылья упрячет, но голод не тетка, свое возьмет. Стала она выходить кормиться и выводить утят, когда на дворе никого не было, а потом пообвыклась. Иван, бывало, сыпанет дробленки в корытце, в старую кастрюлю нальет воды, к ней кирпичи ступеньками положит, выйдет из денника, усядется на чурку посреди ограды и поглядывает на уток.

Высунется утка раз, другой, потом заковыляет к кормушке, поклюет-поклюет сама да и даст сигнал своим утятам. Тогда уже и утята один за другим выбираться из укрытия начинают да поклевывают зернышки, что помельче. Затем по кирпичикам и – в кастрюлю прыгают, как десантники. И шустрые, словно стригунки.

Иван сидит на чурке, не шелохнется, наблюдает за утиной семьей, и на душе у него восторг. С одной стороны, вроде забава, а с другой – десяток кряковых зимой к столу привар немалый.

Шло время, утята подрастали. Стали оперяться. Самочки в серенькое с блеском оделись, носики будто пластмассовые, а селезни украсились цветным оперением – глаз не оторвать. И мама утка тоже облагородилась новыми перьями, но оставалась все такой же строгой и осторожной. По утрам да и среди дня они разминали свои крылья. Утка крякнет – и давай все остальные, привстав на лапках, крыльями махать, мышцы накачивать.

Наблюдал Иван за этими упражнениями и думал: «Надо бы сетку над денничком натянуть», а руки все не доходили до этого. Однажды Иван ушел на работу. Птицу выпускали ребятишки. Как всегда, утка-мама крякнула, чтобы молодняк приступил к зарядке, а сама принялась делать сильные взмахи. Затем крякнула дважды, и все утки поднялись в воздух, дали круг над домом, который приютил их, и улетели на озеро. Вернулся Иван с работы, а сыновья наперебой принялись рассказывать отцу, как утки совершили бегство. Иван молча уселся на чурку и долго-долго сидел, опустив плечи. И наверное, в первый раз, как он принес уток домой, посетило его чувство глубокого огорчения. Ему вспомнились слова матери: «Отступись, Ванька, махни на все рукой».

Приближалась зима. По селу разнесся слух, что с фермы сбежало много свиней. Ну, сбежали и сбежали, Ивану-то какое до них дело? Но вот как-то утром он вышел во двор, а у стенки сарая, удобно устроившись, лежит боров. Иван начал было его прогонять, но тот ловко

прошмыгнул в сарай и там затих. Ивана аж пот прошиб. Он поозирался по сторонам, никого из соседей не заметил, закрыл сарай на засов и вошел в избу – совет держать с женой. Думали-думали и решили оставить его у себя: дескать, это им компенсация за улетевших уток вышла. Боров смирным оказался, и Иван перегнал его втихаря в теплый хлев. Детям строго-настрого наказали держать язык за зубами. А самих еще несколько дней било как в ознобе: в жизни ведь ничего чужого не брали, а тут черт, видать, попутал.

Колхозный бригадир Митяй длинный ездил по улицам верхом на коне и все выпрашивал:

– Можя, к кому свинья забежала?

Но односельчане как в рот воды набрали. Не любили Митяя в колхозе, потому никто его и не пожалел. Недостача у него получилась более двадцати голов. Сняли его с бригадиров, перевели в скотники. Судить не стали, а за сбежавших свиней удерживали регулярно из зарплат.

Так и дожил боров у Ивана в хлеву до морозов. А на ноябрьские праздники позвал Иван своего дружка Филиппа с мелкашкой, на том дело и было закончено. Зиму всю ели мясо свиное, хоть и с опаской, зато вволю. Иван к весне раздался вширь – стал на мужика походить, а у Фени даже корявины на лице разгладились.

А Бог-то если уж щедр, то на одном не остановится.

Нежданно-негаданно из-за границы весть пришла: у Ивана Серых родственница за рубежом объявилась. И перед смертью своей оставила Ивану большое наследство.

Ванька от такой новости чумной ходил, будто ему притолока на башку упала. Люди у него что спросят, а он глазами вращает: ну никак ему вопрос в мозги не впитывается. Пошел даже слушок, мол, Ванька-то офонарел, вольтанулся от счастья.

А вскоре вызвали Ивана куда следует. Идет он, трусится что собачий хвост, боится: вдруг там вместо наследства у него про мясо съеден-

ное выпытывать станут? Короче, идет не чуя под собою ног. Не знал он прежде, что у отца была какая-то тетка и что до революции еще служила она домоуправительницей у купца Минусова в Томске. А когда Колчак отступал, тетка, прихватив драгоценности купца, сбежала с конюхом на паре породистых лошадей в Минусинск. А Минусинск-то и был будто бы назван в честь того купеческого рода. И стоял там приемный пункт, где от старателей золото принимали. Тетушка ловкой и здесь оказалась, всех общелкала. Поболее пуда золотишка в слитках да пуда четыре песком хапнула. Наняла проводников бывалых, и на конях да с ружьишками люди те их в Китай переправили.

За годы скитаний подрастрясла она мошну, но не всю. Осела в Австрии, с немалым капиталом. Да с тем самым конюхом и прожила всю жизнь. Крепкой тетка оказалась. Одна беда: детей своих у нее с тем конюхом не случилось. Стукнуло ей девяносто. Тут она и призадумалась: кому добро свое передать? И вспомнила, что еще до революции приезжала к ней сноха в гости с племянником Павликом. Парнишка крепеньким рос. Полюбился ей племянник, своих-то детей Бог не дал. Когда гостей провожала, все глаза исплакала. После посылки слала, а вот встретиться так и не привелось. Отец Павлика рано умер, и мать в голодуху чахотку подхватила. Вместе с младшей дочерью Полинкой истаяли. Приютили Павлушку чужие люди. А когда парень возмужал – женился, и появился у него сынок – Ванька. Стало быть, наш герой Иван Павлович. Второй годок лишь пошел ему, когда Отечественная война началась. Пришел Павел домой, показал жене повестку, поцеловал Ванятку в пупок, пощекотал жесткими усами и ушел с вещмешком на фронт. А к зиме уже похоронку прислали.

Досталось матери Ивана в войну лиха. Работала она в ремесленном училище, там и угол с сыном снимала, там и столовались. Рос парнишка в этой вечной суете незаметным, тихим, слабохарактерным. После

войны уже переселили их в барак. Как ни рос Иван, а вырос, сам женился да детей с Феней нарожали.

Сидит Иван в коридоре областного КГБ, трясется, а сам думает: «Где же ему и какими деньгами наследство выдавать станут? А может, вынесут узел с бабкиными обносками – глядишь, что и жене подойдет еще». Пригласили в кабинет. За большим столом сидит человек в гражданском: виски седые, глаза умные. На столе перед ним какие-то бумаги, поверх них очки. Сбоку за приставным столом еще один, помоложе, в форме майора, лицо злое, угрюмое.

Разговор начал старший:

– Ну что, Иван Павлович, вы уже знаете, что вам из-за границы наследство пришло?

Иван кивнул головой, кашлянул в кулак.

– И как вы относитесь к этому?

– Да как? Оно, может, и ненужное чего. А ежели деньжонки – дак они завсегда нужные...

Старший насупил, а майор неодобрительно покачал головой:

– А вы знаете, какие это деньги? Это – деньги империалистов, наших врагов. Они на нашей крови и поте трудового народа заработаны. А вы – «завсегда нужные». Где она взяла эти деньги, ваша бабушка? Наверняка из России еще вывезла. Стало быть, деньги эти – народные. Мы предлагаем вам, как честному человеку, отказаться от них в пользу государства.

Ивана покинула дрожь. Лицо вытянулось, как у борзой перед охотой.

– А что, государство никакими деньгами не гребует? И сколько же их там, если ими можно поднять государство? – спросил Иван и сменил выражение лица.

Теперь это уже был прищур дуэлянта-победителя. Начальники переглянулись.

«А не так он прост, как с виду кажется, надо бы с ним пожестче», – подумал старший и произнес вслух:

– Вам советская власть дала все, а вы здесь ваньку валять вздумали.

Ваньку понесло:

– И что же это она мне дала? Голодное детство? Да у меня отец в войну погиб. И что я видел? Только вечно больную и полуголодную мать? Я и есть тот Ванька, и это вы меня валяете. Если что положено – так отдайте мне, а писать я ничего не стану и отказываться тоже.

В глазах начальства заплясали злые огоньки. Разговор получался тяжелым, изнурительно длинным, не по их задумкам и сценарию.

Вышел Иван из кабинета, слегка покачиваясь и еще не осознавая – с какой ломающей силой ему довелось только что столкнуться. Дома молчал. Феня сочувственно поглядывала на него, стараясь угодить во всем, и с лишними расспросами не лезла. Не бередила душу Ивана.

На другой день поднялся Иван раным-рано, побродил по двору, чего-то постучал, вошел обратно в избу. Феня еще спала. Открыв глаза, она увидела перед собой лицо мужа и не поняла: то ли он хотел ее поцеловать, то ли что-то на ухо прошептать. У него светились глаза.

– А ведь хрен я им денежки отдам! Не на того напали. Вот им, – он отмерил левой рукой по локоть правой, – должны ведь и мы по-человечески пожить.

Через неделю Ивана снова вызвали в то же учреждение. И если в первый раз шел он и не догадывался, как дело обернется, то теперь знал, что ему следует ожидать и как себя нужно держать. Твердой походкой он вошел в кабинет. В кабинете сидели все те же хмурые и сосредоточенные лица. Иван поздоровался и присел поодаль, приняв смиренный вид. Его пригласили за приставной стол. Он придурнулся и, махнув: «Я, мол, здесь», решил остаться на прежнем месте, выиграв, как ему показалось, первый ход.

– Ну что, Иван Павлович, что вы надумали за это время? – начал старший.

– Да ничего нового, – ответил Иван и, смахнув фуражкой с лица простоту, поджал губы, приготовясь к следующей атаке.

Часа три ломали его эти два профессионала, однако он закалялся прямо на глазах. Проснулся-таки в нем русский характер, веками пытаный огнем и лихолетьями.

Гэбисты нервничали, курили, а Иван все нес околесицу: то про барак с клопами, то как с молодой женой в деревню переезжал, то как мать хоронил. Одним словом, они ему про Фому, а он им про Ерему. И ничего не поделаешь: семидесятые годы уже стояли, не сталинские времена. Отпустили его начальники, а промеж собой говорят, что придется, видимо, из австрийского посольства представителя вызывать да нотариуса приглашать, чтобы оформить, как положено, наследство, а то уже все сроки поджимают. На том и порешили.

Через несколько дней к Ивановой избе подкатила обкомовская «Волга», из которой вышли мужчина и женщина. Нарядные такие и духами дорогими пахнут. Попросили разрешения войти в дом. Вошли, осмотрелись. Иван дома один оказался: жена на работе, ребяшня где-то заигралась.

Хозяин смахнул со стола полотенцем, усадил гостей, предложил на выбор – молоко или чай.

Первой заговорила дама:

– Видите ли, Иван Павлович, вам досталось большое наследство. Как вы им распорядитесь?

Иван, помедлив, ответил:

– А вы видите, какая у меня хата? Дом себе просторный построю. Сыновья опять же подрастают, думаю дать им хорошее образование. Пусть в люди выйдут. На море с женой съездим, в санаторию. А люди сейчас и без наследства живут будь здоров, особенно начальство! А мы в деревне в дерьме кувыркаемся...

Гости переглянулись, им явно не понравился ответ Ивана.

– А вы не выпиваете, Иван Павлович?

Иван стукнул себя по лбу:

– Э, да вы вон о чем печетесь, боитесь, что я наследство пропью? Ха-ха! Да я пить не люблю, у меня ж от этой отравы все кишки сводит. Я ить даже и не курю. Так что будьте спокойны, денежки не профукаем. А сколько их там есть-то? Вы бы хоть сказали. А то получается – много пены и мелких брызг!

– Капитал у вашей бабушки был немалый – девятьсот тысяч австрийских марок, да особняк двухэтажный. А это еще тысяч пять-сот-шестьсот! В целом миллиона полтора получается. А в переводе на наши рубли тысяч четыреста выходит.

У Ивана от названной суммы аж глаза округлились. Он присвистнул:

– Ничего себе! Да таких денег нам и всей деревней не пропить. А вы: «пьете, не пьете»... Нет, столько денег нам не надо, на что они нам?

– Ну, это вы будете решать со своей женой. В понедельник приедете в областную нотариальную контору. Да оденьтесь поприличней: вас придется иностранцам представлять.

Вихрь мыслей у Ивана заколобродил: никак не мог представить себе он такого свалившегося вдруг счастья. А может, и несчастья. Он стоял и моргал, как фонарь на светофоре, переводя взгляд с одного гостя на другого. Гости, так и не испив чаю, упылили в город. А Иван все еще закидывал руку за голову и скреб затылок. Когда пришла с работы Феня, он рассказал ей о необычном визите гостей, а на ее вопрос: «Сколько же будет денег?» – ответил: «Чертова уйма!»

У иных людей при ощущении приближения денег начинают появляться порочные мысли. Никаких таких мыслей у Ивана не было. Кроме тревоги: не нарушит ли все это их устоявшегося быта, того уклада жизни, который его вполне устраивал? Но больше всего он страшился

зависти людской. А это похуже болезни, она разъедает человека, отрицая все нормы морали. Завистливые люди способны на все. Два опытных гэбэшника рвали его, как троекуровские псы, но делали они это по заданию. А в деревне наверняка могут найтись недоброжелатели, и они будут поопаснее тех, из казенного кабинета. Он потерял сон и желал одного: поскорее бы все это закончилось.

Собираться в город начали за три дня до назначенного времени: купили Ивану новые туфли, а Фене – кофточку с брошью. В город поехали всей семьей. Нашли нужное здание. Уже в вестибюле их встретили и проводили в кабинет, где собралось несколько человек. Тут же была установлена и видеочамера с местного телевидения.

Потом женщина хлопнула ладонями и скомандовала:

– Можно начинать.

Заговорил рыжий высокий человек на непонятном языке. А другой, переводчик, спросил:

– Правда ли, что вы являетесь сыном Серых Павла Романовича, 1909 года рождения, который погиб на фронте?

Иван кивнул, достав паспорт и метрики. Маленький толстый человек начал объяснять наследнику, что и сколько ему причитается. Вышло так, что им оставалось после всех налогов и вычетов двести сорок тысяч нашими рублями. В придачу – особняк в Вене.

У Ивана вспотели ладони, и он залепетал:

– Какой особняк? Не нужен нам особняк, мы никуда из своей деревни не поедем. Нас гоняли как-то уже сдавать кровь из вены – приятного мало... Не, я уж лучше дома...

Все заулыбались, а рыжий, склоняясь к переводчику, слушал и даже хохотал.

Маленький толстяк тут же зацепился за слова Ивана:

– Может, вы откажетесь от особняка в пользу государства? Нашему Министерству иностранных дел позарез нужны за границей здания – для посольских нужд.

Иван с радостью закивал головой. Переводчик перевел рыжему, и тот одобрительно похлопал наследника по плечу. Бумаги составляли долго и тщательно. Затем зачитали на двух языках и предложили Ивану несколько раз расписаться.

В итоге Ивану Павловичу Серых положили на книжку двадцать пять тысяч рублей, а остальные перевели на бессрочный депозит, снять с которого можно было только по особому распоряжению правления Сбербанка – на особые нужды.

Толком Иван так ничего и не понял, но то, что теперь у него на руках была сберкнижка и денег в ней – на пять новеньких «Жигулей», этот факт он уразумел. Он расхрабрился и даже для всей страны сказал в видеокамеру, чтобы граждане хранили деньги в сберкассе, поскольку это выгодно, удобно и надежно!

Провожали их с поклонами и рукопожатиями, навеличивая счастливых Иваном Павловичем и Феклой Петровной. Вышла семья Серых, как стайка тех утят, и не знали от волнения, куда им податься дальше.

– Давайте для начала найдем какую-нибудь столовку, есть ужасно хочется, – предложил Иван.

И, уже сидя за столом, спланировали свои дальнейшие действия. Кружили по городу целый день. Сняли с книжки тысячу рублей. Купили телевизор и разного шмутья набрали в универмагах. В деревню вернулись к ночи. И закрутилась уже иная жизнь.

...В колхозе организовали газовое хозяйство и предложили Ивану его возглавить. Направили в город на трехмесячные курсы. А вскоре по деревенским хатам стали развозить и устанавливать газовые плиты. А Иван наш, с папкою под мышкой, только успевал регистрировать установку печей да инструктажи проводить по пользованию газом.

А личные дела вроде как шли параллельно. Какой-то мужик поставил на пустыре, над рекой, добротный сруб. Да на этом стройка его по

каким-то причинам и заглохла. Стоял тот сруб одиноко уже который год, высохнув бревнами аж до звона. Иван нашел хозяина, выкупил сруб и нанял бригаду – достраивать. И закипела работа. Дом получился на славу – светлый, просторный, с резными наличниками и под жестяной крышей. И уже через год семья справила в нем новоселье. Зажили в нем справно, в достатке.

В селе построили новый клуб, а сбоку и позади клуба оставалось много свободной земли. Стал Иван хаживать вокруг того клуба, что-то вымеряя шагами и даже вычисляя, шепча губами. Потом встретил колхозного прораба, завел с ним разговор. Предложил Иван прорабу: как бы на этом месте построить парк – с танцплощадкой, качелями и хоккейной коробкой. Вдоль дорожек лавочки и даже скульптуры. И все это под фонарями! Вопрос этот жарко обсуждался на сессии местного сельсовета. На строительство парка дали добро.

Иван Павлович написал заявление на имя правления Сбербанка, чтобы депозитные деньги его, все двести тысяч, перевели на сельский совет – на общественное дело – для строительства парка культуры и отдыха. И тут решился вопрос положительно. И уже за один год были выполнены все строительные работы. Открытие парка получилось шумным, опять приехало телевидение. Играл духовой оркестр.

Иван боялся повышенного внимания к своей персоне, а потому спрятался. Попросил жену запереть его в доме на замок, а всем отвечать, что он куда-то уехал из села.

Отгремели фанфары открытия парка, и заработал он как и положено. Днем ребятня качалась на качелях, вечерами на танцплощадке играла музыка, собирая всю сельскую молодежь. Те, что постарше, на лавочках сидят, беседы промеж собой ведут.

Подойдет Иван незаметно к парку, положит руки на изгородь и стоит, любуясь на все это. Однажды шел он по своей улице, а навстречу

ему попалась стайка ребяташек, энергичные такие, живые. Переговариваются между собой. Тут кто-то предложил: «Идем в Иванов сад!»

Подумал Иван: «Это кто ж так придумал – его именем парк назвать? Вот ведь как получается: не хотел я, сам не навязывался. Люди догадались...»

Поднял Иван к небу глаза и увидел, как пролетала над ним стайка уток.

«Может, это мои летят?! Да! Добро-то ведь добром же и обернулось. Красота...»

2006

Кривошеин Михаил Александрович. Прозаик, поэт. Член Союза писателей России с 2014 года. Родился 12 ноября 1951 года в районном селе Кривошеино Томской области. В пять лет вместе с родителями переехал в Алтайский край, в село Быстрый Исток. После службы в рядах Советской армии окончил Барнаульский индустриально-педагогический техникум. С 1976 года живет в Мысках Кемеровской области. Работал управляющим в отделении совхоза, печником. Двадцать три года отработал на стройках области, был депутатом, фермером, но главным своим призванием считает литературу. Много лет сотрудничает с городской газетой в качестве внештатного автора. Произведения печатались в коллективном сборнике «Братья наши» (2016), в журналах и альманахах «Сельская новь» (Москва), «Начало века» (Томск), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), «Сибирячок» (Иркутск), «Бийский вестник» (Бийск), «Полярная звезда» (Сургут), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Полифон» (Новокузнецк), в газете «Охотник и рыболов Сибири» (Томск). В 2000 году вышла первая книга «Стихи и рассказы». Автор книг повестей и рассказов «Не топчите цветы ногами» (2005), «Теплый цвет холодного апельсина»

(2010), «Мама, прости!» (2010), «Цветы для мамы» (2016). Лауреат литературной премии «Энергия творчества». Обладатель премии Всероссийского литературного конкурса «Спасибо тебе, солдат!» (2005). Внесен в «малый список» Всероссийского конкурса «Чеховский дар» (2013). Награжден областной медалью «За веру и добро», медалью им. В. М. Шукшина, почетными грамотами губернатора Кемеровской области, мэров городов Междуреченск, Осинники, Мыски, музея В. М. Шукшина (Сростки). Живет и работает в поселке Подобас Мысковского городского округа.

Владимир Максимович Неунывахин

20 августа 1938 г., Иркутск –

10 декабря 2018 г., Новокузнецк.

Прозаик, журналист. Член Союза писателей России с 2010 года.

МАТИЦА – ОПОРА ДОМА

Рассказ

Был у меня на Севере, когда я там правил службу и жил в Северо-онежске после ухода в отставку, замечательный друг Юрий Степанович Рыжков, такой же страстный охотник и рыбак, как и я. Познакомились случайно. Проходил мимо частных гаражей и увидел, как худощавый мужик среднего роста паяльной лампой обрабатывает передние ноги сохатого. Явно готовился будущий деликатес – холодец из лосятины с хренком. Подошел, и не в надежде на приглашение на обед, а просто из любопытства.

– Привет.

Мужик, сидя на чурбаке, неохотно поднимает голову и зыркает на меня:

– Привет.

– Лося сам добыл или друзья угостили? – киваю я на полуопаленные конечности таежного быка.

– Друг у меня промысловик. Ежегодно лицензии берет, и едва снег ложится на землю – он на промысел. Везучий. До десятка рогачей добывает.

– Давно мечтаю приобрести хотя бы одну лопату рогов сохатого. Оригинальная вешалка для головных уборов получается. Случайно, у твоего друга нет лишней пары лосиных рогов?

– Поинтересуюсь. – И кивает на чурбак по соседству: – Присаживайтесь. – И представляется: – Юрий. Бывший механик автобазы СОБРа, сейчас на пенсии.

Я скептически оглядываю его:

– Больно молод для пенсионера-то?

– В аварию попал. «Белаз» сорвался в котлован разреза. Меня здорово помяло. Кое-что по частям собирали. Ушел на пенсию по инвалидности. Спасибо медикам – неплохо собрали, но к непогоде, бывает,

так ломает, что хочется на стену лезть. А вы, как я понял, увлекаетесь охотой, коли можете отличить ноги сохатого от домашнего быка.

– Есть грех. Люблю побродить с ружьишком по таежным тропкам и лосей видел неоднократно, даже охотился на них.

Так мы познакомились с Юрием Степановичем, с которым впоследствии исколесили на его стареньком «москвиче» все заброшенные лесовозные дороги Плесецкого района, которые по причине заброшенности местности представляли собой бревенчатые настилы, так называемые лежневки. А сколько мы с ним добыли косачей и глухарей за пятнадцать лет дружбы – не счесть. Я не помню, чтобы мы когда-нибудь возвращались с охоты пустыми.

Кстати, сегодня многие эпизоды нашей совместной охоты описаны мной в ряде произведений и опубликованы во втором томе собрания сочинений.

Степаныч – так я его называл по-дружески при общении – был фанатично влюблен в технику, в любую, будь то мопед или дизельный двигатель «белаз». Но особенно отдавал предпочтение убитым в прах агрегатам: мог неделями ковыряться в каком-нибудь давно списанном «жигуленке» и добивался – тот оживал, приобретал, благодаря Степанычу, вторую жизнь. Откуда у этого истинно деревенского паренька, предки которого испокон веку были землепашцами, возникла тяга к железякам? Не знаю. Родом он был из деревни Бережная Дубрава – довольно большого поселения, расположенного на высоком левом берегу Онеги. В этой деревне – единственной в округе – был построен еще в восемнадцатом веке не в деревянном, а в каменно-кирпичном исполнении огромный собор, куда на молебны в престольные праздники съезжались многие жители окрестных деревень.

Большущий дом почти в центре деревни, с поветью, клетями и подклетями, коровником, летней и зимней половинами, из добротной мореной лиственницы построил еще прадед Юрия Степановича, и по исстари установленному семейному порядку он переходил в наследство младшему отпрыску (старшие с помощью родителя, отделяясь,

строили себе жилье сами). Именно по этому принципу стал хозяином прадедовского дома его внук – отец Юрия Степан. Таким его преемником должен был стать и Юрий – четвертый, последний сын в семье деревенского учителя Степана Рыжкова, который умел не только учить детей грамоте, но и хорошо владел плотницким топором, мог срубить добротный дом, много трудился в поле, обеспечивая семью из девяти человек хлебушком и весь скот на подворье необходимыми кормами. Своим крестьянским умением отец щедро делился с сыновьями, в том числе и с Юрием. И, надо сказать, мальчишка легко, на лету схватывал уроки отца – уже в пятнадцать лет помогал ему рубить новый коровник, амбар и другие хозпостройки на их подворье. Он даже старшему брательнику вместе с батей помогал строить дом. Не всякому малолетке доверяют подгонять плахи для пола, чтобы зазор между ними не превышал толщину бумажного листа, а ему доверили.

Однажды отец спросил сына:

– А скажи, Юрий, что, по-твоему, главное в доме?

Юрка задумался и неуверенно произнес:

– Мне кажется, первый венец. Рассыплется он или сгниет – весь дом рухнет.

– В какой-то степени ты прав, сынок: начнут разрушаться венцы – дом осядет, покосится, но жить в нем еще можно будет, а вот если матица рухнет, то все: обвалится потолок, крыша, и в доме уже жить нельзя. Это как плечи. Убери их – и весь груз упадет. Недаром потолочную балку зовут матицей, от слова «мать». А на матери весь дом держится, упадет она – всему дому погибель, разруха. Запомни, сынок.

И Юрка запомнил, на всю жизнь запомнил.

Но однажды пареньку попался в руки старый, полуразобранный велосипед, и он загорелся отремонтировать его и покататься вдосталь. И добился-таки, даже ездил в Конево к одному из старьевщиков, в хламе которого нашлись кое-какие детали к велосипеду, а многое изготовил сам из подручного материала при помощи напильника, коловорота и наждака. Чуть ли не со всей деревни сбежались пацаны поглазеть и

потрогать Юркину двухколеску в тот знаменательный день, когда он выехал со двора на отремонтированном велосипеде.

Потом были: усовершенствованная лобогрейка, молотилка, крупорушка и другие немудреные деревенские механизмы, используемые крестьянами в повседневной работе. К услугам мальчишки-умельца в Бережной Дубраве прибегали многие сельчане, и он вдруг понял, что его способности принесут больше пользы в городе, чем в деревне. И Юрий в неполные семнадцать принялся уговаривать родителей отпустить его в город учиться на механика. Но батя как отрубил:

– Пока не окончишь школу – никаких механиков и из деревни ни на шаг.

Ослушаться в то время родителей никто даже в мыслях не допускал.

По окончании школы Юрий буквально через месяц был призван в армию и несказанно обрадовался, попав в моторизованные войска. Здесь он научился водить новейшей конструкции танки, бэтээры, мощные и длиннющие ракетовозы.

Демобилизовавшись, Юрий в первую очередь заехал в Северо-онежск, на новостройку бокситового рудника – посмотреть, что да как, и... затормозился. Его с удовольствием взяли водителем «белаза» и уже через полмесяца, как и обещали, перевели механиком автоколонны.

Североонежск был недалеко от Бережной Дубравы, и почти каждые выходные он ездил проводить родителей. Но выходные случались редко, он их не любил, предпочитал заниматься в эти дни профилактикой вверенной техники, да и тяжело было при посещении дома смотреть отцу в глаза, в которых постоянно читался немой упрек: «Эх, ты! Предал наш род, ушел из отчего дома, кому он теперь достанется?»

А вскоре отец скоропостижно скончался. Осиротел дом, как-то сник, почернел, будто и на него горе тяжкое свалилось. Вернувшись с погоста, Юрий долго со слезами на глазах, прежде чем покинуть деревню, смотрел на него. Узнавал и не узнавал его. Раньше-то таким заматерелым кряжем стоял: не стар и не нов, в самой своей крепости.

Бревно к бревну подогнано (лезвие ножа не подсунешь), прилежалось, доска к доске притерлась. И вот вдруг после смерти хозяина дом как-то присел, не стало в его осанке горделивости былой, молодцеватости прежней.

Но жива была мать, и дом по-прежнему хранил тепло и уют. В последующем, приезжая к матери и ночуя в доме, Юрий физически чувствовал, как дом сдает: он кряхтел, вздыхал, постанывал, будто жаловался, что за ним перестали ухаживать, вовремя делать ремонт там, где начало разрушаться.

«Боже, как рано ушел батя, дом приходит в упадок без мужских рук. Мне же не разорваться между Бережной Дубравой и Североонежском». К этому времени он уже женился на любимой Валюше, у них родился первенец и они получили хорошую трехкомнатную квартиру в пятиэтажном доме, построенном в городке совсем недавно.

Мать ненадолго пережила батю. Проболел всего два месяца, ушла в начале весны через два года после него. И поездки Юрия в Бережную Дубраву практически прекратились. На дверях родового дома повис амбарный замок.

Приехал как-то Юрий в деревню помянуть родителей на погосте и, подойдя к дому, ужаснулся: дом-то совсем сдал – заметно осел на один бок, крыша просела, и вообще выглядел жалким, дряхлым стариком.

«Надо продавать, пока совсем не развалился», – печально и судорожно вздохнул Юрий. Поговорил с соседями и кое с кем из деревенских, и вскоре покупатель нашелся. И тут будто молнией ударило Юрия: «Зачем избавляешься от родового гнезда? Здесь же твои дед и отец, дядьки и тетки, братья и сестры да и сам ты на свет народились, выросли... Сколько событий радостных и не очень в их жизни и твоей за это время произошло, а ты одним махом хочешь все перечеркнуть...»

Подумал-подумал и решил не продавать – а вдруг придется вернуться?

И в конце концов это «вдруг» случилось. Уйдя на пенсию по инвалидности, Юрий затосковал по сельскому укладу жизни, по отчему

дому, видимо, в нем проснулся зов предков. Теперь все чаще на охоте он рассказывал мне о своей деревне, о детстве и юности.

– Понимаешь, я все чаще и чаще стал вспоминать наш дом. Прорываюсь, и в голове сразу же мелькает: «Как там дом? Не сломалось ли что-нибудь в нем?» Ответшал он за последнее время здорово. На глазах дряхлеет. Когда я приезжаю и смотрю на него, у меня сердце от боли сжимается и всегда голос матери слышу: «Сынок! Где запропал? Иди домой. Обед стынет».

Однажды он пригласил меня с супругой в Бережную Дубраву. Было это в начале апреля, приближалось время ледохода на Онеге. У берегов уже появились промоины, через которые перебросили временные дощатые мостки. Оставив машину на подворье знакомых в деревне на правой стороне, мы по хлипкому настилу со страхом перебрались на лед и вскоре поднялись на крутой противоположный берег, где широко раскинулась Бережная Дубрава с высоко взметнувшейся колокольной и куполом храма в центре. Еще на льду я обратил внимание на обилие деревьев в палисадниках домов и при церковном парке и мысленно отметил: «Выходит, не зря деревня названа Дубравой – вон сколько насаждений. Представляю, какая здесь летом зелень распускается – крыш домов не видно».

Приехав на Север, я поразился своеобразию строительства жилья сельчан и их подворий: они в корне отличались от наших сибирских. Удивляли их значительные размеры и совместимость хозяйственных помещений под единой крышей с жильем хозяев. И все в двухэтажном исполнении.

Как-то, будучи в гостях у одного из старожилов и осмотрев расположение комнат изнутри, поинтересовался:

– У вас пять комнат на первом этаже и столько же на втором – зачем столько? У вас большая семья?

– Нас пятеро, мы с женой и трое детей. Но они уже взрослые, дома практически не живут, один в Архангельске обосновался, дочь в Вологде замужем, младший поступил в Ярославский институт.

– Тем более зачем вам двоим такие хоромы? – поспешил я продолжить свою мысль.

– Нам-то они не нужны. Это дань прошлому. Такие дома строили деды и прадеды, а нам они достались в наследство. Раньше-то семьи были большими, по пятнадцать – восемнадцать человек; у моего прадеда, к примеру, было шестнадцать детей. Вот и строили большие дома, чтобы всем места хватило. И потом, существовало правило: женившись, сын продолжал жить с родителями, приведя в дом молодую жену, и отделялся только тогда, когда отстраивалось новое подворье и решался вопрос с наделом земли молодым. К чему это я? А к тому, зачем раньше строили такие большие дома. И почему в два этажа? А затем, что в зимнее время вся семья жила в более теплых комнатах на нижнем этаже, а летом перебиралась в прохладные на втором этаже и тем самым существенно экономила на топливе.

– Как все просто, – с некоторым разочарованием протянул я. – А скажите, с какой целью строятся все хозпостройки под одной крышей с жилым домом и также в два этажа?

– Это в какой-то степени связано с климатическими условиями – крепкими морозами и метелями в зимнее время. Сами можете представить, как на ветру и холоде доить корову и задавать корм скоту. У нас же все это проводится в закрытом помещении, в относительном тепле, и корм здесь же под рукой. Раньше скота держали помногу, по несколько коров, лошадей, овец, и все они размещались в соответствующих загородках на первом этаже. Рядом сено, лари с овсом и другим комбикормом, даже не надо тепло одеваться. А на втором этаже размещались все припасы на зиму: мука, всевозможные овощи и крупы, соленья и копченья, в том числе бочки с лесными дарами – ягодами и грибами, присоленной рыбой, лари с семенным зерном. Хозяйка, накинув легкую шубейку, выскочила из дверей в двери, набрала чего надо – и на кухню готовить завтрак или обед для всей семьи.

...Вступив на центральную улицу Бережной Дубравы, мы с женой сразу же направились к храму, который, к сожалению, оказался на зам-

ке, даже калитка и та была на щеколде. Юрий пояснил, что церковь давно планировали поставить на ремонт, видимо, по этой причине доступ в храм прекращен.

Родовой дом Степаныча оказался недалеко от храма, как я и предполагал, был в полном соответствии с северным вариантом, о котором шла речь чуть выше, но даже при беглом взгляде выглядел, образно выражаясь, дряхлым старцем, опершимся одним боком (стеной) на подпорку, как на своеобразный батог. Мы на какой-то момент приостановились у калитки, и Юрий, обернувшись ко мне, вопросительно глянул в глаза.

– Да-а-а, – вздохнул я. – Подзапущен дом-то. На пределе держится. Давно нужны мужские руки.

– Вот и я о том же. Ну заходите. Разговор о доме потом продолжим. Расположимся на кухне, она в более приличном состоянии. Печь затопим – тепло будет. Двери в соседние комнаты законопатим поплотнее, чтобы холод оттуда не проникал, и все будет абгемахт.

Вскоре, распаковав хозяйственные сумки и растопив голландку, мы с Юрием отправились на берег Онеги топить баню, женщины взялись готовить ужин.

Бань на берегу, к моему удивлению, оказалось великое множество, практически по численности домов в деревне. Наколов дров и натаскав воды в бочки, принялись растапливать банную печь, которая, кстати, топилась по-черному, и, наглотавшись дыма до одури, со слезящимися глазами вскоре вывалились на свежий воздух. Отдышавшись, уселись на чурбаках в ожидании, когда нахолодавшая за зиму баня (с полгода в нее никто не заглядывал) наконец-то начнет нагреваться, а окатыши каменки наливаются духмяным жаром.

– Занявшись ремонтом дома, тебе, Степаныч, придется и баню в порядок приводить. Бедолага почти по пояс в землю ушла, – роняю я, косясь на друга.

– Придется, – соглашается Юрий.

Мое внимание привлекают небольшие квадратные срубы, во множестве разбросанные невдалеке по руслу каких-то ручьев. Они напомина-

ют деревенские колодцы с откидными крышками, но без обычных журавельных коромысел и воротов, с помощью которых поднимают бадейки с водой. Срубы (размером метр на метр) изготовлены из тонкомерных бревен. Я насчитал таких «колодцев» не меньше трех десятков.

– Что это? – интересуюсь у Юрия, кивая на срубы.

– Своеобразные холодильники наших сельчан. В этом месте из берега бьет очень много родников, температура воды в которых не превышает три-четыре градуса. Люди пользуются этим, постоянно очищают русла, чтобы они не засорялись, и, сделав небольшие углубления, в которых циркулируют родниковые струи, устанавливают над ними деревянные срубы с крышками и в летнюю жару хранят в них всевозможные продукты: корчаги и крынки со сметаной, творогом, свежее мясо, рыбу и даже суп в кастрюлях. Ледяная вода, омывая корчаги и горшки, надолго сохраняет, подобно современным холодильникам, скоропортящиеся продукты.

– И никто не ворует эти продукты? – слегка ошалев, не удержался я.

– А зачем, бомжей у нас нет. Сельчане даже замки на крышки не вешают.

– Впервые встречаюсь с такими холодильниками, – удивляюсь я и тут же меняю тему разговора: – Ты о доме хотел продолжить разговор – делись, Степаныч, что гложет?

– Мне трудно объяснить, но почему-то с годами меня все чаще и чаще стали мучить воспоминания о детстве, о доме в деревне. А ночами замучили сны с теми же сценами деревенской жизни, будто возвращаюсь в Бережную Дубраву и начинаю восстанавливать пришедшее в упадок родительское подворье, встречаюсь с близкими, соседями. И до меня наконец дошло, почему гложет тоска по прошлому, за что терзает подспудная вина. А все потому, что пошел против воли родителя, покинув отчий дом, ушел работать на госпредприятие, на котором получил тяжелейшую травму и стал инвалидом, поселился в Североонежске с набором городских благ, которые сегодня меня попросту угнетают. Но главная причина – во мне проснулся зов предков, и этому зову сопро-

тивляться я не могу. Да и не хочу. Я принял решение возвращаться. У меня уже есть план перестройки дома. Я сделаю его гораздо меньше, без всех хозпристроек. Зачем они нам с женой, мы не собираемся заводить скот. Тем паче нам на двоих не нужно столько жилых комнат...

– Подожди, подожди, – перебиваю я друга. – Почему ты говоришь только о себе и Валентине? У тебя же двое сыновей, которые, как и ты, унаследуют родовой дом?

– Я тоже так считал. Но на днях оба категорически заявили: «Батя, зря ты заиклился на этом доме. Плюнь и забудь. Мы с Сергеем никогда не променяем свои городские квартиры, а тем более престижную работу в Вологде и Ярославле на грядки в деревне. Конечно, если потребуется какая-то наша помощь, по возможности поможем, а входить в долю не будем. Извини».

– Вот она, современная молодежь, – сочувственно вздыхаю я. – Ну что теперь? С Валентиной-то советовался? Она-то как к твоему решению относится?

– Советовался. Конечно, не очень рада, говорит: «Как ты, так и я. Куда, мол, мне деваться?»

– Так-то оно так, но она ведь еще работает, а уходит перед пенсией с должности заведующей детским садом, считаю, не очень логично.

– Пока я один переберусь в Бережную Дубраву, а она будет дорабатывать стаж. Через год, как оформит документы на пенсию, переберется ко мне. Но североонежскую квартиру ни продавать, ни менять мы не собираемся. Кто знает, как жизнь повернется, может, вернуться придется.

Мне стало грустно: в кои-то веки нашелся настоящий друг, начали понимать друг друга с полуслова, и вот нá тебе... заела ностальгия по деревенскому укладу.

– А как же я? – непроизвольно вырвалось у меня с предательской дрожью в голосе. – Как же наша охота по выходным? Если честно, я уже привык каждое воскресенье в шесть утра, нетерпеливо стоя у окна, поглядывать на улицу в ожидании твоего «москвичонка» и сигнала клаксона – выходи, мол, я здесь.

Юрий удивленно глянул на меня и, наклонившись, похлопал по плечу:

– Не переживай, Максимыч. В окрестностях Дубравы дичи значительно больше, чем под Североонежском. Это я тебе как коренной житель говорю. Так что будешь каждую субботу приезжать или лучше вечером в пятницу, на завтра душу отведем на охоте, а в воскресенье к вечеру ты дома.

– Заманчиво, но несподручно: дорога больно долгая.

...С тех пор со Степанычем я встречался раз в полгода, иногда два, да и то, если он приезжал в Североонежск за каким-нибудь дефицитным стройматериалом. Накоротке мы обменивались новостями, но в основном Юрий рассказывал, как перестраивает дом, что сделал и что надумал обновить.

Через два года переустройство родового дома Юрий закончил. К этому времени ушла на заслуженный отдых и его супруга Валентина, окончательно перебралась в Бережную Дубраву. И Степаныч стал настойчиво звать меня в деревню на охоту, но, увы, на этот раз я связался со строительством дачи, почти сутками пропадал на садовом участке и с поездками не получалось. Потом от кого-то из деревенских слышал: новые друзья у Степаныча объявились – охотники столичные. Наезжали частенько: то на зайчишек по чернотропу, то на лосей, то на глухарей и косачей на весенних ристалищах. Я завидовал, но это строительство дачи...

Прошло два года, и Юрий вдруг резко сдал. Обострились старые посттравматические болячки, но особые страдания приносили головные боли. А однажды прямо на охоте случился удар. На третий день он умер. Кровоизлияние в мозг.

Я откровенно плакал, узнав о его смерти, и до сих пор не могу прийти в себя: что стало причиной его безвременного ухода, почему из всего рода Рыжковых он оказался недолгожителем? Можно сослаться на основную причину – производственную травму, но я очень часто бывал с ним на охоте и рыбалке и видел, как благотворно влияла на его здоровье природа: он преображался и становился буквально неутомимым.

Часто делился со мной:

– На охоте, рыбалке и вообще на природе я чувствую себя превосходно, в меня будто какая-то энергия вливается, сил втроекратно прибавляется. Я забываю о всяких болячках и не ощущаю их, будто молодую.

Значит, причина преждевременного ухода в другом. И неожиданно для себя сделал вывод: всему виной родовой дом. Да, да, родовое гнездо. Дом не простил ему предательства. Став прямым наследником, Юрий бросил дом на произвол судьбы, довел до полного обветшания, а вернувшись, перестроил, разрушив целостность родового гнезда. Не знаю, возможно, это мой домысел, но других причин не вижу...

(Собрание сочинений, т. 4, 2015)

Неунывахин Владимир Максимович. Прозаик, журналист. Член Союза писателей России с 2010 года. Родился 20 августа 1938 года в Иркутске. В 1939 году семья переехала в Сталинск (Новокузнецк), затем в таежный поселок Бурановск (Таштагольского района Кемеровской области). В начале 1943 года отец ушел из семьи, забрав с собой младшего сына Геннадия, а мать с Владимиром переехала в поселок Абагур-Лесной, пригород Сталинска.

В 1955 году, после окончания семилетней школы, Володя начал работать фрезеровщиком в механических мастерских. Окончил 11 классов ШРМ, стал членом литературного объединения Новокузнецка, публиковался в местных периодических изданиях. В 1959 году редакцией газеты «На страже» (Кемерово) был объявлен конкурс на лучший рассказ. Владимир Неунывахин отправил несколько произведений и занял первое место. В 1963 году стал литсотрудником многотиражной газеты для заключенных «Трудовая честь», а с 1967 по 1970 год работал редактором этой газеты. В это время ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Служил в органах МВД с 1967 по 1991 год. В 1972-м окончил заочно факультет русского языка и литературы Новокузнецкого пединститута. С 1970 по 1973 год работал начальником отряда особого режима в ИТК-16 учреждения ВД-30, а также дежурным помощником начальника колонии строгого режима Майзасского лаготделения того

же учреждения. В 1973-м назначен на должность старшего инспектора, а затем стал замначальника инспекторского отдела в аппарате Управления лесными исправительно-трудовыми учреждениями. С 1981 по 1990 год был начальником штаба Онежского управления лагерей. Жил в поселке Североонежск Архангельской области. В 1991 году в звании подполковника вышел в отставку и вернулся на малую родину – в Новокузнецк.

Публиковался в журналах и альманахах «К новой жизни», «Преступление и наказание», «Охотничьи просторы» (Москва), «Огни Кузбасса» (Кемерово). Постоянный автор региональной газеты «Охотник и рыболов Сибири» (Томск). Лауреат литературного конкурса Министерства юстиции РФ (2004), победитель конкурса короткого рассказа памяти В. Куропатова (2011), лауреат премии «Энергия творчества» (2015). Автор 14 книг прозы: «Забыть я не в силах» (2001), «Живым не брать» (2003), «Под глухариную песню» (2003), «Я вернулся, мама» (2004), «За что?» (2005), «На утренней зорьке» (2007), «Деревенские этюды» (2008, в соавторстве с Г. М. Неунывахиным), «Подснежники» (2008), «Проклятье» (2010), «Смеяться, право, не грешно» (2011), «Всполохи памяти» (2012), «И такое случается...» (2015), «Кумачовый молох» (2017), «Житейские истории» (2018). В 2013–2015 годах издано собрание сочинений писателя в 4 томах.

В. М. Неунывахин – почетный работник уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, награжден медалями Кемеровской области «За веру и добро» (2006), «За достойное воспитание детей» (2008), «За служение Кузбассу» (2015). Благодаря его инициативе с 2011 года по настоящее время в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского ежегодно проводится конкурс творческих работ «На утренней зорьке», где молодые таланты могут проявить себя в литературном, изобразительном, декоративном, фотохудожественном творчестве.

Умер В. М. Неунывахин 10 декабря 2018 года, похоронен на Абагурском кладбище. Незадолго до смерти он передал свой писательский архив в Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. В 2022 году библиотеке «Перспектива» в пос. Абагур-Лесной присвоено имя В. М. Неунывахины.

Николай Николаевич Ничик

27 августа 1953 г., с. Пустовойтовка, Сумская обл., Украинская ССР –
22 апреля 2019 г., Новокузнецк.

Прозаик, публицист. Член Союза писателей России с 1997 года.

ВКУС ЧЕРЕМШИ, или СЕРЕГА ЗОЛОТОЙ НОС

Рассказ

Опытные таежники давно не припоминали такой ранней весны: на смену трескучим февральским морозам не то что пришла – прямо-таки неожиданно свалилась сильная оттепель. После женского праздника снег вообще начал таять – ну куда это? В тайге на солнечных склонах запестрели проталины, а когда по оврагам стали пробиваться первые робкие ручьи, люди старые да бывалые начали усердней молиться – просить Господа Бога, чтобы не дал теплу разгуляться, иначе беда!

Но той весной все обошлось. И самое удивительное, что сбылись прогнозы синоптиков: сильного наводнения не было.

В один из тех парных мартовских дней, когда невооруженным глазом видать, как начинает подрагивать весеннее марево, мой напарник по ремонту горных выработок Сергей Золотой Нос после тяжелой ночной смены предложил мне заглянуть в тайгу. Ох, как уже давно ему хотелось отведать первых росточков черемши!

Понял и оценил я все это только потом, когда уже пообвык в Кузбассе и стал понимать, что тут почем, как говорится. А тогда он меня еле уговорил, потому что и на этот, колбишный счет у меня уже было свое твердое мнение, сложившееся из разговоров с продавцами черемши на стихийно возникавших весной точках – на оживленных перекрестках в центре города и в тихих переулках на окраине. Каждый временный, посиневший от холода продавец в это время дружелюбен и разговорчив, каждый клянется, если возьмешь у него два последних пучка, «как только хоть чуть потеплеет», прихватить тебя с собою в тайгу и показать такое место, где она чуть не по пояс, черемша, – оставалось только купить косу да три-четыре мешка и ждать урочного часа. Но как только солнышко начинало к нам почаше заглядывать и задерживаться подольше, с новокузнецких улиц продавцов как будто сдува-

ло потеплевшим ветром и несло северней, где своей черемши пока не было и привозную можно было продать подороже.

Где только, рассказывали, не встречались тогда наши неутомимые колбовозы! Даже в Новосибирске, где своей черемши вообще мало-ва-то. Даже в Томске, где она давно занесена в Красную книгу. Да что там, что там!

Говорят, даже в летающих к нам самолетах, от старости насквозь продуваемых ветром, – и в тех, несмотря ни на что, от нескончаемых дружеских передач колбы в Москву устанавливается такой густой дух, что держится потом осень напролет и исчезает только тогда, когда начинается зима. И ни с чем не сравнимый запах, по которому в столице тоскуют и вышедшие из Кузбасса большие начальники, и начинающие забывать родной город депутаты, и даже окончательно забывшие его бывшие вожаки рабочего движения, – сладко тревожащий душу кузнечанина, этот запах лишь тогда вымораживается.

Но это все я тоже начал понимать много лет спустя, а тогда мои знания только тем и были ограничены, что, мол, слишком рано искать колбу по такому холоду да еще после такой почти непосильной смены, которая у нас тогда вышла.

Но Серега горячился:

– Ничего ты не понимаешь! Когда же еще тогда и искать?.. Устал, видишь. Да в том-то и дело, что она и мертвого поднимет, а не то что усталого или больного, ну?

...Чуть ли не по пояс в снегу, он брел первым; я, хоть был намного моложе его, прилично отстал... Или как раз неприлично? То и дело хватался то за ветку калинника, то за слабую березку, которая, все еще под тяжестью снега, и сама бы сейчас не отказалась от помощи.

Когда вышел наконец на проталинку посреди негустого пихтача, Сергей уже разговаривал с выводком шахтовых дворняг, честно сопровождавших горняков на многие такие ответственные мероприятия.

– Вот видишь, – сказал я, тяжело дыша. – Надо было за ними идти, они, небось, по сугробам не лезли.

И явно повеселевший отчего-то Золотой Нос руками развел:

– Тут ты прав.

– А нам надо обязательно напрямик, – ворчал я.

Но он только повеселел еще больше:

– Молодой ты еще!..

Наши чем только не измазанные кабыздохи вдруг дружно взлаяли, всей стайкой бросились к подножию высокой пихты, и Сергей тут же наклонился, выхватил из-под ног сухой дрын:

– А ну, бродежня! Вы тут у него в гостях, а ведете себя...

Отогнал собак и с умилением глядел теперь куда-то на вершину пихты.

– Чего ты там?

– Бурундучишка! – сказал он чуть не с восхищением и снова вдруг вернулся к моей персоне: – Эх, какой еще молодой-зеленый...

Потом он туда-сюда прошелся, глядя под ноги, махнул молча ладошкой, и оба мы присели на корточки, начали разгребать сухую листву и в сторонку откладывать прошлогодний, еще не оттаявший лесной хлам.

– А это что? – спросил я, увидев между листвой зеленую тонкую ботву. – Сохранилась, не померзла зимой...

Он дружелюбно рассмеялся:

– Зеленый!.. И, слава богу, пережил зиму. Загад-трава – вот это что! Тоже шахтерская травка, между прочим.

– А почему?

– Сушат и в обувку кладут. Она и снаружи воду не пропускает, и пот внутри забирает.

– Прямо-таки забирает?

– Поверь.

– А почему так называется?

– Есть в ней и еще тайна... Не все сразу!

– Не все так не все...

– Гляди!

Спорить готов, что в руках у него тогда был ножик со ржавым лезвием и небольшой булыжник, который он только что припасливо приподнял с земли... Но вот по прошествии стольких лет кажется, что держал он отливавшее синевой зубильце и крошечный молоточек – так осторожно и так искусно обкалывал он ледок вокруг еле заметного росточка, который сперва показался мне какой-то крапинкой или темным пупырышком. Только что мы вышли на-гора, поднялись из темени и глухоты, прерываемой вдруг стальным скрежетом, поскрипыванием стоек, тяжкими вздохами матушки-земли, а то вдруг отчаянными криками и скверной руганью, а тут... а тут...

Лицо у Сергея так и светилось, он будто священнодействовал.

Впервые я видел, чтобы что-то росло прямо во льду, но ведь росло! Упрямый остроносый побежек, который Серега бережно освобождал из ледового плена, делался все выше: на несколько миллиметров, на сантиметрик, на два...

– Поздравляю тебя, пробуй!

На что это было похоже? Смешанный запах молодого лучка с молодым чесночком в очередной раз припоминался мне потом, когда я уже самостоятельно пытался отыскать первую колбу и в очередной раз давил зубами и начинал обсасывать похожий на нее горьковатый росток кандыка... Говорят, вымирает и так уже мало осталось, а тут ты еще выцарапываешь его изо льда, чтобы потом безжалостно выбросить.

А тогда!.. Сергей вдруг посерьезнел, лицо у него сделалось значительное.

– Запомни... ты вроде парень ничего. Что говорил мой дед? Каменный уголь – шахтерское дело, говорил он. А каменный лук – шахтерская еда.

– «Каменный лук»? Ее? Колбу?

– Ну, «каменный чеснок», если хочешь. – И чуть насмешливо улыбнулся. – Что же еще, кроме этого драгоценного камня, через лед и пробьется!

Может, и в самом деле – драгоценный? Потому что Серега, выдалбливающий очередной стебелек, и впрямь был похож на ювелира...

Я тогда многого не знал и сперва даже подумал: может, потому-то и зовут его – Золотой Нос?

Тут, наверное, и в самом деле пора объяснить, откуда у моего напарника по ремонту горных выработок такое необычное прозвище.

Сергей был из тех, кому под землей постоянно не везло: травмы его прямо-таки преследовали. Есть такие невезучие горняки, есть. Не успел бросить костыли – руку поломал. Руку вылечил – на очереди другая нога. Если не та же, с которой недавно маялся. А у каждого есть еще и пара ключиц, и вон сколько ребер... Но Сергей был в этом смысле «однолюб»: травму за травмой принимал на себя его нос, рассказы о котором уже занимали на нашей шахте чуть ли не самое почетное место среди баек да анекдотов. И основания для этого были.

Только пошла работа – вдруг крик:

– Стоп! Серегу опять шшолкнуло!

Ну, «шшолкнуло» – это ясно. Куда еще, как не в «рубильник», можно щелкнуть?

Но иногда вдруг кто-то кричал, мол, Серегу царапнуло!

И тут начиналось: куда на этот раз?.. Как это куда? Все туда же! Ежели он Золотой Нос, не по мягкому же месту... А кто-нибудь считал, мужики, сколько раз с ним одно и то же? Надо, надо считать! Его ведь давно пора в книгу рекордов Гиннеса! Может, дали бы чего?.. Ага, в книгу Хренниса! Ребята уже повели наверх, сейчас в нее и занесут, и дадут...

Может, потому-то все грубовато посмеивались, потому не без явного облегчения потешались, что за этим стояло сидящее в каждом очень глубоко: а ведь могло быть иначе... И вовсе не с Сергеем, нет. С каждым. А то и со всей бригадой сразу. Недаром на многих кладбищах на юге Кузбасса ребята так и лежат – бригадами.

А с Серегой шло по уже привычному кругу: скорая – больничный травмпункт – хирург, которого вся бригада уже знала по имени-отчеству, – бюллетень.

Если подсчитать, начинали подзаводить Серегу, когда он возвращался на шахту, сколько ты получил по больничным листам да по всяким-разным страховкам, тебе бы уже давно хватило на золотой протез... или как там? На золотой колпачок, на буратинский нос, который бы твой «рубильник» прикрывал.

Рубильник – это так, к слову. Нос как нос, самый обыкновенный, да и благодаря искусству одного и того же, лучшего в городе хирурга-лицевика следов от удара кровельной породы или какой железки на нем никогда не оставалось...

Ну, тут вот сразу придется рассказать одну из многочисленных баек о Золотом Носе. Когда Серега, давно еще, раз и другой с носом залетел, хирург этот начинал в нашей шахтерской больничке. Перевелся в другой район – в шутку сказал Сереге: если что, мол, все равно ко мне. Сразу. Так и случилось: Серега путешествовал за ним потом из больницы в больницу, из клиники в клинику. Это была его привилегия, потому что слава об этом хирурге уже облетела нашу Кузню и принимал он уже не всякого. Времена тянулись лихие: сколько тогда в городе случалось разборок, сколько драк с поножовщиной! Да и все знаменитые на всю Россию стрелки, вся наша «пехота» стояли к нему в очереди. Однажды Серегу привезли к лицевику, когда на операционном столе уже устраивался чуть ли не самый главный в городе бандюган, – и что бы вы думали? Пришлось тому срочно встать и выйти в коридор, а на его место Серега лег.

Можете себе представить, что тогда говорили на шахте? Думали, мол, в городе один самый большой «авторитет», а оказалось – совсем другой! Свой парень. Кликуха – Золотой Нос.

Кое-кто, правда, усмехался: мол, погодите-ка! Носу нашему еще выйдет боком, что главному бандюгану пришлось ему место уступить:

хорошо, если голову не оторвут, но уж где-нибудь в темном переулке по шее наkostenяют – уж это точно!

Однако ничего похожего не случилось. Более того, поднакопивший в Кузне денжат, лицевик переехал сперва на Кавказ, а потом и в Сочи. Там у него теперь, говорят, своя клиника. Тот самый авторитет ездит к нему туда почти постоянно, потому что у него такое ранение, что последствия его надо время от времени подправлять. И вот однажды возле нашего АБК – административно-бытового, значит, корпуса – останавливается самый крутой на юге Кузбасса японский джип, вылезают из него двое амбалов, бегут к директору. А потом в сопровождении третьего выходит и этот самый авторитет, не торопясь идет в корпус, а там уже ждет его Серега: выдернули его из штрека по этому поводу. Наши говорят потом: вот бы спасатели так работали, как в тот раз начальство!

Садятся они у директора, и авторитет говорит:

– Привез тебе привет от общего нашего друга. Сказал: «Вдруг надо будет – всегда жду. А то давно не видались. Соскучился. На дорогу ко мне уж как-нибудь наскребет, морда дороже, а обратный билет, тут никакого базара, за мой счет!...» А я ехал к тебе, – продолжает авторитет, – и вдруг пришло в голову: хотя и только туда – да откуда у него такие деньги?.. Потому держи-ка, братан. Это тебе на самолет до Сочи и там на недельку. А остальное – за нашим другом... Держи, держи!

Сует Сереге новенькую пачку: оставь, говорит, эти «хрусты» на черный день.

Да только разве Серега не настоящий горняк? Недаром сам говорил: потомственный!

И вечером в бригаде был праздник, какого не было не только за последние несколько лет – может, и вообще никогда. Тут-то Золотой Нос и сказал свою знаменитую речь.

– Ребята! – говорит. – Мужики!.. Вот мы с вами болтаем: в бандитском государстве живем. Да нет! Какое оно на самом деле – это надо

еще раскумекать, но только не бандитское, факт! Было бы бандитское – вон бы как о нас обо всех заботилось! Ить поглядите на наш стол – чего только душа пожелает. Все есть!

Тут кто-то его подкалывает:

– Одного только нету!

Все грохнули: о Серегиним пристрастии к черемше, к колбишке-кормилице, все знали.

А он и правда вздохнул:

– Только вот ее и нет, точно!

Колбу он, конечно, любил... Может быть, даже мало сказать – любил. Тут речь скорее не о плотском чувстве, о каком-то одухотворении, если не говорить большего.

Поздновато я все это, конечно, понял – что ж теперь? – поздновато!

А тогда он все продолжал удивлять меня своими рассуждениями.

К этому времени я уже сделался не только заправским колбоедом, но и заядлым колбишником. Думалось иногда: может быть, с моим старшим другом, известным московским писателем, потому еще и сошлись, что он, посмеиваясь, говорил о себе: колба – это его «пунктик», и если у него однажды весной «поедет крыша», то искать его надо на окатах Кузнецкого Алатау – будет собирать там колбу. Вместе мы придумывали «Словарь колбоеда», который, может, когда-либо еще выйдет.

И вот однажды в тайге, когда снова вдруг выпало пойти за черемшой вместе с Серегой, сказал ему: вот ты, мол, тут мне про каменный лук. А знаешь, как колба наша по-латыни?.. Алум викториалис, во! По-русски – лук победителей.

А он со вздохом сказал:

– Думал, ты уже побурел...

– Что значит – побурел?

– Ну, созреваешь. А ты вот: лук победителей!

– Я у друга своего прочитал, он про колбу много пишет, хоть и в Москве живет...

– Во-он оно! – протянул Серега. – Тады ясно.

Была у него такая поговорка.

– И что тебе – «тады»?

Он дернул подбородком:

– Дак Москва! Она чего не придумает, лишь бы мы тут работали, а она там жила... Ну, подумай: какие мы с тобой победители? Хоть колбой от нас, от каждого – за километр. Разве победители так живут?... А Москва... что Москва?

– Ну что, что?

– Да прилетали тут ранней весной на медведя... Олигархи не олигархи, но так, видать, с большими деньгами люди. Теперешние хозяева. А я как раз – за первой колбой... Егерь, мой дружок, вывел точно, они зверя ранили да все поразбежались, ему и добивать пришлось, и их потом по тайге собирать – тут я ему и помогал. Ну а вечером на грудь взяли, все снова расхрабрились, вот один, которого я как раз еле нашел и чуть не в последний момент из полыньи вытащил, приглашает меня: ты приезжай! И туда тебя свожу, и сюда. Я ему: да оно мне надо? В Москву. Но раз уж вы, такие умные, здесь, объясните мне, слепому кроту: что такое там у вас в Москве за «общечеловеческие ценности»? Почему-то в последнее время они меня прямо-таки достали... А он захохотал сперва, а потом вдруг так серьезно: я с тобой как с другом. Запомни! Единственная общечеловеческая ценность – это, брат, «рыжий дьявол». Он! Понимаешь?... Спрашиваю: Чубайс, что ли? А он опять как захохочет. Какой, говорит, Чубайс? Бери выше! Так еще с пиратских времен звали золото. Вот оно и есть эта самая общечеловеческая ценность. Самая главная. А все остальное для того и придумано, чтобы таким, как вы, «тайге глухой», мозги запудрить. Усек?

Через недельку-две после общего похода в тайгу встретились в городе – работали уже на разных шахтах – и Сергей прямо-таки бросился ко мне:

– Хорошо, что увидал тебя!.. Я потом думал все. Может, твой московский друг не так тебе сказал, а ты не расслышал? Если парень нормальный, говоришь, и тоже соображает кое-что.

Я сперва не понял.

– О чем это ты? – спрашиваю.

А он:

– Как это о чем? О колбишке!.. Может, он тебе сказал: лук побудителей?

– Каких еще «побудителей»? – спрашиваю.

– Да каких... Как в армии. Или ты не служил? Побудку сыграли, взбулгачили народ, а сами потом чуть не первые – к ларьку. Люди – за ними. Чуть не вся страна нажралась – и опять в сон. Один так и спит до сих пор, другой с бодуна ничего не соображает, а умники-то... умники, что нас побудку сыграть подбили, они за это время всё и расхапали... А нам, брат, только это и осталось: каменный лук.

И как-то все это он печально говорил, ну так печально.

– Меня всегда подбадривал, – попробовал поднять ему настроение. – А сам голову опустил... Помнишь, ребята говорили, тебе нельзя, чтобы голова падала.

Он без интереса спросил:

– Почему это?

– Да как почему? Единственное свое золото беречь надо. Нос-то, нос...

– А-а, – протянул он.

И опять так равнодушно.

– Может, случилось что? – спрашиваю.

– Да так-то вроде и ничего, – говорит. – Только пенсию срезали.

– А как это можно?

– Дак теперь ить все можно...

– Почему срезали? Должны же объяснить.

– Пробовал добиться, да так и не понял. Вроде слишком часто травмировался, и больничные у меня чуть ли не липовые.

- Это задним-то числом?
- Кому-то понадобилось.
- А в теркоме был?
- Ты еще веришь им там? В теркоме?
- А что еще остается?
- Тады ясно...
- Может, тебе и ясно, – говорю, – а мне что-то не очень.

Он как-то так усмехнулся: молодой ты еще, зеленый.

Сказал другое:

- Рыба ищет, где глубже...
- А человек – где лучше... Ну?
- Чего тут нукать, все правильно. Только человек не рыба. Ему где

глубже искать...

- Зачем тебе, где глубже?
- Как зачем? Доработать до выслуги.
- Опять в шахту?
- Что-нибудь другое предложишь? Идти к тебе сменщиком на твой любимый Запсиб? Что, там намного лучше?

Я только вздохнул. А он как-то врасстяжечку сказал:

– Не хотелось бы, правда, снова нос подставлять... – И тоже вздохнул.

Было это, считай, два года назад, после этого не встречались. Как там и что у нашего Золотого Носа, не знал, а когда случилась эта страшная беда на «Есаульской», вчитывался в газете в фамилии погибших, искал, нет ли знакомых ребят, и вдруг наткнулся на фамилию Сереги... Может, сперва подумал, родня, и тут же вдруг понял: сам. Даже не потому, что имя-отчество те же. Понял по какой-то безысходности тогда в Серегином голосе.

«Как же так? – думал. – Все привыкли, что всегда – только нос, и сам он давно привык. Ну «шшолкнуло», ну поцарапало... Или при этом все равно в сознании пряталось: это сегодня нос, это сегодня...

Надо же ему было вернуться на шахту! Судьба как будто успокаивала его всякий раз, а выходит, заманивала. Так долго! Ах, Серега, Серега... Золотой Нос! Полез в земную утробу за услугой... А как иначе прожить?»

И вспомнились наши с ним походы в тайгу и тот поход – самый первый, вспомнились наши долгие разговоры и это его чуть насмешливое: «Молодой ты еще!.. Молодой-зеленый...»

«Общечеловеческие ценности! – подумалось. – Да разве сама жизнь не самая главная из них? А чего она нынче стоит?.. Лук победителей, – пришло в голову. – Может, прав был Серега: мы только побудители. Всего лишь».

Хотелось кому-то из общих знакомых позвонить, чтобы расспросить о Сереге, но час был уже слишком поздний, а утром снова стремительно началась эта наша суета-маета.

Через какое-то время встретил в городском трамвае бывшего бригадника, тот еле держался на ногах.

Спросил его о Сереге, и он сквозь икоту взялся меня наставлять:

– Отбился ты от нас! Рази праильна?.. А я, между прочим, с этих самых поминок. Ездили с мужиками на то место, где они как раз под землей... Водяры было! Маленько и на травку плеснул – как на кладбище, на могилах. Что ж теперь? Земля пухом... А ты отби-ился, да!.. Ты и тогда отказывался. А это, чтоб ты знал, терком проводил...

И снова пришло, вроде совсем не к месту: «Тады ясно!»

– Знаешь, когда следующий раз? – икал мой бывший бригадник. – Ты черкани телефон, позвоню тебе...

А я подумал, что надо съездить туда одному. Походить молча. Подумать. Если всё не вытоптали, срезать несколько стебельков колбы: она уже как раз зацвела. Поставлю, подумал, дома в стаканчике с водой под фотографией Сереги, есть у меня хорошая его фотография, снимали один другого в тайге...

«Каменный уголь, – он говорил, – горняцкое дело. Каменный лук – горняцкая еда».

И какие там еще, подумал, потомственному горняку цветы?

(«Другая упряжка», 2008)

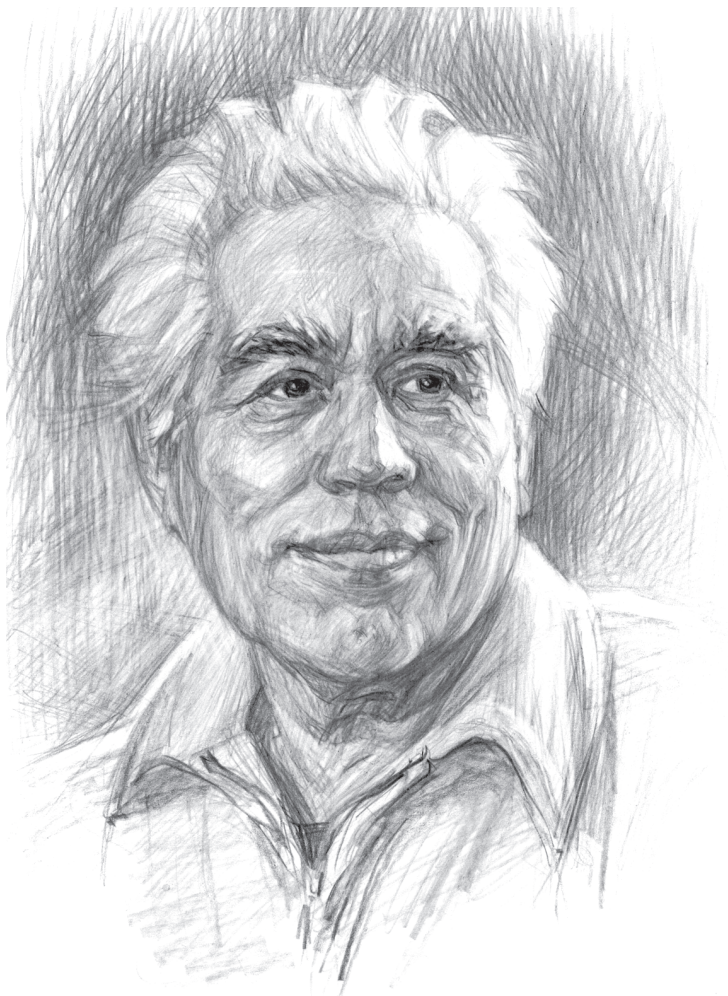
Ничик Николай Николаевич. Прозаик, публицист. Член Союза писателей России с 1997 года. Родился 27 августа 1953 года в селе Пустановка Сумской области Украинской ССР в семье колхозников. Первая журналистская заметка Ничика была опубликована в одной из районных газет. Тогда автору было 8 лет. Для улучшения грамотности переписывал из газет доклады руководителей партии и правительства. В 1971 году окончил среднюю школу. В армии служил в ракетных войсках. Учился заочно в Киевском университете на факультете журналистики. Работал на машиностроительных заводах Украины. В начале 1980-х годов переехал жить в Кузбасс. Более двадцати лет трудился на угледобывающих и металлургических предприятиях Новокузнецка, затем – разнорабочим в ЖКХ.

В Союз писателей Николай Ничик был принят 17 февраля 1997 года. Инициатива о приеме исходила от секретариата правления Союза писателей России. Рекомендации дали Гарий Немченко, Любовь Никонова и Анатолий Ябров. Это был редчайший случай в практике приема: членский билет получил самобытный писатель, у которого пока не вышла обязательная для вступления в союз книга. При этом рассказы, очерки, публицистика Ничика часто печатались в общероссийской, украинской и кузбасской периодике: это «Рабоче-крестьянский корреспондент», «Роман-газета» (спецвыпуски), «Наш современник», «Ромен», «Женщина», «Литературная Россия», «Московский вестник», «Литературная Украина», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Кузнецкий рабочий», «Новокузнецкий литературный альманах» и др.

Николай Ничик всегда живо и искренне отзывался на события общественно-политической и культурной жизни города, региона, страны. Не мог мириться с несправедливостью, бесхозяйственностью, безобразиями во всех областях жизни, отстаивал свою позицию до конца, сколько бы сил и здоровья это ни отнимало. Главной темой его творчества стала производственная, шахтерская, но и литературный процесс всегда находил отклик в его душе. Вел активную переписку со многими украинскими и русскими писателями: О. Ющенко, Д. Белоусом, Р. Ляшевой, Г. Немченко, Н. Околитенко, М. Кулиняком и др. За годы творчества создал целую галерею литературных портретов и зарисовок украинских и сибирских писателей: Н. Николаевского, Э. Гольцмана, Л. Никоновой, Г. Емельянова, С. Донбая, В. Бокина, Т. Тудегешевой, О. Гончара, З. Биленко, П. Ключины, О. Ющенко, Д. Белоуса и др. Финансировал литературные чтения, посвященные поэту и педагогу И. Дудке. Благодаря его содействию увидели свет следующие книги: «Дух черемши» Г. Немченко, сборник стихотворений Г. Иванова, «Духовные мятежи» С. Зотова, «На бегу» и «По запискам чадам» Р. Ляшевой, «Первенец» Е. Тулушевой, «Зерна» Е. Трухан. По инициативе Ничика столичное издательство «Речь» в 2014–2017 годах переиздавало книгу В. Матвеева «Посмотрите, какие котят!» в серии «Любимая мамина книжка».

Николай Ничик – автор книг «Другая упряжка» (2008), «Как же мне не писать о шахтерах?» (2013), «Осенняя борозда» (2018), «Незабудки» (2019). Печатался в коллективных сборниках «Спроси себя» (1987), «Неоконченный диалог» (1999), «Родительский дом» (2002), «Поклонимся великим тем годам» (2006), «Братья наши» (2016). Самоотверженный труд писателя-шахтера на литературной и производственной ниве отмечен высокими наградами. Н. Н. Ничик награжден памятной медалью оргкомитета по проведению в России Года литературы (2015), знаком «Шахтерская слава» III степени, областными медалями «За особый вклад в развитие Кузбасса» III сте-

пени, «За служение Кузбассу», «За веру и добро». Лауреат премии газеты «Литературная Россия» 2015 года, премии им. В. Г. Кожевина, победитель областного конкурса «Образ» (II степень), лауреат Региональной литературной премии «Энергия творчества» (2008, 2013). Ушел из жизни 22 апреля 2019 года, похоронен на Редаковском кладбище Новокузнецка.

Юрий Софронович Тотыш

15 ноября 1936 г., Обдорск, Омская обл.

Прозаик, журналист. Член Союза писателей России с 2017 года.

СВЕТЛАЯ РОСА НА ЧЕРНОЙ БРОНЕ

(отрывок из повести)

Это было идеальное место для засады: слева – густая зеленка, в которой можно полк упрятать, справа – высокая, в шрамах, сколах гора, похожая на серый чайник с острой крышкой. Подножие опоясывала шоссейная дорога, по которой катилась колонна из шестисот грузовиков с хлопком под охраной танка и трех бронетранспортеров.

Мы хорошо знали повадки духов. Они поджигали боевую технику в голове и в хвосте колонны. Все остальное запиралось как бы на замок с двух сторон и сжигалось гранатометами. Бывали случаи, когда дотла. Для нашей колонны духи приготовили сюрприз. На пути следования поставили две противотанковые мины и сверху забросали железками, обозначили опасное место.

Я с ротным, капитаном Митрофановым, и помощником командира взвода Сашей Ротарем сидел на танке впереди колонны. Мы сразу же увидели мины. Ротарь соскользнул с брони. Но ему не дали добраться до мин. Отсекли плотным пулеметным огнем сверху. Духи со своими пулеметами сидели не только в зеленке, но и на каменном «чайнике», где отрыли окопы и устроили амбразуры. Оттуда поливали нас огнем. Танки и бэтэры яростно огрызались. Пока шла дуэль, в колонне стали факелами вспыхивать машины, подожженные со стороны зеленки.

Ротарю перед стеной свинцового ливня пришлось отступить. Он забрался под днище танка, уткнулся носом в асфальт, обхватив ладонями голову. Капитан соскользнул с брони под обрыв, решив под его защитой пробраться к минам. Но и тут ему не дали высунуть носа.

Теперь решали секунды. Меня словно кто-то сильно толкнул в спину. На соревнованиях за звание мастера спорта я не бежал так быстро, как сейчас. Мое тело будто превратилось в вихрь, который подлетел к минам, разбросал железки, поставил взрывчатку и кинулся назад. Ошеломленные духи не успели меня поразить. Пули просвистели у головы.

Я с такой силой бросился под танк, ударился о днище, что на миг даже потерял сознание. Когда очнулся, услышал впереди два мощных взрыва. Для меня они прогремели торжественно, как Ленинградская симфония. Потом почувствовал, как кто-то подхватывает меня за плечи и приподнимает. Открыл глаза – Ротарь. Глаза безумные, вращаются, как колеса. Сумасшедший вид у парня!

– Ну, Вахрамеич, ты в рубашке родился! Ты такое сотворил! Такое! – крикнул он и потащил меня из-под танка наверх к башне.

Я запрыгнул на броню, оглянулся. Вдоль дороги вздымались к небу красные факелы. Окрашивались огоньками стволы пулеметов бэтэ-эров. От них строчки пуль тянулись к вершине горы. Капитан выбрался из-под обрыва и тоже взгромоздился на броню, водя харкающим стволом автомата в сторону зеленки.

Танк, лязгая гусеницами, стремительно выбирался из зоны обстрела. За ним летела полуживая колонна. Вспыхивали еще машины, однако напор душманов слабел. Над ними уже гудели вертушки со звездами – четыре вертолета Ми-24. Они облюбовали огнем вершину горы и зеленку. Духам стало не до колонны.

Когда место засады оказалось далеко позади, капитан снял каску. Вытер пот с широкого морщинистого лица и сказал:

– Вахрамеич, я представляю тебя к званию Героя Советского Союза! Ты сегодня стал Матросовым и выжил.

* * *

Теперь хочется рассказать, как я попал в Афганистан. Начну со своего детства. Говорят, с кем поведешься, от того и наберешься. В детстве я набирался от своего деда Дмитрия Сергеевича Вахрамеева. Человек он был, как тургеневский Хорь, высокий, сильный, белоголовый и мудрый. Говорил медленно, рублеными фразами, похожими на пословицы. Я на всю жизнь запомнил некоторые из них: «Труд всему помогает», «Только труд из всех бед вытащит», «Не юли, говори всегда как есть»,

«Будь честным». Потом я понял: опорную философию он взял из своей многострадальной жизни...

Родители с детства отправляли меня к нему на помощь. Я кормил пчел, ухаживал за ними, переносил колодки, а главное, таскал воду от родника у подножия горы. Тропинка круто шла вверх по склону. Не так просто было подниматься с полными ведрами. Сперва носил по половине ведра, потом по ведру, а потом и два мне уже были по силам. Такие походы по несколько раз в день укрепляли мою выносливость и волю.

Когда осенью я возвращался от деда домой, мать с удовольствием оглядывала меня и говорила:

– Растешь как на дрожжах.

После шестого класса потянуло в спорт. Начал с лыж.

На тренировках преподаватель порой брал мою руку, щупал пульс и с одобрением говорил:

– У тебя сердце хорошее.

В молодости тянет к экзотике. Я забросил лыжи, увлекся самбо, таскал штангу, даже гимнастикой позанимался.

* * *

На столе лежала желтая официальная бумажка. Это была повестка. Я сгреб бумажку и поехал в военкомат. Там вручили другую повестку, на расчет. Пошел на работу, передал мастеру. Тот повертел, попросил посидеть в комнате киповцев и отправился к начальнику цеха. Оттуда вернулся с грустным лицом. Ему не хотелось расставаться с опытным уже слесарем. Киповцы у нас были штучным товаром. Чтобы нутром понимать приборы, надо проработать не менее десяти лет. У меня стаж был гораздо меньше, но, как говорил наш мастер, я подавал надежды.

– Уезжал в Ленинград, а приехал в армию, – грустно пошутил мастер, подписывая приказ о моем увольнении.

Все-таки на первых порах в армии старался быть лягушкой, которая, попав в сметану, пытается разными способами выбраться из банки.

Известно, что служба в армии начинается с карантина. Там разглядывают тебя под лупой, прикидывают, к какой работе годен, куда направить, формируют команды. Естественно, делишься с ребятами своими соображениями. Один всезнающий новобранец рассказал в столовой, будто в войсках есть спортивные роты. Куда набирают особо выдающихся спортсменов. Они затем выступают за ЦСКА.

Я считал себя выдающимся. Непросто было в двадцать лет стать мастером спорта. Как только на мне оказалась солдатская форма, перед занятиями зашел в штаб и постучал в дверь кабинета заместителя начальника части по спортивной работе капитана Стрельцова. По виду это был свой человек, круглоголовый, плечистый, с накаченной бычьей шеей. Чувствовалось, он профессионально занимался борьбой. С ним удалось душевно поговорить. Я рассказал ему о своих тренировках под руководством чемпиона Европы, об успешном забеге в Ленинграде. Сказал, что мне не хочется ломать свою спортивную карьеру. Капитан с пониманием отнесся к моему желанию. Пообещал потолковать с начальством. Может, удастся выцарапать меня из специальной команды и до конца службы оставить в карантине. Договорились, что я на следующий день зайду к нему.

Так неожиданно узнал, что меня зачислили в какую-то специальную команду. В голове сразу же закрутились шарики-винтики. Во мне мгновенно разгорелось пламя любопытства. Чтобы потушить его, за разъяснениями я обратился к замполиту.

Тот секунду помолчал, потом сказал:

– Это не секрет. Поедешь в Афганистан.

Капитану Стрельцову не удалось пристроить меня в карантине на физкультурную работу. Я оказался вскоре в учебном центре Ташкента. Здесь стал готовиться к минной войне. Ребята, побывавшие в Афгане, саперов называли смертниками. Это слово вызывало во мне дрожь.

В учебке нас натаскивал старший сержант Голуба, внешне невзрачный мужчина, беленький, хрупкий, пальцем можно перешибить. Вначале ребята чуть ли не по плечу его хлопали. Когда же вышли в поле

и стали щупами искать заложенные им мины, то отношение к нему изменилось. Увидели, что он сапер-ас, который может разгадать все душманские уловки, разработанные американскими инструкторами. Ребята про себя стали называть сержанта Голубок.

Голубок любил не только разгадывать ребусы с минами, но и петь. Голос у него был не особенно сильный, но чистый.

Принесет гитару в палатку, где мы отдыхали, сядет у кого-нибудь на кровати и начнет перебирать струны:

На перевале в глухом ущелье опять стрельба.
Остались трое лежать на камнях. Ведь смерть глупа.
А может, завтра такая ждет меня судьба?
Здесь в нас стреляют.
Здесь, как и прежде, идет война.

Голубок показал еще одну сторону своего характера.

В тот день солнце жарило на сорок градусов. Люди маячили только в густой тени деревьев, еще в очередях за мороженым. К таковой я и пристроился возле кинотеатра. Тут из-за угла здания с колоннами вывернул парень. На его лобастой голове панамы со звездой торчала как помятый зеленый холм. Куртка с четырьмя накладными карманами распахнулась до пупа. На ногах голубые кроссовки с загнутыми носками. Сущий партизан! Только не хватало автомата на груди.

Стоявшие люди в очереди словно по команде обернулись к нему. Он смутился от всеобщего внимания. Нервно вскинул плечо, двинулся было в хвост очереди. Пожилая узбечка в цветастом национальном платье сказала ласково: «Бери мороженое. Я уступаю очередь тебе!»

Парень оглядел людей, потом решительно вильнул к лотку под оранжевым зонтом. Продавщица поспешно сунула ему в руки сверток из полупрозрачной розовой бумаги. Парень сорвал бумагу, жадно запихал в рот холодную сладкую мякоть и вразвалку неспешно удалился.

Каково было мое удивление, когда на следующий день утром я встретил его возле штаба нашей части. Он вывалился из полустеклян-

ной двери и бегом заторопился по бетонной лестнице вниз. На нем была та же форма, но куртка застегнута на все пуговицы. Только вместо кроссовок сияли начищенные ваксой армейские ботинки. А вот щекастое, с колючими рыжими усами лицо угрюмо затвердело, из глаз сыпались молнии. Чувствовалось, с начальством потолковал не в свою пользу.

На полигоне наш взвод обитал в просторной палатке с двухъярусными железными кроватями. Перед сном ребята обычно занимались самоподготовкой. Кто ремонтировал гимнастерку, шуруя иглой, кто строчил письмо любимой девушке. Я крутил транзистор, выщепляя новости. Потом пошел рассказ о государственном перевороте в Чили по американскому плану «Кентавр». Теперь Пиночета притормозили в Англии, чтобы отдать под суд. Чтобы спасти своего влиятельного агента, американцы мутили воду с его здоровьем, старались в целости-сохранности вернуть обратно в Чили. Об этом шла речь в радиопередаче.

«Интересно, под каким кодовым названием американцы управляют теперь душманами?» – думал я, когда в палатку влетел Голубок.

– Ребята! – Он поднял руку, как стоп-сигнал. – Надо помочь афганцу. После дембеля он погудел на радостях в ресторане. Теперь в кармане вошь на веревочке. А пилить домой через Среднюю Азию, Сибирь – на Дальний Восток. Словом, кто сколько может?

Сержант двумя пальцами из нагрудного кармана выудил удостоверение, вытряхнул из него десятку. Солдаты засуетились возле тумбочек. Я положил пятерку возле сержантской десятки – все, что осталось от отцовского перевода.

Через день к нам пожаловал знакомый уже мне афганец, церемонно пожал ребятам руки, поблагодарил за помощь. Его засыпали вопросами.

По-моему, самый глупый задал я:

– В Афганистане стреляют?

Я увидел устремленные на меня глаза, большие, серые с черными бусинками зрачков. Какой невыносимо тяжелый, свинцовый взгляд!

Мне стало не по себе, будто на меня глянула смерть. По спине пробежали мурашки.

Кто-то из ребят спросил о ранении. На правой стороне кителя афганца белела узкая планка – знак легкого ранения.

– Царапина! – отмахнулся афганец. – На бээмпэшке из Кундуза выехали на исламабадскую дорогу. Со стороны могилок пальнули в нас из гранатомета. Машина загорелась. Водитель выскочил из люка. Огонь за ним как из поддувала бросился. Мы горохом посыпались с брони. Я неудачно приземлился, ударился головой о камень. Потом неделю провалялся в госпитале.

Ночью я долго лежал с открытыми глазами. Почему-то вспоминал родителей, сестру. На соседней койке мучился Сашка Ротарь. То сунет голову под подушку, то весь накроется одеялом.

Наконец не выдержал, приподнялся на локте и, мерцая в полумраке встревоженными глазами, спросил меня:

– Ты слышал о «черном тюльпане»?

– Не-е!

– Это самолет, на котором вывозят цинковые гробы из Афганистана. Я не стал развивать тему, сказал ему:

– Мой дед говорил: живы будем – не помрем! Давай лучше спать, Саша!

Самое удивительное, мне самому от своих бодрых слов стало спокойнее. Я сомкнул отяжелевшие веки.

Юрий Чернов из Новокузнецка, лежавший на верхней кровати прямо надо мной, громко посвистывал носом. Не спал бы он так сладко, если б знал, что через восемь месяцев подорвется на mine. От него останется только каска.

* * *

Нас перебросили в Афганистан поздней осенью, когда в Ташкенте деревья пожелтели, девушки фотографировались с плетеными корзинами.

ками, наполненными виноградом и гранатом, пацаны валялись на подушках опавших листьев, раскинув в стороны руки.

Усадили на транспортные вертолеты Ми-6, которые мы называли «коровами» за громоздкое просторное брюхо. Никто толком не знал, что нас ждет в Афганистане. Неизвестность всегда неприятно щекочет нервы. Солдаты маскировали свою тревогу шутками, анекдотами. Тон веселью задавал Гоша Токмашев с добродушным широкоскулым лицом и узкими черными азиатскими глазами. Из него словно из автомата выскакивали анекдоты. Он рассказывал постным, скучным голосом. Впечатление создавал смех, которым Гоша раскатывался после каждого анекдота. При этом его широкая грудь сотрясалась, а большая стриженная голова вздрагивала на плечах. Глядя на него, слушатели вначале сдержанно улыбались. Потом увлекались. Тогда хлопали в ладони, подавали друг друга кулаками и ржали почему зря.

Встревоженный пилот со своего места прикрикнул:

– Ребята, спокойнее! Машину завалите!

Смех угас, как свет в лампочке с убывающим электричеством. Я зажмурился и неожиданно для себя уснул под гул вертолета.

Проснулся от дружеского тумака в бок:

– Вахрамеич, просыпайся! Афган не проворонь!

Я, как годовалый ребенок, таращился в окно перед собой. Рваные клочья дыма неслись куда-то вверх за стеклянным квадратом. Вертолет снижался. Снижался. Здравствуй, Афган!

Какой суровый неприглядный край! От аэродрома на все четыре стороны разлеглась плоская, каменистая с редкими зелеными островками равнина. Темное грозное тесто широко обкладывало небо. Боевые вертолеты Ми-8, как сторожевые псы, вытянув хвосты, шныряли между тучей и землей. Выбравшись из брюха «коровы», мы построились в длинную колонну и пошли месить сапогами раскисшую после дождя дорогу. Шагать было скучно, муторно.

Я дернул Гошу за рукав шинели:

– Спой что-нибудь!

– Не могу. Слуха нет. Медведь на ухо наступил.

– Тогда выдай анекдот.

– Смеяться будешь – командир накажет.

С Гошей не сварить каши. Я уставился на стриженный шишकाстый затылок рослого, но очень худого парня, который передо мной так размахивал руками, словно старался их выдернуть из плеч. Я невольно рассмеялся. Он оглянулся и вопросительно уставился на меня.

– Гоша рассказал анекдот про овцу, которая никак не хотела на жаровню, – объяснил свой смех.

– Ну и как?

– Куда денется. Поджарили!

Через полтора часа мы приблизились к большому кишлаку. Возле глиняных стен восседали смуглые бородатые люди в белых чалмах. Когда мы поравнялись с ними, то увидели, что это старики. Они поворачивали к нам горбоносые, морщинистые лица и пристально смотрели немигающими глазами. За спинами старцев стояли дети в ярких рубашках.

Горчи́чная стена тянулась дальше. В одном месте впаянная в нее дверь распахнулась, из проема выскочила красивая девочка лет четырнадцати. Увидев нас, испуганно присела на корточки. Из двери вывалилась старуха в мятом разноцветном платье. Она что-то сказала девочке на своем языке. Та отрицательно мотнула головой. Она еще что-то сказала. Девочка насупилась, заблестела напряженно черными глазами. Старуха исподлобья посмотрела на солдат и решительно накрыла девочку подолом.

Гоша не удержался, хохотнул, колыхнув плечами:

– Розу оберегает!

Когда мы прошли метров двадцать, я оглянулся. Ни девочки, ни старухи уже не было. И снова топали по лысой равнине. Но почему-то она теперь не казалась мертвой, отталкивающей.

В трех километрах от кишлака раскинулся палаточный городок полка, оцепленный колючей проволокой и сторожевыми вышками. Меня приписали к взводу старшего лейтенанта Скрибунова. Было видно, что это опытный командир, похлебавший горячей каши из раскаленного котелка войны, обстоятельный, неторопливый, не спешит с оценками, хорошо знает противника, его сильные и слабые стороны, умеет вести минную войну. При нем во взводе не было потерь саперов. Сам Скрибунов в первый год службы в Афганистане два раза подрывался, но остался жив. Его наградили орденами Красной Звезды и Красного Знамени.

Однообразное житье в палатках быстро надоедает. Через неделю я уже стал просить командира взять меня в рейд.

Он отказывал:

– Успеешь навоеваться.

У каждого, кто воевал, была своя мера опасности. У сапера – очень большая, поэтому нас называли смертниками.

Идешь во главе колонны, открытый всем ветрам и пулям. Разглядываешь каждый камешек, каждую ямку, прокалываешь шупом каждый сантиметр. Ошибся – и нет тебя на белом свете.

Опасность сторожит тебя в засадах. За убийство сапера духи получают 50 000 долларов. Для них это золотое дно, которое они стараются выгрести до песчинки.

На второй день, как только я прибыл в полк, мне вручили автомат. На всю жизнь запомнил его номер 813061. Его владелец, сапер, погиб в Мадрасе от пули из засады. Она пробила ему шею, кровью залило ремешок от автомата. Я целый день отшоркивал его от засохших пятен. Не спешил взводный брать меня в рейд.

И все-таки настал день, когда нас выстроили перед командирской палаткой и Скрибунов, глядя в листок с фамилиями, который держал перед собой, буднично проговорил:

– Казак и Вахрамеев завтра на Мадрас.

У меня сердце подпрыгнуло к горлу и забилося там. Маршрут до кишлака Мадрас был самым спокойным. На нем духи меньше, чем в других местах, терзали колонны огнем и минами. Сюда посылали новичков, чтобы они в относительно безопасной обстановке попробовали свои молочные зубы.

Меня с первых дней ошеломила напарник. С этим смутным угрюмым парнем с гуцульскими усами я не разговаривал. После того как наша группа новобранцев притокала в полк, случился неприятный для меня инцидент.

Тогда дневали Гоша Токмашев. Сделал спустя рукава уборку в палатке. Не подмел как следует, а сам куда-то смылся. Я пришел вечером с занятий тяжелый от усталости, снял сапоги, опрокинулся на койку и застыл в блаженстве отдыха. В этот момент в палатку ввалились остальные жильцы. Весь день они мотались по ущелью, гонялись за духами, выковыривая из кротовых щелей. У ребят был чумовой вид. Черные от загара, тощие, настоящий Бухенвальд, глаза провалились, на плечах автоматы, пулеметы с лентами патронов. От них пахло потом, перенапряженными нервами и смертью.

Казак бесцеремонно схватил меня за ноги, рывком развернул так, что я оказался поперек кровати.

– Чтобы через пять минут был порядок в палатке! – рявкнул он.

Со мной никто так не разговаривал. Но тут вернулся развеселый Гоша с мокрым веником.

– Извините, ребята! Я виноват! – заорал он. – Сейчас пол заблестит, как паркетный. Будете гопак танцевать!

И стал расталкивать солдат, пробираясь ко мне. Казак круче согнул шею, усталым движением стянул с себя лифчик боекомплекта и уже не обращал внимания на меня. Я на него тоже. После этого перестал с ним разговаривать.

Мне нравятся открытые веселые парни с юмором. Суровые молчуны, как Гуцул (так про себя я окрестил Казака), напоминают черневую

тайгу. Идешь по кустам между деревьями и не знаешь, какая тварь из зарослей выскочит и набросится на тебя.

И вот теперь этого неприятного типа пристроили мне в напарники. Дед говорил: «В армии нет слов “хочу” или “не хочу”, есть – “надо”». Мне ничего не оставалось, как смириться с решением командира.

Когда закончилась вечерняя поверка, ребята после команды «Разойтись!» укатились кто куда.

Я подошел к взводному:

– Что взять с собой?

– Спать ложись. Утром Казак поможет тебе собраться.

Мне, конечно, не спалось. Через каждые полтора часа отдираал тяжелую голову от подушки и смотрел в угол палатки, где стояла кровать Казака. Тот спал, накрыв голову подушкой. Даже храпа не было слышно. У него железяки, что ли, вместо нервов? Потом я тоже стал таким. Из меня на операциях будто выгребали все внутренности. Казалось, кожа была натянута на пустоту. Соображал только перед минами.

Под утро сон все-таки придавил. Я провалился куда-то очень глубоко. Казаку пришлось хорошенько встряхнуть меня, чтобы извлечь из провала.

Бледное световое пятно вздрагивало в окошке. Но в палатке было еще очень темно. Я скорее почувствовал, чем увидел, напарника возле своей кровати.

Сел, быстро оделся. Вдвоем неслышно выскользнули на улицу. Небо покрывали молочно-голубые печатки звезд. Горный воздух холодно прижался к щекам и окончательно отогнал от меня сон.

Мы заскочили в столовую, хорошо подзаправились, получили сухпайки и двинулись к оружейке в четырехместной палатке. Там хранилось оружие и боеприпасы нашей роты. У входа торчал дежурный, запрокинув голову и раздирая рот в зевке.

– Духов проглотить! – рявкнул Казак.

Дежурный захлопнул рот и уставился испуганно на нас. Я подумал о напарнике. У него, оказывается, с юмором все в порядке. У меня душа потеплела на градус.

Тоже добавил жару часовому:

– По-моему, тебя обокрали. Патронов недосчитались.

Дежурный вновь открыл рот, соображая, каких патронов не хватает. Никто не брал их по счету. Пока его сонный мозг соображал, мы нырнули в палатку.

Оружейка освещалась мощной электрической лампой. Все было прекрасно видно, даже маркировка на автоматах. Мы сняли с себя вещмешки из брезента песочного цвета, поставили возле ящиков с патронами, а сами подошли к щупам – заостренным стальным стержням, сваленным в углу палатки. Я ждал, какой щуп подберет для меня опытный напарник. Тот присел на колени и стал аккуратно перебирать железки.

Наконец протянул одну из них:

– Подержи!

Я удивленно хмыкнул: дед в точности так же подбирал литовку для моей руки. У него их было с десятков, самых разных по весу, по длине. Он находил косу, самую удобную для меня.

Щуп, который протянул Казак, оказался не тяжелым и не легким, то есть в самый раз. Я пофехтовал им, как рапирой, и оставил себе.

Потом открыли узкий, длинный темно-зеленый ящик с патронами для автомата. В моей голове сидели десятки историй о солдатах, которым лишний патрон спасал жизнь в бою. Поэтому я старался нагрести этого добра как можно больше.

– С таким запасом ты не поднимешься на бэтээр, – сказал Казак.

Дед учил меня слушать опытных людей. «Все не охватишь своим умом, надо уметь пользоваться чужим!» – говорил он.

Пришлось лишние патроны высыпать обратно в ящик. Обвешанные с ног до головы оружием, мы вышли из палатки. Я дружески хлопнул дежурного по плечу. За время нашего пребывания в палатке он умудрился снова закемарить. От моего толчка он так сильно вздрогнул, что чуть не упал. Удержав равновесие, пожелал нам счастливого пути.

– К черту! – дружно откликнулись мы.

Возле КПП стоял наготове бронетранспортер и две боевые машины пехоты. Около них, как муравьи, суетились мотострелки.

Наше место было на бронетранспортере. Я уверенно поставил ногу на колесо и потянулся рукой к скобе на броне. Чтобы дотянуться, надо было чуть-чуть приподняться. Нога не могла оторвать от земли шестьдесят три килограмма моего живого веса и тридцать – снаряжения. Я отступил, не зная, что делать.

Казак уже маячил на броне:

– Бросай рюкзак!

Это уже было по силам. Бросил. Вместе с рюкзаком перебрался наверх шуп и автомат. После этого, ушибив коленку о край борта и постанывая от боли, я все-таки взгромоздился на обшарканную бронированную холку.

К своему удивлению, среди мотострелков обнаружил серую благородную овчарку. Она уложила передние лапы на ноги веснушчатого сержанта в шапке и куртке с черным меховым воротником. Тот ласково трепал густой шерстистый загривок собаки.

Я знал, что в Афганистане овчарки используются для разминирования дорог. Неужели меня с Казаком решили «усилить» псом?

Машины дружно загудели. Мы поехали. Мало удовольствия кататься на боевых машинах. Гудят до боли в барабанных перепонках. На каждой ямке встряхиваются, словно собаки, выскочившие из воды. Человек ко всему привыкает. Мы привыкли к нашим машинам, которые подвозили солдат куда надо.

Пока мчались по равнине, цвет воздуха менялся на глазах. В него будто огромными порциями сливали воду, которая быстро растворяла темноту. Впереди открывалась толпа высоких сопок. Из земли словно высывались головы древних воинов в шлемах. Я настолько загляделся на них, что перепугался, когда рядом раздался страшный грохот, и спрятался за поднятую крышку люка. Подумал, что духи напали на нашу бронегруппу. Поднял автомат, готовясь отстреливаться до последнего патрона, как почувствовал, что чья-то ласковая ладонь погла-

живает мой затылок. Вскинул голову и увидел перекошенное от хохота лицо командира роты мотострелков.

И тут до меня дошло: попал впросак. Старые афганцы говорили, что опасные места вдоль дорог на всякий случай блокируются огнем. Слева недалеко виднелись руины нескольких пуштунских домов. По ним бронегруппа из всего оружия вела огонь.

Когда удобное для засады душманов место осталось позади, пушки и пулеметы смолкли, ротный деловито спросил меня:

– Шибко испугался?

– Шибко!

– Привыкай!

Колонна заползла в лощинку между двумя сопками, похожими на громадные желтые шары, врытые в землю, и остановилась.

Казак оперся на мое плечо, встал и со вздохом сказал:

– Пошли, Вахрамеич, воевать!

Мое сердце так застучало, что я испуганно оглянулся: не услышал ли кто? Мотострелкам было не до меня. Они целили автоматы на вершины сопки, с которых духи могли открыть огонь в любую секунду.

Казак ловко спрыгнул с брони, взмахнув автоматом и щупом как крыльями. Таким же манером я слетел на землю. Рядом со мной упруго приземлился сержант, сильно подогнув ноги.

Выпрямившись, он обернулся к машине, поднял руки и позвал:

– Рони!

Собака весила, видимо, прилично. Крепыш сержант качнулся, чуть не опрокинулся на спину, когда с брони обрадованный Рони прыгнул ему на плечи. Удержавшись на ногах, сержант опустил собаку на край дороги.

Вчетвером мы двинулись вперед. Первым крался Рони, вынюхивая каждый сантиметр земли. Его ворсистый закругленный хвост свалился то на один бок, то на другой. А за ним, как по кочкам, перемещался сержант. Прыгнет – остановится. Прыгнет – остановится. Сзади мы с Казаком щупами кололи дорогу.

Вдруг Казак нервно крикнул сержанту:

– Твой барбос пропустил мину! Проведи его снова возле той гильзы! – Мой напарник острием щупа показал на ржавую пулеметную гильзу у помятой кормы подбитой бээмпэшки.

Рони спокойно переступил.

– Иди-ка ты со своим четвероногим дружкой подальше! – ругнулся Казак и опустился на колени возле гильзы.

Мягкими, осторожными движениями разгреб пыль. Открылись спрессованные темно-серые камни. Исцарапывая в кровь пальцы, напарник вытаскивал их, как кирпичики из кладки, пока желто не блеснуло ребро «итальянки».

Макаронники отправляли в Афганистан самые паскудные мины. Шесть килограммов тротила в каждой. Взрыватель пневмомеханический, неизвлекаемый. Наедет машина на него, боек ударит капсуль. Лучше не видеть, что случается с людьми и техникой после этого. Бывало, осматриваешь воронки на дорогах, поскользнешься, глянешь под ноги – оказывается, наступил на кусок мяса. Мне после этого страсть как хотелось съездить по туристической путевке в солнечную Италию и положить «подарок» макаронников под... Колизей. Пусть почувствуют на собственной шкуре убийственную силу своего изделия.

Казак убрал маскировочный слой над миной. Под солнцем «итальяшка», способная подбросить тяжелый танк, заблестела чистыми маслянистыми боками, будто новенькая, словно только что вынутая из целлофановой упаковки.

Сапер сунул руку в карман бушлата, достал пачку тротила, похожую на кусок хозяйственного мыла, и осторожно водрузил на крышку. Теперь оставалось поднести огонек к хвостику и рвать когти. Тротил спровоцирует заряд мины.

Я бросился за корму бэтээра. Там уже переминались мотострелки, переговаривались, посмеивались, зыркая напряженными глазами на вершину сопки. Боком к бронированной задней стенке бэтээра сидел Рони, аккуратно подобрав хвост, и внимательно поглядывал на

солдат. От движений глазных яблок бугрилась шкура на его мощном овальном лбу.

Сержант стоял рядом. Вид у него был сконфуженный.

Краснея, оправдывался перед мрачным ротным:

– Мой Рони не мог схалтурить.

Подскочил запыхавшийся Казак. Его встретили уважительными взглядами, посторонились, освобождая удобное место за бронетранспортером. Иван поднял исцарапанные до крови пальцы к губам и стал обдывать ранки.

Конусом взлетел огонь. На броне, как градины, запрыгали мелкие камни. От сильного звука у меня заложило уши. Я замотал головой.

После взрыва мотострелки вновь проворно оседлали бэтээр и оцетинились стволами автоматов. Сержант положил руку на широкий лоб Рони.

Тогда Казак сказал проводнику:

– Не суетись. Сегодня мы управимся без тебя.

– Мой Рони! У него нюх. Он нашел сотню мин.

– Духи сегодня испортили твоего пса. Держи! – Казак вложил в пальцы сержанта ржавую пулеметную гильзу, которая валялась у мины. – Понюхай! Она какой-то гадостью обмазана.

Сержант поднес гильзу к носу, скривился и громко чихнул.

– Правда, вот сволочи! – обругал он душманов.

Когда мы отошли подальше от проводника с собакой, я спросил напарника:

– Как ты все-таки нашел мину? Она была здорово упакована в грунт.

У Казака зашевелились усы от улыбки.

– У меня в груди телефончик, подключенный к душманским минам. Как только подхожу к ним, они поднимают трубку, набирают мой номер и говорят: «Будь осторожнее, мы здесь!»

Я подумал: у моего напарника наконец прорезался юмор. Естественно, не поверил ему насчет телефонных переговоров. Но года не прошло на войне, как однажды тоже услышал голоса... мин.

Мы с напарником подошли к воронке после подрыва «итальяшки». Яма была приличной. Можно было целый грузовик затащить в нее. Воронка противно воняла. Стараясь не дышать носом, я обошел по краю и окинул взглядом дорогу. Израненная, широким полукругом она уползала вперед за сопку. На ней отчетливо виднелись следы гусениц. Здесь явно совсем недавно проходил танк.

– Вахрамеич, пошарь следы! – пугнул меня голос Казака.

Вам приходилось бывать в хорошей деревенской парилке? Открываешь дверь, ныряешь. Тебя обжигает горячий туман. Такой же туман я почувствовал внутри себя. Ручьи пота побежали между лопатками, что-то случилось со зрением. Следы, которые за воронкой шли почему-то поперек дороги, я увидел как сквозь запотевшее стекло. На ватных ногах пошел к первой боевой мине.

– Не держи так щуп! – спокойно наставлял рядом Казак.

Оказалось, что я держу щуп, как нас учили, под сорок пять градусов к земле. Это правильно! Наконечник щупа не ткнется во взрыватель на крышке мины. Но если мина вживлена в породу, то сбоку к ней со щупом не пробиться. Надо держать его как посох, вертикально.

Казак подвел меня, словно слепого, к вмятинам от гусеницы танка, показал самую глубокую:

– Здесь пошукай!

Возникло такое ощущение, что меня отделили от моего тела. И это тело пальцами раскапывает пыль, затем выковыривает щебенку, укладывает пачку тротила на металлический корпус английской мины МК-5, поджигает огнепроводный шнур и удирает за бэтээр. А сам я плутаю где-то в серой непроницаемой мгле.

Сознание и тело соединились уже на бронетранспортере, когда наша группа тронулась в путь, объезжая свежие воронки. Ребята хлопали меня по плечу, а умный Рони даже лизнул руку.

В полк мы вернулись вечером, когда солнце зацепило зубья гор и кровавые потоки из ран светила хлынули по отрогам. Возле КПП нас ждал Гоша Токмашев. Я бросил ему рюкзак, автомат, щуп. Сам, цепля-

ясь носками сапог за выступы брони, сполз вниз. Встав на ноги, закачался. Чтобы не упасть, оперся на плечо Гоши. Мы как два пьяных двинулись к оружейке, чтобы сбросить с себя все лишнее.

Мой друг искоса поглядывал на меня. Ему не терпелось узнать о поездке. Я не в состоянии был пошевелить языком. Только когда Гоша спросил о Казаке, как он, я поднял большой палец.

* * *

Рейды! Рейды! Рейды! Не успеваешь отдохнуть от одного, как посылают в другой. В каждом только чудо порой спасает. Самое печальное, теряешь друзей. Гошу Токмашева, тяжело раненного, увезли из части навсегда в госпиталь. Появился Саша Цыганков, беленький, веселый парень из Новосибирска, говорун и гитарист. На привалах вечерами, прежде чем уснуть, разжигали костер, сидели, глядя на огонь. Саша доставал свою гитару, пощипывал струны и тихо напевал самодельные солдатские песни.

На костре в дыму трещали ветки,
В котелках дымился теплый чай.
Ты пришел усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.

Лично я от его песен размокал, как сухарь в горячей воде. Становился грустным, мечтательным, любовался умопомрачительными афганскими звездами. Казалось, что они были низко подвешены над землей и неистово сверкали, словно снежинки под солнцем.

Устав от пения, Саша укладывал гитару возле себя на разостланный бушлат и с наслаждением отогревал пальцы. На минуту костер окольцовывало молчание.

Потом кто-нибудь, чаще Валера Деревяшкин, квадратный, могучий и очень добрый механик-водитель БМП, упрашивал Цыганкова:

– Почитай, что девушки пишут тебе!

Настроение у ребят сразу же менялось. Они будто пропускали по стаканчику портвейна. Нежный жар приливал к сердцу каждого из нас. Все оживлялись, глаза заволакивались блестящей влажной пленкой. И вот уже градом сыпались на Цыганкова требования:

– Почитай!

С женским полом у нас был полный швах. Согласно законам природы, нам полагалось держаться возле девушек. Согласно другим законам, мы кантовались очень далеко от них, за горами, за долами, возле мин. Бывало, как джигит, верхом на бээмпэшке проскочишь через кишлак и вдруг споткнешься взглядом о юную ханум. Глазеешь на нее, как на первое чудо света. А твои боевые друзья рядом совсем теряют голову.

Одной рукой прижимают к животу автомат, а другой показывают на смуглянку и кричат, заглушая мотор:

– Смотри! Смотри!

Голод общения с девушками мы утоляли с помощью переписки. У каждого из нас в записной книжке, среди вкривь и вкось начертанных пометок о минах, о войне, таился заветный адресок. Цыганков имел пять таких адресов.

Ребята приставали к нему:

– Поделись! Зачем тебе столько?

Его светленькое маленькое лицо скукоживалось. Ему нравилось получать от разных девушек письма, а затем читать вслух избранные места. С этой привилегией он не хотел расставаться.

Саша по характеру был из тех людей, которые и на смертном одре юморят, а в письмах тем более. Тане Бочаровой из Омска он расписал, как ночами мы лихо развлекаемся в Кундузе, танцуем до упаду под новые диски. У нас в законе ансамбли ДШК* и АГС**.

* ДШК – крупнокалиберный пулемет.

** АГС – станковый гранатомет.

Когда он уже был на БМР, ему протянули ответное письмо от Тани, которое он сунул в мешок и не мог достать в пути. На привале проворно слезил в нашу саперную машину, вернулся оттуда с конвертом, уселся, по-мусульмански поджав ноги. Раскрыл вчетверо сложенный тетрадный лист в клеточку, беззвучно зашевелил губами. Наконец, рассмеявшись, сказал:

– Таня спрашивает, что за рок-группы «ДШК» и «АГС» выступают перед нами?

Мы грохнули так, что за горой всполошились духи и прострочили пулями густой черный воздух. Успокоившись, мы задумались. Есть же на свете счастливые люди, которые не слышат выворачивающую душу «музыку» крупнокалиберных пулеметов и автоматических гранатометов АГС.

* * *

В конце первого года службы за меня серьезно взялась малярня. Неделю провалялся в медбате. Там глотал горстями хинин, еще какие-то горькие таблетки.

При выписке военврач, резкий на слово, внушал:

– Вот что, Вахрамеев, если не хочешь, чтобы тебя как красную девицу таскали на руках по горам, месяц не показывай нос из части.

После госпиталя ночь у меня прошла хорошо. Утром вновь зазнобило. Челюсти задергались, зубы застучали.

Я крикнул Цыганкову, который дневалил:

– Подбрось еще одеяло.

Под двумя одеялами блаженная теплота разлилась по моему телу.

В это время в палатку ввалился прапорщик в новенькой форме и хромовых сапогах. Загорелый, с блестящими хитроватыми глазами, он напоминал бойца в центре картины Непринцева «Отдых после боя». У него даже панамы была чуть сбита набок, придавая ему лихой жизнерадостный вид. Прапорщик упруго подкатил к Цыганкову и протянул

ему красную бугристую ладонь.

– Клади чек! – рявкнул он.

Дневальный растерялся от столь необычного приказа. Засуетился, спешно опуская руку то в один, то в другой карман. В конце концов отыскал радужную бумажку у себя в тумбочке и отдал прапорщику. Тот согнул, разогнул толстые пальцы. Ладонь была пуста. Чек словно растворился в его коже.

Оставив Цыганкова с распахнутым от удивления ртом, прапорщик подошел к моей кровати, подобрал край одеяла с пола и сказал с легким поскрипывающим дыханием:

– Подымайся, Вахрамеев! Тебя кличет ротный. – И поплыл к двери, колыхая руками.

Он только взялся за металлическую скобу, раздался обиженный голос дневального:

– А чек, товарищ прапорщик?

– Ты оплатил за цирк.

Его перекошенное изумлением лицо было таким комичным, что я рассмеялся. Прапорщик расхохотался, вернул чек и выскочил из палатки.

Что самое поразительное, у меня поднялось настроение не столько от умения прапорщика обобрать солдата, сколько от фокуса, даже приступ малярии прошел. Я оделся. Чувствуя себя здоровым, отправился к командиру роты Шлыкову. Мы уважали его, только недоумевали, почему много лет он ходит в капитанах. Все волосы потерял. Голова у него была гладкой, как яичко. Выглядел он моложавым старичком. Командиром был умным, самостоятельным, не торопился выполнять глупые приказы сверху.

Однажды мы всем полком на бронетранспортерах катились по головокружительным горным дорогам в Файзабад на операцию. Перед опасными местами колонна замирала, выпуская вперед саперов для выявления мин.

Во время одной такой остановки, когда мы еще не успели спры-

гнуть с БМР на дорогу, затрещала рация и сквозь помехи прорвался металлический голос командира полка:

– Крот!* Обороты! Обороты!

Капитан выключил рацию, спокойно сказал нам:

– Не обращайтесь внимания! Работайте без спешки.

Нашего ротного можно было убрать, как камень с дороги, но действовал он в любых обстоятельствах согласно своему разумению. Может, поэтому не рос по службе, но зато сохранял жизнь солдат и свою.

По-настоящему мы оценили капитана Шлыкова, когда он уехал в Союз дослуживать. После него слаженные действия саперов разладились. Ребята стали ошибаться, безвозвратно терять товарищей...

Я зашел в едкую духоту каптерки. Капитан в свободной позе сидел за деревянным столом, склонив задумчивую голову над картой, расстеленной на столике.

Увидев меня, он благодушно шлепнул ладонью по скамейке возле себя:

– Устраивайся!

Я присел и ухватился взглядом за острие красного капитанского карандаша, которое поползло по волнистой линии на карте.

– По этой дороге прокатишься до кишлака, – сказал он. – Впрочем, там от кишлака остались горки желтого глиняного мусора. К ним подвезут раненого с точки. Заберете его и назад. Путь близкий, всего километров десять, но опасный. Сегодня у мусульман праздник мщения. Вероятно, они будут караулить вас в развалинах, поэтому мины ищите на дороге перед ними.

– Кто командиром бронегруппы? – спросил я.

– Лейтенант Туркулов.

Этот лейтенант, похожий на упитанную женщину, с гладким, слегка отекившим румяным лицом, всего лишь месяц назад прибыл командиром мотострелкового взвода. Не успев оглядеться, стал выставаться. При сорокаградусной жаре приказывал молодым солдатам застегивать

* Позывной ротного.

воротничок на все пуговицы, следил, чтобы перед ним вытягивались и отдавали честь, как положено по уставу, заставлял чистить ржавые патроны, которые потом отказывали в бою.

У меня не было желания ехать с неизлеченной малярией под командованием необстрелянного формалиста Туркулова. Такие офицеры, как он, редко показывали себя хорошо, когда прижимало.

Сперва я хотел увильнуть от поездки, сославшись на заболевание. Уже изготовился сказать об этом капитану, но тот упредил мой отказ:

– Кроме тебя и Токмашева, мне сейчас некого послать.

Когда я, озадаченный, вернулся в родную палатку, Гоша сидел на табурете возле своей кровати и читал какую-то толстенную книгу. На мое появление отреагировал полным невниманием, даже глаз не поднял от страниц приключенческого романа.

– На сборы десять минут! – бросил я в пустоту пространства палатки.

Достал из своей тумбочки спасительный стандарт хинина. Одну таблетку проглотил, морщась от горечи. Остальные сунул в карман. Вдруг приступ начнется в пути, тогда будет чем от него отбиться.

Гоша – ершистый, несносный в обыденной обстановке, но самый надежный в горах. Однажды мы с ним протискивались по козьей тропе в отвесной каменной стене ущелья к площадке с замаскированным душманским зенитным пулеметом. Непроницаемый туман серым студенистым желе наполнял ущелье и не давал духам с другой стороны стрелять прицельно. Пули с жутким звоном рикошетили вокруг нас о камни.

Гоша не отставал от меня ни на шаг, сохраняя полное достоинства спокойствие. Мы, чуть живые, искорябанные до крови, добрались до площадки, а потом разобрали пулемет и по частям затащили на вершину горы, где передали нашим мотострелкам. Те собрали машину и открыли огонь по духам.

И вот Гоша, готовый в горах на все подвиги, в палатке заворчал, с чувством закрыл и бросил книгу на кровать:

– Не дают отдохнуть по-человечески.

– Раненого надо доставить в медсанбат, – сказал я, наклоняясь над вещевым мешком.

Гоша сразу же замолчал, будто захлебнулся горячим чаем. Когда у нас речь заходила о спасении человека, все остальные дела побоку.

И вот наша бронегруппа тронулась в путь. Мы с Гошей сидели рядом с лейтенантом на головной бээмпэшке. Туркулов сперва шибко волновался, крутил головой, как перископом, выискивая глазами духов. Но вскоре его возбужденное внимание утихомирилось, он расслабился и даже время от времени прислонял острый подбородок к бронезилету, делая отчаянные усилия, чтобы не заснуть.

Более половины пути прошло без выстрелов, засад. Между тем равнина стала подниматься, наплывая на склон холма. Вдруг на его вершине вздулся черный пузырек и стремительно покатился вниз к нам навстречу, увеличиваясь в контуры ГАЗ-69.

Я оглянулся на безучастного, одуревшего от жары и монотонного движения лейтенанта и поднял руку:

– Приготовиться!

Мотострелки насторожили автоматы. Пушка нашей брони подвигалась, приспособливаясь к подозрительной машине.

«Газик» за сто метров до бронегруппы испуганно шарахнулся в сторону и приютился на обочине. Брезент у него был убран, только ребра торчали. Под ними сидели афганцы в черных одеждах. Они упорно не смотрели на нас, отводя глаза в сторону. Только самый пожилой из них, с темной кожей, седыми пышными усами, почему-то уставился на меня, как на старого знакомого. Казалось, он сейчас приветливо махнет рукой и крикнет: «Привет!»

Я обернулся к лейтенанту:

– Духи!

– Не может быть, – скривился он и даже палец убрал со спускового крючка автомата.

У меня глаза заслезились от возмущения. С колоннами грузов я проехал многие кишлаки и города Афганистана. В них были лишь си-

ротливые женщины, дети и слабосильные старики. Крепкие мужчины воевали в правительственной армии или в бандах оппозиции. Упитанные молодые лица пассажиров «газика» не вызывали сомнений.

Гоша придавил ладонью мое плечо и задышал мрачными словами в ухо:

– Если сегодня с этим лейтенантом не попадем в рай, считай, что мы еще раз поживем на этом свете.

Наши бээмпэшки проскочили мимо «газика». Минут через двадцать они чайками взлетели на хребет холма. С него открывался пейзаж, достойный кисти Рериха. Синь неба, по краю которого на горизонте далеко-далеко прогуливались барашки облаков. А на земле под ними струились горные змеи, выгибая вверх туловища, отчего казалось, что они тащат на себе горбы, припорошенные снегом. Грандиозная картина была столь красива, что хотелось часами смотреть на нее. Но такой роскоши мы не могли себе позволить.

Я разглядел впереди на вершине следующего холма развалины кишлака, о котором говорил капитан. Именно там нас ждет серьезная засада и мина на дороге рядом с кишлаком. Бронегруппа скатилась в седловину и стала подниматься вверх. Когда до развалин оставалось метров сто, я дал знак водителю остановиться. Машина замерла. Я спрыгнул на землю. За мной слетел Гоша. Мы со щупами вышли на дорогу и медленно двинулись вверх, проглядывая каждый бугорок, под которым могла прятаться смерть.

И вдруг нам стало ужасно плохо. Мы искали мины в полной тишине. Мотострелки не обрабатывали развалины, где явно сидели духи. Еще шаг, и они откроют огонь. Почему медлит лейтенант? Шаг, другой! Хотелось залечь и самому открыть огонь.

– Что будем делать? – прошипел Гоша.

– Искать! – рявкнул я, заглушая страх.

Однажды мой дед подвыпил и спросил меня, четырнадцатилетнего пацана: «Ты знаешь, что такое стоять насмерть?» Теперь я знаю, что значит идти насмерть. Врагу этого не пожелаю.

Когда мы оказались в десяти метрах от вершины, раздался гром небесный. Я увидел, как пули перемалывают развалины и все живое там, как поднимают пыль снаряды. Меня и Гошу спасали проворные ребята из бронегруппы, которая с другой стороны доставила раненого.

Под звуки «мельницы» мы нашли мину в правой колее дороги. Духи выдолбили ямку, опустили пластмассовую «кастрюлю», сверху засыпали щебенкой, положили толстый слой глины, обрезком шины нанесли узор протектора. Я сразу отличил опасное место по свежему цвету глины и слабому отпечатку протектора. Настоящая машина оставила бы след поглубже.

Мягко вонзил щуп, чтобы острие уперлось не в крышку, а в боковую стенку. Сразу почувствовал: она там, дорогая.

Сказал Гоше:

– Копай!

Напарник положил щуп на землю, но автомат не снял. Придержал его левой рукой у живота, а пальцами правой осторожно стал сгребать маскировочный слой. Взорвав «итальянку», мы поднялись на вершину горы и увидели на каменистой площадке две спокойные бээмпэшки. Около машин сгрудились мотострелки и о чем-то вполголоса толковали.

От них отделился мужчина лет тридцати в солдатской форме. На операциях командиры носили с подчиненными одинаковую форму, чтобы не стать мишенью снайпера.

Он спросил меня:

– Почему ваши не стреляли?

Я показал глазами на Туркулова, который опирался одной рукой о дверцу бээмпэшки, а пальцем другой указывал, куда и как занести раненого.

– Он экономил патроны.

От изумления у офицера поднялись брови. Он бросил пронзительный взгляд на нашего командира, с заметной усмешкой оглядел его румяные полные щеки, новенькую, облегающую тело форму, при-

годную для условий, где в тебя не стреляют. А где стреляют, нужна гимнастерка пошире и брюки попросторнее, чтобы в движениях была свобода. Не дай бог вскинуть автомат с опозданием, тогда считай, что ты покойник.

Поняв неприспособленность Туркулова к войне, командир бронегруппы обернулся ко мне и сурово сказал:

– Ты не жди приказа в случае чего. Действуй сам как надо.

Он крепко пожал мне руку, отвернулся, коротко пробежался и ладно взлетел на бээмпэшку к своим обветренным и распаренным афганским солнцем ребятам.

Через две минуты мы тоже покатили на базу, оставляя за спиной разбитый кишлак с мертвыми духами. Поднявшись на плато, увидели лежащий колесами вверх знакомый «газик». Его пассажиров и след давно простыл.

Гоша, чтобы слышал лейтенант, громко стал объяснять мне:

– Они хотели нам помять корму.

Я сказал командиру:

– Напишите жене, что она сегодня счастливый человек. Не получит похоронку из Афганистана.

Самоуверенное лицо Туркулова стало свекольным от крайнего раздражения. Он огрызнулся:

– Не мог же я по живым из автоматов!

Теперь я вышел из себя:

– Здесь, товарищ лейтенант, из автоматов – только по живым.

Да, в машине афганцы вроде выглядели мирно. Но меня лично «мирность» таких афганцев не обманывала. Я на всю жизнь запомнил белого верблюда. Под Кандагаром наша рота на трех бронетранспортерах проезжала мимо шатра пуштуна. Рядом с шатром пасся белый красивый верблюд. Седобородый хозяин, очень важный, стоял, поглаживал бороду и доброжелательно провожал нас глазами. Черноглазые дети баловались возле него. Ребятишки были тоже такие симпатичные.

Я достал из рюкзака две банки сгущенки и бросил им. Старик кивком головы поблагодарил меня.

Когда через несколько часов мы возвращались по этой дороге на базу, то увидели следы страшного боя возле шатра. Рядом стоял наш сгоревший танк и боевая машина пехоты. На месте шатра зияла воронка, метрах в ста валялся мертвый верблюд. Осколками снаряда ему оторвало передние две ноги выше колен. Бедное животное на культях проскакало метров сто по степи и упало. Где он скакал, виднелись густые красные полосы крови. Человеческие красные куски валялись во круг шатра.

Здесь вся наша бронегруппа была уничтожена. В живых остался только один солдат. Он потом рассказывал: «Меня завалило трупом осла. Когда очнулся, то увидел, что лежу рядом с водой. Приподнял голову, вижу, последнюю пулю пустил в себя командир роты. Духи в черных балахонах, как ангелы смерти, пристреливали раненых ребят. Тут я снова отключился. Очнулся уже в госпитале. Наши нашли меня одного живым. Мирный шатер, семья пуштунов, верблюд оказались хорошо замаскированной засадой, на которую мы купились».

В мирных упитанных афганцев я не верил. Но, слава богу, все обошлось.

До базы мы добрались без приключений. Аккуратно отнесли раненого в медсанбат. Когда капитан спросил, как прошел рейд, я только махнул рукой. Разоружившись, пошел отдыхать. Самое удивительное, малярия за два часа путешествия так и не притронулась ко мне. Лишь ночью я почувствовал легкий озноб, проглотил таблетку и забылся до утра.

К сожалению, судьба миролюбивого Туркулова оказалась трагичной. Скоро он сам погиб по собственной глупости и за собой утащил еще десять жизней. Во время операции под Джелалабадом мы с Казаком осматривали подозрительную насыпь через арык. По нему должна была проскочить бронегруппа под командованием лейтенанта. Нам, саперам, очень не нравилась эта насыпь. Мы проткнули каждый ее сан-

тиметр. Казак с миноискателем прошелся три раза. Потом забрались в железную дренажную трубу. Там тоже было пусто, а сердце не успокаивалось. Оно будто натягивало нервы. Чувство тревоги стояло в груди.

Выбравшись из трубы, я дал знак Туркулову вести бронетранспортеры в объезд по сухому ложу арыка. Не знаю, по каким соображениям – скорее всего, командир понадеялся на русский авось, – он на своей машине, облепленной сверху нашими и афганскими солдатами, дунул через насыпь. Сработал радиоуправляемый фугас большой мощности. Днище транспортера срезало, ноги у водителя оторвало, остальных, в том числе лейтенанта, искромсало. Мы подбирали два часа останки, как рассыпанную красную икру, и бросали в кузов автомашины.

После этого я две ночи не мог уснуть. Думал о Туркулове, стараясь понять его, и пришел к выводу: он относился к тем офицерам, которые, попав на войну, так и не смогли приспособиться к ней, действовали по правилам мирного времени. Это привело, как пишут в газетах, к невосполнимым потерям, хотя у нас были примеры, когда умная гуманность в определенных условиях уменьшала число таких потерь – но только умная.

...Наш полк разгромил крупную банду. Главаря и его заместителя взяли в плен. Только трое уцелевших духов не сдавались, поливая нас огнем из пещеры в скале. Мы всё до огнеметов попробовали, чтобы достать их. Бесполезно! Потом оказалось, что у них был закуток, куда они прятались от пуль.

Нашлись отчаянные головы, предложили командиру:

– Под прикрытием заберемся в пещеру и закидаем духов гранатами.

– Рискованно! – ответил командир. – У меня другой, мирный план.

Мы прекратили стрельбу, спрятались за большими камнями и стали ждать действий подполковника.

Скоро на безопасном расстоянии от скалы появился плотный бородатый смуглый афганец с пунцовыми губами, правая рука главаря банды. Он приложил ребро ладони ко рту и закричал переливчатым

гортанным голосом. В ответ из пещеры раздался злой, недовольный всхлип.

Переговоры тянулись десять минут. Потом афганец повернулся к командиру полка, приподнял плечи и развел руками. Дескать, не подчиняются ему пещерные духи, не желают сдаваться.

К вечеру привезли из Кабула самого главаря банды. Это был рослый, надменный, с хмурым взглядом мужчина лет сорока в белой чалме.

Он смело встал у скалы, задрал голову и командирским голосом позвал:

– Фазиль!

Из жерла пещеры свесилась круглая голова в фетровой шапочке, похожей на перевернутую вверх дном кастрюлю.

Отрывистый разговор продолжался две минуты. После этого главарь сказал нашему командиру через переводчика, что духи готовы сдать с условием, что им сохранят жизнь. Подполковник обещал.

И вот три духа, тощие, оборванные, прокопченные, похожие на чертей из преисподней, выбросили из пещеры веревочную лестницу и стали без оружия спускаться вниз. Когда они оказались на земле, командир полка выбросил руку в сторону своей бээмпэшки и первым пошел к ней. Оробевшие пленные потянулись за ним.

Отбиваясь, духи убили молоденького офицера. Он неосторожно высунулся из-за камня и попытался в бинокль что-то разглядеть. Осколок брошенной наугад гранаты попал ему в лоб и разворотил голову. Поэтому солдаты кипели от злости на пещерных духов. Те чувствовали всей шкурой ненависть и приклеились к своему спасителю, не отставая от него ни на шаг...

Этот случай и лично для меня имел последствия. Духи рассказали, что рядом, в другой пещере, спрятаны боеприпасы, и показали где.

Я обошел скалу. Увидел, что к пещере вела козья тропа, такая узкая, что по ней можно было даже не пройти, а только проползти одному человеку. Саперы устали на меня. Я был самый опытный из них. Мне и ползти.

Пришлось раздеться, ступить на тропу, по которой осмеливались прогуливаться только горные козы. Я не шел – полз, забираясь все выше и выше, прощупывая и стряхивая камешки вниз. Духи на моем пути могли поставить мину. К счастью, не поставили. В самой пещере я обнаружил растяжку. Тонкий проводок проходил между ящиков с боеприпасами. Тронь его, и то, что было в пещере, срежет полгоры как бритвой. Я стоял и несколько минут разглядывал проволочку. Как с ней обращаться, меня научили лучшие инструкторы наших вооруженных сил.

Устранив опасность, выбросил вниз ребятам веревочную лестницу, которую притащил на своем горбу. Ко мне поднялись, и мы стали ящики с минами, гранатометами и прочей нечистью осторожно опускать вниз. Несколько машин душманских боеприпасов увезли на склад в Кабул. За эту операцию наградили меня орденом Красного Знамени.

Через два месяца вручили медаль «За боевые заслуги».

Операция «Зуб» проходила высоко в горах среди вечных снегов. Там еще двое наших ребят замерзло. Закопались в сугроб, уснули и не проснулись.

Мы, саперы, всем взводом попали в засаду. Цепочкой спускались по крутому склону. Были уже на середине, когда духи открыли прицельный огонь с гребня противоположной горы. Когда раздались первые выстрелы, меня будто что-то толкнуло в спину.

– Ребята, на задницу – и вниз!

Покатился на пятой точке со скоростью падающего вертолета. Не успели духи проморгаться от изумления, как весь взвод, целый и невредимый, оказался на дне лощины у ручья. Я достал из вещевого мешка фляжку, погрузил в обжигающую холодом бесцветную прозрачную воду. Наполнил, поднял фляжку. Из двух отверстий зафонтирировало. Заглянул в свой мешок. Там все вещи были пробиты пулями. Видимо, снайпер целился в грудь, когда я стоял на склоне. В тот момент, когда он нажимал спусковой крючок, я повернулся боком, сел и покатился. Пули кучно вошли в мешок. Я мысленно перекрестился. Снова чудо спасло. За участие в «Зубе» меня и наградили.

* * *

За четыре месяца до дембеля я подорвался. Это случилось под Джелалабадом. Шла армейская операция. Какая-то наша часть попала в трудное положение. На выручку бросили всё что могли, в том числе нашу саперную роту.

Приказали забраться на высоту. Как трудно давался мне этот поход! Ноги сводило судорогой. Организму не хватало солей. Мышцы становились каменными и не управляли костями. Тут еще такая боль примешивалась, что хотелось выть. В таких случаях я замирал и ждал, когда восстановится кровообращение в ноге и спазм рассосется.

Обычно при восхождениях я помогал другим. Носил поклажу командира батальона. Он использовал меня как вьючного ишака. Чего только не подкладывал на мои плечи: одеяло, каску, магнитофон, даже чайный сервиз, спертый у афганцев в кишлаке. Рядом еще хрипит командир полка. Этот не позволял себе злоупотреблять служебным положением.

На привалах он восхищался мной:

– У меня нет сил идти, а он рядом топает, топает, да еще с двумя поклажами. Наверное, до армии спортом занимался?

– Бегом на короткие дистанции. Я спринтер!

Но в этот день часть моей поклажи взял Пашка Демьянов. Я не любил его. До армии он был хулиганом – к месту и не к месту сыпал блатными словечками. Да еще презрительно сплевывал. Но скоро я понял, что это у него наносное. В операциях Пашка показал себя надежным. На него можно было положиться. И теперь, когда мышцы левой ноги у меня стало сводить судорогой, он взял вещмешок у меня. Шли всю ночь, к рассвету выбрались на вершину.

Только устроились на привал, как добрался до нас начальник штаба дивизии, раскричался:

– Вы должны быть на другой высоте!

Встали и поперли на другую высоту. Попали на склон, покрытый осыпью. Ощущение такое, будто идешь по мокрому глубокому снегу.

Выбрались на дорогу. Я увидел, что командир взвода, молодой лейтенант, только что из училища, разгоряченный выговором начальника штаба, с двумя солдатами бодро рванул по дороге.

«Подорвется!» – вспыхнуло у меня в голове. Смертельная усталость, боль в ноге на мгновение притупили мою бдительность. Я обогнал лейтенанта всего на три шага и подорвался на пехотной мине. Когда открыл глаза, то приподнялся на локтях и взглянул на ноги. Там был какой-то фарш из мышц и костей.

«Отбегался!» – подумал я. Мне захотелось подползти к другой мине и удариться головой о металлический корпус. Тут в голове у меня зазвенело, словно мозги превратились в колокольчики. На глаза набросили тряпку. Гора, лица ребят, обступивших меня, порозовели. Сквозь красный туман вдруг проступило очень красивое женское лицо. Мой дед рассказывал: «Однажды на фронте, когда меня тяжело ранило, я увидел смерть. Она совсем не похожа на скелет с косой, который рисуют карикатуристы. Она очень красивая и добрая. Она спросила меня, хочу ли я уйти к ней. Я смотрел в большие голубые глаза. Мне так не хотелось от нее уходить. Но тут вспомнились дети. Как они во время войны вырастут без отца? Смерть поняла меня и сказала: “Не буду брать тебя. Возвращайся домой”. Очнулся и увидел санитарку. Девушка вытаскивала меня из-под огня».

Глядя на красавицу, я подумал: «Как хорошо, если она заберет меня с собой». Погрузился в мягкий, обволакивающий сон без сновидений.

Очнулся в операционной госпиталя. Услышал металлическое позывивание.

Грубый мужской голос рявкнул:

– Зажим!

Открыл глаза, увидел плоские, раскаленные добела диски. И тут страх выскочил у меня из глубины души:

– Не перепутайте кровь!

В полку бывали такие случаи, когда раненым в спешке вливали не ту кровь, и они погибали.

Напрасно опасался, влили ту, какую надо было. Я снова воскрес, но уже в самолете; за окном стекленела небесная синь. Оторвал голову от подушки. Теперь уже в обзор попала вершина горы, облитая блестящим золотом.

– Прощай, Афганистан!

* * *

В военном госпитале Ташкента меня перевязали и с другими ранеными на носилках снова занесли в самолет, который через несколько часов приземлился в ростовском аэропорту. Носилки со мной санитары поставили в темно-зеленую санитарную машину. Из окна «бобика» я увидел зеленые купола церквей, каменную тачанку в порыве боя. Обезумевшие от страха кони несли телегу с пулеметом и возницу в шлеме со звездой.

Носилки с ранеными выставили на бетонную площадку перед серым массивным многоэтажным заданием старой постройки. Вокруг нас засуетились мужчины, женщины в белых халатах. Я отрешенно смотрел на теплое июньское небо.

Лавируя между носилками, ко мне пробралась молоденькая медсестра с озабоченными бровками. Тихим приятным голосом спросила фамилию, записала в тетраточку, потом вдруг наклонилась, мягкой ладонью пригладила мои волосы и с чувством сказала:

– Крепись, парень!

От участливых женских слов стало легче. Боль в душе на время прошла.

Медсестра уже выпрашивала Володю Ларина, водителя «камаза», который тоже подорвался на mine. Он выглядел совсем плохо. Лицо по цвету не отличалось от бинтов. Чтобы услышать его, девушка прижалась ухом к губам.

Двое солдат-санитаров подняли мои носилки и пошли на третий этаж. Занесли в небольшую светелку. Переложили на кровать и прикрыли одеялом.

– Выздоровливай, брат!

Потом принесли Ларина. Только притронутся к нему, чтобы поднять с носилок, – он в крик. Наконец сбегали за сестрой. Она влетела в палату, проворно вогнала шприц в просвет между бинтами на правой руке шофера. Володя сразу примолк, как ребенок, зацепивший губами соску. Только тогда санитары перенесли его на кровать.

Третьим моим соседом оказался десантник Саша Титов. Вот кому по-настоящему не повезло. Духи зажали в кишлаке группу солдат из его батальона. Саша со своим отделением на бэтээре прорвался к ним. Вернее, ему дали прорваться и вновь замкнули кольцо.

Вся группа погибла, Саша последнюю пулю из автомата пустил себе в сердце, но впопыхах чуть-чуть промахнулся. Возле него еще разорвалась граната. Осколок влетел в мозг. И после этого он остался жить.

В госпитале началось мое существование. Будни вибрировали от физической, а главное, душевной боли. Каждую ночь во сне я нелепо воевал. Вижу: духи волнами ползут к моему окопу. Изготовился стрелять – ствол автомата вдруг отвалился. Отбросил приклад, выхватил нож, а он деревянный. Просыпаешься – нательная рубашка мокрая.

Ночью отвоюешься, а днем сердце рвет жестокая совесть.

Последние полгода в Афганистане я был помощником командира взвода. Должность заставляла кое на кого прикрикнуть, кое-кому приказать. Был момент, когда одному балбесу врезал между глаз. Этого парня по фамилии Чертяев презирали у нас в роте. Он увиливал от операций, прикидывался больным, чтобы остаться на базе. Таких не любят.

Однажды я послал Чертяева на бэтээре за гравием и приказал не соваться на дорогу, ехать по целине, на которой духи обычно не ставят мины. Он выслушал и поступил по-своему – дунул по дороге. Бэтээр накатился на мину. Водителю оторвало ноги. Чертяеву хоть бы что. Ни одной царапины. Вот тогда я не сдержался. Помутыскал немного чмурика.

Издалека все видится по-другому. В госпитале я осудил себя за рукоприкладство и написал своим ребятам покаянное письмо. Дескать, простите, братцы, если сделал что не так.

Дней через десять дверь палаты распахнулась, в проеме нарисовался прапорщик Мысько, плотный, загорелый, бравый, с щеточкой рыжих усов над толстой верхней губой. На плечах у него белел больничный халат. Согнутой рукой он прижимал к груди большой сверток из желтой бумаги. Его прозрачные озорные глаза уставились на меня.

– Здорово, сержант! Вот где ты скрываешься от боевой службы! – Гость бросил сверток на тумбочку: – Витамины! Твои ребята послали.

Проговорили больше часа, прапорщик рассказывал о роте. О боях, которые становятся тяжелее и тяжелее. Американцы со своими наемниками жмут повсюду.

Я полюбопытствовал, что его привело в Ростов. Не для того же, чтобы мне привезти южные фрукты от ребят?

Мысько вскочил на ноги, подошел к окну, ткнулся носом в стекло и, не оглядываясь, спросил меня:

– Помнишь Фролова?

– Который читал письма матери и говорил, что она похожа на Шахерезаду?

– Подорвался парень. Я привез цинк.

Прапорщик продержался еще минуту у окна. Видимо, ему тяжело далась поездка с цинком к родственникам Фролова.

Потом вернулся к кровати и сказал:

– Его мать на самом деле очень красивая. Брюнетка с голубыми глазами, большущими, как блюда. Так жалко ее.

Поговорили еще, но уже без настроения.

Прощаясь, Мысько выхватил из кармана гимнастерки толстый конверт:

– Ребята написали тебе.

Скажу откровенно, у меня руки тряслись, когда я извлекал письмо. Ребята писали, что духи совсем оборзели, подкрадываются ночами к базе, обстреливают. Спать порой приходится под боевую «музыку».

Исчерпав армейские новости, они перешли к моей персоне. Оказывается, я был самый геройский парень в роте, классный сапер. А Чертяев говорит, что спасал его от неслыханной дурости.

От таких добрых слов у меня запылали уши, заслезились глаза. Корешки, с которыми нас сдружила беспокойная афганская жизнь, сняли с моей души тяжелейший камень...

На следующий день ко мне заглянул замполит госпиталя Катюхов. Где только такую доброту подобрали? Едва тепленькими нас выхватывали с полей войны, срывали амуницию, в чем мать родила перебрашивали на хирургический стол, после этого кое-как обряжали, чтобы срам прикрыть. Человек продолжал жить. Для этого надо было иметь хотя бы лезвие для бритья, личное мыло. Казенным ведомством не предусматривались предметы гигиены. Катюхов все это для раненых покупал за свои личные деньги. Следил он и за нашим моральным и психологическим состоянием.

Усевшись рядом на табурет, говорил:

– Не нравится мне твое настроение, Вахрамеич. Родителям послал письмо?

– Написал, но отправить не успел.

– Покажи, что написал.

Я сунул руку в тумбочку, нащупал хрустящий листок бумаги, заколебался, доставать его или нет, но подполковник, не мигая, смотрел на меня в упор. Я робко протянул ему письмо.

Он вооружил свой нос очками, прочитал, покачал головой:

– Ты кого захотел обмануть? Неужели родители поверят, что тебя из-за малярии отправили из Афганистана в Ростов? Да мать твоя уже знает, что с тобой случилось серьезное. Сколько ей не писал?

– Почти месяц.

Я почувствовал легкое жжение в щеках.

Между тем замполит навалился на меня всерьез:

– Эту бумагу возьми с собой в туалет и используй по полной программе. Напиши настоящее письмо и Расскажи всю правду. Ручка у тебя есть?

– Есть, – промямлил я.

Через пять дней родители были у меня в палате. Отец еще держал себя в руках. Вымучивая улыбку, рассказывал семейные новости и норовил при этом хлопнуть меня по плечу. Дескать, не тушуйся, все будет хорошо! У матери, как только она вошла, брызнули слезы. Долго она ничего не могла сказать.

Потом успокоились, стали обсуждать мое будущее. Мать заговорила о работе сапожника. Отец вспомнил деда. Тот вернулся с войны израненным. Одна нога у него не сгибалась, как сухая палка. И на работу его не брали в совхоз, потому что инвалид второй группы. Перед дедам встал животрепещущий вопрос: как на одну пенсию прокормить семью, где восемь детей и все по лавкам?

Дед накрутил ордена, медали на застиранную, подштопанную рукавицы жены гимнастерку и пошел к директору.

– Ох, Вахрамеев! – сказал директор. – Тебя не доби́ли на фронте. Мы не станем добивать в тылу.

Дед вернулся домой, сел на лавке у окна, заплакал. Как жить?

Директор все-таки был хорошим человеком. Не оставил фронтовика в беде.

Вызвал его на следующий день к себе, спросил:

– Пойдешь помощником комбайнера?

– Пойду!

Дед стал помогать молоденькой робкой девчонке Маше Кутеповой, которая недавно окончила курсы механизаторов. Опыта у нее никакого, но зато у деда с избытком. Они на пару так заработали, что всех в районе обогнали по жатве.

Заканчивая рассказ, отец сказал:

– Река топит тех, кто руки опускает, как говорил мой отец, твой дед. Не опускай руки, сынок! Тогда выплывешь.

Слова родителей подбодрили меня. Даже юмор всколыхнулся.

– Наверное, последую примеру деда. Прикручу свои ордена и медали к гимнастерке и пойду на завод просить работу.

У отца вдруг заинтересованно зажглись глаза.

– Ты ничего не писал о наградах.

– Вроде не последним был на войне. Получил ордена Красной Звезды, Красного Знамени и две медали. Представляли даже на звание Героя Советского Союза. Но в штабе сказали, что по разнарядке не вышел. Какому-то прапорщику вручили. Посчитали его достойнее.

– Не переживай, сынок! – стала утешать мать. – Главная твоя награда – жизнь.

Правда, у отца было другое мнение на этот счет. Он завозмущался военными бюрократами, которые в штабах не могут оценить героев. В душе я был согласен с отцом. С другой стороны, не за награды воевал. Но от звания Героя Советского Союза не отказался бы.

Родители уехали, пообещав писать каждый день...

* * *

Сегодня выписали Сашку Титова. Поехал с ним на железнодорожный вокзал, чтобы проводить. Ему две недели пилить на поезде через всю страну на Дальний Восток. Его призывали в Хабаровске. Здоровенный, в форме десантника, с орденом на груди, он выглядел внушительно. Девчонки выкатывали глаза на него.

Потом настала моя очередь покидать госпиталь. Мне дали путевку в черноморский санаторий «Крутая волна». Я очутился в самом настоящем раю. Море, пляж с лежаками, волейбольная площадка, газоны с яркими южными цветами, пальмы, белые, как лебеди, корпуса под синим солнечным небом.

Меня поселили на первом этаже жилого домика в двухместном номере. Соседом оказался тридцатипятилетний майор Виктор Иванович Глуховский, похожий на тощего афганца. Даже усы у него были как у Тараки, с загнутыми вверх кончиками.

Он не понравился мне. Утром молчит, вечером молчит. Днем процедит два слова и снова молчит. Только слушает радио да читает газеты.

Покупает все, что продают в киоске на территории санатория. Только газеты. Журналов и книг я не видел в его руках. Он словно коллекционировал новости со всего мира.

Еще сосед любил перебирать четки – зеленые шарики, нанизанные на шнурок. Такие я видел у афганских стариков. Сидят на корточках возле глиняной стены своего дома и невозмутимо перебирают кончиками пальцев бусинки, при этом бормочут под нос молитвы.

Когда увидел в руках моего соседа четки, то не выдержал, спросил:

– Вы под них молитвы читаете?

– Мантры. – Видя мое недоумение, добавил: – Это звукосочетание, которое стирает плохое настроение.

– Вот бы мне что-то подобное. После ранения не могу взять себя в руки.

– У тебя деньги есть?

– Родители подкинули на конфеты.

– Купи женские бусы и перебирай под слова «Я люблю тебя, жизнь». Вот увидишь, эти слова смоют черную накипь с твоей души.

Дед говорил: «Слушайся умных!» Мой сосед по всем признакам был умным человеком. Я вышел в город из санатория. В промтоварном магазине купил красивые зеленые бусы из малахита.

Пока возвращался в свою палату, крутил в пальцах камушки, нанизанные на нитку, и проговаривал: «Я люблю...» И наговорил!

* * *

...Через год я снова пошел на медицинскую комиссию. На этот раз уже консилиум хирургов изучал мою культю. Прощупывали холодными пальцами, заставляли ходить в протезе, приседать и даже подпрыгивать, а потом снова ощупывали. Врачи оставили мне инвалидность. Пенсия не мешает молодому парню, но право работать на участке дали, как Алексею Маресьеву – летать...

Скоро и моя личная жизнь неожиданно определилась. Однажды вечером, когда вернулся с работы, в дверь квартиры позвонили. Открывать пошла мать.

Через минуту она вернулась с круглыми глазами и тихо сказала:

– Там молодая женщина с ребенком.

Меня будто ветром сдуло с дивана. Я не успел еще добежать до коридора, но уже знал, кто она. Живая, здоровая и с моим ребеночком на руках. Мама смотрела на нас, ничего не понимая.

– Моя жена Василиса. Теперь она будет Вахрамеева! – выкрикнул я.

– А ребенок? – была мгновенной реакция матери.

– Мы назвали его Дмитрием, по имени... деда.

Мама развела руками:

– И когда только вы успели его сделать?

– Между боями! – пошутил я.

(Огни Кузбасса. 2016. № 2)

Тотыш Юрий Софронович. Прозаик, один из старейших журналистов Кузбасса, член Союза журналистов СССР с 1963 года. Член Союза писателей России с 2017 года. Родился 15 ноября 1936 года в городе Обдорске Омской области в семье шорского писателя-фольклориста Софрона Сергеевича Тотыша. В 1939 году вместе с родителями переехал в Сталинск (район Старокузнецк). В 1960 году окончил Сталинский (Новокузнецкий) педагогический институт по специальности «преподаватель русского языка и литературы». После учебы в Высшей партийной школе при ЦК КПСС (1969–1971) работал в Новокузнецке замредактора и завотделом партийной жизни газеты «Кузнецкий рабочий», затем в Прокопьевске редактором газеты «Шахтерская правда». В 1974–1980 годах – замредактора газеты «Кузбасс», затем зампреда комитета по телевидению и радиовещанию, директор областного радио (1982–1984). С 1984 по 1991 год – ответственный секретарь журнала «Блокнот агитатора»

редакции газеты «Кузбасс». Директор редакционно-издательской фирмы «Весть», редактор газет «Земляки», «Аура». Занимался литературной обработкой, редактированием и публикацией произведений Софрона Тотыша после его смерти («Записки молодого кама», «Шуно-хан», «В верховьях Мрассу»). Как писатель дебютировал с рассказами «На шурфе» и «Буза» о людях труда в журнале «Огни Кузбасса» в 1972 году. Автор книг прозы «Фабрика “Анжерская”. 1954–2004» (2004), «Перкут» (2005), «Видения Троцкого» (2006), «Ялевские. Семья шахтеров» (2008), «Бочаров» (2013), «Бокс чемпиона мира Юрия Арбачакова» (2013, электронное издание). Подготовлена к изданию книга очерков об именитых шорцах «Светлая душа земли Шор» (2016). Автор очерков о художниках Кузбасса в альбоме «Шахтерская палитра» (2006). Один из авторов очерков в первом и третьем томах книги «Директорский корпус Кузбасса» (2009, 2010). Литературный редактор, составитель, издатель книг «Право судить» (2003), «Пласт углекаменный» (2003), «Рубила уголь женщина в забое» (2005), «Благотворящий» (2005), «Кемеровский рудник» (2008), «Шахтерская гвардия: их имена на все времена» (2010) и др. Удостоен золотой медали Кузбасского государственного технического университета за редактирование и издание книги «Шахтостроители Кузнецкого угольного бассейна» (2010). Лауреат журнала «Огни Кузбасса» за лучшее произведение в прозе (2013), литературного конкурса «Энергия творчества» (2013), национальной шорской премии «Шапкай-2019». Награжден медалью «За веру и добро» (2005). Живет в Кемерове.

Александр Михайлович Ярошук

24 октября 1943 г., с. Шишино, Кемеровская обл.

Прозаик, драматург, публицист.

Член Союза писателей России с 2009 года.

АФРИКАНСКИЕ САПОГИ

Рассказ

Такой тяжелой ночи в моей жизни никогда еще не было и наверняка не будет. Как ни старался, но не мог заснуть. Вокруг меня вповалку лежал народ. Стоял непрерывный шум: кто-то заливисто храпел, кто-то бормотал в пьяном сне, кто-то, выходя на улицу по нужде, чертыхался, запинаясь о тела спящих на полу. В доме стоял тяжелый, затхлый запах потных тел и винного перегара.

Только задремал, как среди ночи раздался раздирающий душу крик:

– Зарежу! Вань, дай гранату! Давай скорей гранату! Идем в прорыв!

С этой минуты и до самого утра возгласы сотрясали стены небольшого домика. Голос то плакал по погибшему другу, то снова требовал у кого-то гранату, то звал в атаку.

Едва стало светать, как меня удивил его неожиданный вопрос:

– Мои сапоги! Где мои сапоги?

– Зося, здесь, здесь твои сапоги. Вот они, держи.

Я присмотрелся и узнал свою тетку по материнской линии Наталью Беянину и ее мужа Изосима – Зосю. Он лежал на спине, обхватив руками сапоги.

Наталья ласково гладила голову мужа и успокаивала:

– Все хорошо, Зося, все будет хорошо. Твои сапоги на месте, никуда не делись, спи, родной. Ты дома, у своих.

И он заснул, мирно посапывая, как ребенок.

Утром я с большим вниманием прислушивался к разговору тетки Натальи со своей сестрой – моей матерью:

– Знаешь, сестра, Зося очень добрый и смирный, но ночью – сплошной ужас! А что с него взять? Четыре года войны с немцами, три лагеря для военнопленных, четыре побега из них, только последний удачный, две контузии, несколько операций. И сейчас в его теле около сорока

осколков. Иногда они выходят. Чешет, чешет, глядь – кусочек металла. Уж как война покалечила – и не только его тело, но и душу. Каждую ночь просыпаюсь от его криков. Столько лет прошло, а у него по ночам то атаки, то оборона, то его догоняют собаки. Так по сей день и живет в нем эта проклятушая война. Мне еще повезло. Хоть израненный, но вернулся муж и отец моих детей. Конечно, уже не тот работник, как до войны, но все равно по хозяйству он помощник.

Я знал своих двоюродных сестер и братьев. Две старшие девочки Надя и Зоя, похожие, как близняшки, приезжали к нам на разъезд в каникулы. Все лето они проводили в играх с моими старшими сестрами Катей и Валец, помогали в огороде. Братья приезжали редко. По-моему, были всего один или два раза. Хорошо запомнил мальчишкой старшего Анатолия. Крепкий не по годам, он постоянно клал меня быстренько на спину, когда мы боролись, затем вставал надо мной и, как горилла, стуча кулаками в грудь, торжественно объявлял: «Я двухсердечный, одно сердце справа, другое – слева. Со мной никому не справиться!» Не знаю, кто справлялся с ним или нет, но мне он был не по силам.

Все в детстве кажется, как и весь мир, огромным и значительным, а повзрослеешь – все мельчает. Много лет спустя встретился я у Зои в Барнауле с братом Анатолием. И каково было мое разочарование! Бывший геркулес оказался человеком невысокого роста и совсем не таким, каким казался мне в детстве. Другой брат Миша был весь в мать – тихий, милый, добрый мальчик. Взрослым я уже с ним не встречался.

Мне было интересно узнать, почему на Зосю так успокаивающе подействовали сапоги, ну как снотворное. Днем внимательно осмотрел их. Сапоги как сапоги. Да, очень хорошие, хромовые, голенища гармошкой, начищены, а самое главное, легкие необыкновенно. У Зоси, оказывается, был невероятно малый размер ноги при довольно внушительном росте. Ну скажите, пожалуйста, встречался ли вам мужик при росте метр восемьдесят с тридцать седьмым размером обуви? Хотя старые футбольные болельщики утверждают, что знаменитый футболист Численко обладал еще меньшим размером – тридцать шестым. Но какой силы был его удар!

Если до войны Изосим с обувью никаких забот не испытывал, носил подростковые туфли, то, будучи призван в армию в сорок первом, всерьез столкнулся с этой проблемой. Во всей армии не было такой обуви! Хотя все тыловые склады обойди. И вынужден был Зося носить сапоги на три, четыре размера больше, накрутив несколько портянок. Ходить в такой обуви мука, а если бежать? Одним словом, обувь для Зоси стала вопросом жизни или смерти.

Когда в составе сибирских дивизий его часть прибыла закрыть собой Москву, тогда он и раскрылся как разведчик. Прошел всю войну, служа в роте дивизионной разведки. Был молод, силен, вынослив, терпелив, с удивительно хорошей памятью. Однако у него по-прежнему оставалось слабое место – обувь. Летом и зимой, даже в лютые морозы, уходя в тыл врага, обувал детские ботинки на шерстяные носки, а в сапогах ходил только в своей части.

Жуткое время он пережил, находясь в плену. Трижды пытался бежать, но каждый раз неудачно. Вырвавшись на свободу из лагеря, сразу же понимал, что в этой обуви ему далеко не уйти. Он сбрасывал тяжеленные арестантские башмаки и мчался к линии фронта босиком. Но собаки всякий раз обнаруживали его по следу. Последним четвертым удачным побегом из лагеря на территории Германии Изосим был обязан немецкому крестьянину, у которого выпросил сапоги его сына-подростка.

К слову сказать, Зося уже прилично знал немецкий. Командир роты систематически организовывал для своих разведчиков занятия по изучению немецкого языка. «Разведчик, не знающий языка противника, – это только диверсант», – часто повторял он. Так Зося скинул со своего следа собак, прошел Германию, Польшу, оккупированную Белоруссию и дошел до своих. Весь его путь и описание злоключений заняли бы целый роман.

То, о чем идет речь, произошло в Германии. После ожесточенного штурма одной из высоток немцы с боем отходили к реке, чтобы переправиться на другую сторону. Наши всеми имеющимися силами дави-

ли и давили, не считаясь с потерями, старались сбросить немцев в реку и не дать им возможности воспользоваться плавсредствами. В тылу наступающих образовалась огромная территория, свободная от войск. Ее зачищали разведчики Зосиной роты. Если перед наступлением разведывали доты, огневые точки, то есть систему обороны, то сейчас они прочесывали местность в поисках карт противника, раненых немецких офицеров для получения информации о впереди расположенных оборонительных укреплениях противника. Знали: чем тщательней поработают у себя в тылу, тем легче будет им за линией фронта.

Зося проверял одно из многочисленных немецких огневых укреплений. Оно состояло из разбитых гаубиц и огромного «тигра». Танк находился в одной из вырытых траншей и мог, скрытно передвигаясь, менять огневые позиции. Он был практически целый, не считая сползших с катков гусениц. На нем еще местами сохранилась желтая окраска – камуфляж под цвет пустыни. Это был остаток танковых соединений фельдмаршала Роммеля, переброшенных с севера Африки в 1943 году на Восточный фронт. Последняя надежда гибнущего рейха.

Разведчик обошел все гнезда, облазил блиндажи, заглянул в открытый люк танка, но ничего важного не нашел. Кругом одни трупы и разбитая техника, пахло смрадом и гарью.

«Да, после пехоты здесь делать нечего», – сделал вывод Зося и двинулся дальше, к передовой. Он уже вышел на дорогу, как внимание привлекла небольшая полуразрушенная, но достаточно высокая постройка, доселе скрытая цветущим садом.

«А ведь это идеальное место для корректировщика батареи. Надо и его проверить». И Зося направился к зданию. Уже рядом откуда-то сбоку раздался сухой щелчок пистолетного выстрела, и пуля обожгла висок. Зося мгновенно нырнул под куст. Снова выстрел, и пуля срубила веточку над головой. Зося ужом скользнул за постройку. Он достал из кармана зеркальце и, высунув его из-за угла, стал внимательно осматриваться, стараясь определить место, где скрывался немец.

Медленно шло время. Звуки боя удалялись, иногда совсем стихали, а то вспыхивали с новой силой. Здесь, в саду, уже растекалось дыхание

мирной жизни. Но это ощущение мира и покоя было обманчиво. Рядом притаилась смерть, ожидая свою жертву. И возьмет того, кто допустит малейшую оплошность.

Но Зося был терпелив и ждал своего часа. Прошло минут тридцать, и он замечает у одного куста слабое движение. Немец! Зося резко высунулся, рубанул из автомата по кусту и вновь за угол. Снова наблюдение через зеркало. Немец, поняв, что обнаружен, неожиданно для Зоси кинулся под защиту этого же здания. Зося ударил очередью, но опоздал. Однако успел заметить, что немец маленького роста, в желтых сапогах под цвет «тигра».

«Тоже африканец», – определил Зося. Он, как и все разведчики, был мастером рукопашного боя в зданиях, окопах, блиндажах. В этих условиях Зося был как рыба в воде, и чаша весов должна была склониться в его сторону. Он снял с себя лишнее, скинул безразмерные сапоги, достал пистолет, гранату, нож. Главное сейчас не дать немцу проскочить наверх, в свое гнездо, откуда без гранат его не выкурить. В том, что это корректировщик, Зося не сомневался. Немец рядом, за стеной, Зося кожей ощущает его дыхание. Ему бы туда, за стену, гранату – и все дела, но Зося присмотрел на немце сапоги. Вдруг они его размера? А он их осколками порвет. Себе потом этого не простит. И началась смертельная игра в кошки-мышки.

Вот небольшая уловка Зоси – и нож в груди врага. Заглушив рукой предсмертный вопль фашиста и дождавшись, пока тот затихнет, Зося опустил его на землю. Сел рядом и закурил. Уже прошла нервная дрожь, и он обыденно, как плотник у собранного им сруба, привалившись к стене, рассматривал врага.

Перед ним лежал белокурый юноша с голубыми глазами. Не будь он в обмундировании офицера, сошел бы за школьника-подростка. Ну, точь-в-точь как тот немецкий мальчишка, в чьих сапогах Зося дошел до самой Варшавы. А вдруг это он? Волнуясь, достал из кармана убитого документы. Выпало несколько фотографий. На этих, видать, его лю-

бимые девушки. Ну красавицы, ну милашки. Нет, девочки, вам его уже не дожидаться. Вот он с родителями. Здесь с друзьями на фоне танков в Африке. Изосим открыл удостоверение и прочел: обер-лейтенант Пауль Кронбихлер. Уф, отлегло от сердца! У того другая фамилия – Отто Роот.

«Да, – подумал Зося, – совсем мальчик. Война как асфальтный каток катится по миру, калеча судьбы миллионов людей всех национальностей. Этому пареньку жить бы да жить. Уже мог быть отцом семейства, инженером или даже ученым. А что с тем немецким пареньком, в чьих сапогах я ходил почти год?»

Изосим уже слышал, что фашисты сколачивают части из юнцов для защиты Берлина. Выживет ли Отто в этой кровавой мясорубке? Кто знает. Вот ведь какая эта штука – война. Не убей он этого молодца, не вернулись бы с этого поля еще чьи-то сыновья и отцы. Но не помоги ему тот немец во время побега, не прояви милосердия, то, возможно, и не был бы убит этот корректировщик. А окажись на этом месте Отто, Зосе пришлось бы и его убить. А что делать? Выбора-то нет! Нет выбора!! Но постой, а тот немец, что помог при побеге, ведь сделал выбор... Ой, Зося, доведет тебя «философия» до сумасшествия. Ты солдат и думай, как выполнить задание и выжить.

Он еще посидел, вспомнил своих детей. Их у него трое – две милые дочки и сынишка. Они точно выживут! Народ в Сибири крепкий, живучий. Хоть лебедой да осиновой корой, но прокормятся. И, стряхнув с себя короткое оцепенение, встал.

Докурив, первым делом снял с немца сапоги и примерил. До чего же они ему впору! Какая красота! Выходит, не зря рисковал, игра стоила свеч! Он прошелся, подпрыгнул пару раз и остался довольным. Новые, слегка разношенные, из прекрасной мягкой кожи – это не та обувь, в которой ходят сегодняшние солдаты рейха. Сапоги индивидуального пошива, ручной работы, им сносу нет.

Зося подошел к своим вещам, забрал и вернулся снова к немцу. По-

стоял, раздумывая, и надел на него свои разбитые сапоги: «Мертвому любые сапоги сойдут, а эти, африканские, пусть теперь послужат мне».

Одна мысль не давала покоя Зосе: почему немец оказался в кустах в засаде, на которую он напоролся?

Он поднялся на самый верх и увидел оборудованный пункт корректировщика. У стереотрубы стоял большой стол, на нем лежала карта с нанесенными на ней дотами, окопами, русскими и немецкими, циркули, линейки, транспортир, остро заточенные карандаши. На столике поменьше попискивала рация. Рядом шифроблокноты, коды. Вот это была удача! Был еще один, обеденный столик, на котором громоздились продукты, термос, фляжка с коньяком. Под столом полный вещмешок продуктов. Невдалеке топчан.

«Во фашист как устроился, а?! – подивился Зося. – И как же наша пехота мимо проскочила?»

Он подошел к стереотрубе, повернутой в сторону продолжающегося боя, посмотрел в нее. С этого наблюдательного пункта картина боя у реки была как на ладони. Вот по ложине, сбегаящей к реке, движется наша техника, со стороны немцев она не просматривается, а с этого здания видно. Бей точно в цель: все пристреляно и везде отмечены ориентиры. Он развернул трубу в противоположную сторону, откуда шло наступление. Вся территория перед батареей покрыта побитой нашей техникой и телами наших солдат. Зося оторвался от трубы и посмотрел вниз, где в кустах его поджидал немец. Там стоял замаскированный сортир.

Делать здесь больше нечего. Зося взял мешок с продуктами, прихватил фляжку, уложил в подобранный планшет карты, шифроблокноты и спустился вниз.

«Все остальное вывезем на машине», – решил он.

С тех пор эти трофейные сапоги стали для него, можно сказать, амулетом. Один недостаток был у сапог – цвет. И что он только ни делал – мазал и дегтем, и отработанным машинным маслом, и мазутом – все напрасно, правда, они со временем стали грязно-желтыми. И в очередной раз его выручили немецкие сапоги.

Их разведгруппа не смогла пробиться вовремя к своим и залегла в окопах противника бок о бок с немцами. И тут началась артподготовка, а затем наступление наших по всему фронту. Проходившие следом за передовыми частями тыловики наткнулись на знакомые сапоги, торчавшие из земли.

– Никак Зося из разведроты?

– Точно, его сапоги.

– Жаль, хороший был разведчик.

– Я задержусь, сапоги сниму, мертвому они не нужны.

– Так размер-то у него какой, знаешь? Разве они налезут на твои лапы?

– Э, я из них хорошие кисеты для махры всем нашью, – деловито пробасил солдат и сдернул сапог с засыпанного землей Зоси.

– Смотри, братцы, живой! Пальцы на ноге шевелятся!

Солдаты вмиг откопали едва живого Зосю и передали санитарам. Весь израненный осколками, Изосим только на пятые сутки пришел в себя.

– Где мои сапоги? – были его первые слова.

– Здесь, здесь, они вам жизнь спасли, – ответила санитарка.

После войны его забрали в фильтрационный лагерь, где содержали для проверки всех, кто побывал в немецком плену. Вскоре был отпущен, так как представлял собой живое решето. Горько переживал он не то, что держали в лагере и лишили всех наград, а то, что лагерная охрана отняла у него сапоги.

...Умер он ночью от сердечного приступа в возрасте сорока пяти лет в своей постели рядом с женой во время «побега», спасаясь во сне от настигающих его немецких овчарок.

(«Эх, жизнь наша...», 2005)

И Я ТАМ БЫЛ

Очерк

В октябре 2005 года уже в двадцатый раз состоялись Федоровские чтения на родине поэта в Марьевке. Для меня это была первая поездка в составе кемеровских литераторов. Набралось два автобуса. О некоторых моментах, особенно запомнившихся мне, хочется поделиться с читателем.

Известный кузбасский поэт Валентин Махалов как напутствие рассказывал о Василии Дмитриевиче:

– Скромность Федорова известна. Долго мы уговаривали его на публичное выступление в Марьевке. Он все не сдавался: в деревеньке не до стихов. Наконец согласился. Полный Дом культуры. Ступить негде среди кирзачей. Начали читать. И в самый кульминационный момент гаснет свет. Что делать? Все в замешательстве. Причину устранить не могут. Срывается мероприятие? Отнюдь! Федоров обращается к друзьям: читаем на память! И встреча продолжилась. Успех был оглушительный. Каждое стихотворение звучало значимо и магически завораживало слушателей. Да и у поэтов наблюдался невероятный подъем.

Рассказывает поэт Семен Печеник:

– На одном из семинаров ведущий поэт Владимир Измайлов, обращаясь к Федорову, всякий раз называет его Василий Федорович. Из президиума кто-то настойчиво поправляет: Дмитриевич. Тот за свое. Настороженное недоумение. Снимая неловкость, Федоров громко в зал: «У поэтов нет отчества – у них отчество!» В зале раздаются аплодисменты. В перерыве к мэтру подходит молодая девушка. (Здесь Семен Аркадьевич произносит разные эпитеты, стараясь показать, насколько она красива и очаровательна.) Федоров спрашивает: «Вы за автографом?» Девушка, смущаясь и краснея: «Да». Василий Дмитриевич сокрушенно вздыхает: «Вот так всегда, а кто же придет за моим сердцем?»

На сцене в большом зале ДК появляются известные кузбасские поэты Леонид Гержидович, Тамара Рубцова, Сергей Донбай, выстроившись строго по ранжиру. По всему видно – волнуются, словно среди зрителей присутствует сам Василий Федоров в роли экзаменатора.

Начинает Леонид Гержидович. На первой фразе он спотыкается и замолкает. Прокашлявшись и извинившись, приступает снова. И вновь осечка! Он, Гержидович, ходивший на медведя, декламировавший свои стихи десятки раз на радио, телевидении, растерялся, как мальчишка. Напрочь отшибло память! Он отходит от микрофона, минута выжидания, успокаивается и снова принимается за дело.

– Наверно, микрофон стоит не на том месте, – громко объясняет, обращая конфуз в шутку.

Переставляет, начинает читать... и опять неудача! На той же самой фразе. В зале напряженная тишина. Гержидович ретируется вглубь сцены, освобождая место у микрофона.

Тамара Рубцова откровенно говорит об охватившем ее волнении. Для разминки рассказывает, как она с детишками посетила дом-музей Федорова. Находясь у окна кабинета, где работал поэт, и созерцая вид с горы на озеро и старицу, она испытала необъяснимое чувство душевного подъема и восторга, в котором растворилось и время, и пространство. В итоге появилось хорошее стихотворение... и оказалась запертой сторожем!

Начинает читать. Первая фраза и... сбой. Что же такое?

Она без обиняков объясняет:

– Волнуюсь очень. Слово здесь в зале присутствует дух самого поэта.

Опять читать. В этот раз прошло все гладко.

Дрогнул даже всегда невозмутимый Сергей Донбай, который шел следом. Этот сразу заявил:

– Видите, как сложно. Тоже волнуюсь. Буду читать только короткие и простенькие стихи.

Прочел красиво и чисто и был награжден заслуженными аплодисментами.

А что же Гержидович? В очередной раз он у микрофона.

– Видно, те стихи были ему неуютны. Прочту другие.

На этот раз прошло как надо, и зал проводил поэта громкими, продолжительными аплодисментами.

Но что интересно: дети и молодые поэты, не знавшие Федорова при жизни, читали легко и непринужденно.

В перерыве Донбай подходит к Гержидовичу – и с нескрываемой завистью:

– Леня, скажи честно, ты специально разыграл эту сценку?

– Да ты что, Лаврентьич, меня до сих пор трясет – прям мистика какая-то.

Я, успокаивая Гержидовича, говорю:

– Самое интересное случается, когда люди попадают в нестандартные ситуации, как ты, и находят достойный выход. Это запоминается на всю жизнь. Вот проходила в мае презентация праздничного номера журнала «Огни Кузбасса», посвященного Дню Победы, в библиотеке имени Федорова. Обрати внимание: снова все связано с именем Федорова. Перед выступлением между прозаиком Владимиром Мазаевым и поэтами Сергеем Донбаем и Иосифом Кураловым разгорелся шуточный спор: что в литературе важнее – проза или стихи? Мазаев вежливо временно уступает под натиском напористого Донбая и неистового Куралова. Стали выступать. Очередь за Кураловым. Он начинает читать стихи, и на первой же фразе – стоп, заело. Наглухо. Он пускается в пространные объяснения. Вот тут-то всегда тактичный Мазаев тихо-тихо так, но, когда говоришь тихо, все с обостренным вниманием всё слышат, в зал роняет фразу: «А вот теперь переходим на прозу».

Гержидович смеется от всей души.

Я отхожу, и тут ко мне подлетает вездесущий и все примечающий, бывший «следак», писатель Сергей Павлов:

- Слушай, Саш, что ты сказал Гержидовичу, что он так хохотал?
Я повторил.
– Напиши об этом как очевидец, будет интересно.
...Я выполнил его просьбу, а интересно или нет – судить читателю.

(«Смешно и не очень», 2006)

Ярошук Александр Михайлович. Прозаик, драматург, публицист. Член Союза писателей России с 2009 года. Родился 24 октября 1943 года в селе Шишино Топкинского района Кемеровской области. Химик по образованию: окончил Кемеровский химический техникум в 1967 году, Кузбасский политехнический институт – в 1973-м. Долгое время работал на крупнейшем химическом предприятии КПО «Азот» мастером смены, начальником цеха. В его багаже более 60 внедренных рационализаторских предложений и изобретений. Лауреат премий ВОИР СССР. В 1989 году Александр Ярошук был избран председателем обкома профсоюза рабочих химической и нефтехимической промышленности. В 1996 году награжден знаком «Отличник химической промышленности России». С 2004 года является постоянным автором журнала «Огни Кузбасса», публиковался в журнале «Бийский вестник». Автор книг рассказов и повестей «Эх, жизнь наша...» (2005), «Смешно и не очень» (2006), «Дневник с того света» (2006), «Панов, я и другие» (2010), «Русский крест» (2011, совместно с Л. И. Суворовой), «Джокер вступает в игру и...» (2013), а также книг «Великие тайны пирамиды Хеопса. Заблуждения и реальность» (2014), «Палач на службе у мумии» (2017), «Инженерный диалог с архитекторами пирамид» (2018). Автор пьесы «Психи» (2006). Лауреат литературной премии «Энергия творчества». Живет в Кемерове.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии	3
Часть I	
Михаил Петрович Анохин.....	8
Не сочиняется правда	9
Мой друг Генка Лютиков	12
Город гремящих трамваев (В. Попок)	37
Биография Михаила Анохина (А. Акимбетова)	41
Книги Михаила Анохина.....	42
Любовь Никитовна Арбачакова	44
Алтын Куш.....	45
Какпырын-старик.....	47
Охотник Мерген.....	49
Небесная дева Кюмюш Кас	51
Чельбеген и Машморук	53
Девочка и Чельбеген.....	55
Молодой охотник Анчы.....	57
Душа родной земли (В. Ингольд)	59
Автобиография Любви Арбачаковой.....	64
Книги Любви Арбачаковой.....	67
Татьяна Ильдимирова (Татьяна Никоноровна Гаврилова)	68
Я здесь!	69
Замри!	81
Сто сорок ударов в минуту	91
О кратких мгновениях счастья Татьяны Ильдимировой (Е. Тюшина)	108
Автобиография Татьяны Ильдимировой.....	112
Книги Татьяны Ильдимировой	113
Андрей Александрович Королев	114
Апокалипсо	115
Отец подаст мне знак	121
Заккрытие сезона.....	127
В ожидании двусмысленной радуги (Ю. Юдин)	140
Слово – мое дело (автобиография).....	144
Книги Андрея Королева.....	147
Вера Лаврина (Вера Леонидовна Правда)	148
Кто наибеднейший?	149
Баранка, Бублик и Калач	153
Птичница Малуша.....	154

Иголочка и Ниточка	164
Хвастливая Курочка.....	165
Как Прокопию жену выбирали	167
Мельница и Ветер.....	171
Комочки земли.....	172
Вера Лаврина: литературный портрет (Н. Налегач)	175
Автобиография Веры Лавриной	183
Книги Веры Лавриной	185
Юлия Александровна Лавряшина	186
Коробочка	187
Молчаливый ангел	196
Взгляд со дна	204
Социально-философский писатель Ю. Лавряшина (И. Ащеулова)	209
Девочка с радуги (автобиография)	212
Книги Юлии Лавряшиной	215
Сергей Елизарович Подгорнов	218
Дом	219
Забег неудачников	230
Все нужное – в единственном числе... (С. Старовойтова)	241
Автобиография Сергея Подгорнова	246
Книги Сергея Подгорнова	249
Дмитрий Николаевич Хоботнев.....	250
Захолустье.....	251
Восхождение.....	259
Разгадывая тайну человека (Л. Никонова)	267
«Полые люди» Дмитрия Хоботнева (М. Анохин)	271
Биография Дмитрия Хоботнева (Т. Киреева)	273
Книги Дмитрия Хоботнева	277
Людмила Михайловна Яковлева	278
Богородица, Иисусик и другие.....	279
Слово об однофамилице (В. Яковлева).....	314
«И чувства добрые я прозой пробуждала» (В. Плющев)	320
Автобиография Людмилы Яковлевой	324
Книги Людмилы Яковлевой	327

Часть II

Сергей Сергеевич Адодин.....	330
Молебен	331
Пять месяцев жизни	336

Кому Церковь не мать, тому и Бог не Отец.....	339
Биографическая справка Сергея Адодина	349
Виктор Степанович Арнаутов	352
Приоткрылись родимые дали.....	353
Биографическая справка Виктора Арнаутова.....	369
Николай Алексеевич Башев	372
Рыжик	373
Биографическая справка Николая Башева	394
Александр Николаевич Брюховецкий	396
Летающий мужик	397
Крылья.....	400
Биографическая справка Александра Брюховецкого	403
Виктор Федорович Коняев	404
За Родину умереть не страшно.....	405
Биографическая справка Виктора Коняева.....	420
Геннадий Васильевич Косточаков.....	422
Печаль кандыка	423
Кукушка и соловей.....	424
Ветер	425
Бог и художник.....	426
Исповедь золотого корня.....	428
Биографическая справка Геннадия Косточакова	430
Михаил Александрович Кривошеин	432
Иванов сад.....	433
Биографическая справка Михаила Кривошеина	444
Владимир Максимович Неунывахин	446
Матица – опора дома.....	447
Биографическая справка Владимира Неунывахина.....	458
Николай Николаевич Ничик.....	460
Вкус черемши, или Серега Золотой Нос	461
Биографическая справка Николая Ничика.....	473
Юрий Софронович Тотыш	476
Светлая роса на черной броне.....	477
Биографическая справка Юрия Тотыша	518
Александр Михайлович Ярошук.....	520
Африканские сапоги.....	521
И я там был.....	529
Биографическая справка Александра Ярошука.....	532

Литературно-художественное издание

КЛАССИКА ЗЕМЛИ КУЗНЕЦКОЙ
СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КУЗБАССА

ТОМ III
Книга вторая

Верстка: М. А. Худякова

Корректурa: М. Н. Долгов

ISBN 978-5-6049073-9-9

Подписано в печать 24.11.2023. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 37,1. Тираж 500 экз. Заказ № ____.

Отпечатано в ООО «ИНТ».
650991, г. Кемерово, ул. Карболитовская, 1/6, 1-й эт.,
тел. 8 (3842) 65-78-89.